

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МАРДЖАНИ

VITALEUS

*Сборник статей,
посвященный 70-летию
В.И. Шеремета*

Москва
2010

ББК 63.3(5Ту) + 66.4(2)5

В54

Составители: *В.В. Беляков, Н.К. Чарыева*

Ответственные редакторы: *В.В. Беляков, В.В. Наумкин*

Оформление обложки Ельцевой А.В. по мотивам рисунка
С.И. Потабенко (журнал «Восточный архив» 2[20] за 2009 г.)

В54 **VITALEUS**. Сборник статей, посвященный 70-летию В.И. Шеремета. — М.: Институт востоковедения РАН: Издательский дом Марджани, 2010. — 368 с.

ISBN 978-5-89282-427-9 (Институт востоковедения РАН)

ISBN 978-5-903715-37-4 (Издательский дом Марджани)

В сборник, посвященный 70-летию известного российского историка-востоковеда В.И. Шеремета, вошли статьи его коллег и учеников. Рассказывается о научном пути В.И. Шеремета, рассматривается широкий спектр проблем истории стран Юго-Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии и отношений России с этими странами.

ББК 63.3(5Ту) + 66.4(2)5

ISBN 978-5-89282-427-9
(Институт востоковедения РАН)
ISBN 978-5-903715-37-4
(Издательский дом Марджани)

© Авторы, 2010
© Институт востоковедения РАН, 2010
© Издательский дом Марджани, 2010

ЗОВ ПРЕДКОВ

*К 70-летию доктора исторических наук, академика РАН,
профессора В.И. Шеремета, главного научного сотрудника
Института востоковедения РАН*

Виталий Иванович Шеремет родился в Ленинграде в 1940 г., в день Сталинской конституции — 5 декабря. В его семье отца-юриста и матери-врача, участников Великой Отечественной войны на фронте и в тыловых госпиталях, традиционные для русской интеллигенции интерес и уважение к культуре стран Востока имели семейные генетические корни. Предки по отцовской линии в XVIII в. были выходцами из турецких земель, а предки с материнской стороны гордились принадлежностью к роду Самборских. Один из них, Андрей Афанасьевич Самборский, был духовником Александра I и видным русским просветителем, женатым, кстати, на англичанке. Уже в начале XX в. другой Самборский, Афанасий Никитич, входил в руководство КВЖД.

Межэтническое и межконфессиональное взаимопонимание, воспитанное, в частности, в среде немецких переселенцев из Поволжья и еврейских беженцев в 1941–1945 гг., обогатили общую культуру любознательного и живого мальчика, детство которого проходило в годы войны и послевоенного восстановления Ленинграда.

В 1963 г. В.И. Шеремет закончил с отличием Восточный факультет Ленинградского государственного университета по кафедре истории стран Ближнего Востока. В студенческие годы и возник его интерес к русско-турецким отношениям. Видно, это был своего рода зов предков. По окончании университета В.И. Шеремет вел научно-преподавательскую работу. Сначала на Восточном и Историческом факультетах родного университета, а затем продолжил ее в Педагогическом институте (университете) им. А.И. Герцена, в других гражданских и военных вузах Ленинграда и Новгорода Великого, а с 1989 г. — Москвы.

Научные интересы юбиляра неизменно связаны с историей русско-турецких отношений в XV — начале XX в., с социокультурной, экономической и политической историей Османской империи, военной историей России и сопредельных им стран в Новое время. Одновременно он много

лет ведет кропотливые исследования по экономической политике Российской и Османской империй на Балканах и в Западной Европе. Свои научные изыскания В.И. Шеремет реализовал в публикациях и лекционных курсах, и это сочетание академической науки и преподавания истории Востока, подготовка новых поколений учителей и научных работников было и остается отличительной чертой его творческой личности.

Ученую степень кандидата исторических наук В.И. Шеремет получил еще в 1968 г. за работу, посвященную Адрианопольскому миру 1829 г. В 1975 г. на основе диссертации, существенно расширенной за счет источников на старотурецком языке, была опубликована его первая монография¹. В ней была применена методика, ставшая характерной для всех последующих трудов В.И. Шеремета: тщательное сопоставление и анализ сочинений турецкой (османской) историографии с русскими, чаще всего впервые привлеченными, и западноевропейскими документами из архивов, а также всесторонний анализ источников на ряде европейских языков.

По оценке зарубежных коллег, в конце 1960-х — начале 1970-х гг. В.И. Шеремет стал первым в России и за ее пределами исследователем, сформулировавшим общие тенденции и динамику русско-турецких экономических связей конца XVIII — XIX в. Он одним из первых тогда же начал изучение того, как складывались менталитеты двух соседних народов, формировались их взаимные представления друг о друге. Эти исследования вошли в его лекционные курсы для студентов и курсантов. Напомним, что в те годы изучались только русско-турецкие войны. Позднее, уже в 1990–1991 гг., в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова В.И. Шеремет впервые прочел курс истории международных отношений в Юго-Восточной Европе и на Балканах, обнажив корни геополитической катастрофы, которая обрушилась на Югославию, прокатилась по Восточному Средиземноморью и Кавказу. В середине 1990-х — начале 2000-х гг. эти исследования и обобщения легли в основу имагологического цикла работ профессора В.И. Шеремета по истории русско-турецких, балкано-турецких, российско-вайнахских отношений. Серия статей под общим девизом «Образ соседа» (около 12 печ. л.) была опубликована в 1993–2002 гг. Часть из них вошла в документальную публикацию издательства РОСПЭН «Мятежный этнос и имперская власть» (М., 2009).

Примечательно, что эти, казалось бы, сугубо академические исследования привлекли внимание СМИ. Последовала серия передач «Россия и Северный Кавказ» на Радио «Свобода», затем передачи о влиянии Вос-

---

¹ Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса. М.: Наука, 1975.

тока на Россию на радиостанции «Говорит Москва», выступления на радио и телевидении Турецкой Республики, в прессе и на телевидении Ирана. С 2006 г. на «Народном радио» (Москва) каждую среду в прямом эфире В.И. Шеремет ведет авторскую программу «Россия и Восток».

Многочисленные публикации В.И. Шеремета на страницах «Родины», «Военно-исторического журнала», «Науки и религии», журналов РАН и РАЕН по проблемам культурно-исторического межцивилизационного обмена христианского мира и мира ислама в VIII–XX вв., об исламе в России и Западной Европе и т.п. снискали ему высокий авторитет в профессиональном востоковедном сообществе России, Турции, Ирана, Египта, Греции, а также в руководстве конфессиональных сообществ (ислам, православие) нашей страны.

И все же «чистая», академическая наука занимает ведущее место в творчестве юбиляра. Концепция глубокой взаимосвязи и взаимозависимости южно-российских и османских земель (особенно Европейской Турции и восточно-черноморского побережья Турции) вошла позже в серию статей автора по истории торговли и развивалась им в дальнейшем в коллективных и индивидуальных работах². Оригинальными, первопроходческими стали его дальнейшие разработки по соотношению военно-политических и экономических интересов России, Турции, западных держав в зоне Черноморских проливов и в Восточном Средиземноморье в эпоху промышленного капитализма. Этим проблемам была посвящена его докторская диссертация (1986 г.) и предшествовавшая ей монография «Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в.» (М., 1986).

На основе турецких, европейских и русских документов В.И. Шеремет сумел по-новому показать специфику принятия решений в османском центре власти, раскрыл многие стороны османского общества в переломный момент перехода Турции к эпохе Танзимата и утраты ряда подвластных Высокой Порте европейских территорий, продемонстрировал особую иницилирующую роль балканских территорий в османском реформаторстве. Проблемы «реформа — революция», «османский центр власти — балканская, наиболее продвинутая в экономике периферия Османской империи», выдвинутые и обоснованные им, на ряд лет опередили всех зарубежных коллег, утверждали передовые рубежи российской османистики. Большая часть этих положений вошла в многотомную

---

² См.: Мейер М.С., Иванов С.М., Шеремет В.И., Киреев Н.Г. Внешнеэкономические связи Османской империи XVIII — начала XX в. М.: Наука, 1989; Война и бизнес. Власть, деньги и оружие в Европе и на Ближнем Востоке. XVIII–XIX вв. М.: Изд-во «Технологическая Школа Бизнеса — TBS», 1996; Ислам, Балкан и Великие силы (XIV–XX век). Београд, 1997; Сусет или сукоб цивилизација на Балкану. Београд, 1998. Osmanlı reformları ve Avrasya dialoğu // Dialog Avrasya. №5, 2001 (на турецк. яз.) и другие публикации 2002–2008 гг. (Москва, Санкт-Петербург, Стамбул, Анкара).

коллективную монографию Института славяноведения и балканистики РАН (ныне Институт славяноведения РАН) «Международные отношения на Балканах», охватывающую период с середины XVIII в. до конца Первой мировой войны (М., 1981–2003).

Примерно за четверть века напряженной работы, сочетая академические востоковедные штудии, весьма далекую от науки административную работу и то, что принято называть «полевыми исследованиями в горячих точках», к середине 1990-х гг. В.И. Шеремет разработал и ввел в научный оборот необычные для традиционного востоковедения, каким он, казалось бы, занимался, представления. Это были графическая интерпретация и обобщенная математическая модель дихотомии «война — мир» в условиях социально-экономических и военно-политических кризисов, которая применима для изучения как доиндустриальных, так и постиндустриальных обществ. Идеи были апробированы в монографиях, статьях и докладах 1986–2009 гг.

По существу, была представлена достаточно полная картина, чтобы получить объемность изображения «зависимого типа развития» восточного социума в процессе вовлечения его в военные, политические и экономические подсистемы мирового разделения труда. Эта концепция получила поддержку научной общественности на международных конгрессах по изучению Юго-Восточной Европы. Проблемы рассматривались на многочисленных примерах Османской Турции, ее балканских территорий, постепенно выходящих из-под власти Высокой Порты. Результаты получили высокую оценку российских, а также зарубежных исследователей аналогичных проблем³.

В.И. Шеремет впервые разработал представление о взаимосвязи военных и социокультурных вопросов в Новое время, дал аргументированную оценку соотношения внутренних (социально-экономических) и внешних экономических аспектов Восточного вопроса, геополитических и военных факторов в период перехода бывших османских владений на Балканском полуострове от феодализма к капитализму.

Серьезным вкладом В.И. Шеремета в историческую науку стала разработка в 1970-х — начале 1990-х гг. проблемы балканской контактной социально-политической и экономической зоны в дихотомии «Восток — Запад». Сформулировано и введено в понятийный аппарат обоснование специфической османской цивилизации, ее становления и развития (работы 1998–2006 гг.).

Юбиляр предложил также оригинальную концепцию Восточного вопроса с учетом истории постепенного включения Османской импе-

³ Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа. М.: Наука, 1986; Коллективные труды: Реформы и революции на Балканах. М.: Наука, 1994; Александр I, Наполеон и Балканы. М.: Наука, 1997; Век Екатерины II. Дела балканские. М.: Наука, 2000 и др.

рии и ее регионов в мировое разделение труда. Концепция была впервые доложена на II Всесоюзной конференции Ассоциации востоковедения (1991 г.), затем на других национальных и международных конференциях востоковедов и вошла в научный оборот (см. статью «Восточный вопрос» в энциклопедии «Отечественная история», т. I, М., 1994)⁴.

Вскоре после создания Российской академии естественных наук В.И. Шеремет по конкурсу стал ее членом-корреспондентом по Отделению военной истории (1992 г.). В 1996 г. он был избран действительным членом РАЕН и академиком-секретарем (руководителем) созданной им Секции (ныне — Отделения) социокультурных и цивилизационных проблем и региональных конфликтов. Признанием общественной значимости его работ явилось избрание академиком Международной академии информатизации, Международной академии наук о природе и обществе, ряда других научных сообществ.

В.И. Шеремет продолжает уделять немало внимания и общим проблемам истории Нового и Новейшего времени в их интеграционном смысле. Со времени создания (1990 г.) он ряд лет был членом правления Ассоциации европейских исследований (Совет Европы — Институт Европы РАН). За сравнительно недолгий период работы ведущим научным сотрудником Института военной истории МО РФ (1993–1997 гг.) он принял самое плодотворное участие в разработке проблем восточных войн и шире — всей восточной политики Руси — России в VIII–XIX вв. Частично опубликованные, эти исследования вошли в такие фундаментальные коллективные труды, как «Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней» (т. 1–3, М., 1994); «Военная история Государства Российского» в 30 томах — т. 1 «Скажите всем, что Русь *всегда* жива...» (М., 2004) и др.

С начала 1990-х гг., после перехода по предложению Отделения истории РАН на работу ведущим научным сотрудником в Институт славяноведения РАН, а с 1998 г. — главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, в исследованиях В.И. Шеремета возобладали новые аспекты. Это прежде всего стремление обобщить международное влияние мировых экономических циклов на Османскую империю. Во-вторых, оценить цивилизационное значение османского «мира-экономики». В-третьих, в контактах с востоковедами, военными историками и архивистами Москвы в полной мере стало развиваться как направление в творчестве создание серии политических портретов «строителей государств»

---

⁴ Там же, в энциклопедии, были опубликованы основанные на новых документах базовые статьи, касающиеся Балкан и Турции в Новое время как «контактной зоны Запад — Восток». См. также: комментарии В.И. Шеремета к публикации документов, осуществленной МИД РФ: «Внешняя политика России XIX — начала XX века. Документы и материалы», т. XVI. М., 1994.

в странах Востока (Чингисхан, Тамерлан, Александр Невский, Иван III Великий и Зоя (Софья) Палеолог, Бабур, Акбар, Сулейман Кануни, Ата-тюрк, Чан Кайши и др.). Они были опубликованы в 1994–2006 гг. в журнале «Наука и религия» и в энциклопедических изданиях «Всеобщая история», «Великие правители», «Великие полководцы» (М.: изд-во АВАНТА+, 2005–2006), а также в изданной правительством Москвы книге «Духовные светочи Москвы: храмы, люди, судьбы» (М.: изд-во «Белый город», б/г).

Оригинальные методики раскрытия роли исторических личностей в развитии социокультурной среды, предложенные В.И. Шереметом, привлекли внимание современных российских политиков. Итогом стало его участие в «Библиотеке Единой России» (М., 2006), в книге «В.В. Путин: не время подводить итоги» (М., 2008) и опубликование ряда статей общественного звучания о роли востоковедов в инновационной политике РФ (2008–2009 гг.).

В обстановке активного творческого поиска, характерного для востоковедов ИВ РАН и ученых-междисциплинарников, работающих под эгидой РАЕН, В.И. Шеремет получил стимул и возможность приступить к полномасштабным исследованиям в новой для российской науки области — исторической конфликтологии. И шире — к глобальным проблемам взаимосвязи цивилизационных и ноосферных (по В.И. Вернадскому) процессов. Принципы исторической конфликтологии на основе истории Османской империи были впервые изложены В.И. Шереметом на российско-американском семинаре в 1992 г. (см.: «Проблемы региональной и глобальной безопасности в конце XIX — начале XXI в. Вооруженные силы и высшее военное образование». М.: АВИАР, 1993).

Как результат этих исследований опубликована книга (первая в России, посвященная этим проблемам, достаточно редко, впрочем, анализируемым и в других странах) — «Империя в огне. Войны и реформы на Балканах и Ближнем Востоке» (М.: АВИАР, 1994). В этой книге, изданной, к сожалению, минимальным тиражом, автор использовал не только методы исторической конфликтологии, но также и оригинальную социокультурную методику исследования исторического процесса, показал перспективность приложения методов нелинейной причинности к исследованию естественно-социальных процессов.

Применение нестандартных методов в изучении глубоких социальных проблем было характерно для старой петербургской школы востоковедения. В этом смысле В.И. Шеремет продолжает традиции своих учителей на Восточном факультете Ленгосуниверситета — выдающихся востоковедов, специалистов по ментальной истории и культуре Востока: В.В. Струве, И.А. Орбели, Б.Б. Пиотровского, А.Н. Кононова, В.С. Гарбузовой, И.П. Петрушевского. В его лекционной манере, в общении с аспирантами и докторантами неизменно отмечаются та требовательная теплота

общения и то стремление подставить свое плечо талантливому ученику, которые отличали «великих стариков» — востоковедов Петербургской школы ориентализма. Под его руководством защищено 11 кандидатских и 3 докторские диссертации. Количество выступлений в качестве официального оппонента по кандидатским и докторским диссертациям, внешних отзывов учету не поддается...

Последнее десятилетие стало для В.И. Шеремета особенно плодотворным. Продолжается его активная работа (личная и в руководимом им Секторе документальных публикаций ИВ РАН) по поиску в российских архивах документов по истории Османской империи и русско-турецких отношений и подготовке их к изданию. С 1998 г. В.И. Шеремет возглавляет журнал «Восточный архив» (издание ИВ РАН и Общества востоковедов РАН), вносит большой личный вклад как автор и руководитель научного и издательского коллектива в развитие архивного востоковедения в России, в поиск и открытие жемчужин архивных глубин нашей страны.

Вторым изданием вышла давно ставшая библиографической редкостью монография «Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки» (М., 2007). На журнальных и книжных страницах обрел вторую жизнь незаслуженно забытый военный разведчик и публицист, один из организаторов Морского Генерального штаба России А.Н. Щеглов (1875–1953). Массу интересного узнали читатели «Военно-исторического журнала», «Воинского братства», «Родины», изданий Центра общественных связей ФСБ об особой склонности к политической разведке княгини Е.Р. Дашковой и ее патронессы Екатерины II, о разведывательной деятельности М.И. Кутузова — выдающегося организатора спецопераций на Ближнем Востоке...

Серия удачных, построенных на архивах работ о героическом облике представителей российских спецслужб на Востоке в XVIII — начале XX в. и применение принципов исторической конфликтологии к объяснению современных кризисов были оценены и в военных кругах. В 2000–2001 гг. В.И. Шеремет успешно трудился (параллельно с работой над архивным востоковедением в ИВ РАН) в качестве руководителя экспертно-аналитической группы при Генеральном штабе ВС РФ. Труды не публиковались.

И все же венцом работы В.И. Шеремета в истекшем десятилетии явилась подготовленная по его программе международная конференция (2006 г.), посвященная 150-летию выхода России из Крымской войны 1853–1856 гг. Его эссе в 2-х частях «Непобежденные» (М., 2006) послужило основой для серьезных подвижек во взглядах ученых и общественности на якобы полностью проигранную Российской империей войну с западными державами и их восточными союзниками.

Следующая международная конференция (2008 г.), также инициированная и в научном плане подготовленная В.И. Шереметом, «Архивное востоковедение» закрепила его приоритет в разработке базовых принципов этого научного направления. Серия статей в специальных и общенаучных изданиях (2004–2009 гг.), четыре кандидатских и две докторских диссертации, в которых использовались наработки В.И. Шеремета по архивному востоковедению, содействуют укреплению научного интереса к этой отрасли ориенталистики.

Естественным развитием углубленной работы В.И. Шеремета над методиками архивных исследований и его активной общественной позиции явились два новых направления в его работе. В 2009 г. он был приглашен в состав Экспертной группы специалистов высшей квалификации Главной редакционной комиссии по подготовке 12-томной «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 2009 г. под его редакцией как знатока архивной работы с документами и при его углубленном, детальном и обстоятельном рецензировании вышли энциклопедические издания «Книга памяти. Герои Социалистического Труда Ленинграда и области» в 2-х томах (СПб., 2009) и «Герои Родины в названиях улиц Москвы» (М., 2009).

Продолжается и другая, весьма важная грань деятельности В.И. Шеремета — учебная работа. Ей отдано более сорока лет. Число разработанных и прочитанных курсов вряд ли можно сейчас перечислить. Он имеет ученые звания профессора по кафедре политической истории (1988 г.) и профессора военной истории (1995 г.), почетного профессора Московской юридической академии МВД РФ (1998 г.). В.И. Шеремет активно участвовал в становлении нового для России типа — негосударственного высшего учебного заведения. Был первым проректором по науке и одним из создателей ныне хорошо известного Московского гуманитарного института им. княгини Е.Р. Дашковой (1992–1997). С 1997 г. он сосредоточился на профессорской работе в Московском государственном гуманитарном университете им. М.А. Шолохова по кафедре всеобщей истории и теологии, где ведет курсы новой и новейшей истории Востока и геополитики, публикует научно-педагогические пособия.

В конце 1990-х гг. совместно с преподавателями Вологодского педуниверситета и учебно-издательского центра «Истоки» (Москва) В.И. Шеремет создал на основе социокультурного подхода к образованию комплекты учебников и учебных пособий по программе «Истоки». Подготовлен ряд пособий для учителей и школьников младших классов. При этом в учебных пособиях «Древний мир» и «Родная история» был использован богатый преподавательский опыт В.И. Шеремета и новейшие социокультурные методики. Совместная с Л.В. Зелениной программа для сред-

ней школы «История мировых цивилизаций» продолжает использоваться в школах России.

Романтик архивных изысканий и мастер пера, В.И. Шеремет к своему 70-летию подарил читателям, совместно с супругой и многолетним соавтором Л.В. Зелениной, первый на русском языке историко-документальный по жанру и гаремно-приключенческий по захватывающему сюжету трехтомный роман, который вышел уже несколькими изданиями под названиями «Прекраснейшая» (журнальный вариант), «Императрица в парандже», «Тень за троном» (М., 2002, 2006–2009). Здесь, в свободном полете таланта, знатоки Востока показывают эпоху реформаторства Селима III в Турции, раскрывают судьбы русских разведчиков «времен Очаковских и покоренья Крыма», быт и нравы благонаправленного и таинственного султанского сераля...

За защиту интересов Родины В.И. Шеремет удостоен ряда ведомственных (КГБ–ФСБ) и государственных наград. За разработку методики исторической конфликтологии В.И. Шеремет получил почетную академическую награду РАЕН — медаль имени Петра Капицы «Автору научного открытия». За многолетний безвозмездный труд по руководству социокультурными исследованиями для школы — Серебряную медаль имени Павла Третьякова. За работы по истории Османской империи, истории Балкан и международных отношений он награжден Почетным орденом РАЕН «За заслуги в развитии экономики и культуры» I степени. За цикл трудов по истории мировых цивилизаций и диалогу культур «Восток — Запад» он удостоен звания «Рыцарь науки и искусства» с вручением Знака РАЕН «Разум. Доблесть. Честь», а также Диплома и Почетной медали Е.Р. Дашковой «За выдающийся вклад в развитие отечественной словесности». За крупный вклад в развитие отечественной школы В.И. Шеремет награжден Серебряной медалью Национального комитета кавалеров русских императорских орденов «За служение Свободе и Просвещению».

В.И. Шеремет находится в звездном периоде своего творчества. Он полон новых исследовательских идей и проектов. Друзья, коллеги, ученики В.И. Шеремета желают здоровья и многолетней плодотворной деятельности этому заслуженному и уважаемому ученому, педагогу, литератору.

ОБРАЗ СВЯТОГО-ВЕЛИ В ОСМАНСКО-ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЖАНРА МЕНАКЫБ-НАМЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИЙ

Термин *вели* (*вали*) происходит от арабского глагола *валā* или *валийа* («приближаться», «быть близким») и означает в первоначальном смысле «друг», «приятель», «помощник». В арабском корне заложен также смысл следования друг за другом по пути (*валā*). Эвлийа (*авлийā*) — это множественное число от слова *вали*, которое в турецком сознании воспринималось также как единственное, то есть и в применении к одному человеку (для того, чтобы образовать от него множественное число, использовался турецкий суффикс *-лар, -лер: эвлийалар, реже велилер*). Намек на «дружбу с Аллахом» в этом слове был привнесен суфиями, исходя из их собственного понимания взаимоотношений человека и Бога. Растворивший свою сущность в Боге и приобретший чудесные способности человек именуется *вели*, хотя в Коране подобный контекст нигде не встречается.

Понятие *вели* всесторонне разрабатывалось в суфийских сочинениях классической эпохи. Так, в «Кашф аль-махджуб» («Раскрытие скрытого за завесой») аль-Худжвири свойством *вели* (*вали*) признается знание тайных мыслей своих учеников; дар чудотворства и способность передавать его (или помогать в его обретении) другим; отвращение от мирских благ; «повиновение Богу и непрестанное исполнение обязательств»¹; освобождение от греха; действенность молитв и духовных стремлений; пребывание в созерцании Истины; довольство всем, что исходит от Бога (*риза*); сохранение своих чудес (*карамат*) в тайне («святой — человек внутреннего таинства (*сахиб-и сирр*)»)². Святые не безгрешны, но хранимы Богом от любого зла. Они уступают пророкам, но во времена аль-Худжвири

¹ Али ибн Усман аль-Худжвири. Раскрытие скрытого за завесой. Старейший персидский труд по суфизму. М., 2004, с. 210.

² Там же, с. 225.

существовали две еретические секты, заявлявшие о том, что веди стоят выше пророков³. Ко времени жизни аль-Худжвири представления о святых среди суфиев уже сложились в более или менее стройную систему, хотя он упоминает и о тех или иных отклонениях («еретиках»): например, о тех, кто утверждает, что служение Богу необходимо только до тех пор, пока человек не приобрел степени святости⁴. Многие выдающиеся суфии (Абу Йазид Бистами, Зу-н-Нун Мисри, аль-Халладж) считали, что святые могут совершать чудесные деяния только в состоянии мистического опьянения (*ваджд*), а пророки — также и в обычном состоянии. В святых постоянно подчеркивается их таинственность, скрытость от мира, а также наличие среди них особой иерархии (возможно отражающей доисламские представления о «сонмах» сверхъестественных существ). Святой «не замечает людей и не призывает их следовать за собой»⁵; в отличие от пророка, он не занимается распространением каких-либо идей, пребывая в состоянии покоя. Для святого важно «выйти из себя», чтобы полностью оказаться во власти Господа. Лишь в таком, «измененном», состоянии сознания «их чин тот же, что и у пророков»⁶. Легенды о четырех высших святых (*Аутад*), которые каждую ночь обходят землю, поддерживая повсюду порядок, и докладывают обо всех недостатках верховному святому-*кутбу*, — вероятно, сопоставимы с представлениями о стражах четырех сторон света, нашедшими наиболее полное выражение в буддизме. Со временем культ святых занимал все более значительное место в сочинениях суфийских авторов, что доказывает и усиление его позиций в умах верующих.

Термин «святость», «близость к Богу» (*вилайат*, *валайат*) трактуется в суфийских сочинениях классической эпохи как «покровительство», «защита», которые Бог предоставляет «Своим друзьям». Вилайат понимается также и как любовь (*махаббат*)⁷. Вилайат — это живая связь, поддерживаемая между Богом и святыми. Святость реальна, это не игра воображения.

В турецкой исторической науке значение преданий о святых с точки зрения истории впервые было подчеркнуто Ф. Кёпрюлю⁸. В 1935 г. некий А. Реджеп защитил в Стамбуле дипломную работу «Легенды о святых в турецкой литературе»; в 1938–1939 гг. была защищена дипломная работа Алтана Сунара «Предания о святых». Однако эти труды не были опубликованы и не получили продолжения. В первой из указанных дипломных

³ Там же, с. 128.

⁴ Там же, с. 217.

⁵ Там же, с. 225.

⁶ Там же, с. 226.

⁷ Там же, с. 210.

⁸ *Köprülü F. Anadolu Selçukluları tarihin yerli kaynakları // Belleten, 27 (1943), с. 421–425.*

работ была сделана попытка составить каталог из 106 жизнеописаний святых, созданных на земле Анатолии, и сгруппировать их по ряду отличительных признаков. Во второй работе основное внимание уделялось классификации мотивов, встречающихся в турецких житиях. В 1953 г. Орхан Кёпрюлю защитил диссертацию «Некоторые турецкие жизнеописания святых в Анатолии XIV–XV вв. как исторические источники»⁹. О. Кёпрюлю подробно рассмотрел в своей диссертации четыре жизнеописания и проанализировал их данные, стараясь показать важность этих памятников как исторических источников.

В дальнейшем жизнеописания анатолийских святых исследовались как с литературоведческих (Ф. Из)¹⁰, так и с фольклористических (П.Н. Боратав)¹¹ позиций. Издания текстов жизнеописаний в Турции до недавнего времени были по большей части бессистемными и ненаучными. Статьи ученых, посвященные жизнеописаниям тех или иных святых мужей, в основном сводились к их пересказу¹².

А.Я. Оджак в своей монографии «Предания о святых в турецких народных верованиях и в литературе» рассматривает содержание самого термина «святой» (*вели*) в истории суфизма и специфику культа вели на территории Малой Азии, а также особенности народных представлений о святых¹³. Он останавливается также на вопросах формирования преданий о вели и их типологии, сложения циклов легенд, послуживших основой для письменной традиции.

В настоящее время среди мусульманских народов тот, кто не признает и не почитает святых, считается плохим мусульманином или даже его принадлежность к мусульманам отвергается вовсе. Сунниты проводят строгое разделение между святостью и пророчеством, тогда как в «гетеродоксных» кругах святые ставятся на одну доску с пророками и все их изречения считаются непререкаемой истиной. Популяризаторские сочинения средневековых авторов (например, на турецкой почве книга «Бахр аль-Хакаиқ» Хатибоглу, написанная в начале XV в.) способствовали распространению суфийских воззрений на святых-вели в широких массах. Культ святых получил в исламе такое же важное место, как и в христиан-

---

⁹ İstanbul Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi Tarih Semineri Kütüphanesi, № 312.

¹⁰ *Из, F.* Eski Türk edebiyatında nesir. İstanbul, 1964.

¹¹ *Boratav P.N.* 100 Soruda Türk halk edebiyatı. İstanbul, 1968; Он же. 100 Soruda Türk folklore. İstanbul, 1973; Он же. Le conte et la légende // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Т. II. Wiesbaden, 1964.

¹² См., например: *Fehmi H.* Otman Baba Vilâyetnâmesi // *Türk Yurdu*, V (1927), с. 239–244; *Önder, M.* Eine neuentdeckte Quelle zur Geschichte der Seltshuken in Anatolien // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenländischen Gezellschaft*, Wien. LV (1959), с. 84–88; *Köprülü, O.* Vilâetnâme-i Sultan Şucâuddin // *Türkiyat Mecmuası*, İstanbul. XVII (1972), с. 177–184.

¹³ *Ocak A.Y.* Türk halk inançlarında ve edebiyatında evliyâ menkabeleri. İstanbul, 1983.

стве и в буддизме — двух других «мировых» религиях. Так, в приписываемой турецкому суфию Ак-Шемс эд-Дину (XV в.) поэме о святых-вели сказано:

Так как святые обладают правом распоряжаться в обоих мирах,
Не говори: «Они мертвы, какая от них может быть помощь!»
Дух — это меч Господа, тело является его ножами,
Меч, который обнажен, сечет лучше [чем тот, который в ножнах]¹⁴.

Суннитские богословы пытались наложить запрет на культ умерших святых в принципе (в том случае, если их личности воспринимались как священные сами по себе, а не в качестве носителей божественной Воли). Далеко не все люди, считавшиеся святыми (вели), удостоились посмертного культа. В сложении культа того или иного святого оказывали влияние различные обстоятельства как личного, так и общественного характера. Образы вели стали «воплощением» определенных ценностных ориентиров населения тех или иных мусульманских стран¹⁵. Народ полагал, что святые-вели еще при жизни имели связь с потусторонним миром. После смерти их необычные способности, как считалось, еще более возрастали. Простые люди, с одной стороны, относились к «местночтимому» святому как к «своему», «близкому», «родному» человеку, доверяя ему свои нужды и делясь с ним своими радостями; с другой стороны, они не могли не испытывать известный трепет перед его сверхъестественной природой и теми силами, которыми обладал тот или иной святой персонаж. Поэтому имели хождение рассказы о немедленном и страшном наказании за непочтительное или грубое отношение к святому-вели и в то же самое время — истории о ниспослании святым благополучия (*файз, баракят*) преданным поклонникам.

Спонтанно возникали в народе различные способы «ублажения» святого, различные ритуалы, исполняемые с целью привлечь его внимание (точнее, внимание его духа) и направить его мистическую силу на благо паломников и вообще людей, живущих в окрестностях его гробницы. Приобщение «непосвященных» к культу святого-вели происходило посредством чудес (*карамат*), совершаемых вели и при жизни, и после смерти. Гробница святого становится «святым местом» *par excellence*, так же как оставшиеся от вели вещи становятся реликвиями. Эти святые места и предметы почитаются и служат объектами поклонения не сами по себе (как происходит у «фетишистов», например, среди некоторых племен Западной Африки), но лишь в связи с личностью святого, чья «сила» переходит и на них (точно так же, как Божья Сила переходит на самого

---

¹⁴ Цит. по: *Осак, А.У. Türk halk inançlarında...* с. 22. Прим. 20.

¹⁵ Там же, с. 5.

святого). Паломничества к могиле святого, сопровождаемые обетными пожертвованиями, как и появление особых заклинаний или молитв с упоминанием имени данного святого, свидетельствуют о сложении самостоятельного культа. Народ отовсюду начинает стекаться к гробнице, и она становится своего рода духовным центром той или иной местности. Земля, на которой стоит усыпальница святого, также приобретает святость, становится «запретной», табуированной (*махрам*)¹⁶. В то же время святилище доступно для широких масс паломников, оно не может быть «закрытым», оно существует для народа. Эти святилища со временем могут превратиться в целые комплексы, обители. С архитектурной точки зрения они, как правило, выделяются особыми деталями и приемами постройки (высокий купол, украшения «в мифологическом духе», необычная форма помещений и богатое внутренне убранство; нередко — особый строительный материал). Народ бережно относится к этим культовым сооружениям и старается поддерживать их в образцовом порядке.

При изучении религиозной жизни тюркских народов очень часто приходится сталкиваться с феноменом довольно быстрой смены религий и убеждений, воспринимаемым современными турецкими исследователями (в первую очередь А.Я. Оджаком) как само собой разумеющийся факт. Их не удивляет легкость, с какой тюрки отказывались от своих прежних верований и усваивали новые. «Знающие люди», шаманы тюркских племен, в ходе расселения тюрков легко превращаются в буддийских аскетов, затем в христианских монахов или в манихейских «избранных» и, наконец, в странствующих суфиев. В реальности такую картину вообразить достаточно трудно. Согласно А.Я. Оджаку, к моменту принятия ислама в сознании тюрков уже существовал готовый образ человека, «наделенного высшими психическими силами», который затем был привязан к фигурам мусульманских подвижников¹⁷. Переходный типаж от шамана/буддийского святого к мусульманскому святому-вели видят в образе эпического барда Деде Коркуда, происходившего из племени *байат*. Однако Деде Коркуд, несмотря на прибавляемое к его имени прозвище Ата («Отец», «Предок»), часто встречаемое и у дервишей братства *йасавийя* в Средней Азии, предстает в эпосе скорее как поэт-прорицатель, получивший дар предсказания из иного мира (*гайб*). Этот живой оракул был наделен необычайно долгим земным веком. В XV в. тюркский поэт Алишер Навои в своем сочинении «Насаим аль-махабба» уже явно попытался «причислить» его к лику мусульманских святых.

¹⁶ У некоторых тюркских кочевников, исповедующих ислам (каракалпаки, часть казахов), не принято заходить внутрь гробницы святого, и ритуал поклонения сводится у них к круговому обходу гробницы снаружи. Обетные приношения также кладутся вне помещения гробницы.

¹⁷ *Osak A. Y. Türk halk inançlarında... c. 9.*

На наш взгляд, правильнее считать первым тюркским эвлиа не Деде Коркуда, а Ходжу Ахмеда Йасави (ум. ок. 1167 г.), образ которого в сознании его приверженцев действительно был наделен всеми необходимыми для мусульманского святого качествами. Однако фигура Йасави вряд ли могла оказать какое-либо воздействие на духовное развитие предков современных турок — огузов, покинувших низовья Сыр-Дарьи и переселившихся в Анатолию в XI в., еще до рождения Йасави. К тому же далеко не все суфийские шейхи и их послушники, переселявшиеся на территорию Малой Азии с востока в XI–XIV вв., были этническими тюрками. Нельзя сказать и того, что они принесли с собой из Средней Азии готовый ритуал поклонения усопшим святым, который стали насаждать на анатолийской почве. Исконно тюркское слово «усопший», «покойный» (*йатыр*) у анатолийских турок стало обозначением и гробницы святого, и его духа, но это слово, насколько нам известно, не употребляется в таком значении у тюркских народов Средней Азии. Другой тюркский термин, выражающий понятие «святой», — *эрен* — известен и в Средней Азии, например, среди хорезмских узбеков, где он применяется больше к природным духам¹⁸.

Имена крупнейших святых-вели Анатолии — это, в большинстве случаев, имена исторических персонажей, суфийских подвижников (Джалал ад-Дин Руми, Хаджи Бекташ Вели, Садр ад-Дин Конави, Хаджи Байрам Вели и т.п.). Наряду с ними в каждом городе и селении было иногда по несколько местных святых, мало кому известных за пределами округи. Их гробницы напоминали по своей архитектуре непритязательные домики, «часовенки». Многие из таких гробниц в перестроенном виде дошли до наших дней. Как в Средней Азии суфийские обители и гробницы существовали на месте прежних буддийских монастырей, так и в Малой Азии многие *текке* и *тюрге* возникали на развалинах христианских церквей и монастырей (особенно в сельской местности). При этом легенды о буддийских и христианских святых могли переходить к мусульманам и связываться с именами святых-вели из собственной традиции. Мавзолеи святых в народе называют либо *тюрге*, либо *зийарет* (букв. «паломничество»). Считается, что святые исцеляют различные болезни, даруют потомство, исполняют самые заветные желания просителей. Многие «местнотимые» святые-вели и их культы вообще не нашли отражения ни в каких письменных источниках. Часто даже подлинное имя таких персонажей забывается, и они известны в народе под тем или иным прозвищем («Желтый Баба», «Черный Деде» и т.д.).

---

¹⁸ Слово *эрмиш* («постигший», букв. «достигший»), по всей видимости, не является однокоренным со словом *эрен* (узб. *аранг*), имеющим не до конца выясненное происхождение.

Святых-вели условно можно также разделить на «городских» и «сельских» (или «племенных»). Суфийские братства *сухравардийа*, *кубравийа*, *мевлевийа*, *халватийа* вели свою проповедь главным образом среди горожан Малой Азии. *Бекташи*, *каландары*, *абдалы*, *хайдари* и близкие к ним сообщества бродячих дервишей распространяли свои воззрения и в сельской местности. Среди святых-вели Малой Азии можно выделить группу воинственных персонажей (типа Сейида Али Султана); группу так называемых дервишей-миссионеров (Хаджи Бекташ Вели и его заместители-*халифе*, главным «оружием» которых были мистические деяния); группу «ремесленных» святых, покровителей тех или иных профессий и занятий (Ахи Эврен, Вейсель Карани, Хамид ад-Дин Аксарайи); наконец, группу «профессиональных» мистиков, оставивших после себя обширное творческое наследие (Мевляна Руми, Юнус Эмре).

Отдельную группу образуют «воображаемые» святые, в реальности, по-видимому, никогда не существовавшие, чьи имена совпадают обычно с именами культовых объектов (гор, деревьев, камней).

Библейские персонажи (Самсон, Даниил-пророк), христианские «Сорок мучеников», герои первых мусульманских завоеваний (Айюб Султан, Баттал Гази, Хусейн Гази) также вошли в анатолийский пантеон святых-эвлийа, наряду с упоминаемыми в Коране «семи спящими отроками» (Асхаб-и кяхф) и Хызром, путеводителем пророка Мусы (Моисея), не названным, правда, в священной книге ислама по имени. К святым причисляются народом и некоторые государственные деятели (мудрый визирь Мехмеда II Махмуд-паша; благочестивый султан Баязид II, консервативный падишах Абдул-Хамид II), хотя они и не имеют собственного культа.

Деяния святых (*манакиб*, от арабского глагола *накаба* (بقن) — «рассказывать», «возвещать») стали записываться в ареале арабо-мусульманской культуры начиная с IX в. В первую очередь они воспринимались как рассказы о чудесах, совершенных тем или иным святым, поэтому иногда вместо слова *манакиб* подобные своды преданий обозначались термином «карамат» («миракли») с прибавлением имени святого. Чудотворство является даром свыше и не отвращает суфия от бесконечного смирения перед Богом. Получение этого дара не может быть для суфия самоцелью, скорее испытанием для его гордыни (не станет ли чудо причиной самодовольства вели и не повлечет ли отказ от дальнейшего самосовершенствования?). Чудеса (вернее, необычные деяния), совершенные немусульманами, получили у суфиев наименование *истидрадж* («уловки», «обман чувств»). Однако грань между чудесами пророков, святых-вели и святых немусульманских традиций в сознании самих верующих всегда оставалась весьма зыбкой. Со своей стороны, послушники того или иного шейха испытывали, по-видимому, психологическую потребность в том, чтобы окружить своего наставника ореолом чудесных деяний, так как это создавало у них

самых чувство защищенности от всех бед и напастей, раз уж они находятся под руководством такой «сверхъестественной» личности (ср. схожие переживания апостолов Иисуса Христа). Речь шла не о прямом заимствовании, а о подсознательной, внутренней переработке фольклорных (или заимствованных из других религиозных традиций) мотивов. При этом неподходящие религиозные сентенции (например, явно буддийские, христианские и т.п.) должны были убираться, персонажи заменяться; оставалась нетронутой только самая канва рассказа. Нравственное содержание, привнесенное в сюжет, если так можно выразиться, «со стороны», также не сохранялось, терялось.

Такая обработка преданий, имевших разные и, как правило, «домусульманские» истоки, показывает, что сами эти предания, по-видимому, воспринимались как некое «общечеловеческое» наследие, которое необходимо ввести в контекст относительно молодой исламской цивилизации. При этом легче перенимались, скорее всего, простые сюжеты, не слишком нагруженные сложной символикой древних культур и не отражающие специфический дух той или иной цивилизации (иранской, индийской, греческой, китайской).

Религиозные легенды потому и называют религиозными, что они основаны на вере в чудеса. Обычно такие легенды отличаются краткостью, отсутствием стилистических изысков и украшений, простотой выражений. В них, так же как и в других разновидностях преданий, отсутствует налет литературности, поскольку речь идет о передаче рассказа о событии, которое и сказитель, и слушатель считают реальным, случившимся на самом деле, невыдуманым. «В то время как другие жанры устной прозы рождаются как бы самостоятельно и живут собственной и независимой жизнью, предания тесно связаны с определенными явлениями, местностями, личностями... Предания передаются или рассказываются преимущественно в тех случаях, когда бывает причина или повод увидеть или вспомнить те предметы, события и их участники, с которыми они непосредственно связаны. Особенно сильна связь между преданиями и памятниками материальной культуры»¹⁹. Передатчиками преданий выступают обычно не профессиональные сказители, а обыкновенные люди, поэтому их имена чаще всего в процессе бытования предания предаются забвению²⁰. Будучи довольно сжатыми по объему, предания не пользуются арсеналом устойчивых формул эпоса и чаще всего пересказываются обыденным языком. К преданиям близок и жанр мемуаров (рассказов-воспоминаний о том или ином деятеле, в данном случае о святом, передаваемых изустно и обогащаемых элементами вымысла и образного мышления). Религиозные

---

¹⁹ Ганалаян А.Т. Армянские предания. Введение. Ереван, 1979, с. 11.

²⁰ Там же.

(или житийно-биографические) предания, в отличие от официальных сочинений (например, летописного жанра), «пронизаны экспрессией»²¹. Они доносят до нас сквозь пелену веков реальные черты той или иной «священной» личности, запечатлевшиеся в народной памяти, во многом дополняя скудные сведения современников, авторов письменных источников. Предания о святых сами по себе считаются священными, передаются без изменений и являются достоянием всего народа (или определенной профессиональной группы). В них отражаются народные идеалы; их можно рассматривать как своего рода «психологический портрет» общества, в котором они создаются. В некотором смысле фигура святого-вели является фигурой «утопической», так как отображает мечту народа об идеальном защитнике.

Записи преданий о святых-вели, сведенные в целостные сочинения (тур. *менақыб-наме*), осуществлялись как с дидактическими (посвящение и воспитание мюридов), так и с миссионерскими целями (пропаганда учения того или иного суфийского братства). Многие сочинения этого жанра преследовали также и другую цель: возвеличить святого-вели в глазах образованной элиты того времени, «заставить» ее полюбить его образ или, по крайней мере, смягчить ее в отношении к святому. Составители *менақыб-наме*, можно сказать, пользовались плодами народной фантазии, но сами они, скорее всего, ограничивали полет своего воображения и старались ничего не добавлять «от себя» в записываемые ими легенды. Чаще всего составитель принадлежал к числу мюридов того самого братства, святого покровителя которого он должен был прославить в своем труде. Читатели и слушатели такого произведения заранее прекрасно знали все, о чем в нем рассказывалось, и могли легко упрекнуть составителя в том, что он неправильно передал тот или иной сюжет, неверно изложил легенду, приписал святому то, чего не было в народной традиции. Любое «привнесение» своего материала в текст могло восприниматься как непочтение к святому-вели, как «покушение» на его личность и его священные права. Кроме того, эти тексты рецитировались и во время суфийских собраний; таким образом, ответственность составителя перед «братией» еще более усиливалась. Написание такого произведения считалось разновидностью поклонения святому (*'ибадет*), так же как его публичное чтение воспринималось как своего рода медитация над ним.

Источники, используемые авторами-составителями *менақыб-наме*, различались в зависимости от того, были ли эти люди современниками святого и происходили из его ближайшего окружения или их отделял от святого значительный промежуток времени. Как правило, все же их разделял существенный временной период, и автор-составитель не мог опираться

---

²¹ Там же, с. 13.

на лично увиденное им самим, на свой собственный опыт. Он мог пользоваться устными преданиями и письменными источниками (в том числе и более ранними записями «воспоминаний» о святом).

Родственный менакыб-наме жанр представляют *тазкират* («памятные записи»), посвященные, однако, не одному выдающемуся суфию, а целой группе суфийских святых (иногда всем вообще суфийским святым, подобно православным «Житиям святых»). Эти памятники функционировали в исторически более раннюю эпоху (до сложения самостоятельных суфийских братств), когда все «суфийское движение» еще представлялось единым целым.

Некоторые менакыб-наме написаны в биографической форме (они рассказывают о всей жизни святого, от рождения до смерти, передают сведения о членах его семьи, о его учителях, окружении, о его взаимоотношениях с властями — все это в более или менее строго соблюдаемой последовательности). Другие произведения этого жанра более хаотичны по структуре, и изложение фактов из жизни святого в них не подчинено никаким строгим принципам (правда перемежается с вымыслом, «исторические» события с выдуманными, прозаические отрывки с поэтическими). Такие произведения можно назвать скорее просто сборниками разрозненных преданий о святом. Однако мы не согласны с А.Я. Оджаком, что авторы-составители таких сборников преданий были заведомо малограмотными и их сведения имеют меньшую историческую ценность, чем сведения авторов-составителей «классических» менакыб-наме, представителей солидной литературной традиции²². «Простенькие» вилайет-наме, наподобие «Вилайет-наме-и Султан Шуджа эд-Дин», кажущиеся на первый взгляд «деревенскими» и лишенными логики, могут послужить весьма ценным источником для реконструкции биографии святого и для познания исторических реалий того времени.

Первое произведение в жанре менакыб-наме на тюркском языке — «Тезкире-и Сатук Бугра-хан» — посвящено не суфию, а «святому правителю» — кашгарскому хану Сатуку Бугра (ум. ок. 955 г.), первому из тюркских властителей, принявшему ислам. В начале этой прозаической биографии рассказывается о чудесных явлениях, сопровождавших рождение героя (землетрясение, пересыхание источников, расцветание лугов посреди зимы). Приняв ислам при посредничестве святого Хызра, явившегося ему сначала в обличье зайца, Сатук Бугра начинает вести священную войну с неверными, во время которой он также обнаруживает свои необычные способности: он уничтожает кафи́ров пламенем, исходящим изо рта. Его меч обладает волшебными свойствами: он то удлиняется, то

---

²² *Ocak A.Y. Türk halk inançlarında...* с. 36.

укорачивается²³. Произведение это сохранилось лишь в довольно поздних рукописях, однако вряд ли оно могло быть написано позже эпохи Караханидов (XI–XII вв.), прямых потомков Сатука Бугра-хана.

К собственно суфийским сочинениям на тюркском языке в жанре менакыб-наме можно отнести в первую очередь жизнеописание Ахмеда Йасави «Джавахир аль-абрар мин амвадж аль-бихар», составленное Хазини в конце XVI в. в Анатолии с посвящением султану Мураду III. Хазини был дервишем из Туркестана. Он написал свое агиографическое сочинение прозой с вкраплением стихотворных фрагментов. Часть текста выполнена на фарси. До настоящего времени это жизнеописание не издавалось и не переводилось на европейские языки²⁴. В нем собраны предания об Ахмеди Йасави, имевшие хождение среди общины его последователей в XIII–XVI вв. «Джавахир аль-абрар» представляет собой незаменимый источник по ранней истории и ритуалу братства *йасавийа*.

В сельджукский период жизнеописания святых-вели стали составляться в столице государства Сельджукидов Рума — г. Конье. От этой эпохи до нас дошли «Менакыб-и Сейид Харун-и Вели» и «Менакыб-и Садр ад-Дин Конови». Рукопись первого из них хранится в музее Мевляны в Конье; рукопись второго — в библиотеке дворца-музея Топкапы в Стамбуле. В Конье процветала богатая литературная традиция на персидском языке (сюда относятся и жизнеописания Джалал ад-Дина Руми и его ближайших потомков-челеби — «Рисала-йи Сипахсалар дар манакиб-и Хазрат-и Худавадигар» и «Манакиб аль-‘арифин»). Сочинения на тюркском языке в ту эпоху писались больше в провинциальных центрах. К произведениям в жанре менакыб можно отнести поэму «Карамат-и Ахи Эврен», составленную Гольшехри из Кыршехира ок. 1330 г.²⁵ В ней восхваляется пир ремесленных объединений (*ахи*) Ахи Эврен, который в дальнейшем стал почитаться как святой — покровитель Кыршехира.

В «эпоху бейликов» (XIV — первая половина XV в.) письменная литература в Малой Азии переживала известный кризис, но мы можем предположить, что именно в это время складывалась многообразная устная традиция легенд о святых-вели, записанных позднее, уже после османского завоевания Анатолии или накануне этого завоевания. Единственное сочинение в жанре менакыб-наме XIV в. — «Менакыб аль-кудсийе» Эльвана Челеби, прославляющее его предка, мятежного шейха Баба Ильяса, — дошло до наших дней лишь в одной рукописи, хранящейся в музее Мев-

---

²³ *Shaw R.B.* A Sketch of the Turki language as spoken in Eastern Turkistan (Kashgar and Yarkend). Lahore, 1875.

²⁴ Рукопись хранится в библиотеке Стамбульского университета: *Istanbul Üniversitesi Kütüphanesi, tarih yazıları*, nr. 3893.

²⁵ *Taeschner F.* Eine Mesnevi Gülschehris auf Achi Evran. Leipzig, 1930.

ляны²⁶. Однако подлинность этой рукописи (переписанной якобы в 1358–1359 гг.) вызывает серьезные сомнения. Само произведение напоминает позднюю литературную подделку.

Одно из наиболее значительных сочинений того периода в указанном жанре было написано за пределами Анатолии, но оказало существенное влияние на анатолийскую традицию. В 1348 г. в Дамаске было закончено стихотворное «житие» духовного отца-пира каландаров Джамал ад-Дина Сави — «Манакиб-и Джамал ад-Дин-и Сави», созданное на персидском языке и принадлежащее перу Хатиба Фариси из Шираза. В нем повествуется о распространении учения каландаров на Ближнем Востоке, в том числе и в Анатолии²⁷.

В трудах ранних османских историков — анонимных «Историях дома Османов» («Теварих-и Ал-и Осман»), сочинениях Ашикпашазаде, Нешри и других — нашли отражение некоторые легенды о святых-вели, переселившихся на земли Османского бейлика в период его образования (конец XIII — начало XIV в.). Речь идет о Шейхе Эдебалы, Абдале Мусе, Гейikli Баба и ряде других суфиев. В XV в., помимо жизнеописаний, принадлежащих традиции бекташи (вилайет-наме), создавались и другие агиографические сочинения, независимо от этой традиции. Здесь можно упомянуть «Менакыб-и Шейх Бедр эд-Дин», рассказывающее о деяниях шейха-бунтаря, предводителя восстания против османских властей в Анатолии в 1414–1416 гг. Бедр эд-Дина Симавнаоглу (Симави)²⁸. Автор этого произведения неизвестен; повествование носит легендарный характер и не имеет прямой связи с историческим образом Бедр эд-Дина. Вторая биография шейха с тем же названием — «Менакыб-и Шейх Бедр-эд-Дин» — написана его внуком Хафизом Халилем б. Исмаилом в стихах и представляет собой своего рода апологию славного предка (автор почти не пользуется легендарными мотивами)²⁹.

Некоторые образы святых-вели османской традиции обнаруживают воинственные черты. По преданию, эти святые принимали непосредственное участие в походах османских воинов-гази (это относится и к некоторым святым дервишам, почитаемым бекташи, — Абдалу Мусе, Сейиду Али Султану, Сейиду Рустему Гази, Отману Баба и др.). Таким же героем-воином предстает и Сары Салтык в его жизнеописании «Салтыкнаме», напоминающем скорее героическую поэму, чем «житие». Сары Салтык объединяет в себе типажи святого-вели и воина-гази, а также

²⁶ Konya Mevlânâ Müzesi Kütüphanesi, nr. 4937.

²⁷ *Hatib-i Farisi*. Manâkib-i Cemal al-Din-i Savi. Nşr. T. Yazıcı. Ankara, 1972.

²⁸ *Babinger F.* Scheih Bed red-din, der Sohn des Richters von Simav// *Der Islam*, XI (1921), c. 1–101; Yalrkaya Ş. Simavne Kadısı oğlu Şeyh Bedreddin. İstanbul, 1340 h.; Filipovič N. Princ Musa i Şejh Bedreddin. Sarajevo, 1971.

²⁹ *Gölpınarlı A.* Simavna Kadısı oğlu Şeyh Bedreddin Menâkibi. İstanbul, 1966.

и сказочного богатыря, победителя джиннов и дивов. Сары Салтык жил в сельджукское время, однако его образ был усвоен османской культурой как одного из провозвестников переселения турок на Балканы и образования там турецкого государства.

Жизнеописания святых-вели (*вали*) братства бекташийя (вместе с примыкавшими к нему группами странствующих дервишей, таких как *абдалан-и Рум*), получили название *вилайет-наме* («книга святости»). Записанные грамотными дервишами легенды являются источником первостепенной важности для изучения народной религии того времени (XIV–XV вв.), народной культуры, фольклора и средневекового мировоззрения в целом. Отраженные в *вилайет-наме* взгляды на жизнь привлекают исследователя прежде всего тем, что они в значительной мере свободны от влияния официальной идеологии мусульманского государства (к тому времени «канонические» устои Османской цивилизации, по-видимому, еще не сложились окончательно и не оказывали «тотального» воздействия на жизнь подданных, особенно в удаленных от столицы, Стамбула, провинциях). *Вилайет-наме* были в какой-то степени «символом веры» тех общин, в которых они создавались, и в них находили отражение не только пережитки доисламских верований и культов, которыми было пронизано сознание их творцов, но и духовные устремления того «безмолвствующего большинства», основной массы населения Малой Азии, коему эти произведения адресовались и жизнь коего они отображали. Народ верил, что все, о чем рассказывалось в этих произведениях, случилось на самом деле, что это не праздные выдумки, а «знаки», «знамения» (*ремз, румуз, нишан*), метки духовного пути, определяющие направление исканий адепта, в согласии с его внутренним душевным складом, обозначающие этапы его духовного развития. Текст этих «творений духа» бережно сохранялся на протяжении веков и дошел до наших дней в почти неизменном виде.

Самым известным из суфийских жизнеописаний в жанре *вилайет-наме* по праву считается «*Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели*», в котором повествуется о деяниях основателя (*нира*) братства бекташийя — Хаджи Бекташа Вели аль-Хорасани (XIII в.). Это произведение сохранилось в большом количестве рукописей; далеко не все из них в настоящее время исследованы учеными. Оно написано в двух вариантах — прозаическом и стихотворном. Существует по крайней мере четыре публикации различных рукописей прозаического варианта «*Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели*»³⁰. Все имеющиеся в наличии рукописи созданы на средневековом турецком (османско-турецком) языке, хотя турецкий ученый Э. Джошан обнаружил в сочинении «*Макалят-и Хаджи Бекташ*» (рукопись 977 г.

³⁰ *Erich Gross*. Das Vilayet-name des Haġgi Bektasch. Leipzig, 1927; *Sefer Aytekin*. Vilâyetnâme-i Hacı Bektaş Veli. Ankara, 1956. Т. I–II; *Gölpınarlı A.* Manâkib-i Hacı Bektaş-ı Veli. İstanbul, 1958; *Duran H.* Velâyetnâme Hacı Bektâş-ı Veli. Ankara, 2007.

хиджры / 1569 г.), хранящемся в библиотеке Сулейманийе в Стамбуле³¹, отсылку к житию Хаджи Бекташа Вели на персидском языке. Действие в «Вилайет-наме» происходит сначала на территории Ирана (Хорасан), Средней Азии (Туркестан) и Афганистана (Бадахшан, возможно, Кафиристан), затем переносится вместе с главным героем в центральные районы Малой Азии — *вилайеты* Кыршехир, Кайсери, Анкара, Бозок; в конце текста памятника рассказывается о деятельности халифе Хаджи Бекташа за пределами этого ареала — в Западной Анатолии и частично на Балканах и в Грузии (поход Сары Салтыка).

К «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» примыкают другие памятники этого жанра, описывающие «подвиги» лиц, так или иначе связанных с пиром — основателем бекташизма. В числе этих произведений в первую очередь должно быть упомянуто «Вилайет-наме-и Хаджим Султан», которое довольно рано стало известным европейским исследователям (ранее, чем «житие» Хаджи Бекташа). По сравнению с жизнеописанием пира «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» носит явно вторичный характер. Мы знаем о личности Хаджима Султана только по этим двум вилайет-наме. Текст «Вилайет-наме» был издан в Берлине Р. Чуди³². Согласно легендам, изложенным в этом тексте, Хаджим Султан прибыл в Малую Азию (Рум) вместе с Хаджи Бекташем мистическим образом (в виде двухголового голубя), долго и преданно служил пиру, затем был отправлен им в район городов Ушак и Кютахья (бывшее княжество Гермиян). Он собрал вокруг себя большое количество мюридов, основав текке в местечке Сусуз. Автор жизнеописания не считал нужным упомянуть свое имя в тексте, но исходя из косвенных данных, можно предположить, что автором был халифе Хаджима по имени Дервиш Бурхан. Действие жизнеописания происходит в Западной Анатолии (Карахисар, Сандыклы, Ушак, Сейидгази). Создается впечатление, что Хаджим Султан, как и его учитель Хаджи Бекташ, был странствующим дервишем, постоянно передвигавшимся с места на место. Османские историки о Хаджиме Султане не упоминают (по-видимому, он не был столь значительной фигурой, как Хаджи Бекташ).

Хаджи Бекташ признается образцом для подражания и в другом небольшом памятнике того же жанра — «Вилайет-наме-и Султан Абдал Муса», написанном в Юго-Западной Анатолии (предположительно в обители Абдала Мусы в долине Эльмалы, область Теке). Абдал Муса считался, судя по тексту, воплощением духа Хаджи Бекташа Вели и его духовным преемником, что, однако, не подтверждается данными «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели». И в других отношениях указанный памятник

---

³¹ Lâleli, Nr. 1500.

³² Das Vilâyet-nâme des Hadschim Sultan. Hergst. bei R. Tschudi. Berlin, 1914.

является более самостоятельным произведением, что, вероятно, можно объяснить ранней датой его составления (но точных сведений о времени написания текста нет). Об Абдале Мусе кратко рассказывают османские историки Ашикпашазаде и Нешри³³. Однако их данные никак не пересекаются с теми, что приведены в самом «Вилайет-наме», что показывает «маргинальный» характер этого памятника, не имевшего прямой связи с османской официальной традицией (в тексте Османское государство вообще не упоминается, его существование как будто бы игнорируется). Однако позднее, в XVI в., Абдал Муса уже вошел в официальный «пантеон» Османской империи, как это видно из сочинения «Шакайик-и нуманийе» Ташкёпрюлюзаде. Мы не знаем ни имени автора «Вилайет-наме-и Абдал Муса», ни даты написания этого произведения. Сохранилось очень мало рукописей этого жизнеописания. Научного издания текста до сих пор не существует. Два имеющихся издания неудовлетворительны³⁴.

Еще одно произведение в жанре вилайет-наме отличается от предыдущих тем, что его действие происходит уже в Европе — на территории Балканского полуострова. Это «Вилайет-наме-и Сейид Али Султан». Оно служит единственным источником, сколько-нибудь подробно повествующим о двух воинственных подвижниках, которых звали Сейид Али Султан (он же известен как Кызыл Дели) и Сейид Рустем Гази. Они жили в конце XIV — начале XV в., причем, согласно жизнеописанию, были выходцами из Хорасана (впрочем, как и Хаджи Бекташ, Хаджим Султан и, по одной версии, Абдал Муса). Их подвиги — борьба с неверными и завоевание их земель — описаны в духе османской героической прозы. Современные исследователи склонны признать Сейида Али Султана историческим лицом³⁵ (как и героев других вилайет-наме бекташи). Обитель Сейида Али Султана в Диметоке стала одной из четырех ведущих текке братства бекташийя (ныне на территории Греции). В поэзии бекташи Сейид Али Султан чаще упоминается под прозвищем Кызыл Дели («Красный безумец»). Автором «Вилайет-наме-и Сейид Али Султан» иногда считают поэта Джебзи (это прозвище-*махлас* встречается в одном из включенных в текст жизнеописания стихотворений).

В пределах Анатолии происходит действие небольшого по объему, но разнообразного по содержанию «жития» Султана Шуджи — «Вилайет-наме-и Султан Шуджа эд-Дин». В других османских источни-

---

³³ Aşıkpaşazade tarihi. Nşr. Ali Beğ. İstanbul, 1332 г.х., с. 200; Neşri. Kitab-I cihannüma. Hergst. b. F. Taeschner. B. I. Leipzig, 1951, с. 232.

³⁴ *Nüzhet Ergun*, S. Türk şairleri. İstanbul, 1936. T. I, с. 166–169; *Atalay A.A.* Abdal Musa Sultan ve vilâyetnâmesi. İstanbul, 1978.

³⁵ *Beldiceanu-Steinberr I.* La Vita de Seyyid Ali Sultan et la conquête de la Thrace par les Turcs. Proceedings of the XXVII-th International Congress of orientalis (Ann Arbor 1967). Wiesbaden, 1971, с. 275–276.

ках Султан Шуджа не упоминается. Он жил, по всей видимости, в первой половине XV в., что следует из описания его взаимоотношений с некоторыми лицами из окружения османских султанов Мехмеда I (1413–1421) и Мурада II (1421–1451). Османские власти, по-видимому, не слишком интересовались Султаном Шуджой, бродившим вместе с двумя сотнями *абдалов* по степям к югу от Эскишехира. Все произведение пронизано местным колоритом, его автора совсем не интересовали события, происходившие за пределами его кругозора, включавшего анатолийские земли примерно от Бурсы до Халеба. В жизнеописании не говорится ни о рождении, ни о смерти Султана Шуджи, хотя упоминается его могила. Судя по тексту «Вилайет-наме», Шуджа был современником поэтов Кайгусуза Абдала и Имад ад-Дина Несими. Он являлся основателем сообщества дервишей (*урьян шуджаилер* — «нагие шуджаиты»), которое потом слилось с братством бекташийя. Один из вариантов «Вилайет-наме» опубликован О. Кёпрюлю³⁶. Часть произведения написана в стихотворной форме. Предполагаемый автор стихотворной части — некий Эсири, который сам называет свое имя в одной из строк.

Наконец, последнее из рассматриваемых произведений в жанре вилайет-наме было создано на Балканском полуострове (как и «Вилайет-наме-и Сейид Али Султан») — это «Вилайет-наме-и Отман Баба». Отман Баба, герой этого жизнеописания, жил в XV в. Он переселился в Анатолию вместе с воинами Тимура (то есть ок. 1402 г.). О рождении и происхождении его ничего не сообщается, кроме того, что он, вероятно, был не турком, а туркменом (огузом). Какое-то время Отман Баба бродил по разным областям Малой Азии (от горы Арарат до Манысы), затем переправился через Босфор и проследовал мимо Константинополя вглубь европейских владений Османов. Будучи странствующим дервишем, Отман Баба предпочитал для своих передвижений территорию Болгарии. Он называл самого себя Хусам Шахом. Несколько раз Отман Баба встречался с султаном Мехмедом II, причем вел себя в его присутствии весьма дерзко. По-видимому, Отмана можно отнести к числу каландаров (он сам не считал Хаджи Бекташа своим пиром). И он, и его мюриды сбрасывали волосы на голове, брови, усы и бороду. О явных симпатиях к шиизму Отмана Баба данных в его «Вилайет-наме» нет, но он, как и многие другие «гетеродоксные» дервиши (Абдал Муса, Кайгусуз Абдал, Султан Шуджа), скорее всего, разделял веру в переселение душ (*танасух, девир*). Имя Отмана Баба вошло в духовные стихи (*нефесы*) братства бекташийя. Судя по данным «Вилайет-наме», Отман Баба переселился в мир иной в 1478 г. Он похоронен вблизи болгарского города Хасково (Хаскёй), и его усыпальница стала центром значительной

---

³⁶ *Köprülü O. Vilâyetnâme-i Sultan Şucâu'd-Din. TM, XVII (1972).*

общины приверженцев, которая влилась впоследствии в братство бекташийя. «Вилайет-наме» было написано вскоре после смерти Отмана Баба его халифе Кючюк Абдалом (888 г.х. / 1483 г.). Единственная рукопись данного памятника, известная ученым, хранится в «народной библиотеке» провинции Джебеджи³⁷. Из турецких ученых об этом памятнике впервые написал Х. Фехми³⁸.

Суфийское братство *халватийя*, чье учение распространялось в Малой Азии из Азербайджана, также дало в XV в. ряд сочинений в жанре менакыб-наме. Это биография популярного в Бурсе святого шейха Мухаммеда Шемс эд-Дина Бухари (ум. 1430 г.) «Менакыб-и Эмир Султан», написанная настоятелем его текке в Бурсе Йахьей б. Бахши³⁹, и жизнеописание поэта-еретика Кемалья Умми, сочиненное в стихах одним из его халифе Ашиком Ахмедом (вероятно, в городе Болу)⁴⁰. В XVI в. на османско-турецком языке были созданы еще четыре «жития» святого Эмира Султана Бухари, а также весьма обширное по объему жизнеописание основателя одного из подразделений халватийи — *гюльшенийя* — Ибрахима Гюльшени, скончавшегося в Египте в 1533 г. («Менакыб-и Ибрахим Гюльшени») ⁴¹. Халватийские биографии написаны в более рациональном ключе, чем вилайет-наме бекташи, и содержат больше сведений исторического (а не легендарного) характера, что объясняется «близостью» этого братства к городам и городской культуре. С халватийей следует связать и традицию жизнеописаний Сафи ад-Дина Ардабили (ум. 1334 г.), одно из которых — «Менакыб-и Шейх Сафи эд-Дин» — создано на тюркском языке⁴². Основатель братства *байрамийя* — Хаджи Байрам Вели (ум. 1429 г.) — также может быть отнесен к этой традиции. В XVI в. было составлено его жизнеописание «Менакыб-и Хаджи Байрам Вели» и биография его халифе Ак-Шемс эд-Дина — «Менакыб-и Ак-Шемс эд-Дин»⁴³. С точки зрения описания различных суфийских групп (в том числе бекташи, мевлеви и различных сообществ странствующих дервишей) большое значение имеет созданное в XVI в. произведение османского поэта Вахиди «Менакыб-и Хадже-и Джихан ве нетидже-и джан», которое, однако, нельзя причис-

---

³⁷ Cebeci İl Halk kütüphanesi, Nr. 495.

³⁸ *Fehmi H.* Otman Baba Vilâyetnâmesi. Türk Yurdu, V (1927), с. 239–244.

³⁹ Süleymaniye (Hacı Mahmud) Kütüphanesi, nr. 4559.

⁴⁰ Millet Kütüphanesi, manzum, nr. 1333. О Кемале Умми см.: *Hickman W.* Who was Ümmi Kemal? // Boğaziçi Üniversitesi Dergisi (İstanbul). 4–5 (1976–1977), с. 57–82. Ibid. Ümmi Kemal in Anatolian tradition // *Turcica*, XIV (1982), с. 155–167.

⁴¹ *Mubyi-i Gülşeni.* Menâkıb-i İbrahim-i Gülşeni. Nşr. T. Yazıcı. Ankara, 1982.

⁴² Süleymaniye (Hacı Mahmud) Kütüphanesi, nr. 6491.

⁴³ *Yurd A.İ.* Şeyh Akşemseddin. Hayatı-Eserleri. İstanbul, 1972.

лить к жанру менакыб-наме⁴⁴. Действие его происходит в Медине, в обители некоего Хадже Джихана (Ходжи Джихана), по-видимому в реальности не существовавшего, куда стекаются представители различных суфийских братств, что дает автору возможность описать их внешность и мировоззрение.

В последующие века традиция халватийа выходит на первое место по количеству и объему жизнеописаний святых. Наиболее известные из них — «Менакыб-и Шейх Уфтаде», «Менакыб-и Шейх Махмуд аль-Ускюдари» (XVII в.), «Тухфат аль-асри фи манакиб аль-Мисри» (XVIII в.). Почти каждому сколько-нибудь значительному шейху братства (Мехмед Мухйи-д-Дин Уфтаде, Азиз Махмуд Худайи, Шабан Вели, Ний-ази Мысри) посвящалась отдельная книга-«житие». Сочинения в жанре менакыб-наме на османско-турецком языке писались и представителями других суфийских братств: *кадирийа* («Менакыб-и Эшрефзаде Руми»), *накшбандийа* («Менакыб-и Эмир Бухари»). В XVIII в. в Османской империи стали создаваться произведения, нередко носившие то же наименование «менакыб», но включавшие в себя жизнеописания и рассказы о чудесах не одного, а целого ряда выдающихся шейхов, принадлежавших к одному братству («Менакыб-и Меламийе-и Байрабийе», «Менакыб-и шериф ве Тарикат-наме-и пиран ве мешайих-и такрикат-и алийе-и халветийе», «Сефине-и нефисе-и мевлевийан» и т. д.).

Менакыб-наме недооцениваются обычно историками «большого жанра» в качестве памятников, отражающих духовную жизнь той или иной эпохи. Считается, что они посвящены каким-то частностям дервишеской практики и не могут служить материалом для широких «обобщений». Между тем для истории культуры мусульманских государств такие источники, как менакыб-наме, имеют первостепенную важность. Недоверие историков к указанным произведениям не преодолено и в наши дни, когда у многих ученых уже появилось и окрепло убеждение в односторонности и недостаточности позитивистского понимания науки, характерного для начала XX в.

П.-Н. Боратав впервые предпринял попытку классификации фольклорных мотивов, встречающихся в турецких менакыб-наме. Всего он выделил из различных памятников 35 мотивов⁴⁵. А.Я. Оджак разделил 15 менакыб-наме, исследованных им в его монографии, на, условно говоря, «суннитские» (7) и «несуннитские» (8), судя по господствующим в них идеологическим установкам. Он провел различие между разными видами чудесных деяний-карамат: а) происходящими с телом и в теле самого святого-вели; б) чудесами, которые святой совершает над природ-

⁴⁴ Süleymaniye (Halet Efendi) Kütüphanesi, nr. 242.

⁴⁵ *Borataw P.N.* 100 Soruda Türk folklore. İstanbul, 1978, с. 52–54.

ными объектами и растениями; в) чудесами над животными; г) чудесами с мыслительными способностями (чтение мыслей, предсказания); д) возможностями экстрасенсорного типа (лицезрение сверхъестественных существ); е) «биологическими» чудесами (воскрешение человека и животных, умножение плодов, дарование потомства); ж) чудесами наставничества (учитель наставляет ученика с помощью чудесных деяний); з) чудесами «для противников» (показанных с целью убедить тех, кто не верит в святость вели)⁴⁶. Все эти мотивы, по мнению Оджака, подчеркивают восприятие тюрками святого-вели не как человека, а как некой сверхъестественной сущности, наделенной необычными силами.

Прототипом главного героя в жанре вилайет-наме обычно служит «святой-святых» — первый шиитский имам Али, с которым герой отождествляется посредством видений или вещей снов. Более поздние по времени жизни святые-вели часто считали себя воплощениями более ранних (так каландарский шейх XV в. Отман Баба полагал, что он приходил ранее в мир в облике Сары Салтыка (Салтука) и приписывал себе подвиги, совершенные этим героем-дервишем XIII в., современником Хаджи Бекташа Вели). Сведения жизнеописаний бекташи, относящиеся к переселению душ, сводятся к утверждению, что один и тот же дух по очереди вселяется в пророков от Адама до Мухаммеда и затем переходит в тело святого-избранника (будь то Султан Шуджа эд-Дин или Отман Баба или кто-либо другой)⁴⁷. В жизнеописаниях, напрямую связанных с традицией Хаджи Бекташа, и в ряде духовных гимнов-нефес говорится, что «переселяющийся» дух — это имам Али, который заново приходит в мир в разных обликах (в облике святых-вели братства бекташии), и так будет продолжаться и в будущем вплоть до Судного дня. Бекташи и близкие им по учению представители секты *кызылбаши* верили, что Али постоянно присутствует на земле, живя в каждую эпоху под различными именами. Хаджи Бекташ едва ли был первым святым-вели, которого напрямую стали отождествлять с Али, но эта традиция была более характерной не для суфийских братств, а для крайних шиитских сект (*гулат*)⁴⁸. При этом в духовных гимнах бекташи можно встретить самопровозглашение поэтом-суфием своего тождества с имамом Али, как, например, в следующем нефесе Пир Султана Абдала (XVI в.):

⁴⁶ *Ocak A. Y. Türk halk inançlarında...* с. 86–90.

⁴⁷ Схожие представления излагал в своих стихах и поэт-мистик Кайгусуз Абдал (начало XV в.).

⁴⁸ В XVII в. поэт-бекташи Кул Хасан так воспевал тождество Али и Хаджи Бекташа: Тот, кто в образе льва возлег на пути [Мухаммеда], Тот, кому Сальман поднес цветок нарцисса, Тот, кто сам хоронил свои останки, Хункар Хаджи Бекташ Вели — это сам Али. (*Öztelli C. Bektaşî gülleri*, с. 107.)

Я — Пир Султан, я полон [или «я — чаша»],
Я пришел наполненным в этот мир,
Незнающие пусть познают меня,
Я — это Али, Али — это я!⁴⁹

Однако гораздо чаще в духовных стихах бекташи мы сталкиваемся либо с обращением к святому во втором лице (на «ты»), когда поэт сам называет воспеваемого им святого имамом Али⁵⁰, либо же святой прославляется поэтом в третьем лице, без прямого обращения к нему. Поздние по времени жизни святые-вели бекташи могли выступать уже только в качестве перевоплощений не Али, а Хаджи Бекташа Вели (но при этом сам он продолжал считаться носителем «тайны Али»)⁵¹. Али в данном контексте, по-видимому, являет собой «Душу мира» (*Нафс-и кульь*), хотя и не отождествляется полностью с Творцом.

Явление духа почившего святого-вели в теле новорожденного, которому предстоит прославиться и стать великим святым, также описывается в жизнеописаниях бекташи. Так, в «житии» Абдала Мусы говорится, что этот вели был новой инкарнацией (*дон*) Хаджи Бекташа; в «житии» Султана Шуджи повествуется о том, что шейх странствующих дервишей Шуджа (XV в.) был воплощением раннеисламского эпического героя Сейида Баттала Гази; в жизнеописании Отмана Баба устами самого героя он провозглашается реинкарнацией Сары Салтыка. Духовная сущность, которая вселяется в тело новорожденного, носит наименование *сырр* («тайна»). Само перерождение в «житиях» иногда уподобляется рождению нового месяца (*генч ай*), то есть связывается с повторением фаз лунного цикла. Луна была символом вечной жизни духа, проходящего последовательно фазы рождения, достижения максимальной полноты (совершенства) и умирания, но никогда не умирающего совсем. Смерть — всего лишь новолуние, подготовка к новому рождению и необходимая фаза в вечном

---

⁴⁹ *Gölpınarlı-Boratav*. Pir Sultan Abdal, с. 98–99.

⁵⁰ Так, Мухйиддин Абдал в конце XV в. писал, обращаясь к Отману Баба: Бедняк, узревший твое лицо, становится богачом, Неверные принимают веру, Что станет с теми, кто не возлюбил тебя? Ведь ты — Али, Царь щедрости (*Шах-и керем*). (*Gölpınarlı A. Alevi-Bektaşî Nefesleri*. Istanbul, 1963, с. 116)

⁵¹ См., например, нефес Кул Хусейна, посвященный «второму пиру» братства бекташии Балым Султану (ум. 1516): Балым Султан — ты подлинная тайна Али, Для верных ты — и крылья и опора [букв. «рука»], Ты — мой пир Хункар Хаджи Бекташ Вели, О, тот, кто сдвинул с места бездушную стену, окажи мне помощь! (*Gölpınarlı A. Nefesler*, с. 56)

кругообороте. Луна, в какой бы фазе она ни находилась, всегда одна и та же планета, так же и дух — вечно тот же самый.

Следует помнить, что бекташи интересовала судьба лишь духов избранных святых, и все стихотворения о перевоплощениях (как и упоминания в «житиях») посвящены только этим духам. Души простых людей, по мнению бекташи и кызылбашей, также могли переходить из одного тела в другое (в частности, вселяться в тела животных и в растения или в природные объекты). А.Я. Оджак утверждает, что источником верований бекташи в данном вопросе был буддизм⁵². Мусульманские авторы (такие, как Бируни и Шахрагани) считали колыбелью подобных воззрений Индию. В то же время в представлениях бекташи о переселении душ и новых воплощениях много общего и с учениями шиитов Месопотамии (в особенности с учением сектантской группы (*фирка*) *камилийа*⁵³, подвергшейся, вероятно, манихейскому влиянию). Схожие идеи продолжают жить и в настоящее время среди курдских сектантов Месопотамии (секта *ахл-и хакк*)⁵⁴. Наряду с представлением о переселении душ (*танасух*, *дун-бе-дун*), у бекташи существовали и остатки иных воззрений, характерных больше для доисламского Ирана и объединяемых понятием *девир* («круговорот»): в начале творения душа человека пребывала в неодушевленной материи (в минералах), затем она перешла в растения, из растений — в животных, пока наконец не вселилась в человеческое тело. Следовательно, человек объединяет в себе все степени (арабск. *маратиб*) Сущего и является целью творения. Сам мир в целом также предстает в форме космического человека-гиганта. Связь человека-микрокосма с миром-макрокосмом рисуется в образе «путешествия души»⁵⁵.

Иной пласт верований циклизуется вокруг идеи о явлении Бога в человеческом обличье. Бог решает «показаться» в облике человека, дабы сделать явным Свое могущество и дать познать его людям. В «Вилайетнаме-и Отман Баба» повествуется о нисхождении (*теджелли*) «Тайны Истины» (*Сырр-и хакикат*) и «бесподобной Личности» (*Зат-и бимисаль*) «на лик и в сердце» Отмана Баба. Шейх Турнаджи Баба, узревший в Отмане Баба эту Тайну, падает перед ним ниц. Мюриды, обраща-

---

⁵² *Osak A.Y.* Bektaşî menâkıbnâmelerinde İslâm öncesi inanç motifleri. İstanbul, 1983, с. 143.

⁵³ Основателем секты считался Абу Камиль, о котором почти никаких сведений не сохранилось. Он утонул в р. Тигр в правление халифа Махди (775–785 гг.). Учения камилитов придерживался шиитский поэт Башшар ибн Бурд (убит по приказу халифа в 783 г.). Камилиты относились средневековыми доксографами не к крайним шиитам, а к имамитам (рафизитам). Они упрекали имама Али за отказ от борьбы за халифат.

⁵⁴ *Mukeri, M.* L'idée de l'incarnation chez les Ahl-i Haqq // Akten des XXIV. Internationalen Orientalisten Kongress (München 1957). Wiesbaden, 1959, с. 178.

⁵⁵ Подробнее об этом см.: *Бертельс А.Е.* Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV вв. М., 1997, с. 17–78.

ясь к Отману Баба, называли его «Тайной Создателя» (*Сырр-и Йездан*). Сам Отман Баба иногда позиционировал себя как «руку Могущества» (*дест-и кудрет*). Согласно его жизнеописанию, по приказу Мехмеда II Отман Баба и его дервиши были насильно приведены в Стамбул и заточены в одном из бывших православных монастырей, и глава мусульманского духовенства (*кадиаскер*) спросил у Отмана Баба: «Отец мой, знаешь ли ты Бога?». Отман отвечал: «Я и сейчас продолжаю беседовать с Богом». Тогда кадиаскер попросил: «Что ж, покажи ныне и мне того Бога, с которым ты разговариваешь!» В ответ на это Отман Баба воскликнул: «А этот, говорящий с тобой, кто [по-твоему]?». Этими словами Отман Баба хотел дать понять кадиаскеру, что Господь воплотился в его собственной личности. Именно за распространение подобных взглядов и сам Отман, и его дервиши, согласно сообщениям источников, постоянно задерживались властями и подвергались заключению. При этом Отман Баба не считал нужным пояснять, каким образом осуществилось это «боговоплощение» (*хулуль*). Возможно, это им мыслилось в какой-то мере похожим на то, как индийцы представляли себе *аватары* своих божеств.

Истина вселенной всегда воспринималась бекташи в образе человека (будь то Али, Хаджи Бекташ или другой великий святой). Господь представлялся присутствующим на Земле, а не удаленным, трансцендентным. Каждый из святых персонажей бекташи наделен божественностью, которая не приводит, однако, к появлению многобожия, так как все эти лица — проявления единой Силы, единой Истины. Разумеется, все они лишены каких-либо недостатков (и телесных, и душевных) и духовно чисты. Вера в то, что Бог «гостит» в теле того или иного избранного святого человека (начиная с Адама, Исы (Иисуса) и Али), пронизывает и учение курдской секты ахл-и хакк. Такое тело-«дом» получает в их традиции наименование *Шах-михман* или *Худа-михман* (букв. «Царь-гость» или «Бог-гость»).

Бекташи вообще полагали, что один и тот же человек (и в первую очередь святой-вели) может «показываться» миру в совершенно различных обликах. Он способен принимать вид животного, растения, неживого предмета, сохраняя при этом свою первоначальную, подлинную сущность. Человек может быть превращен в иное создание и помимо своей воли (например, в наказание за дурные дела)⁵⁶. В случае, когда речь идет о превращении в живое существо, используется термин *донуна гирмек* (букв. «войти в одеяние кого-либо», то есть «стать кем-либо»). Обычно имеется в виду лишь временное превращение (оборотничество). В различных памятниках бекташи души святых (как живых, так и уже умерших) являются в образе зверей (обычно оленей, косуль, ланей) или птиц (сокола,

---

⁵⁶ См.: *Sakaoğlu S.* Anadolu Türk efsanelerinde taş kesilme motifi. Ankara, 1980.

голубя, журавля). В «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» душа почившего много веков назад Сейида Баттала Гази выходит встречать шейха Хаджима Султана и его дервишей посреди степи в виде косули (*сызын*). В «Менакыб-наме-и Баба Кайгусуз» рассказывается о том, как шейх Абдал Муса обратил на суфийский путь молодого охотника-принца Гайби, явившись ему в облике лани (*аху*) и приведя его в свою обитель. Метаморфоза шейха производит неизгладимое впечатление на чувствительного юношу и заставляет его «уйти от всего мирского». Султан Шуджа эд-Дин в «Вилайет-наме-и Шуджа эд-Дин» также принимает облик «усталого оленя», с тем чтобы наставить на путь иранского суфия Баба Хаки и его спутников (и в буквальном смысле указывает им путь в безводной пустыне и спасает им жизнь). В двух последних историях важная роль отводится предметам, с помощью которых посвящаемые пытаются поймать волшебную лань (стрелы, кушак) и которые затем становятся доказательствами подлинности происшедшего.

В христианском окружении анатолийских турок сюжет о лани, указывающей принцу путь к обители монаха-подвижника Мар-Маттая, встречается в сирийской литературе⁵⁷. В Западной Европе легенду на схожий сюжет передавали о св. Хуберте Льежском (покровителе охотников). Малоазийские греки рассказывали ту же самую легенду в связи с обращением св. Евстафия, которому явился чудесный олень, несущий крест между рогов и разговаривавший человеческим голосом. Некоторые исследователи (Ф. Хаслук, Ж.-П. Ру) полагали, что сам сюжет имеет нехристианское происхождение, связан с шаманизмом и занесен в Малую Азию тюркскими племенами из глубин Азии. Тюркские шаманы, как известно, представляли в глазах верящих в них людей как своего рода «зверолюди» (териоантропы). Турецкий фольклорист С. Чагатай, напротив, считал более вероятным в этом предании «буддийский след».

Связь Будды с оленями в буддийских джатаках действительно описана очень ярко. В джатаке, сохранившейся на раннесредневековом тюркском (уйгурском) языке, рассказывается о том, что Будда в образе оленя находился вместе с оленьим стадом в саду царя Кошалы. Однажды Будда-олень показался царю и пожелал пожертвовать своей жизнью в благодарность за то, что, будучи оленем, долгое время питался сочными травами царского сада. Но царь не стал преследовать чудесного оленя; даже, наоборот, он с того дня вообще поклялся больше никогда не охотиться. Как видим, и здесь перед нами тот же набор персонажей: царственный охотник и чудесный олень, наталкивающий охотника на мысль о покаянии. В другой джатаке сообщается о том, что царь Дантипала погнался за стадом оленей, в числе которых был и Будда. Чтобы спасти своих собратьев,

---

⁵⁷ *Barhebraeus*. Abu-l-Farac tarihi. Ankara, 1945, с. 55.

Будда-олень решил пожертвовать собой и отвлечь царя. Он обратился к царю человеческим голосом и стал внушать ему, что истребление живых существ — это зло. Разгневанный царь тотчас взмахнул мечом, чтобы отсечь оленю голову, но сломал себе руку. Земля разверзлась и поглотила нечестивого царя. Эта джатака также сохранилась в уйгурской записи⁵⁸.

Вероятно, данные джатаки и мусульманские и христианские легенды о чудесном олене имеют общий источник. Изображения волшебного оленя в виде разукрашенных глиняных фигурок изобилуют в Средней Азии (в том числе и в наши дни). Иногда этот олень предстает в еще более фантастической форме (олень-дракон). Первоначально, скорее всего, в предании шла речь просто о наказании жестокого охотника из знатного рода (а не о принятии им какого-либо учения, — ср. легенду о Дантипале). Схожая канва присутствует, например, в карачаевской народной сказке об охотнике Бинегере. Во всех историях отождествление оленя (лани) со святым персонажем (или с посланцем богов) не вызывает сомнений.

Близким по смыслу в мусульманской традиции (в том числе и в фольклоре бекташи) является рассказ о спасении неким дервишем (или самим пророком Мухаммедом) оленихи (олененка) от рук злого охотника, сопровождаемом обращением этого охотника на путь веры (или, по меньшей мере, его раскаянием). Но в данном рассказе (один из вариантов приведен в книге А.Я. Оджака, посвященной культуре Хызра-Ильяса у анатолийских турок)⁵⁹ святой выступает как внешняя сила, он лишь защищает оленей, но сам не превращается в оленя. И этот сюжет также можно возвести к буддийскому прототипу (джатака Брахмадатты о том, как Будда отдал себя в жертву охотнику взамен оленихи, носящей плод в чреве).

История о тесной дружбе между святым персонажем и оленем или о существующей между ними мистической связи, возможно, первоначально основывалась на веровании в тождество святого человека и оленя. Так, могила среднеазиатского святого-суфия Хакима Ата была обнаружена его благочестивым последователем благодаря увиденному им в ночи танцу оленей вокруг священного дерева⁶⁰. Суфийские шейхи в преданиях часто изображались вместе с оленями, которые либо клали голову им на колени, либо склонялись перед ними в поклоне (рассказы об Абу Хафсе аль-Хададе и Абу Исхакке Казеруни, приведенные в «Тазкират аль-авлия» Фарид ад-Дина Аттара). Такой облик святого как бы свидетельствовал о том, что с ним общаются не только люди, но и вся природа. Таким же изображался и Хаджи Бекташ Вели, который на османских рисунках одной рукой

⁵⁸ *Ocak A.Y. Bektaşî menakıbnamelerinde...* с. 158–159.

⁵⁹ *Ocak A.Y. İslâm-Türk inançlarında Hızır yahut Hızır-İlyas kültü.* Ankara, 1999, с. 188–189.

⁶⁰ *Köprülü F. Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar.* Ankara, 1966, с. 77. Прим. 8.

прижимает к своей груди оленя, а другой рукой — льва. Раннеосманский святой-суфий Гейикли Баба передвигался верхом на большом олене и питался оленьим молоком. Сведения об этом чудесном старце попали во все летописи первых османских историков (Орудж-бег, Ашикпашазаде, Нешри, Солакзаде, Мустафа Али). Турецкая народная пословица называет оленей «верховыми животными святых-эвлий»⁶¹. Святые, подобные Караджа Ахмеду или Хасану Деде, мыслились бекташи живущими в горах в окружении оленьих стад. Койун Баба, чья гробница находится в Османджике (провинция Чорум), якобы перевозил на оленях камни для своей обители. Караджа Ахмед пахал пашню, впрягая в плуг двух оленей. Пир Султан Абдал также может быть причислен к «оленьим святым», так как он писал о самом себе:

От оленей ты услышишь вести обо мне,
Перевяжешь мои раны вместе с *шехидами*,
Сорок лет я бродил по горам вместе с оленями,
Сгорая, о, Друг, из-за твоей беды⁶².

У племен юрюков, проживающих в разных областях Малой Азии, олени являются символом благополучия. Количество оленей, живущих на территории, населенной юрюками, напрямую соотносится у последних с их собственным благосостоянием и с количеством детей в племени. Рога оленей укреплены над входом во многие гробницы-тюрье, в которых покоятся анатолийские святые-вели⁶³. В некоторых обителях бекташи дервиши восседали во время собраний на оленьих шкурах. В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» Хаджи Бекташ благословляет головной убор пастуха Ибрахима Хаджи — шапку из оленьей шкуры (на право ношения этого убора претендовали также и дервиши Гаркына Деде)⁶⁴. С этой шапкой связывался и обретенный Ибрахимом дар творения чудес. Тахтаджи и юрюки запрещали охотиться на оленей, ибо считалось, что смерть оленя заставляет содрогаться горы, словно при землетрясении. Ворование о переселении душ святых-эренов в оленей нашло отражение в приводимом ниже нефесе Шаха Исмаила Хатаи, также строго воспрещающем убийство оленей:

Тебе говорю я, тебе, что олени — это эрены,
Они дают нам любовь, тебе же — искушение (*далга*),
Я прошу у Владыки, да не оправдает Он стреляющих [в оленей],
Не беги от меня, не убегай, я — не охотник!⁶⁵

⁶¹ Borataş P.N. Türk folklorü, с. 71.

⁶² Gölpmarlı-Borataş. Pir Sultan Abdal, с. 123.

⁶³ Roux J.-P. Les traditions des nomades de la Turquie méridionale. P., 1970, с. 283–284.

⁶⁴ Gölpmarlı A. Manakib, с. 21–22.

⁶⁵ Gölpmarlı A. Nefesler, с. 244.

У древних тюрков не отмечено запрета на охоту и поедание мяса оленей, хотя фигуры оленей почитались сакральными и довольно часто высекались на могильных камнях. Следовательно, олени имели какое-то отношение к миру предков, однако они не были «тотемными животными» тюрков. Олени иногда изображались и на навершиях знамен эпохи Сельджукидов.

Хаджи Бекташ сам никогда не отождествлялся с оленем. Зато весьма многочисленны рассказы о принятии Хаджи Бекташем птичьего облика (в виде сокола, голубя)⁶⁶. Правда, они относятся лишь к эпохе прибытия Хаджи Бекташа в Малую Азию, а не к последующему времени, когда он уже обосновался там. Хаджи Бекташ, будучи в Анатолии, предстает своим противникам (правителю Кыршехира Нур эд-Дину Джаджа и Молле Садд эд-Дину) в грозном облике — с отросшими длинными усами и ногтями — и сравнивает сам себя с соколом (но в этих историях настоящего превращения в птицу уже не происходит)⁶⁷.

Среднеазиатский святой Ахмед Йасави со своими мюридами, согласно преданию из «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», превращается в журавлей (напомним, что журавль почитается китайцами, монголами и другими народами Восточной Азии как птица — «ездовое животное» святых)⁶⁸. Послушник Хаджи Бекташа Сары Исмаил обращается в хищную птицу — сокола (*доган*) — с тем, чтобы привести к вере кафиров города Тавас (уже на территории Анатолии)⁶⁹. Другой мюрид Хаджи Бекташа по имени Ресуль Баба стал сначала оленем, а затем голубем с той же целью — обратить христиан в свою веру⁷⁰.

Мотив превращения в птицу широко известен в мировом фольклоре. Далеко не все сюжеты, содержащие этот мотив, можно свести к шаманским практикам. В героическом эпосе «Абу Муслим-наме» его главный герой Абу Муслим показывается в видении халифу Марвану в образе белого сокола, который борется со стаей ворон и сжигает их пламенем, исходящим у него из рта⁷¹. Последователи Абу Муслима верили, что после смерти он превратился в белого голубя и улетел на небеса. В эпосе «Салтык-наме» рассказывается о замке колдунов (колдуний), принявших облик голубей. В произведении турецкого суфия XV в. Ахмеда Биджана «Анвар аль-ашикин» говорится о том, что шайтан появился перед пророком Давудом в виде золотого голубя, усыпанного драгоценными кам-

⁶⁶ *Gölpınarlı A. Manakib*, с. 10, 13, 18, 19.

⁶⁷ Там же, с. 29–31, 56–57.

⁶⁸ Там же, с. 14–15.

⁶⁹ Там же, с. 82–83.

⁷⁰ Там же, с. 88.

⁷¹ *Mélikoff I. Abu Muslim. Le Porte-hache du Khorassan*. P., 1962, с. 118.

ниями⁷². В литературе бекташи голубь выражает собой мистическую сущность святого-вели. Грозная ипостась святого представлена в виде сокола или коршуна. В «Вилайет-наме-и Шуджа эд-Дин» сообщается о превращении Султана Шуджи в сокола и о полете его над толпой собравшихся людей с сетью в лапах (то есть о символической попытке «уловить в свои сети» последователей)⁷³. Во вставном рассказе о Кемале Умми, еретическом поэте XV в., передается история о том, что после его убийства из рта у него вылетел голубь. Перелетев из Азии в Европу, голубь влетел в рот спящего в поле мальчика. В дальнейшем мальчик стал известным святым-вели по имени Самуд Баба, помощником Шуджа эд-Дина.

В преданиях бекташи встречаются мотивы превращения врагов святого в собак (Ахмед Йасави), а недоверчивого послушника — в козла (Султан Шуджа поступает так с иранским дервишем Баба Меджнуном). Абдал Муса велит своим дервишам зарубить топором черную свинью или кабана (*кара джанавар*), который оказывается душой противника святого — эмира княжества Теке (Хамид). Мюриды шестого имама шиитов Джафара ас-Садика могли, согласно священной книге кызылбашей «Буйрук-и имам Джафер», превращаться в «серых волков» (*бозкурт*). В других шиитских источниках (например, в «Абу Муслим-наме») говорится, что душа халифа Марвана бродила в облике тигра в зарослях на берегу одного озера. Абу Муслим, схватив топор, зарубил этого тигра, тем самым изменив судьбу халифата Омейядов⁷⁴. После гибели тигра халифа ожидала та же участь.

Алтайские и якутские шаманы разделяли верования в существование у шаманов особых душ в облике зверей, которые могли сражаться друг с другом. Эти души называли словом *тёс* (*тёз*)⁷⁵. У современных анатолийских турок подобные таинственные союзники — магические помощники человека — обозначаются иногда словом *аран*. Казахи и киргизы

---

⁷² *Ocak A. Y.* Bektaşî menakıbnamelerinde... с. 168.

⁷³ Тогда же Султан, сидевший перед теми людьми,
Вдруг взлетел и скрылся от их взоров,
Он пропал, и они не могли его видеть,
Послушай же, что за тайное деяние он сотворил.
Султан в тот миг обратился в сокола (*шахин*),
Поднялся и стал летать в воздухе перед ними.
Увидел народ, что перед ним летает сокол,
В лапе же он держит сеть и тянет ее за собой.
Сделал он один круг, другой, возвратился,
Взлетел и сел на вершину кургана...
Побежали и стар и млад вприпрыжку,
Увидели они, что на холме сидит Султан...
Пресвятой Султан сказал этим людям:
«Долго ли нужно ловить вас сетью?»

⁷⁴ *Melikoff İ.* Abu Muslim, с. 99.

⁷⁵ *Inan A.* Tarihte ve bugün Şamanizm. Ankara, 1972, с. 81.

называют такие души заимствованным из арабского словом *арвах* («духи»). Представление об отделении духовной сущности от человека и ее воплощении в каком-либо живом существе, вероятно, очень архаичны, и их сохранение в мифологии бекташи еще раз указывает на тесную символическую связь с древностью, характерную для этого братства.

Другим древним мотивом в письменных памятниках жанра вилайет-наме можно считать мотив поединка героя с драконом или служения дракона святому человеку. В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» описывается поединок Сары Салтыка (Салтука) с драконом (*эджерха*), поселившимся в крепости Калигра⁷⁶. Герой-дервиш не в состоянии победить дракона, так как забывает о мистическом деревянном мече, подаренном ему Хаджи Бекташем. Покончить с чудовищем ему помогает призванный им на помощь святой Хызр, пронзающий дракона копьем (следы влияния христианской иконографии?). Согласно «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», драконы водились в историческое время и в самой Анатолии (так, сельджукский султан Кылыч-Арслан победил дракона, обитавшего на горе Хасандагы близ Аксарая, и дал людям возможность заселить это место)⁷⁷. Халифе Хаджи Бекташа Хаджим Султан спалил огнем, вышедшим у него изо рта, дракона в местности Сусуз на берегу реки Баназ⁷⁸. Судя по сведениям «Вилайет-наме-и Отман Баба», один дракон водился и в окрестностях Белграда (в разрушенном замке в местности Балчик-хисары). Этот дракон скорее был на стороне святого, так как он наказал одного не верившего в Отмана Баба крестьянина, чуть было не задушив его своим хвостом. Драконов умерщвляли как анатолийские суфии (Эмирджи Султан), так и герои светского эпоса (Мелик Данишменд). В Малой Азии такие рассказы концентрируются в основном на землях вокруг города Амасьи, где в древности располагался центр Хеттского царства⁷⁹. Там же в византийское время находился центр культа святозмееборца Федора Тирона, происходившего из деревни Евхайта (ныне Эльванчелеби, провинция Чорум). Драконы изображались и на могильных камнях древних тюрок (вероятно, китайское влияние)⁸⁰. В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» дракон «запирает» водные источники

---

⁷⁶ *Gölpınarlı A. Manakib*, с. 46–47.

⁷⁷ Там же, с. 73.

⁷⁸ Там же, с. 84–87.

⁷⁹ В хеттских архивах из Богазкёя сохранились обрывки космологического мифа о борьбе небесного бога с драконом Иллуянка, в ходе которой первый сначала проиграл, но затем все-таки сумел умертвить чудовище. См.: *James E. O. Mythes et rites dans le Proche-Orient ancien*. P., 1960, с. 189–190. Схожие сюжеты существовали в мифологии шумеров, вавилонян, греков.

⁸⁰ *Esin E. Selçuklu sanatı evren tasvirinin Türk ikonografisinde menşeleri // SAD, I (1969)*, с. 161.

и иссушает страну кафиров (Бадахшан), то есть он связан с источниками воды и с дождевыми облаками.

В представлениях бекташи можно различить два облика дракона: один — враждебный, олицетворяющий явное зло, и другой — благостный. В ближневосточных (как и в христианских, и в древнеиранских) легендах дракон всегда служит символом зла. Напротив, змеборцы неизменно почитаются, становятся объектами культа (так, древнеиранские мужские союзы почитали драконоборцев Фаридуна и Гаршаспа⁸¹, считая их образцами для подражания; христианские воины воодушевлялись примерами св. Георгия, Федора Тирона и других героев, поражавших змея-сатану). Однако в средневековом анатолийском «мужском союзе» — братстве *ахи* — поклонялись как раз герою-змею Ахи Эврону (отчасти схожему с древнеиранским мифическим змеем Ажи Дахакой). Это отличает предание бекташи не только от христианских и древневосточных легенд, но и от буддийской традиции (в которой, несмотря на ее миролюбие, все же имеется сюжет о борьбе Будды с драконом, напоминающий встречу с драконом Хаджима Султана: Будда спалил дракона огнем, вырвавшимся у него изо рта). Указанную традицию можно в какой-то мере сопоставить с известным науке культом дракона в Китае и Юго-Восточной Азии, а также с распространенными в Древней Индии мифами о нагах (змееподобных существах с лицом человека)⁸².

Легенды о взаимоотношениях Хаджи Бекташа со змеем — Ахи Эвроном образуют параллель со вставным сказанием о походе Хаджи Бекташа против кафиров Бадахшана (в прозаическом варианте «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», изданном Х. Дуран в 2007 г. в Анкаре, это сказание приводится в стихотворной форме на л. 156–266). Помощником и защитником Хаджи Бекташа в этом рассказе является семиглавый дракон, охраняющий пещеру, в которой герой предается подвижничеству. На наш взгляд, повествование о покорении Бадахшана несет следы явных заимствований из буддийской традиции, и в основе его лежал некий буддийский прототип, возможно имевший хождение среди хорасанских тюрок. Буддийские паломники разносили по миру легенды о хтонических существах (божествах), покоренных Буддой, в том числе и о змееподобных нагах, обитавших в озерах, пещерах, родниках и т.п. В таких преданиях образ Будды мог замещаться образом святого подвижника-архата или идеального царя-буддиста — *чакравартина* («вращающего колесо учения»)⁸³.

⁸¹ Интересно, что сами эти герои могли ненадолго принимать обличье дракона. Согласно «Шах-наме», так поступил Фаридун: желая испытать своих сыновей, он превратился в изрыгающего пламя дракона. Борцами с драконами были также иранские (сакские) богатыри Заль и Рустам.

⁸² О нагах подробнее см.: Vogel J. Indian Serpent-lore or the Nagas in Hindu legend and art. L., 1926.

⁸³ Александрова Н.В. Путь и текст. Китайские паломники в Индии. М., 2008, с. 45–68.

Суть легенды обычно сводится к тому, что злобный дракон (*нагараджа*) разоряет некую горную страну, поселившись в пещере или в озере. Но вмешательство Будды-Татхагаты избавляет страну от окончательного уничтожения. Как писал китайский паломник VII в. Сюань Цзан: «Скорбя о том, что эта страна и народ будут погублены драконом, он [Будда] с помощью чудесных сил перелетел из Срединной Индии к месту, где жил дракон. Дракон увидел Татхагату, и злой дух в нем усмирился. Он дал обет не убивать и загорелся желанием защищать и утверждать Учение»⁸⁴. Сам дракон-нага превращается в преданного сторонника и стража Будды и его учения. «Полномочия» дракона по управлению той или иной местностью переходят к Будде (святому архату), который передает их, в свою очередь, переселенным им на данную территорию монахам, основывающим затем там буддийские монастыри.

Легенды такого рода особенно широко были распространены в горах Гиндукуша и в Кашмире (весь Кашмир первоначально представлялся как огромное озеро — обиталище дракона)⁸⁵. Сравнивая буддийские предания с «бадахшанской легендой» из «Вилайет-наме», можно отметить наличие общей идеи — миссии обращения иноверцев в праведную веру; общих приемов — чудесный полет святого персонажа в отдаленную горную страну с целью ее приобщения к истинному учению; общих действующих лиц — святой и дракон, становящийся его помощником; даже общих композиционных приемов — троекратное принятие местными жителями Учения и их последующее отступничество. Правда, в суфийском предании акцент переносится с покорения демонов на приобщение к вере чужеземцев-кафиров. В связи с этим функции дракона по «опустошению местности» частично переходят к самому святому персонажу — Хаджи Бекташу (именно он живет в пещере, в которой подобало бы находиться «Царю драконов»; он сам насылает на непокорных кафиров «кары небесные», в то время как дракон лишь обвивается кольцом вокруг его пещеры и пугает «неверных», изрыгая пламя). Однако в конце сказания именно дракон «очищает» землю Бадахшана от кафиров, после чего, по знаку Хаджи Бекташа, взмывает в небо и улетает прочь.

В буддийском предании демон не уничтожается, но и не остается на прежнем месте, так как это место отныне «завоевано» Светом (пусть и мирным путем). Он передает свое царство Будде (ср. описанный Сюань Цзаном ритуал символической передачи царем Бамиана своего царства и себя самого буддийской общине — сангхе — с последующим выкупом у нее своих владений)⁸⁶. В истории с Хаджи Бекташем бадахшанский князь

---

⁸⁴ Там же, с. 47.

⁸⁵ Там же, с. 49.

⁸⁶ «Здешний царь всякий раз, как устраивается мокшамахапариад [буддийский собор], жерт-

(*текфур*) просит его стать правителем страны, но Хаджи Бекташ отказывается и повторно вручает власть самому князю, очистившемуся от греха неверия и принесшему покаяние. Не случайно и то, что действие этого сказания отнесено к Бадахшану (Северо-Восточный Афганистан), соседствующему с Бамианом, где схожий ритуал в раннем средневековье зафиксирован исторически.

Буддийские параллели в образе Хаджи Бекташа не ограничиваются указанными чертами. Детали описания облика Хаджи Бекташа и некоторые его чудесные деяния также перекликаются с буддийской агиографией. Сюда относится прежде всего сообщение о мистическом прилете Хаджи Бекташа в Анатолию в облике голубя и об оставленных им следах на камнях⁸⁷. Мотив превращения посоха в цветущее, зеленеющее дерево, трижды повторяющийся на страницах «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» (в эпизоде об указании туркестанскими эренами места будущей обители Хаджи Бекташа, в рассказе об Ахи Эврене и в истории о раскаявшемся разбойнике Бостанджи), широко представлен и в буддийских легендах, где он имеет более прочные корни, так как посох буддийского монаха постоянно напоминает этому последнему о просветлении, снизошедшем на Будду под священным деревом бодхи, и символизирует связь странствующего монаха с «верхним миром»⁸⁸. Представления дервишей бекташи о «летающем» Хаджи Бекташе становятся более понятными при сравнении с постоянно присутствующим в буддийской традиции образом «летающего Татхагаты», оставляющего следы на камнях в тех местах, где он опускался на землю⁸⁹. О встрече Хаджи Бекташа и Ибрахима Хаджи, одетого в шапку из оленьей шкуры, и о благословении, данном Ибрахиму Хаджи Бекташем, уже говорилось выше. Эта история весьма близко напоминает буддийское предание из Индии, излагаемое Сюань Цзаном: «Здесь бодхисаттва Шакья повстречал Будду Дипанкару [“Несущего свет”]. Сбросив накидку из оленьей шкуры и расстелив свои волосы, он закрыл таким образом грязную землю перед Буддой и получил предсказание [что сам станет Буддой]»⁹⁰. Мотив с отращиванием Хаджи Бекташем усов и ногтей,

---

вует все, начиная со своей жены и кончая сокровищами казны. Казну истощает совершенно и, наконец, жертвует свое тело. После же все придворные чины шествуют к монахам и все выкупают. И в том состоит их служба». Цит. по: *Александрова Н.В.* Путь и текст, с. 90.

⁸⁷ «Здесь ступа высотой 100 *чи*. Рядом — большой квадратный камень. На нем — следы ног Татхагаты. Будда ступил на этот камень в то время, когда, излучая бесчисленные лучи света, осветившие монастырь Махавана, он рассказывал людям и богам историю своих прежних рождений». Там же, с. 105.

⁸⁸ Там же, с. 99–100.

⁸⁹ «Татхагата средь бела дня летал по воздуху над Индией и обращал [людей]. Следы, где он опускался, остались и в этой стране. В порыве благодарности и восхищения люди построили эти священные стены». Там же, с. 105.

⁹⁰ Там же, с. 104.

которые обладали волшебными свойствами и которые невозможно было отрезать, находит некоторую параллель в почитании буддистами Афганистана волос и ногтей Будды в качестве реликвий, хранившихся в ступах в окрестностях Балха⁹¹. Повторяющийся неоднократно в «Вилайет-наме» сюжет о наполнении чаши маслом по благословению Хаджи Бекташа перекликается с символикой чаши для подаяния (*патра*) Будды, наполненной всевозможными земными благами. Другие «буддийские» мотивы в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» также заслуживают пристального внимания (восседание святого на коврике под священным деревом как символ «отвоевания» страны и приобщения ее к Учению⁹²; мотив о запрещении лягушкам квакать, чтобы они не мешали собранию суфиев⁹³;стрижение волос как обряд «отречения от мира» и принятия в общину⁹⁴; рубка дров как путь служения общине, послушания адепта перед получением им прозрения⁹⁵; распространение тела святого/Будды и наполнение всего мира его образом⁹⁶ и т. д.

Буддийские сюжеты могли проникнуть в Анатолию благодаря деятельности странствующих буддийских монахов-*бахши*, чье присутствие засвидетельствовано средневековыми источниками в Иране в эпоху монгольского завоевания. Бахши несли с собой «народный буддизм», одновременно выполняя некоторые шаманские функции. Сообщество, к которому принадлежал Хаджи Бекташ Вели, по данным Ашикпашазаде (Баджийан-и Рум), гипотетически также могло быть связанным с этими бахши эпохи династии ильханов Хулагуидов (1256–1335 гг.). У монголов бахши были и жрецами, и целителями в одном лице⁹⁷. Уйгурское слово «бахши» могло происходить либо от китайского *по-ши* («знаток», «эрудит»), либо от древнеиндийского *бхикшу* («буддийский монах»). Хорасанские бахши по традиции связывали значение своего самоназвания с персидским причастием *бахшанде* («дарующий»), производимым от глагола *бахшидан* («дарить», «даровать»), но здесь мы, скорее всего, имеем дело с народной этимоло-

⁹¹ Там же, с. 70.

⁹² *Gölpınarlı A. Manakib*, с. 25.

⁹³ Там же, с. 55. Ср.: *Ахметшин Н.Х.* Врата Шамбалы. М., 2007, с. 114 (приводится легенда народа бай о бодхисаттве Гуаньинь и злом волшебнике Ло Ша).

⁹⁴ *Gölpınarlı A. Manakib*, с. 53, 56, 61, 71.

⁹⁵ Там же, с. 49. Ср. с прозрением будущего шестого патриарха чань-буддизма Хуэйна. См.: Письмена на воде. Первые наставники Чань в Китае. Сост., пер., иссл. и комм. А.А. Маслова. М., 2000, с. 151, 345.

⁹⁶ *Gölpınarlı A. Manakib*, с. 61. Для сравнения «тело дхармы» (дхармакая) Будды охватывает собой три мира: мир богов, хтонических демонов и «средний мир», в котором обитают люди. В «Вилайет-наме» мотив разделения после смерти тела Сары Салтыка на 40 (или на 7) тел, показавшихся в разных гробах и похороненных в разных странах, отражает похожее понимание «разрастания» тела святого.

⁹⁷ *Roux J.-P.* La religion des Turcs et des Mongols. P., 1984, с. 75.

гией⁹⁸. Некий бахши исцелил самого ильхана Аргуна (1284–1291 гг.), покровительствовавшего буддистам. Служивший какое-то время Аргуну суфийский шейх `Ала ад-Даула Симнани из братства *кубравийя* поддерживал контакты с бахши и восхищался их безупречным аскетизмом. Один из этих бахши помог ему разрешить многие трудные вопросы на пути духовного совершенствования⁹⁹. Сын Аргуна Газан-хан (1295–1304 гг.), наоборот, принял ислам и приказал «всем сообществам идолопоклонников бахши» либо сделать то же самое, либо покинуть пределы его государства, отправившись в Индию, Кашмир или Тибет. Марко Поло встретил бахши в Китае и описывал их как «знатоков дьявольских искусств и чар, которые превзошли в этом всех других людей ... так как они повелевают демонами»¹⁰⁰. В царствование брата Газана — Ольджейту (1304–1317 гг.) — бахши предприняли попытку отвратить монарха от недавно принятого им ислама. Они руководили церемонией прохождения государя между двух костров (ср. с довольно часто повторяющимся мотивом костра в «Вилайет-наме», где пламя костра очищает адепта от языческих заблуждений)¹⁰¹.

Согласно Г. Яррингу, изучавшему на месте традицию уйгурских бахши (бакши) Восточного Туркестана, бахши — это «заклинатель магических сил, маг, целитель ... воспитатель и продавец орлов и соколов, бродячий музыкант, вдохновенный певец, утверждающий, что получил свой дар от сверхъестественных существ, шаман»¹⁰². Бахши, судя по источникам, были людьми образованными, носителями уйгурской письменности, и различные государства (вплоть до эпохи Тимуридов) пользовались их услугами в качестве писцов. Из-под их пера выходили не только официальные донесения, но и записи легенд и дастанов¹⁰³. Возможно, речь идет о двух разных профессиональных категориях (бахши-шаманы монгольского времени и бахши-писцы времен Тимура), к которым в дальнейшем добавилась еще третья разновидность бахши — народных певцов, бардов тюркских народов, почитавших своим пиром Коркуда Ата. В условиях более глубокого проникновения ислама в жизнь среднеазиатских народов шаманизм постепенно вытеснялся, и у бахши не осталось другой «работы», кроме воспевания подвигов эпических героев или рецитирования любовных поэм. С другой стороны, современный среднеазиатский шаманизм

---

⁹⁸ *Youssefzadeh A.* Les bardes du Khorassan iranien. Le bakhshi et son repertoire. P., 2002, с. 47.

⁹⁹ Там же, с. 48.

¹⁰⁰ *Marco Polo.* Le devisement du monde. Le livre des merveilles. T. I. Texte integral établi par A.C. Moule et P. Pelliot. P., 1989, с. 187–189.

¹⁰¹ *Gölpınarlı A.* Manakib, с. 15, 36, 40–42, 44–45.

¹⁰² *Jarring G.* An Eastern Turki-English Dialect Dictionary. Lund, 1964, с. 46.

¹⁰³ *Youssefzadeh A.* Les bardes du Khorassan, с. 49.

(явление, изучавшееся исследователями XIX–XX вв.) можно считать, по мнению французского специалиста Т. Зарконе, не столько «исламизированным», сколько «суфийским» по сути (*soufisé*), тогда как суфизм турецких народов иногда называют «шаманизированным»¹⁰⁴.

Некоторые практики турецких суфиев могут находить параллели одновременно и в буддизме, и в шаманизме, и в христианстве. Это касается, например, левитации (упоминаемой в «Вилайет-наме-и Шуджа эд-Дин»). Левитация встречается и в суфийских источниках, написанных в Малой Азии на персидском языке (Ахмед Афляки сообщает о том, что Джалал ад-Дин Руми иногда взлетал в небеса, достигая седьмого неба, а затем возвращался назад)¹⁰⁵. В стихах Пир Султана Абдала говорится о полете в воздухе имама Али:

Хайдар, вдев в ножны [меч] Зульфикар,
В один час достиг тысячи разных мест (*мензиль*),
Сам себя он бросил с помощью метательной машины,
Тот, кто мчится в полете, — это Али¹⁰⁶.

Католические святые Катерина Сиенская, св. Тереза и другие так же занимались левитацией. Однако наибольшее место левитации уделяется в индийских верованиях, где она рассматривается как один из главных показателей святости подвижника (особенно в йоге).

К собственно христианским мотивам в традиции бекташи относят прежде всего описание вознесения героя на небо. В случае с дервишем-мятежником Баба Ильясом («Менакыб аль-кудсийе») это происходит во время его заточения в крепости Амасьи. Баба Ильяс не умирает; он делает оказавшегося вместе с ним в заключении христианского монаха (*кешши*) похожим на себя и оставляет его вместо себя; сам же садится верхом на своего коня Серого, чудесным образом прорвавшегося к нему через стену башни, и тотчас исчезает. Стражники, пришедшие вскоре после этого в темницу, хватают монаха, принявшего облик Баба Ильяса, и казнят его¹⁰⁷. Вознесение на небо здесь предшествует смерти двойника Баба Ильяса (и приближается по смыслу к апокрифическому толкованию гибели Иисуса Христа у гностиков).

---

¹⁰⁴ *Zarcone T.* Interpénétration du soufisme et du chamanisme dans l'aire turque „chamanisme soufisé“ et „soufisme chamanisé“// *La politique des esprits.* P., 2000, с. 383–396.

¹⁰⁵ *Eflâkî,* *Manakib.* II, 642.

¹⁰⁶ *Öztelli C.* *Pir Sultan Abdal.* İstanbul, 1974, с. 110. В стихотворении проводится аналогия между Али и пророком Ибрахимом, которого царь Немруд, по преданию, приказал метнуть в пламя костра с помощью баллисты (*манджаник*).

¹⁰⁷ *Ocak A.Y.* *Bektaşî menakıbnamelerinde...* С. 196. Здесь очевидна связь с легендой о лже-пророке Мани, также вознесшимся из темницы на небо.

В «Вилайет-наме-и Отман Баба» рассказывается, что святой Отман Баба собрал своих абдалов и заранее предупредил их о времени своей кончины, сказав, что он «вознесется на небо верхом на лошади». В тот день и час, которые он предсказал, с небес спустились некие юноши, босоногие, с непокрытой головой, ведущие под уздцы гнедую лошадь с зелеными крыльями. Отман Баба сел верхом на эту лошадь и взлетел в небо. Все это его дервиши наблюдали словно бы во сне (*'алем-и хабда*). Вознесение верхом на лошади, вероятно, можно возвести к архетипическому образу некоего божества-всадника (в исламский период этот образ воплотился в таких персонажах, как имам Али и Хызр-Ильяс). Таким божеством-всадником становится (или сливается с ним) и сам Хаджи Бекташ после своей физической смерти¹⁰⁸. В какой-то мере здесь можно предположить влияние библейского рассказа об Илие-пророке, вознесшемся на небеса на огненной колеснице: «Когда они [Илия и его ученик Елисей] шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась колесница огненная, и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо» (4 Царств, 2, 11). С Илией и его учеником Елисеем Хаджи Бекташа связывает целый набор общих мотивов, которые, вероятно, были заимствованы составителями «жития» Хаджи Бекташа не напрямую из Библии, а через посредство устной традиции (при общении с христианами или как «воспоминания» из собственного детства — если предположить, что кто-то из этих составителей происходил из христианских семей).

Илия Фесветянин «из жителей Галаадских» возвещает (в Третьей Книге Царств) неправедному царю Ахаву: «В сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову» (ср. действия Хаджи Бекташа в Бадахшане, когда он сначала велит солнцу закрыть свой лик, затем лишает страну дождей, отчего начинается засуха и голод; наконец, запрещает огням в домах неверных гореть). Затем Илия укрывается в Сарепте Сидонской, где Господь велит ему найти одну женщину-вдову, которая будет кормить его. «Она сказала: Жив Господь Бог твой! У меня ничего нет печеного, а только есть горсть муки в кадке и немного масла в кувшине; и вот я наберу полена два дров, и пойду, и приготовлю это для себя и для сына моего; съедим это и умрем. И сказал ей Илия: не бойся, пойди, сделай, что ты сказала; но прежде из этого сделай небольшой опреснок для меня и принеси мне; а для себя и своего сына сделаешь после; ибо так говорит Бог Израилев: мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю» (3 Царств, 17, 12–14). Это чудо Илии почти дословно совпадает с чудом Хаджи Бекташа

---

¹⁰⁸ *Gölpınarlı A. Manakib*, с. 91: «В руке этого человека, как и говорил Хункар, было копые (*мызрак*), лицо было закрыто зеленым покрывалом, под ним был серый конь». Отличие этого персонажа от Хызра (там же, с. 77) только в том, что лицо Хызра открыто и «прекрасно».

в отношении доброй женщины из селения Ачуксарай¹⁰⁹. Еще раз подобное же чудо Бекташ совершает с Кадынджык Ана, ставшей впоследствии «Матерью бекташи»¹¹⁰. Он также дарует бездетной Кадынджык Ана потомство — сыновей. В Библии Илия оживляет сына той же самой вдовы, находившегося при смерти. Как и Хаджи Бекташ, Илия, скрываясь от преследований царя, садится под можжевелевым кустом и ночует там (3 Царств, 19, 4–5); в том же месте ему является ангел; затем Илия приходит в пещеру на горе Хорив и ночует в ней; вообще, он предпочитал сидеть «на верху горы». Одеяние (милоть) Илии обладало мистической силой (так же, как и *хырка* Хаджи Бекташа): им он закрывал свое лицо в момент разговора с Богом; его он набросил на пашущего землю Елисея, позвав его за собой; наконец, той же милотью Илия рассек воды Иордана и прошел через реку как посуху вместе с Елисеем. После вознесения Илии одеяние его упало вниз, Елисей подобрал его и повторил чудо своего наставника с рассеканием вод (4 Царств, 2, 8–14).

Елисей также творит многие чудеса, которые позднее традиция бекташи приписывала Хаджи Бекташу Вели. Так, в ответ на жалобу жителей Иерихона на то, что вода в их местности нехороша, а земля бесплодна, он очищает для них «исток воды», бросая туда щепотку соли; повторяет чудо с умножением масла (елея) для бедной женщины, у которой заимодавец хотел отобрать детей (4 Царств, 4, 1–7). В Сонаме одна богатая женщина постоянно угощала Елисея хлебом; она же упросила мужа построить для него «небольшую горницу над стеною», чтобы он мог отдыхать там. В благодарность «человек Божий» награждает ее потомством (так поступает и Хаджи Бекташ с Кадынджык Ана, которая тоже возводит для него келью во дворе своего дома). Затем, когда этот ребенок неожиданно заболевает и умирает, Елисей воскрешает его: «И вошел Елисей в дом, и вот, ребенок умерший лежит на постели его. И вошел, и запер дверь за собою, и помолился Господу. И поднялся, и лег над ребенком, и приложил свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням, и простерся над ним, и согрелось тело ребенка» (4 Царств, 4, 32–34). Хаджи Бекташ, в свою очередь, воскресил мальчика-монгола на холме в долине Малья следующим образом: «Хункар сказал: “Принесите мне того умершего ребенка”. Принесли. Он завернул его в свою хырку. Воздев руки, он прочитал молитву, провел руками по лицу, развернул хырку. Что же они видят? Ребенок ожил». Чудо с воскрешением мальчика встречается в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» еще один раз: халифе Хаджи Бекташа в Конье Пир Аб (Пир Эби) Султан воскрешает своего собствен-

---

¹⁰⁹ *Gölpınarlı A. Manakib*, с. 24.

¹¹⁰ Там же, с. 27.

ного сына, умершего во время чумы, не устояв перед горькими рыданиями своей жены¹¹¹.

Елисея объединяет с Хаджи Бекташем еще одно чудо — умножения пищи. Хаджи Бекташ велит Кадынджык замесить тесто из горсти муки, оставшейся в мешках, и этого теста хватает на то, чтобы выпекать хлеб в течение сорока дней¹¹²; Елисей же в голодный год приказывает сварить в большом котле похлебку из диких плодов и муки и раздает народу двадцать ячменных хлебцев, которых хватает, чтобы насытить большую толпу людей (4 Царств, 4, 38–44)). Наконец, эпизод столкновения Хаджи Бекташа с беём Кайсери отчасти напоминает рассказ о том, как царь Израильский послал некоего человека умертвить пророка Елисея за то, что тот приказал пощадить сирийское войско, попавшее в окружение израильтян (4 Царств, 6, 31; 7, 20). Служение Елисея пророку Илии (он «поливал воду на руки Илии») отразилось в «Вилайет-наме» как служение дервиша Сары Исмаила Хаджи Бекташу, так же поливавшего на руки своему господину¹¹³.

Библейские «корни» имеют и эпизоды с превращением воды для омовения в кровь, совершаемым Хаджи Бекташем дважды на глазах своих противников — наместника ильханов Нур эд-Дина Джаджа и Моллы Садд эд-Дина¹¹⁴. В Библии похожее чудо совершают Моисей и его брат Аарон на глазах египетского фараона: «И сделали Моисей и Аарон, как повелел Господь. И поднял [Аарон] жезл и ударил по воде речной пред глазами фараона и пред глазами рабов его, и вся вода в реке превратилась в кровь, и рыба в реке вымерла, и река воссмердела, и Египтяне не могли пить воды из реки; и была кровь по всей земле Египетской» (Исход, 7, 20–21). Однако общий мотив в обоих случаях употреблен в несходном контексте. Хаджи Бекташ творит чудо с превращением воды в кровь для того, чтобы показать, что ему нет необходимости в обряде омовения. Между тем для большинства семитских народностей обряд омовения имел принципиальное значение, а некоторые группы гностического толка (мандеи) старались практиковать его как можно чаще. Неприятие Хаджи Бекташем обряда омовения пока не нашло в науке убедительного объяснения (возможно, оно было связано с традициями кочевых огузов, почитавших воду священной и отказывавшихся по этой причине от купания в ней).

Библейские мотивы, относящиеся к Илие и Елисею, сохранены в «Вилайет-наме» с незначительными модификациями и адаптированы к личности Хаджи Бекташа. Разумеется, изменилось место действия пре-

---

¹¹¹ *Gölpınarlı A. Manakib*, с. 89.

¹¹² Там же, с. 35.

¹¹³ Там же, с. 82.

¹¹⁴ Там же, с. 29–30, 60.

даний и имя главного героя. Не упоминается и о голодных годах (видимо, в Анатолии в средние века голод не был столь постоянной угрозой, как в древней Палестине). Чудеса Исы (Иисуса) с сотворением пищи и чудесным насыщением апостолов были известны и мусульманам (Коран, сура 5, 112–114). Схожие деяния приписывались в сборниках хадисов и самому пророку Мухаммеду. В «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» содержится рассказ о чудесной скатерти, кормившей людей в течение сорока лет. Эта скатерть была подарена Хаджиму Султану Ахмедом Йасави (Хаджи Бекташ так же получает от Йасави ритуальную скатерть-*софра*¹¹⁵). Абдал Муса, согласно его «житию», «Вилайет-наме-и Султан Абдал Муса», накормил целое войско из своего небольшого котла (*хараны*), при этом котел остался полным¹¹⁶. Подобные чудеса совершал и Мевляна Руми, если верить легендам из «Манакиб аль-‘арифин».

Понятие «сын дыхания» (*нефес эвляды*) и смутные представления о непорочном зачатии, отраженные в рассказе «Вилайет-наме» о рождении детей Кадынджык Ана, видимо, тоже появились в традиции бекташи под воздействием христианства, через посредство коранической традиции о дуновении ангела Джебраила на Марию (Марйам). В предании бекташи зачатие у Кадынджык происходит от капель крови Хаджи Бекташа, капнувших в сосуд с водой для омовения (воду из которого Кадынджык выпила, дабы получить *бараку* святого-вели)¹¹⁷. И здесь, как и в рассказе о превращении воды в кровь, вода для омовения как бы загрязняется кровью, но это становится не причиной осквернения Кадынджык, как следовало бы по шариату, но, наоборот, дает начало «святому семейству». Однако «дети дыхания» Хаджи Бекташа, хотя и продолжили его род и стали первыми *челеби*, были наделены меньшей святостью, чем он сам (кроме третьего сына, Махмуда, почти сравнявшегося с отцом в мистической силе и умерщвленного им как соперника).

Почему при составлении «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» избирались именно перечисленные выше сюжеты, а не другие библейские, коранические, апокрифические рассказы, остается до конца не выясненным. Илия и Елисей послужили прообразами для создания литературного облика Хаджи Бекташа, вероятно, в силу того, что это, пожалуй, самые загадочные персонажи Ветхого Завета. В какой-то мере творцы легенд «Вилайет-наме» имели перед глазами и образы доисламских пророков Мусы, Исы и, может быть, Джирджиса (то есть св. Георгия).

Одно из типичных чудес Хаджи Бекташа — изведение им родников из земли. Впервые он совершает это чудо в детстве, на школьном дворе,

---

¹¹⁵ Там же, с. 16.

¹¹⁶ Vilâyet-name-i Abdal Musa, с. 25–27.

¹¹⁷ *Abmed Eflâki*. Manakib al-Arifin. Ankara, 1959–1961. Т. I, с. 169, 343.

на глазах у своего учителя Локмана Перенде¹¹⁸. Потом он повторяет то же чудо еще несколько раз: на горе Арафат¹¹⁹, посреди деревни Сулуджа¹²⁰ и на одном из холмов по просьбе Ахи Эврена¹²¹. Такое же чудо сотворил однажды духовный преемник Хаджи Бекташа — Абдал Муса, ударив кулаком по земле. Извлечение воды из камня или скалы встречается в эпической поэме о Сары Салтыке «Салтык-наме», а также в жизнеописании халифе Хаджи Бекташа Хаджима Султана. Сейид Али Султан «выбивает» воду из земли стрелой, а Эмир Султан (суннитский святой из Бурсы) — копьем¹²². Прототипы подобных чудес также можно обнаружить в Библии и Коране: рассказы о Самсоне и о пророке Айюбе (Иове). Наиболее известный пример из Ветхого Завета — изведение воды в пустыне Моисеем из камня посредством удара посохом (Исход, 17, 3–6; 20, 2–11). В греческих легендах о святых св. Георгий крестит тринадцать человек, только что воскрешенных им из мертвых, в водах источников, чудесным образом забивших из земли в том самом месте. В собственно тюркской мифологии чудеса с изведением воды неизвестны, что показывает чужеродность этих мотивов для тюрков и их заимствование из ближневосточной традиции.

Чудеса с хождением по воде чаще всего приписывались Отману Баба, который таким способом пересек однажды реку, а в другой раз — озеро. Стремившиеся повторить его подвиг мюриды каждый раз начинали тонуть. Хаджи Бекташ и его мюриды прославились больше переплыванием реки или моря на молитвенном коврике¹²³. Это чудо имеет, по-видимому, другой источник (здесь скорее выходит на первый план чудесное средство передвижения, а не чудесные способности самого святого персонажа, хотя и коврик движется благодаря святости его обладателя).

Христианские и библейские мотивы нашли отражение почти во всех произведениях в жанре вилайет-наме, исключая, может быть, только «Вилайет-наме-и Шуджа эд-Дин». А.Я. Оджак связывает наличие этих мотивов с пропагандистскими задачами бекташи¹²⁴. Больше всего христианских заимствований в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» и в «Вилайет-наме-и Хаджим Султан». Природные культы и верования, родственные шаманистским, чаще всего бросаются в глаза в жизнеописании Хаджи Бекташа (хотя они присутствуют и в «Вилайет-наме-и Отман Бабаб» и в «Вилайет-наме-и Шуджа эд-Дин»). «Менакыб-и Кайгусуз Баба»

---

¹¹⁸ *Gölpınarlı A. Manakib*, с. 6.

¹¹⁹ Там же, с. 28.

¹²⁰ Там же, с. 41.

¹²¹ Там же, с. 52.

¹²² *Ocak, A.Y. Bektaşî menakıbnamelerinde...* с. 214.

¹²³ *Gölpınarlı A. Manakib*, с. 24, 45–46.

¹²⁴ *Ocak A.Y. Bektaşî menakıbnamelerinde...* с. 219.

и «Вилайет-наме-и Шуджа эд-Дин» содержат некоторое количество буддийских и дальневосточных мотивов. Наличие отдельных групп мотивов в одних жизнеописаниях и отсутствие их в других можно объяснить запросами тех общин, к которым обращались авторы или составители агиографий. При сравнительном изобилии буддийских и христианских мотивов заслуживает внимания незначительный удельный вес в традиции жизнеописаний бекташи собственно шиитских легенд. Однако это соотношение верно только для прозаических памятников (и стихотворных вилайет-наме), но не для обширного и разнородного по составу корпуса духовных стихов бекташи и кызылбашей.

РОССИЯ И ЕГИПЕТ: МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДО ХРУЩЕВА И НАСЕРА

Социокультурные общности, как это очевидно, взаимодействуют через своих представителей. По нашему мнению, существуют две первичных формы подобного взаимодействия. Первая из них, наиболее древняя — это сугубо личные, частные контакты между представителями различных народов. Для обозначения этой формы межкультурного взаимодействия мы предлагаем использовать термин «гуманитарные связи»¹. Вторую форму такого взаимодействия можно охарактеризовать как «профессиональные связи». Они также носят личный характер, но генерируются вследствие профессиональной деятельности индивида (дипломат, коммерсант, солдат, деятель науки и искусства, спортсмен и т. д.).

Сочетание гуманитарных и профессиональных связей между различными социокультурными общностями неодинаково, как и сочетание двух первичных форм взаимодействия определенных социокультурных общностей в различные исторические периоды. Что касается России и Египта, то в рассматриваемый период, с момента установления первых контактов и до середины XX в., когда в эпоху Н.С. Хрущева и Гамаль Абдель Насера между двумя государствами наладились широкие многосторонние отношения, в их межкультурном взаимодействии прочно доминировали гуманитарные связи. На это было несколько причин.

Прежде всего отметим, что официальные отношения России с Египтом были установлены лишь в 1785 г., когда в Александрию прибыл первый российский генеральный консул, барон Конрад фон Тонус². Эти отношения неизменно носили ограниченный характер вследствие зави-

---

¹ Подробнее о гуманитарных связях см.: *Беляков В.В., Шеремет В.И.* Гуманитарные связи как форма межкультурного взаимодействия // Вестник РАЕН, 2007, т. 7, № 1, с. 108–111.

² Подробнее о первом российском дипломате в Египте см.: *Фрумин Д.В.* Миссия барона Тонуса // Восточный архив, № 1 (20), 2009, с. 4–15.

симого положения Египта — сначала от Османской империи, а затем — от Великобритании. После революции в России 1917 г. межгосударственные отношения были прерваны более чем на четверть века и даже после обмена дипломатическими миссиями в 1943 г. длительное время оставались формальными.

Что же касается гуманитарных связей, то их установление относится, по-видимому, еще к XI в. На территории Египта, на Синайском полуострове, находятся святыни христианства — Неопалимая купина, куст, в пламени которого Господь впервые явился пророку Моисею, и гора Синайская, на вершине которой Моисей получил от Господа скрижали веры. Они-то и стали отправной точкой гуманитарных связей нашей страны с Египтом вскоре после крещения Руси. Хранитель синайских святынь, православный монастырь св. Екатерины, превратился в место традиционного паломничества православных россиян наравне с Палестиной и Афоном³.

Впоследствии, уже в XIX в., к религиозному интересу русских к Египту прибавился интерес к его древней цивилизации, породивший к началу XX в. массовый по тому времени туризм. Чрезвычайно популярным среди наших соотечественников был и бальнеологический курорт Хелуан, южнее Каира⁴. При этом многие русские совмещали лечение в Хелуане с осмотром достопримечательностей Египта. К этому следует добавить, что после обеих мировых войн в Египте оказывались тысячи освобожденных из плена наших соотечественников⁵, а в 1920 г. эта страна приютила более 4 тыс. русских беженцев⁶.

Нельзя не упомянуть и такой важный эпизод русско-египетских гуманитарных связей: после войны 1877–1878 гг. в плену в России оказались тысячи египтян, сражавшихся в рядах османской армии. Они имели возможность познакомиться с экзотической для них Московией и после возвращения на родину рассказать о ней родным и близким⁷.

Словом, гуманитарные связи между Россией и Египтом не только значительно древнее, чем профессиональные, но и намного разнообразнее их.

Первичными формами межкультурного взаимодействия как раз и являются контакты между представителями различных народов. Однако существуют и вторичные формы такого взаимодействия, воз-

³ Подробнее см.: *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...» Русские в Египте. М., 2003, с. 15–25.

⁴ См. там же, с. 74–84.

⁵ *Беляков В.В.* Русский Египет. М., 2008, с. 321–331.

⁶ *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...», с. 135–195.

⁷ Подробнее об этом см.: *Беляков В.В.* Военнопленные-египтяне в России // Военно-исторический журнал, 2007, №4, с. 34–37.

никающие как следствие подобных контактов. Это образцы материальной и духовной культуры, каждый из которых несет определенный набор информации о своей социокультурной общности. В каждом конкретном случае — в зависимости от страны и эпохи — вторичными формами межкультурного взаимодействия становится специфическое сочетание носителей информации, причем в разных случаях эти носители играют не одинаковую роль.

Межкультурное взаимодействие — процесс двусторонний. Если объем контактов между представителями двух народов примерно равен, как это было, например, между Россией и большинством стран Европы, то и его вторичные формы обычно одинаковы. В нашем же случае ситуация иная. Межкультурное взаимодействие России и Египта в рассматриваемый период генерировалось почти исключительно россиянами.

Неравноценность контактов между двумя народами привела к тому, что каналы ознакомления россиян с Египтом, с одной стороны, и египтян с Россией — с другой, оказались не вполне совпадающими ни по количеству, ни по существу.

Каналы поступления информации в **Россию о Египте** были достаточно многочисленны и разнообразны. Наиболее распространенный из них — устные рассказы русских путешественников о Египте. По нашим оценкам, в рассматриваемый период в стране на Ниле побывали несколько десятков тысяч россиян. Вернувшись на родину, они делились впечатлениями с родными, близкими, друзьями. Тем самым информация о Египте достигала уже сотен тысяч, а возможно, и нескольких миллионов человек.

Сведения о Египте содержались в письмах, которые отправляли на родину русские путешественники и туристы. Их пребывание в стране на Ниле в исследуемый период нередко продолжалось несколько месяцев, особенно в том случае, когда главной целью поездки было лечение. Письма частных лиц для исследователей недоступны. Однако Египет посещали многие видные деятели культуры того периода, чьи письма на родину были впоследствии опубликованы. В качестве примеров можно привести художников Василия Поленова и Ивана Билибина, философа и поэта Владимира Соловьева, литераторов Андрея Белого, Ивана Бунина, великого князя Константина Романова, Лесю Украинку. Если поначалу эти письма обогащали знаниями о Египте лишь самих адресатов и их ближайшее окружение, то будучи опубликованными, они становились достоянием достаточно широкого круга людей.

Обширную информацию о Египте несла публицистика. В предреволюционные годы она была чрезвычайно многочисленна. С 1881 г. по 1917 г., по нашим подсчетам, вышло, по крайней мере, 17 очерковых книг о Египте, причем некоторые из них издавались дважды, а то и трижды.

Следует отметить, что в это число не включена многочисленная литература о паломничестве на Синай, в которой обычно содержались некоторые сведения и о Египте в целом. Что же касается журнальных публикаций, то более или менее достоверно подсчитать их количество вообще вряд ли представляется возможным. По-видимому, они исчислялись сотнями.

Российские деятели культуры, побывавшие в Египте, нередко затем трансформировали свои впечатления в литературные или художественные произведения. Это повести и рассказы Даниила Мордовцева, Викентия Вересаева, Ивана Бунина, стихи Владимира Соловьева, Вячеслава Иванова, Николая Гумилева, Константина Бальмонта, Ивана Бунина, Константина Романова, Леси Украинки. В конце XIX — начале XX в. 70 российских литераторов создали более 200 поэтических и около 60 прозаических произведений, так или иначе посвященных Египту⁸. Литературные произведения в беллетризированной или поэтической форме содержали обширные сведения о природе Египта, его архитектурных памятниках, традициях и культуре египтян. Можно с большой долей уверенности предположить, что эти произведения, благодаря популярности их авторов, пользовались у читателей даже большим успехом, чем публицистика, а содержащаяся в них информация лучше усваивалась.

Носителем сведений о Египте были также рисунки. По объему информации они, несомненно, уступали очерковым публикациям и литературным произведениям. Но эмоциональное воздействие изображения, особенно архитектурных памятников, было достаточно велико. В Египте в разное время побывали В.Д. Поленов (дважды), К.Е. Маковский, И.К. Айвазовский (участвовал в церемонии открытия Суэцкого канала в 1869 г.), Н.К. Рерих, М. Сарьян, М.А. Шагал. В 1920–1925 гг. в Египте жил и работал И.Я. Билибин. В творчестве каждого из них Египет занял определенное место. Рисунки нередко использовались в качестве иллюстраций. Примером могут служить четырехтомник А.В. Елисеева «По белу свету», в который вошла и его книга «Путь к Синаю» (он публиковался дважды, в конце XIX в. и в начале XX в.), или подборка стихов великого князя Константина Романова «В Египте», опубликованная в №36 журнала «Нива» за 1913 г.

В рассматриваемый период появился и начал распространяться такой носитель информации, как фотография. Она сочетала в себе эмоциональное воздействие рисунка с полной достоверностью изображения. Россияне, побывавшие в Египте, нередко привозили оттуда фотографии. Известны, например, несколько фотоснимков Ф.И. Шаляпина на фоне пирамид, сделанных в 1903 г.

---

⁸ Панова Л.Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. В 2-х т. М., 2006. Т. 1, с. 12.

Фотографией увлекался, живя в Египте, И.Я. Билибин. «Не имея возможности коллекционировать, я очень много снимал, — писал он другу в январе 1924 г. — Я много снимал и по Древнему Египту, и по арабскому искусству, но что очень близко моему сердцу — это так называемое коптское, а по моему, просто довизантийское искусство египетского производства, но совершенно без прежних древнеегипетских традиций. Это — предок (и прямой, а не боковой) и нашего русского искусства. Я бы очень хотел издать мой материал. Снимки мои, хотя и маленькие (9×12), но очень резкие и отчетливые. Как много можно было бы здесь сделать для музеев и школ России»⁹. Билибин очень дорожил своим египетским фотоархивом и вывез его сначала в Париж, где жил после Каира и Александрии, а затем в Ленинград, куда вернулся в 1936 г. Однако его фотографии (свыше тысячи) до сих пор не опубликованы, они хранятся в архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге.

Состоятельные путешественники нередко привозили из Египта в Россию древности, которые в рассматриваемый период можно было купить там вполне легально. Так поступили, например, художники В.Д. Поленов и М.С. Сарьян, фабрикант Д.Г. Бурьлин, врач А.В. Живаго. Причем если Поленов, Сарьян и Живаго разместили египетские древности в своих личных коллекциях, доступных лишь узкому кругу лиц, то Бурьлин передал их в исторический музей, основанный им в 1914 г. в родном Иваново-Вознесенске. Через предметы искусства древних египтян русские люди познакомились с цивилизацией долины Нила.

Те, кому древности были не по карману, возвращались из Египта с сувенирами. Об этом писал Иван Бунин в стихотворении «В жарком золоте заката пирамиды»:

«... Я привез
Лук оттуда и колчан зелено-медный,
Щит из кожи бегемота, дротик гибкий,
Мех пантеры и суданскую кольчугу...»¹⁰.

Сувениры, представлявшие собой изделия ремесленников и предметы декоративно-прикладного искусства, знакомили русских людей с культурой современного им Египта. Впрочем, оставаясь в частных коллекциях, они были доступны для обозрения лишь узкому кругу лиц. Насколько нам известно, в отличие от египетских древностей, эти предметы в исследуемый период не пополняли музейные коллекции.

Рассмотрим теперь каналы поступления информации в **Египет о России**. Из-за того, что египтяне практически не посещали нашу страну,

⁹ И.Я. Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970, с. 114.

¹⁰ Бунин И.А. Собрание сочинений в шести томах. М., 1988. Т. 1, с. 294.

эти каналы имели свои особенности. Так, не играли сколько-нибудь заметной роли ни письма египтян из России, ни публицистика, ни литературные произведения, равно как и фотографии, рисунки, древности и сувениры. На первый план выдвинулись другие вторичные формы межкультурного взаимодействия.

Впрочем, по крайней мере, один из них был общим и весьма эффективным. Речь идет об устных рассказах. Мы имеем в виду рассказы египтян, в основном бывших военнопленных, о пребывании в России.

Известный резонанс вызывали статьи в египетской печати, с которыми время от времени выступали русские иммигранты. Так, в годы Второй мировой войны профессор-историк Г.И. Лукьянов опубликовал несколько статей о Советском Союзе. Его жена Е.С. Лукьянова, тоже историк, напечатала 13 марта 1945 г. в газете «Ля Бурс Эжипсьен» обширную статью под заголовком «Русская душа». Главными факторами ее формирования Лукьянова считала природу и православие. Заметим, однако, что такие статьи появлялись главным образом в газетах и журналах на французском языке, а значит, были доступны лишь ограниченному числу образованных египтян.

В лагерях русских беженцев и бывших военнопленных обычно создавались художественные коллективы. Существовали они и в среде иммигрантов. Эти коллективы давали концерты и спектакли не только для своих соотечественников, но и для египтян. Поскольку россияне оказались в чуждом им культурном окружении, то задача художественных коллективов состояла в первую очередь в удовлетворении их собственных культурных потребностей. Музыкальные коллективы представляли собой преимущественно ансамбли русских народных инструментов и хоры русской народной песни, репертуар театральных коллективов состоял почти исключительно из русской классики. Особенно много таких коллективов было в лагере русских беженцев в Сиди Бишр под Александрией, существовавшем в 1920–1922 гг. По свидетельству одного из обитателей лагеря, Дмитрия Фламбуриани, их выступления в Александрии «пользовались большим успехом и популярностью»¹¹.

А вот более поздний пример знакомства египтян с русской музыкальной культурой. В конце 1940-х гг. в Каире был хорошо известен семейный ансамбль русских балалаечников — отец, мать и двое дочерей. Однажды ансамбль даже пригласили во дворец Абдин, сыграть перед королем Фаруком. Молодой в ту пору оперный певец Григорий Саркисян, рассказавший недавно автору об этом эпизоде, пел под аккомпанемент балалаек русские народные песни. Его отец был выходцем из России, мать — местная армянка, и хотя в семье не говорили по-русски, русские

¹¹ *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...», с. 247.

песни знали и любили. Григорий пел их на армянском языке, и только одну, «Эй, ухнем!» — по-русски¹².

В 1930–1940-е гг. русская община в Египте ежегодно устраивала благотворительный бал для сбора средств в помощь престарелым и больным соотечественникам-иммигрантам. На балах обычно присутствовала вся египетская верхушка во главе с королем Фаруком. Непременным компонентом бала был благотворительный базар, на котором продавались предметы декоративно-прикладного искусства, выполненные самими иммигрантами. Естественно, это были главным образом поделки в русском стиле. Балы, проходившие в лучших отелях Каира и Александрии, были популярны, поделки, выставленные на благотворительный базар, пополняли частные коллекции состоятельных египтян, давая им таким образом возможность познакомиться с русским декоративно-прикладным искусством.

Иногда устраивались и художественные выставки. Так, в декабре 1924 — январе 1925 г. в Александрии проходила выставка работ И.Я. Билибина и его жены, А.В. Щекотихиной-Потоцкой. Почти все экспонаты выставки были проданы, правда не только египтянам, но и иностранцам. В 1930–1940-е гг. несколько персональных выставок в Каире и Александрии устроила художник В.Е. Накамули. В 1930-е гг. живший в Египте русский скульптор Б.О. Фредман-Клюзель обычно принимал участие в ежегодном каирском биеннале.

Египетские христиане имели возможность познакомиться с русским церковным искусством. Из России в Египет поступали дары в виде икон, церковной утвари и облачений. Они направлялись в первую очередь в монастырь св. Екатерины на Синае, но оседали также и в храмах православной Александрийской патриархии. По крайней мере, два храма — св. Георгия Раифского в Торе (Синай) и св. Николая в патриаршем подворье Хамзауи (Каир) — получили в XIX в. свои иконостасы в подарок из России. Русские иконы можно иногда встретить и в коптских церквях, особенно монастырских, в Восточной пустыне и Вади Натрун, которые нередко посещали паломники из России.

В рассматриваемый нами период появилась и стала быстро развиваться кинематография, превратившаяся в новый инструмент межкультурного взаимодействия. Впрочем, в нашем случае она определенно не играла заметной роли. До революции 1917 г. в России кинематограф был еще не развит, а затем вплоть до 1943 г. между нашими государствами не было официальных отношений. Нам известны лишь два случая показа отечественных фильмов в Египте в исследуемый период. В мае 1922 г. С.П. Юрицын, журналист, эмигрировавший в Египет после пораже-

¹² *Беляков, Владимир.* «Э-э-э-й, ухнем!» // Комсомольская правда в Египте, 29.12.2008.

ния революции 1905–1907 гг., привез из Германии в Каир и демонстрировал там русский фильм «Черная пантера» с известной актрисой Полевицкой в главной роли¹³. 15 мая 1944 г. показом документального фильма «Сталинград» в каирском кинотеатре «Опера» был дан старт кампании по сбору средств в помощь гражданскому населению СССР. На просмотре присутствовал весь цвет египетской политической элиты во главе с королем Фаруком¹⁴.

Традиции русского искусства передавались египтянам путем преподавания, которым зарабатывали на жизнь десятки русских иммигрантов. Уроки музыки давали бывший сотрудник российского генконсульства в Александрии И.П. Умов и Е.В. Голенищева-Кутузова. Б.О. Фредман-Клюзель был первым заведующим кафедрой скульптуры факультета изящных искусств Каирского университета. Частные уроки живописи давал И.Я. Билибин. А.В. Стрекаловская создала в конце 1940-х гг. в Каире частную балетную школу.

Разумеется, межкультурное взаимодействие России и Египта происходило благодаря не только гуманитарным, но и профессиональным связям. Важным инструментом, например, были труды русских ученых-востоковедов — В.С. Голенищева, Н.П. Кондакова, М.И. Ростовцева, Б.А. Тураева. Египтолог В.С. Голенищев собрал одну из лучших в мире коллекций египетских древностей, выставленную с 1912 г. в Музее изящных (ныне — изобразительных) искусств в Москве. В межвоенный период И.Ю. Крачковский перевел на русский язык повесть египетского писателя Таха Хусейна «Дни», а М.А. Салье — роман Тауфика аль-Хакима «Возвращение духа».

В свою очередь, египтяне в начале XX в. переводили на арабский язык произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, В.И. Ленина. С русским искусством их знакомили наши великие соотечественники Анна Павлова и Федор Шаляпин, побывавшие на гастролях в Египте, причем Шаляпин на концерте в Александрии в 1933 г. пел главным образом русские народные песни¹⁵.

И все же в рассматриваемый период межкультурное взаимодействие России и Египта шло главным образом по линии гуманитарных связей. Определив вторичные формы подобного взаимодействия, попробуем теперь выявить его проявления.

В первую очередь следует остановиться на **распространении языка**. Знание иностранного языка в наиболее полной степени открывает

---

¹³ *Беляков В.В.* Русский Египет, с. 204.

¹⁴ *Новиков Н.В.* Пути и перепутья дипломата. М., 1976, с. 102.

¹⁵ *Беляков В.В.* Русский Египет, с. 46.

дорогу к общению с представителями другого народа — носителями этого языка, к познанию его культуры.

В России арабский язык не получил распространения. Русским, оказавшимся в Египте, не было нужды изучать язык египтян. С начала XIX в. и до английской оккупации 1882 г. Египет находился под влиянием Франции, образованные слои египетского общества, как и российского, хорошо знали французский язык. С приходом англичан к французскому языку, так и оставшемуся для египтян основным иностранным, добавился английский. Поэтому общение наших соотечественников с египтянами происходило на европейских языках. В том случае, когда надо было объясниться с простолюдинами, нанимали переводчика, опять-таки с европейским языком. Даже иммигранты, десятилетиями жившие в Египте, осваивали обычно лишь азы разговорного языка и не умели читать и писать по-арабски.

Однако в Египте в рассматриваемый период было немало людей, в той или иной степени владевших разговорным русским языком. Это были в первую очередь египтяне, побывавшие в конце 1870-х гг. в плену в России. Пленные жили в казармах, но им разрешали свободно покидать их и даже устраиваться на работу, а это было невозможно без элементарных знаний русского языка. Вторая категория египтян, знакомых с русским языком, — это те, кто по долгу службы постоянно общался с русскими паломниками и путешественниками: сотрудники гостиниц и санаториев, гиды, продавцы в магазинах. Впрочем, их знания языка обычно не выходили за рамки профессиональной лексики. Кстати сказать, аналогичный процесс происходит в Египте и в последние годы, когда поток туристов из России стал быстро нарастать. В гостиницах, магазинах, ресторанах красноморских курортов, где, сменяя друг друга, постоянно находятся сотни, а то и тысячи туристов из России, теперь, как правило, можно изъясниться по-русски.

О внедрении русского языка в Египте дважды упоминал А.В. Елисеев. «Везде я встречал дружелюбное отношение, слышал приветствия, целые фразы на ломаном русском языке, и нигде ничего враждебного», — отмечал он в книге о своем путешествии на Синай в 1881 г. Речь в данном случае идет о разного рода прислуге, привыкшей к общению с русскими паломниками и путешественниками. Далее Елисеев писал: «Война и сотни тысяч пленных, побывавших в хлебосольной Московии, с самой выгодной стороны повлияли на все слои населения Турецкой империи. Даже на берегах Нила можно теперь с удивлением встретить туземца, маракующего по-русски»¹⁶.

---

¹⁶ Елисеев А.В. Путь к Синаю. СПб., 1883, с. 3, 4.

Наиболее явное и впечатляющее проявление межкультурного взаимодействия — **заимствование архитектурного стиля**. Классический тому пример — историческая часть Петербурга, застроенная в европейском стиле. Но русская архитектура испытала на себе и влияние Египта. К постройкам «в египетском стиле» следует отнести пирамиду и парадные ворота в Царском Селе, Египетский мост в Петербурге, Египетский павильон в имении Кузьминки (Москва), здание краеведческого музея в Красноярске и даже мавзолей В.И. Ленина на Красной площади, представляющий собой ступенчатую пирамиду.

Что касается египетской архитектуры, то она русского влияния на себе не испытала. На это было немало причин. Прежде всего, следует отметить тот факт, что лишь единицы египтян побывали в России и имели возможность познакомиться с ее архитектурой. Кроме того, архитектура того периода нередко имела религиозные черты, а для мусульман — подавляющего большинства населения Египта — христианские мотивы в русской архитектуре были неприемлемы. Сказывались и различия в климате и строительном материале. И даже православные египтяне не копировали русскую архитектуру, поскольку их традиции были глубже русских и восходили к ранней Византии. Во всем Египте, насколько нам известно, есть всего два небольших сооружения, возведенных в русском стиле. Это часовни над «русскими склепами» на греческих православных кладбищах в Каире и Александрии, причем построены они были русскими иммигрантами.

Важным проявлением межкультурного взаимодействия является **заимствование элементов дизайна**. Такое заимствование было популярно в русской культуре XIX в. Отметим Египетский зал в Останкино, вестибюль дворца в Павловске, Померанцевый зал оранжереи в Кузьминках, столовую в Архангельском. Все они были отделаны в «египетском стиле». Кавычки в данном случае уместны, ибо, по мнению искусствоведов, дизайн этих помещений представлял собой смесь древнеегипетского и античного стилей. Что же касается египетской культуры, то заимствования в ней элементов русского дизайна нами не обнаружено. По-видимому, сыграли свою роль те же основные причины, что и в архитектуре: недостаток знаний, религиозные традиции.

Следующим проявлением межкультурного взаимодействия следует назвать **заимствование образцов декоративно-прикладного искусства**. В русской культуре оно выразилось главным образом в изготовлении каменных и фарфоровых ваз и посуды, расписанных в египетском стиле. Их и поныне можно увидеть в музеях, в том числе в Эрмитаже, и в антикварных магазинах. Наиболее знамениты работы такого рода начала XIX в., выполненные по рисункам А.Н. Воронихина.

В египетской культуре наиболее явный предмет заимствования — русский самовар. Подтверждением этого может служить тот факт, что само это слово («*самоуар*») вошло в арабский язык. Русские самовары и сейчас можно купить в египетских антикварных лавках. Сама же идея трансформировалась в кофейники уличных торговцев кофе. В середину кофейника впаяна трубка, в которую кладут раскаленные угли. Они надолго сохраняют кофе горячим.

Рассмотрим далее **обмен предметами материальной культуры**. Это проявление межкультурного взаимодействия является одновременно и его инструментом. В России он выразился в формировании многочисленных музейных и частных коллекций египетских древностей. Декоративно-прикладное искусство египтян в тот период, в отличие от наших дней, не привлекало особого внимания русских путешественников, хотя, как уже отмечалось, многие из них возвращались из Египта на родину с сувенирами. Однако эти сувениры оседали в частных коллекциях и не были доступны для обозрения широким слоям населения России. Насколько нам известно, образцы египетского декоративно-прикладного искусства исследуемого периода не были представлены ни в одном российском музее.

В материальном проявлении межкультурного взаимодействия России со странами Западной Европы заметное место занимали предметы изобразительного искусства — картины, скульптура. В случае с Египтом этого не происходило. Как известно, ислам запрещает изображение живых существ, и до начала XX в. этот запрет соблюдался в Египте весьма строго. Появление там профессиональных художников и скульпторов было результатом европейского влияния, значительно усилившегося после английской оккупации страны. Поскольку изобразительное искусство египтян было молодо и несовершенно, то оно не привлекало внимания русских людей.

Что касается Египта, то русское изобразительное искусство тоже не привлекало египтян, поскольку этот вид искусства вообще был чужд египетской арабо-исламской культуре. Исключения составляли картины и скульптуры, созданные в Египте русскими иммигрантами: И.Я. Билибиным, отцом и сыновьями Стрекаловскими, В. Дашкевичем, Б.О. Фредманом-Клюзелем. Следует, однако, отметить, что почти все эти работы выполнялись либо по заказам европейцев и христиан-коптов, либо в целях практической надобности, как это было с братьями Стрекаловскими, один из которых работал с археологами, а другой — с хирургами.

В Египте немало предметов материальной церковной культуры русского происхождения, особенно икон. Самая многочисленная и разнообразная коллекция этих предметов находится в монастыре св. Екате-

рины на Синае. Но необходимо отметить, что этот монастырь — греческий православный, а не коптский, поэтому данные предметы доступны лишь очень узкому кругу православных египтян. Русские иконы встречаются и в коптских церквях и монастырях, а две из них даже по ошибке (их приняли за коптские) попали в музеи — Вещественных доказательств в каирской Цитадели и в музей г. Эль-Ариш на Северном Синае. Иконы привозили в Египет русские паломники и иммигранты.

Отдельные предметы русского декоративно-прикладного искусства попадали в частные коллекции египетских вельмож. Особой популярностью пользовались ювелирные изделия фирмы Фаберже. Их либо покупали в магазинах фирмы в Лондоне и Париже, либо получали в подарок от представителей российской императорской семьи, периодически посещавших Египет. В 1908 г. Карл Фаберже даже собирался открыть свой магазин в Каире, но русские дипломаты отговорили его от этого шага, ссылаясь на неблагоприятную экономическую конъюнктуру¹⁷. Когда в 1954 г. на аукционе в Каире распродавали личную коллекцию свергнутого короля Фарука, то в ней находились 200 изделий фирмы Фаберже, в том числе два императорских пасхальных яйца¹⁸.

Правители Египта проявляли огромный интерес к личному оружию. Коллекция свергнутого в 1952 г. короля Фарука состояла из нескольких сот сабель, кинжалов, пистолетов. В 1998 г. эта коллекция была выставлена в королевском дворце Абдин на всеобщее обозрение. Среди экспонатов — два старинных русских пистолета: один с рукояткой из слоновой кости в виде орла, другой, пятизарядный, в деревянной коробке с аксессуарами¹⁹.

В музее дворца Абдин выставлены также несколько русских орденов, которыми были в свое время пожалованы правители Египта. Так, хедив Аббас Хильми II в 1902 г. был награжден орденом св. Александра Невского, украшенном бриллиантами, за гостеприимство во время поездки по долине Нила великих князей Кирилла и Бориса Владимировичей. Российские награды получили также министр иностранных дел Бутрос Гали, главный церемониймейстер Хасан Ассем и брат хедива Мухаммед Али²⁰.

Одним из традиционных проявлений межкультурного взаимодействия является **заимствование образцов одежды, обуви и причесок**. Такое заимствование у западноевропейских народов было широко

¹⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 317, оп. 820/3, д. 234, л. 4, 9.

¹⁸ Скурлов Валентин. Фаберже возвращается в Россию // Антикварное обозрение, №1–2, 2004, с. 58.

¹⁹ Беляков В.В. Русский Египет, с. 256.

²⁰ АВПРИ. Ф. 149, оп. 5026, д. 5595, л. 5, 15, 18об.

распространено в России, особенно в петровские времена. Однако в случае с Египтом оно отсутствовало. Сказались резкие различия и в климате, и в тесно связанных с религией культурных традициях.

Не получило распространения и такое проявление межкультурного взаимодействия, как **заимствование блюд национальной кухни**. Видимо, этому препятствовали слишком большие различия в природе и климате двух стран, а следовательно, и в наборе продуктов, и в традициях питания. В меню современных египетских ресторанов, рассчитанных на туристов, можно нередко встретить «русский салат» — подобие нашего «Столичного» салата, густо политого майонезом. Однако неясно, когда произошло это заимствование, и, кроме того, эти рестораны редко посещают сами египтяне. В последнее десятилетие в городах России получила широкое распространение *шаурма*, но это не чисто египетское блюдо, а одно из блюд, характерных для всей ближневосточной кухни.

Одним из проявлений межкультурного взаимодействия является **заимствование традиций**. Современным примером такого заимствования можно считать пришедшее в Россию с Запада празднование Дня влюбленных (Дня св. Валентина). Однако в отношениях с Египтом подобного не наблюдалось. Правда, христианство немало заимствовало из религиозных традиций древних египтян, но это отдельная тема, выходящая за рамки данного исследования.

Как видим, социокультурные общности взаимодействуют через своих представителей. Первичными формами такого взаимодействия являются гуманитарные и профессиональные связи. Гуманитарные связи в зависимости от объема контактов и их роли в межкультурном взаимодействии подразделяются на заочные (переписка, телефонные переговоры) и очные (временная или постоянная миграция). Вторичные формы такого взаимодействия, то есть носители информации, которую получают индивиды в результате гуманитарных связей, весьма разнообразны и в рассматриваемый период были достаточно широко представлены в отношениях России с Египтом. То же самое можно сказать и о проявлениях межкультурного взаимодействия, хотя они и не были столь многочисленными и разносторонними, как в контактах России со странами Западной Европы.

ОСМАНСКАЯ РАЗВЕДКА И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИНДИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Недавно исследователям стали доступны материалы турецких архивов о деятельности турецкой разведки Тешкилят-и Махсуса (*Teşkilat-ı Mahsusa*) в годы Первой мировой войны. Эти документы ранее были засекречены и хранились в архиве Генерального штаба Турции (*Genelkurmay Askeri Tarih ve Stratejik Etüt Başkanlığı*). Они проливают свет на некоторые аспекты деятельности османских спецслужб, направленной на распространение боевых действий на территорию Афганистана и Британской Индии. Следует отметить, что далеко не все документы рассекречены, поэтому мы предлагаем вниманию читателей лишь предварительный анализ событий, на основании доступных ныне документов.

Османские спецслужбы стали проявлять особый интерес к Индии осенью 1914 г. Это совпало с появлением в Стамбуле известного индийского просветителя и борца за независимость от Англии по имени Хар Даял.

Хар Даял родился в Дели в 1884 г. С 1900 г. по 1905 г. он обучался в Университете Пенджаба, который закончил со степенью магистра искусств. Среди предметов изучения были санскрит и древнеиндийская литература, английский язык и литература, экономика, политические науки и математика. В 1905 г. он был назначен на должность преподавателя истории и экономики в Колледж св. Стефана в Дели. В том же году Хар Даял получил стипендию от английского правительства и до 1908 г. обучался в Оксфорде. В 1908–1911 гг. он вел активную агитацию среди индийцев, проживавших в Англии и Франции, побывал в Италии, Швейцарии, Алжире. С 1909 г. по 1911 г. Хар Даял издавал в Женеве газету «Банде Матарам»¹. В тот период он стал одним из видных представителей

¹ *Abmad Feroz*. 1914–1915 Yılında İstanbul'da Hint Milliyetçi Devrimcileri. (Çev. Fatmagül Berktaş) Yayıncı s. 5–515.

индийской эмиграции в Париже, установил контакты с французскими социалистами и с революционерами других европейских стран, в особенности с эмигрантами из России — социал-демократами, а также с Социалистическим Интернационалом.

В 1911 г. Хар Даял прибыл в Сан-Франциско. Вскоре он стал самой заметной фигурой среди индийских эмигрантов в США. В 1913 г. по его инициативе стала издаваться газета «Гадр» («Восстание»), названная так в память о народном восстании 1857–1859 гг. В том же году на съезде представителей различных индийских общин в Америке была основана «Индийская ассоциация», душой которой был Хар Даял. Несколько позже партия получила название «Гадр». Она имела разветвленную сеть отделений в Америке и филиалы в некоторых странах Тихоокеанского бассейна, включая Японию, Филиппины, Индонезию, Малайю, Китай и др. Он разработал несколько планов восстания в Индии, для осуществления которых в эмиграции готовились группы боевиков. Они должны были составить, по замыслу руководителей партии, ядро восставших. С этой же целью на средства, собранные среди эмигрантов, закупалось оружие. Еженедельник «Гадр», а также брошюры и книги партии, издававшиеся в США на английском и нескольких индийских языках, распространялись в Индии. Эти агитационные материалы служили мощным средством массовой антианглийской агитации².

В сентябре 1914 г. Хар Даял прибыл в Стамбул, где разработал план по вовлечению Индии в войну на стороне тройственного союза. От имени «Бюро Национальной партии Индостана» он представил его на рассмотрение османской разведке и лично ее создателю и османскому военному министру Энверу-паше³. Его план состоял из трех частей.

Первая часть плана предусматривала мероприятия по пропаганде идей независимости в Индии⁴:

1. В случае войны Хар Даял предлагал оказывать всестороннюю помощь всем индийцам, проживающим на территории Османской империи, вне зависимости от вероисповедания.

2. Отправить в Индию особых уполномоченных для ведения тайной пропаганды.

3. Распространять среди индийского населения фетвы, призывающие к войне, известия о победах османов и немцев над англичанами, материалы политического и пропагандистского содержания.

---

² <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000015/st049.shtml>

³ Архив Генерального штаба Турции (*Genelkurmay Askeri Tarih ve Stratejik Etüt Başkanlığı*, АГШТ). Оп. 1845, д. 75, док. 28.

⁴ Там же, док. 29.

4. Издавать ежемесячную иллюстрированную газету для распространения среди выходцев из Индии в Турции и нейтральных странах.

Хар Даял предполагал продолжать издание этой газеты и после войны. Для этого он просил османское правительство и военное командование поручить ему подготовку и распространение этой газеты и с этой целью ввести упрощенные процедуры почтовой рассылки и подписки.

В этой же части плана Хар Даял высказал свои соображения относительно того, что нужно будет сделать при содействии османской военной разведки после начала войны⁵:

1. Распространять как среди живущих за рубежом индийцев, так и нелегально в Индии революционные книги, газеты, брошюры и т.п. Для этого он хотел организовать специальные типографии в Басре, Бейруте и Джидде.

2. Организовать собственную сеть надежных информаторов и осведомителей в Индии.

3. Создать в Бейруте, Мекке, Медине, Джидде, Багдаде и Басре центры антианглийской пропаганды.

4. Обучать индийских курсантов в османских военных школах. Кандидатуры рекрутов должны были отбираться лично Хар Даялом и руководителями партии «Гадр». Чтобы избежать дипломатических осложнений, предполагалось принять всех курсантов в османское подданство.

Во второй части плана Хар Даял предложил меры по установлению «надежных контактов между Османской Турцией и Индией»⁶:

1. Создать «Турецко-индийское общество». Задачей общества предполагалось содействие развитию общественных, идейных и торговых связей между Индией и Турцией. Общество должно оставаться вне политики.

2. Распространять среди образованных индийцев ежемесячную газету на английском языке «The Indo-Ottoman Messenger». Выпускать брошюры и книги для ознакомления индийцев (в особенности брахманов) с Турцией. Организацию издательских работ Хар Даял предлагал взять на себя, однако, по его замыслу, связь бюро его партии и этого общества должна была оставаться тайной.

3. Издавать для промышленных кругов Индии «Османский торговый бюллетень» и командировать в страну особого торгового представителя Турции.

4. Прилагать усилия к тому, чтобы создать многочисленную и организованную индийскую диаспору в Турции (причем с участием не только индийцев-мусульман, но и индуистов).

---

⁵ Там же, док. 31.

⁶ Там же, док. 32–34.

5. Поощрять переселение индийских крестьян и рабочих на территорию Османской империи, в частности — в населенные враждебно настроенными к туркам арабами районы Месопотамии.

6. Поддерживать и награждать тех индийских юношей-мусульман, которые будут обучаться богословию и медицине в Стамбуле.

Все издания Хар Даял также предложил перевести на английский и местные языки Индии. Кроме того, он призывал активно использовать потенциал партии «Гадр» и одноименную газету для пропагандистских целей. По его замыслу, журналисты «Гадр» должны были находиться в Индии и сопредельных регионах, добывая информацию, в том числе и закрытого или политического характера. Он также привлекал внимание османского руководства к тому, что с помощью данных мер оно сможет вербовать рекрутов среди индийских мусульман.

Третья часть плана Хар Даяла называлась «Предложения по пропаганде панориентализма»⁷. Из документа видно, что Хар Даял считал панориентализм новой общественной наукой, которая поможет адекватно описать социально-политическую реальность восточных стран. Он предложил организовать сначала в Стамбуле, а потом в других странах аналогичное общество или партию, которая будет выпускать ежемесячный журнал на французском или английском языке. Общество должно будет создать библиотеку по различным вопросам истории, общества, экономики и политики на Востоке. Далее Хар Даял предложил создать в Стамбуле современный большой университет, который бы собрал в своих стенах студентов из стран Востока. Этому университету отводилась важная задача разрушить исключительное право европейцев на изучение Востока. Для практических исследований современного общества на Востоке и для создания групп влияния в среде властных восточных элит он хотел создать «Институт восточной социологии». По замыслу Хар Даяла, центрами панориентализма должны были стать Токио и Стамбул.

По всей видимости, план Хар Даяла был в целом одобрен турецким руководством. После его отъезда из Стамбула в Берлин осенью 1914 г. в столице Османской империи были созданы организации борцов за независимость Индии. Первой из этих организаций стало «Общество молодого Индостана»⁸. Задачами этого общества было:

1. Установить между Османской империей и Индией общественные, политические, экономические и научные связи и развивать их.

2. Обеспечить единство и поддержку всем индийцам, находящимся как на территории Индии, так и на территории других государств.

---

⁷ Там же, док. 35.

⁸ Genç Hindistan Cemiyeti. «Young Hindustan Association». АГШТ, оп. 1847, д. 91, док. 1/103.

Как видно, цели общества совпадали с предложениями, выдвинутыми Хар Даялом во второй части его плана.

Вторым стало общество «Меч Индии»⁹. Эта организация ставила перед собой следующие задачи:

1. Уничтожить власть англичан в Индии и создать новое, независимое правительство.
2. Уничтожить влияние англичан в странах Востока.
3. Создать надежную связь между странами Востока, и в частности между Турцией и Индией.
4. Примирить и объединить при посредничестве Турции все этнические и религиозные группы в Индии с целью свержения англичан.
5. Уничтожать всех, кто будет препятствовать осуществлению национальных интересов.

В уставе организации было специально оговорено, что она будет действовать с разрешения и одобрения османского правительства. Для управления и контроля за действиями общества «Меч Индии» османское правительство может назначить специального уполномоченного.

Таким образом, уставы этих двух обществ частично включали план Хар Даяла. Правда, идея университета в условиях войны и нехватки времени не была осуществлена. По рекомендации турецких властей генеральным секретарем общества «Меч Индии» был назначен Сейид Абдулвахид Хиндли. Он же был назначен и генеральным секретарем «Общества молодого Индостана». Об этом человеке известно немного. Судя по его нисбе, он был мусульманином родом из Индии. Хиндли должен был осуществлять общее руководство деятельностью данных организаций и поддерживать связь с Центром в Стамбуле, с одной стороны, и с индийскими комитетами по борьбе за независимость — с другой. Хар Даял также рекомендовал его Энверу-паше как опытного товарища. Впоследствии именно на основе его рапортов османские военные власти определили военную стратегию Османской империи по отношению к действиям на территории Индии и частично Афганистана.

В военных планах османского командования сохранялась идея создания фронта на подвластных Англии территориях в Индостане. Но осуществление этих планов представляло значительные трудности по целому ряду причин и было невозможно без активного участия индийского населения. Кроме того, Индия существенно удалена от Османской империи, и между двумя государствами в качестве труднопреодолимой преграды лежат Иран, а затем Афганистан. Поэтому как панисламистская деятельность, так и контакты с индийскими комитетами независимости также встречались с весьма серьезными затруднениями.

---

⁹ Seyfi Hindistan Cemiyeti. The Sword of India Society. Там же, док. 1/140–141.

С учетом всего этого Сейид Абдулвахид Хиндли представил на рассмотрение османскому руководству карту, на которой изобразил пути проникновения в Индию¹⁰. Его предложения и оценки, повествовавшие о примерах деятельности индийских борцов за независимость, были приложены к карте и проливают свет на имевшие место события и предполагавшиеся достаточно активные действия¹¹.

План Сейида Абдулвахид Хиндли предусматривал вербовку среди английских военнопленных—индийцев кадров для организации повстанческого движения в приграничных с территорией Афганистана провинциях Британской Индии. Он был уверен в том, что среди находящихся в Берлине в плену индийских солдат и офицеров имеются выходцы из Белуджистана. Хиндли отмечал, что при доставке этих пленных из Берлина в Турцию и далее через территорию Ирана в Белуджистан не предвидится никаких затруднений. Он описал и ожидаемый результат: «После того, как эти [солдаты] придут туда (в Белуджистан. — *А. В.*), они будут работать для того, чтобы силой распространить и завершить джихад в Индостане, и будут беспрекословно подчиняться приказам и исполнять приказы Его Величества Султана».

Для того, чтобы привести этот план в исполнение, Сейид Абдулвахид Хиндли, априори полагавший, что упомянутые белуджи хотят сражаться за интересы султана и кайзера, указывал, что размещение их в Индии и участие в нападениях на Британскую индийскую армию поможет облегчить действия индийских комитетов борцов за независимость и окажет им содействие.

Сейид Абдулвахид Хиндли был убежден, что с согласия иранского правительства в Белуджистан можно будет переправить несколько офицеров, оружие и боеприпасы, чтобы вместе с племенами белуджей организовать постоянное давление на Британскую Индию с севера. Такие действия, по его замыслу, дадут возможность доказать «лживость и лицемерие той пропаганды, которая проводилась Англией для введения в заблуждение мусульманского населения». Эти рекомендации Сейид Абдулвахид Хиндли высказал устно, однако они зафиксированы в архивах турецкой разведки. Вполне возможно, что многие другие советы и консультации такого рода отдавались изустно и могли не сохраниться.

Сейид Абдулвахид Хиндли обращал внимание руководителей миссии, которая должна была отправиться в Афганистан, на два обстоятельства. Первое — то, что в состав миссии должны входить люди набожные и преданные делу распространения ислама, точно и в срок соблюдающие все религиозные предписания. Перед отправкой эти люди должны отпу-

---

¹⁰ АГШТ, оп. 351, д. 1403, док. 5/1.

¹¹ Там же, док. 4/1–3.

стить бороды. По его мнению, таким образом будет обеспечено влияние и авторитет этих людей среди афганцев. Второе обстоятельство, на которое следует обратить внимание, — это включение в состав миссии человека, который в совершенстве владел бы персидским языком, умел писать на нем и обладал бы к тому же ораторским умением. Сейид Абдулвахид Хиндли считал, что такому члену миссии необходимо обладать навыками управленца, и, общаясь с афганцами, он сможет завоевать их расположение. Кроме того, этот человек, который одновременно будет и проповедником, должен быть сведущим в политике и религиозных вопросах.

Сейид Абдулвахид Хиндли сообщал, что, по его мнению, фирман султана-халифа о священном джихаде еще не был известен в Индии. Он отмечал, что Англия прилагает много усилий и тратит много денег для того, чтобы скрыть это известие, поскольку оно затрагивает ее жизненно важные интересы в Индии. Свидетельством этого, по его мнению, являлось заявление вице-короля Индии лорда Хардинджа (Hardinge) о том, что Англия не станет оккупировать Басру и не включит ее в состав своих владений. Сейид Абдулвахид Хиндли считал, что Англия таким образом лишь пытается успокоить своих подданных-мусульман.

Сейид Абдулвахид Хиндли отмечал, что с помощью дирижаблей (в тексте он называл их «цеппелины») или же самолетов будет очень просто распространять листовки и прокламации с фетвами о священном джихаде в Индии. Он отмечал также, что такую деятельность можно будет осуществлять, например, с территории Белуджистана. Для этого он полагал возможным построить на территории белуджей убежища и секретные аэродромы для самолетов и дирижаблей.

Касаясь вопроса о содержании листовок, Сейид Абдулвахид Хиндли предлагал, чтобы листовки были подписаны уважаемыми местным населением и проживающими в Мекке и Медине известными богословами. Подписанные халифом, шейхульисламом и стамбульскими богословами, а также некоторыми известными улемами, проживающими в Ираке, такие прокламации должны были окончательно развеять сомнения индийских мусульман относительно того, что священный джихад был объявлен султаном против держав Антанты, и убедить население Индии в том, что джихад не является вымыслом.

При этом Сейид Абдулвахид Хиндли учитывал результаты и той пропаганды, которая велась Англией, и которая, будучи направленной более против Германии и младотурок, чем против халифата, создавала впечатление у местного населения, что якобы объявленный джихад является вымыслом.

Сейид Абдулвахид Хиндли также предлагал наладить сообщение с представителями индийских борцов за независимость посредством представителей нейтральных держав, например Италии или Америки.

Сейид Абдулвахид Хиндли не оставил также без внимания ситуацию в Иране как исходном пункте пути, ведущего в Индию. Он отмечал, что Россия и Англия борются за влияние в Иране, распространяя новости телеграфных агентств из Санкт-Петербурга и Лондона, а также публикуя заказные материалы в прессе и щедро снабжая деньгами не только тегеранские, но и вообще иранские газеты. В этой связи он говорил о необходимости создания газеты, которая могла бы формировать общественное мнение в Иране, выражая османскую точку зрения на происходящее. Сейид Абдулвахид Хиндли предлагал отправить в Иран для организации такого печатного органа специального эmissара, обладающего связями и влиянием также в Афганистане и Индии. По его замыслу, этот эmissар мог также оказывать некоторые услуги по сбору информации и для турецкой военной миссии в Индии.

В своей записке Сейид Абдулвахид Хиндли отмечал далее стратегическую взаимосвязь Египта и Индии для Англии. Если Англия столкнется с восстанием в Индии, то она вынуждена будет перебросить войска в Индию из Египта, ослабив там, таким образом, сопротивление турецким войскам.

Непосредственные действия по внедрению в Индию османская разведка Тешкилят-и Махсуса начала еще в сентябре 1914 г., накануне вступления Османской империи в войну¹². Командующим турецкой экспедицией был назначен Рауф Орбай-бей. По замыслу Орбай-бея, османская экспедиция должна была собраться в Багдаде, оттуда через Южный Иран достичь Афганистана и затем вовлечь его в священный джихад, получив таким образом союзника на границе с Индией. Далее, установив связь с пограничными племенами и участниками индийских комитетов борцов за независимость, он планировал организовать антианглийское восстание, оказывая, таким образом, военную помощь Османской империи. В письме майору миссии Омеру Февзи-бею сообщалось о ходе, целях и задачах экспедиции¹³:

1. В Багдаде миссия разделится на два отряда. Отряд №1 отправится в путь на автомобилях, а второй отряд отправится чуть позже, используя лошадей и гужевого транспорт. Отряд №2 будет везти доставленное из Германии оружие, боеприпасы и амуницию.

2. Отряд №1 будет состоять из ... -бея, майора Омера Февзи, капитана Тевфика, лейтенанта Садыка.

3. Вплоть до прибытия отряда №2 отряд №1 будет вести разведку на границе Ирана и Афганистана.

---

¹² Шеремет В.И. О перспективах русско-турецкого военного союза в начале Первой мировой войны // Восточный архив, №13, 2005, с. 79–84.

¹³ АГШТ. Оп.351, д.1403, док. 16.

4. По прибытии в Иран второго отряда отряд №1 со всем личным составом и снаряжением присоединится к нему. Экспедиция перейдет границу Ирана и Белуджистана и доставит белуджам оружие, боеприпасы, снаряжение, а также оставит у них военную миссию из турецких и немецких офицеров. После этого экспедиция снова разделится на две части, и отряд №1 продолжит движение к Кабулу.

5. Цель отряда №1 в Кабуле — склонить эмира к вступлению в войну на стороне Тройственного союза, и в соответствии с результатами переговоров составить дальнейший план боевых действий.

6. Второй отряд, состоящий из миссии в Белуджистане, сформирует и вооружит добровольческие отряды из местного населения и начнет совершать набеги на границу индийской провинции Синд. При этом командование должно будет принимать во внимание результаты переговоров отряда №1 в Кабуле с афганским эмиром, а также руководствоваться генеральными инструкциями турецкого командования и учитывать положение османских войск на других фронтах.

7. Отряд №1 отправится в путь, имея два грузовых и один легковой автомобиль.

Вскоре после начала войны данный план был одобрен и вступил в действие. Следует отметить, что в связи с обстановкой секретности, в которой готовился данный документ, имя одного из османских агентов в нем было заменено многоточием. Планировалось, что отряд будут сопровождать 15–20 немецких офицеров во главе с бывшим консулом в Иране фон Вассмусом. В ходе подготовки экспедиции два турецких офицера, майор Мурат и лейтенант Нурэддин, под вымышленными именами, под видом торговцев были отправлены в Индию¹⁴. Им было поручено наладить контакты с анти-британскими элементами в Индии и подготовить почву для действий основной экспедиции. Они отправились в Индию морским путем, из Стамбула через Египет и далее в Бомбей. Однако по прибытии в Бомбей они были раскрыты и арестованы английской контрразведкой.

С момента начала подготовки экспедиции между османскими и немецкими офицерами возникли разногласия из-за того, кто будет руководить походом. В своих воспоминаниях Орбай-бей отмечал, что Энвер-паша лично поручил ему командовать экспедицией¹⁵. По его словам, немцы не учитывали в Иране интересы своих союзников-турок и даже, наоборот, всячески указывали на существовавшие исторические конфликты между турками и персами и исходящую от Турции опасность для

---

¹⁴ *Kurtcephe İsmail. Balçioğlu, Mustafa. Birinci Dünya Savaşı Başlarında Romantik bir Türk-Alman Projesi. OTAM, 1992, с. 247–269.*

¹⁵ АГШТ. Оп. 1845, д. 76А, док. 1/23.

Ирана. Кроме того, во время похода действия Орбай-бея всячески тормозились немцами, писавшими на него жалобы в генштаб. Поэтому миссия, созданная в августе 1914 г., была расформирована вскоре после прибытия в Афганистан осенью (в сентябре — октябре) 1915 г.

В этой связи весьма интересен сохранившийся в турецких архивах рапорт одного из немецких офицеров — участников миссии, Нидермайера. Примерно через год после прибытия миссии в Афганистан майор Нидермайер вернулся в Турцию. Его рапорт хранится в архиве Генерального штаба¹⁶.

Нидермайер отмечал, что Англия, опасаясь угрозы со стороны России, придавала большое значение Афганистану. По его словам, это делалось вопреки интересам Англии в Иране. Англичане полагали, что, посадив в Кабуле проанглийское правительство, которое будет защищать северо-западную границу страны, можно будет защитить Индию от российской угрозы. Нидермайер писал, что афганская армия, с учетом резервов, составляет более 58 тысяч человек, однако качество этих войск оставляет желать лучшего. Он указывал на то, что, несмотря на враждебность, которую миссия чувствовала в Афганистане и к России, и к Англии, определенное недоверие местное население и эмир испытывали и к нему и вообще к турецко-немецкой миссии. Как бы дружественно ни вел себя эмир по отношению к туркам, немцам и австрийцам, недостаток доверия явственно ощущался. Нидермайер говорил о том, что подготовка Афганистана к вступлению в войну, насколько это было возможно, длились в течение 2–3 месяцев. Однако когда ему потребовалось провести инспекцию на англо-афганской границе, то ему не разрешили этого сделать. По его мнению, это было явным свидетельством влияния англичан. По словам Нидермайера, беспорядки и попытка свержения власти в Афганистане могли бы также оказать влияние на Индию, а в случае благоприятного развития событий даже вызвать там революцию. По возвращении в Турцию в январе 1916 г. Нидермайер был награжден боевой медалью и продолжил службу в Иране¹⁷.

Рапорт Нидермайера объясняет страх эмира перед немцами и турками. Действительно, эмир опасался того, что турки и немцы спровоцируют народные волнения для его свержения. Эти и другие действия турецко-немецких отрядов в Иране и Афганистане нашли отражение и в материалах российских архивов. Часть этих материалов была опубликована¹⁸. Так, по сведениям царской секретной агентуры в Афгани-

¹⁶ Там же. Д. 75, док. 1/83–102.

¹⁷ Там же. Док. 1/80.

¹⁸ *Васильев А.Д.* Строевые рапорты и агентурные донесения как источник по истории взаимоотношений России и государственных образований Центральной Азии и Кавказа на рубеже XIX–XX вв. // Наследие. Вестник гуманитарных наук АН Республики Башкортостан.

стане, эмир опасался турок и немцев, поскольку считал, что они могут его сместить¹⁹.

В итоге османской разведке не удалось перенести боевые действия на территорию Индии и вовлечь в войну Афганистан. Это произошло во многом по причине несогласованности действий немцев и турок. Важную роль сыграла также позиция афганского эмира, который пытался лавировать между великими державами, не принимая окончательно сторону ни одной из них. Попытки турецкой разведки внедрить своих агентов на территорию Индии как морским путем, так и через Иран и Афганистан, несмотря на достаточно основательно разработанные планы, также не увенчались успехом. А созданные османской разведкой индийско-турецкие общества были распущены уже после заключения Мудросского перемирия.

Уфа, 4(32)/2005, с. 117–124.

19 РГВИА. Ф. 1396, оп. 2, д. 1891, л. 28 об.–29.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС К ТУРЦИИ В РОССИИ

По материалам журнала «Нива» за 1914 г.

С конца XVIII столетия в международных новостях, сообщаемых российской прессой, заметное место занимала разного рода информация о событиях, связанных с южным соседом и политическим соперником — Османской Турцией. Начиная с победных репортажей о Чесменском морском бое, сопровождаемых гравюрами, отражающими эпизоды сражения, до подробных отчетов с фотографиями и зарисовками В.В. Верещагина с балканского театра боевых действий тяжелейшей войны 1877–1878 гг.

Во второй половине XIX — начале XX в. наиболее читаемым литературным журналом в России становится «Нива», особенно популярная в регионах благодаря своим приложениям — собраниям сочинений русской и зарубежной классики. Тревожная международная обстановка в Европе накануне Первой мировой войны, дух панславянского патриотизма, которым было пронизано русское общество, нашли свое отражение и на страницах российских газет и журнальной периодики. «Нива» не была исключением и, более того, приобрела во многом роль официального информационного органа, отличительной особенностью которого стала публикация многочисленных фотографий, отражающих в том числе и подготовку к грядущей войне соперничающих империалистических держав. Султанская Турция и ее обновленный младотурецкий офицерский корпус проявляли явное пост-сан-стефанское реваншистское стремление стать активным действующим лицом в событиях, определяющих судьбу Европы.

Интересным источником для анализа отношения российского общества к происходящему в Турции в этот период могут служить публикации и фотографии с комментариями, помещенные в номерах журнала «Нива» за 1914 г. Приведем ниже их перечень и рассмотрим подробнее некоторые из этих материалов.

Страница ¹	Тема
115	Иллюстрации «Открытие памятников героям русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (генералы Турко, Радецкий, славяне-знаменосцы) в С.Пб».
240	«Международный обзор положения России».
457	«Фоторепортаж о переговорах международной контрольной комиссии с албанскими повстанцами».
497–499	«Англо-русские торжества».
519–520	«Сараевская драма».
616–620	«Война».
609	О войне.
604	Иллюстрация «На помощь раненым».
635–637	«Война в пятой стихии». Начало.
638–652	Серия очерков и сводок «Великая европейская война».
658–660	«Война в пятой стихии». Окончание.
661	Портрет трех союзников.
668–675	«Великая европейская война».
675–676	«Варвары. Немецкие офицеры во Франции в 1870 г.» Рассказ.
677–679	«До свидания на позициях». Рассказ.
680	«Женевская конвенция».
687–690	«Крестовые походы наших дней» (журналист «Нивы» на сербском театре).
690–692	«От голода или на поле битвы?».
693	«Великая европейская война». Сводки с фронтов.
694–695	«Турция и Европейская война».
697–700	«Великая европейская война».
701–709	Фото военных лет.
713–716	«Очерки войны».
719–720	«Эпизоды войны»
722–725	«Крестовые походы наших дней». Продолжение.

---

¹ Номера страниц даны в соответствии с порядком расположения в годовой подшивке.

- 748–759 «Великая европейская война».
- 766а–777 «Великая европейская война».
- 779–781 «Великая европейская война».
- 793 «Лодзь».
- 796–797 «Великая европейская война».
- 861–862 «Отклики турецкого выступления». Тут же фотографии турецкой мобилизации.
- 862 «Великая европейская война» (есть фраза о взятии Баязета).
- 875–876 Хроники войны (есть материал о Турции).
- 800 Иллюстрации. Энвер-паша, австрийские мониторы на Дунае, «Гебен» и «Бреслау».
- 808–809 Фото «раненые марокканцы», «колониальные войска в Европе».
- 836 Манифест Николая II о вступлении в войну Турции. Там же «От штаба Кавказской армии».
- 837 «Конец Турции». В материале говорится о том, что Кавказ будет второстепенным театром, судьба войны решится в Европе.
- 859–860 Фото различных турецких боевых кораблей.
- 898–899 Виды восточной Турции. Фотографии курдской конницы.
- 915 Фотография памятника в Сан-Стефано, взорванного турками.
- 920–922 Очерк «Бассора (Басра) и ее окрестности».
- 923 Турецкие укрепления в Дарданеллах и военные корабли.
- 925 Серия фотографий «Стамбул в дни войны».
- 932–934 О подвигах кавказских горцев на фронте.

С. 240. В обзоре выражается тревога по поводу обратного захвата турками Боснии и Герцеговины и Адрианополя и внедрению германцев (по приглашению турок) «в те области Малой Азии, которые тяготеют к более сильному и жизнеспособному соседу».

С. 620. Портреты сербского министра-президента Николы Пашича и командующего Дунайской дивизией генерала Божидара Янковича, организаторов Балканского союза и Народной обороны, и развернутый ком-

ментарий о подготовке к боевым действиям против Австро-Венгрии и ее союзников, включая Османскую Турцию.

С. 637. Заметки о роли турецкой артиллерии в «славяно-турецкой» (Балканской) войне 1913 г.

С. 638. В серии комментариев под названием «Великая европейская война» проводится сравнение организации сербско-черногорской, болгарской и турецкой мобилизаций.

С. 640. Фотографии манифестации болгарской колонии в Петербурге и портрет болгарского посланника, генерала Радко Дмитриева, подавшего в отставку и вступившего в русскую армию, сделавшего заявление о роли России в освобождении Болгарии от османского ига и «святом долге Болгарии за это».

Здесь же замечания об экономических потерях Германии в Малой Азии, где только в Багдадскую железную дорогу ею вложено более 2 млрд. марок, а все вложения в Турции составляют около 20 млрд. марок. К этой сумме прибавляется новый турецкий долг за купленные у Германии два крейсера «Гебен» и «Бреслау».

С. 643–644. Опубликован редакционный комментарий «Перспективы войны», где содержится следующий прогноз: «Единственным утешением в скорбной доле императора Вильгельма является пока только Турция да отчасти официальная Болгария, выжидающая случая сосчитаться с сербами из-за Македонии. Турция в лице Энвера-паши и его друзей выразила легкомысленную готовность примкнуть к Германии и Австрии, не могущей иметь никакого иного объяснения мобилизаций армии на границах России и Болгарии и возмутительным укрывательством преследуемых английской эскадрой двух германских крейсеров, нашедших защиту под прикрытием Дарданелльских укреплений. Она объявила, что оба крейсера, только что обстрелявшие французские порты, якобы еще раньше были куплены ею у Германии, и подняла над ними флаг с полумесяцем. Но раз покупка их состоялась еще до обстрела французских портов, то в таком случае Турция является участницей военных действий, и все берега ее подлежат обстрелу англо-французских судов, к чему, вероятно, и будет приступлено в том случае, если младотурки не откажутся от своей слишком опасной игры. Турецкий народ, страшно истощенный двумя неудачными войнами, не хочет и не может воевать, и новая попытка вовлечения его в политическую авантюру может легко привести к новому внутреннему перевороту в Турции. Что же касается Болгарии и Румынии, то их колебания объясняются только недостаточно ясной постановкой этических задач нынешней войны: как только будет резко подчеркнут и всенародно заявлен верховный принцип этнографического раздела территории, разрешающий македонский и трансильванский вопросы, болгары и румыны, даже вопреки желаниям их монархов, сделаются самыми пылкими нашими

союзниками, сербы в предвосхищении огромных и бесспорных приобретений, на которые они имеют право на всем юге Австрии, и будут ссориться с болгарам из-за маленького спорного клочка и все славянские народы снова сойдутся на поле чести, как братья и союзники, для одоления общего врага».

С. 651. Фотография «Молебствие о даровании победы русскому оружию в новосооруженной мусульманской мечети в Петербурге на Кронверкском проспекте».

С. 690. В публикуемом очерке известного военного корреспондента «Нивы» Н.Н. Брешко-Брешковского сообщается о сербско-албанских столкновениях: «Не надеясь на собственные силы в этой борьбе, Австрия во что бы то ни стало, ценою золота, которое она щедро раздает албанцам, решила инсценировать новое восстание арнаутов.

Вождь так называемых косовских арнаутов Исса-Болетинац получил миллион крон, чтобы двинуть своих головорезов на Призрен, Ускюб (Скопье. — *Д. В.*), Приштину и другие пункты и города Новой Сербии, недавно лишь отвоеванной у турок.

Исса-Болетинац — типичный балканский кондотьер, продающий свою шпагу тому, кто лучше оплатит ее кровавые услуги. В эпоху Абдул-Гамида он играл видную роль, умудряясь получать жалованье от Австрии, Турции, Италии, Сербии и Черногории. Познакомился я с Иссоу-Болетинацом этим летом в Албании, где он служил князю Виду, сражаясь против своих же албанцев-мусульман... Секрет весь в том, что Вид, не торгуясь, дал арнаутскому вождю потребованную им сумму. Исса производит впечатление лукавого и вероломного человека. Да он такой и на самом деле, этот балканский кондотьер... Большого труда стоило мне уговорить его сняться. Как правоверный мусульманин, Болетинац считает фотографирование грехом...

Конечно, иметь у себя в тылу враждебные банды арнаутов неприятно, что и говорить! Но существенного вреда Сербии выступление албанцев принести не может. Два-три батальона с несколькими пулеметами надолго отобьют охоту у диких горцев переступать границу.

Сербы всегда хорошо относились к русским, гораздо сердечнее, чем болгары, нами целиком созданные и нами облагодетельствованные. Теперь же, когда русская и сербская армии бьют каждая на своем фронте швабов и, почем знать, быть может, встретятся скоро в Будапеште и Вене, отношение сербов к русским исключительное по своей сердечности и приязни».

С. 694–695. В специальной заметке «Турция и европейская война» привлекает внимание следующий фрагмент: «И Румыния, и Болгария в настоящую тревожную минуту ведут какие-то таинственные переговоры с чрезвычайною турецкою миссиею Талаат-бея, а Турция почти уже не скрывает своей вражды к России и ее союзницам: она арестовывает

пароходы с французскими резервистами, спешно мобилизует свою армию на кавказской границе, укрепляет Дарданеллы под руководством германских инженеров и превращает Чаталджу в огромный укрепленный лагерь и готовит свои силы к нападению на нас. Генерал Сандерс уже появился в Эрзеруме во главе целого штаба из 15 германских офицеров. Все говорит за то, что нам нужно ждать гостей на Кавказе и придется вести войну на новом фронте. Весьма вероятно, что турецкая услуга Германии не пойдет дальше простой демонстрации, которая заставит нас оттянуть часть войск на юг, но что, надеемся, не пройдет Турции даром. Она должна понимать, что ее вмешательство в европейскую войну в такую тревожную минуту, какую переживает теперь Европа, ставит на карту самое существование Турецкой империи.

Греки, как бы ни симпатизировал юный король немцам, не удержатся от соблазна свести счеты с турками и на островах, и на малоазиатском, населенном эллинами, берегу, арабы, послушные указаниям Англии, сирийцы, армяне Кавказа и пр. народы пожелают получить больше, чем сколько им дано, и трудно сказать, что останется от никогда всемогущей Оттоманской империи после новой войны с коалицией тройственного согласия. Можно надеяться, что первые решительные победы сербов и русских заставят образумиться азартных константинопольских политиканов... Легкомыслие Энвера-паши ставит на очередь окончательный раздел Турции. При сколько-нибудь решительной и деятельной политике, способной согласовать интересы балканских и малоазиатских народов, он нам нисколько не страшен, но даже желателен».

С. 755. Военный корреспондент «Нивы» Н.Н. Брешко-Брешковский публикует интервью, взятое им у сербского королевича Александра, который подробно вспоминает эпизоды Первой и Второй балканских войн.

С. 861–862. Приводим полностью редакционный комментарий под названием «Отклики турецкого выступления (политическое обозрение)».

«Попытка немцев эксплуатировать в пользу Германии мусульманский фанатизм, как и надо было ожидать, окончилась полной неудачей. Ни русские, ни английские, ни французские мусульмане не дались в обман и самым решительным образом протестовали против нападения Турции на Россию и на державы Тройственного согласия. В высшей степени поучительно официальное разъяснение событий, сделанное духовным главою индийских мусульман. В попытке младотурецких временщиков использовать в немецких интересах религиозную веру многих миллионов последователей пророка он справедливо усматривает, прежде всего, нечто глубоко кощунственное. Вместе с ними весь мусульманский мир решительно и бесповоротно отказался признать в Вильгельме правопреемника Магомета.

Неудачливому Вильгельму не пришлось быть даже калифом на час. Затеянная по его приказу легкомысленным Энвером-пашою война против России не пользуется популярностью даже в самой Турции и, вероятно, окончится скорым низвержением политического авантюриста.

В виде протеста против его политики многие из самых видных членов кабинета вышли в отставку. Сочувствие населения, от которого война потребует неисчислимых жертв и кровью и достоянием, находится явно на стороне мирной партии. Даже в темных недрах младотурецкого комитета произошел резкий раскол. Очевидно, война держится только диктатурой Энвера или, вернее, военной диктатурой немцев, захвативших власть над правительством. При пассивном отношении народа она не может быть сколько-нибудь успешной, а каждая крупная неудача на границах грозит неминуемым переворотом в Константинополе. И теперь уже младотурецкая помощь не укрепила, а скорее еще более ослабила политическое положение Германии. Поскольку самый призыв к священной войне и воинственное выступление Энвера нашли наибольший отклик в той стране, где он деятельно работал — в мусульманской Триполитании, постольку он заставил Италию яснее и осязательнее почувствовать солидарность своих интересов с интересами антигерманской коалиции. В константинопольских событиях дан толчок к более решительному и активному выражению господствующего на Апеннинском полуострове германофобского направления общественной мысли. Италия еще может сохранять нейтралитет по отношению к Австрии и Германии, как своим вчерашним союзницам, но ей трудно будет сохранить его по отношению к вчерашней противнице, при разделе наследства которой может что-нибудь перепасть и соседке. Триполи и Киренаика, в которых призывы Энвера-паши грозят вызвать много неприятностей для итальянцев, далеко не удовлетворили аппетиты римских политиков, но для того, чтобы получить что-нибудь еще, им приходится выступить против Турции вместе с державами тройственного соглашения. И битая Германия, и тем более торжествующая Австрия, зажавшая в кулак две итальянские провинции, им ничего не могут дать, а при неизбежном разделе Турции, при хороших отношениях с европейской коалицией победоносный римский кабинет имеет полное право рассчитывать и на удовлетворение своих законных национальных требований, и на расширение культурно-колониаторской деятельности в Албании и Малой Азии. В таком же приблизительно положении находятся и Румыния, и Болгария. Во время приема депутации националистов-профессоров Фердинанд румынский выразил полную солидарность с их требованиями решительных и активных мер и просил верить в искренность его национально-патриотической политики, которая вынуждена временно держаться выжидательного курса, чтобы не создать опасного конфликта с Болгарией. Национальные интересы Болгарии

точно так же требуют совместного выступления с Россией и остальными балканскими государствами, потому что только посредничество России может гарантировать болгарам справедливое разрешение македонского вопроса и возвращение Адрианопольского округа. С первым выстрелом нынешней войны ненавистный болгарам Бухарестский трактат, обеспечивавший равновесие сил на Балканах, фактически уже перестал существовать. Греция еще до исхода войны расширила свои владения присоединением Эпира, Сербия и Черногория обеспечили себе огромное расширение на север и северо-запад, Румынии предстоит почти удвоить свою территорию присоединением Трансильвании — может ли одна Болгария остаться без всяких компенсаций и прирезок? Это мыслимо только в том случае, если она пойдет против породившей ее России и объединенной Европы. Обручившись с обреченными на раздел Австрией и Турцией, она разделила бы участь обреченных, но живой инстинкт национального самосохранения не допустит болгарский народ до пагубного акта политического самоубийства».

С. 837. Очерк «Конец Турции».

«Кажется, ни для кого в Европе не было тайной, что Турция давно уже находится в состоянии государственного разложения. Дипломаты называли ее “больным человеком”, публицисты — “живым трупом”. Она жила уже не своими внутренними силами, а искусственной поддержкой извне, держалась исключительно взаимным соперничеством и рознью европейских держав, каждая из которых могла бы беспрепятственно завладеть ее наследством. Наивные оптимисты питали несбыточную надежду, что младотурецкая революция, формально установившая в стране парламентский режим, исцелит “больного человека”. Однако дальнейшие события не преминули разоблачить всю тщету младотурецкого конституционализма.

Под флагом либерализма власть над страной захватила деспотическая партия авантюристов, назвавшаяся громким именем “Единение и прогресс”. Ее владычество, в котором хотели видеть начало возрождения Турции, в действительности оказалось началом ее государственной смерти. Младотурецкая Турция перестала быть империей оттоманов и незаметно превратилась в прусскую провинцию, служащую уже не турецким, а прусским интересам. Продажные авантюристы вроде Энвер-паши в угоду Германии ввергли свое отечество в войну с Россией и со всем Тройственным согласием. Устроенное по приказу из Берлина разбойничье нападение турецко-германских крейсеров на мирные города русского Черноморского побережья — Новороссийск, Феодосию, Одессу и на Севастополь, не принесли значительного ущерба России, но дали нам неоспоримое право послать в пределы Турции свою армию. Началась новая война, исход которой предвидеть не так уже трудно. Урезанная

после итальянской и балканской войн Турция располагает плохо организованной и еще хуже снаряженной и чрезвычайно малочисленной армией в 13 корпусов, то есть около 500–600 тысяч человек. Большая часть артиллерии была потеряна ею еще в Балканскую войну и восстановлена только частью. Финансовые ресурсы ее, столь необходимые в современной войне, крайне скудны. Для защиты малоазиатских берегов от англо-французского и греческого флота, для охраны Адрианополя от болгар, для усмирения всегда неприязненной Аравии и Армении турки вынуждены оставить, по крайней мере, половину своей армии; следовательно, против России они будут в силах выставить не более 300000 войска. Такие силы не страшны. Между тем война с Турцией будет иметь поистине огромные политические последствия.

Прежде всего, она поставит Европу лицом к лицу перед необходимостью полного решения восточного вопроса. После кровавого скандала, устроенного немецко-турецкими крейсерами на русском побережье, никто уже не может оспаривать законное право России иметь в своих руках ключи от входа в Черное море. Вопрос о проливах поставлен младотурками на очередь и должен быть решен бесповоротно. За все это мы можем сказать только сердечное спасибо легкомысленному Энверу-паше. Его руками Турция сама себе подписала смертный приговор. Ее безумное выступление освежит сгущенную атмосферу на Балканах. Сербия, располагающая 500–600-тысячной армией, до сих пор ведет войну с Австрией ничтожными силами, не смея пустить в дело все свои полки, так как опасается нападения со стороны Болгарии. Занятие Македонии связало сербов и обессилило их в решении главной задачи объединения западного славянства в области Боснии, Герцеговины, Далмации, Хорватии и т. д. Выступление Турции вызовет, надеемся, улучшение сербско-болгарских отношений и вернет враждующие славянские государства к сознанию славянской солидарности. Болгария, рожденная из потоков русской крови, не должна остаться нейтральной после открытого нападения турок на Россию, и ее место — в одном военном лагере с Сербией. Предварительное соглашение с Сербией относительно Македонии облегчит возрождение Балканского союза. Голос крови прозвучит в болгарских сердцах так громко и так властно, что софийское правительство не сможет противиться повелительно выраженному требованию народа. Ускоренный ход событий положит предел и бесконечным колебаниям Румынии, которая и раньше обуславливала свой нейтралитет нейтралитетом Турции, а вслед за Румынией, вероятно, двинется Италия — и вся Европа объединится в защите основ культуры и права. Таким образом, наглое германско-турецкое нападение на русские берега скует общеевропейскую коалицию и придаст силу жизни и плоть бытия бесплотному до сих пор сознанию солидарности международных интересов».

Приведенные материалы практически не использовались современными историками для освещения отношений, сложившихся между Россией и Турцией в начальный период Первой мировой войны. Вместе с тем они достаточно эмоционально передают настроения российского общества и являются интересным источником по истории российско-турецких отношений накануне крушения обеих империй и роли балканского фактора в дальнейшем развитии этих отношений.

Особый интерес представляют также многочисленные фотографии с театра военных действий и запечатлевшие жизнь стран-участниц Первой мировой войны. Приводим здесь некоторые малоизвестные фотографии турецкой армии и флота с сохранением редакционных аннотаций для читателей «Нивы».

Турецкіе запасные, направляющіеся въ казармы въ Константинополь.

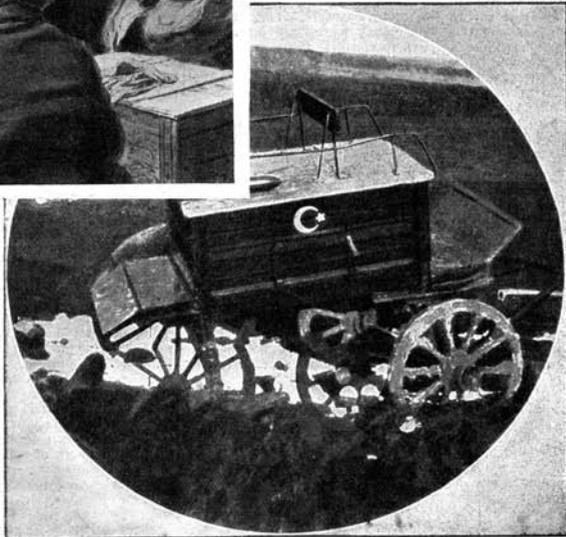

Бомбардировка турецкаго города.

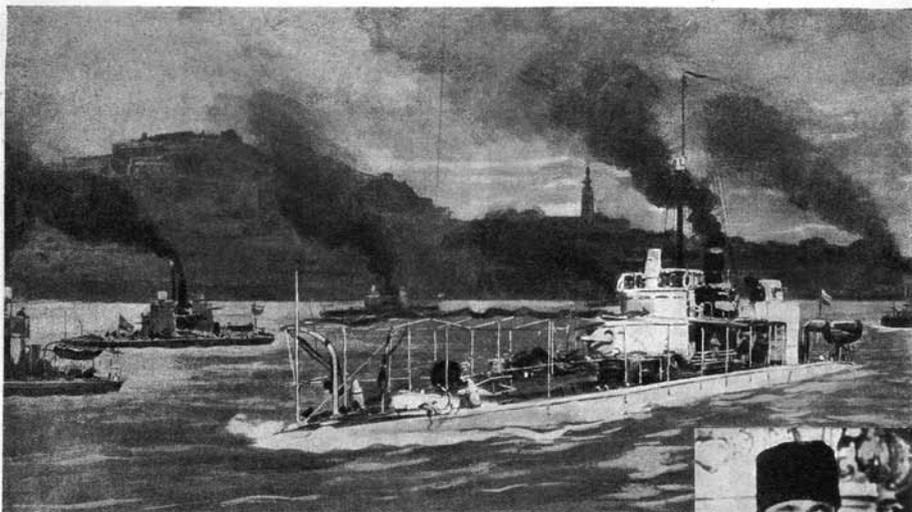
Отклики турецкаго выступления.

(Политическое обозрѣніе).

Попытка немцевъ эксплуатировать въ пользу Германіи мусульманскій фанатизмъ, какъ и надо было ожидать, окончилась полной неудачей. Ни русскіе, ни англійскіе, ни фран-

Остатки разбитаго турецкаго обоза.

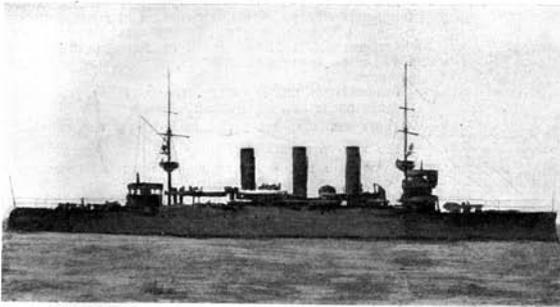
Австрийские мониторы на Дунае. Мониторы эти крейсируют вдоль сербских берегов и участвуют в бомбардировке Београда, длящейся уже три месяца. Когда сербы овладели австрийским берегом Дуная и заняли Землян, австрийские мониторы обстреливали Землян.

Зиверь-паша, турецкий военный министр.

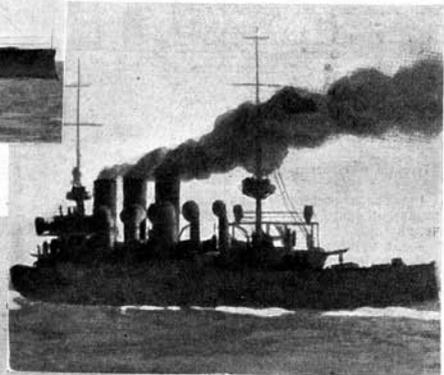

Германское зачисление в Турцию. Германский дредноут „Гебен“ входит в Босфор, приветствуемый германскими моряками с „Бреслау“. Оба эти судна проданы германцами туркам, заменившим часть экипажа судов турецкими матросами, но оставившим командование ими и вообще весь своим флотом в руках германцев.

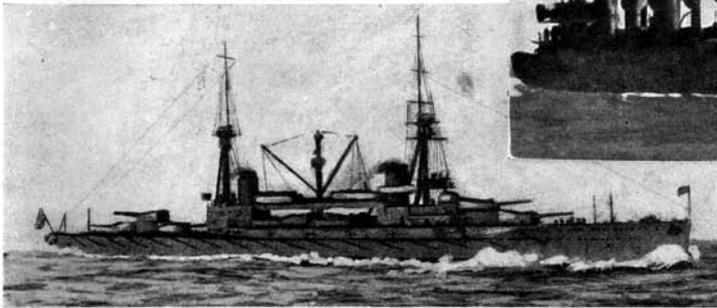

Турецкий крейсер „Гамидіе“.

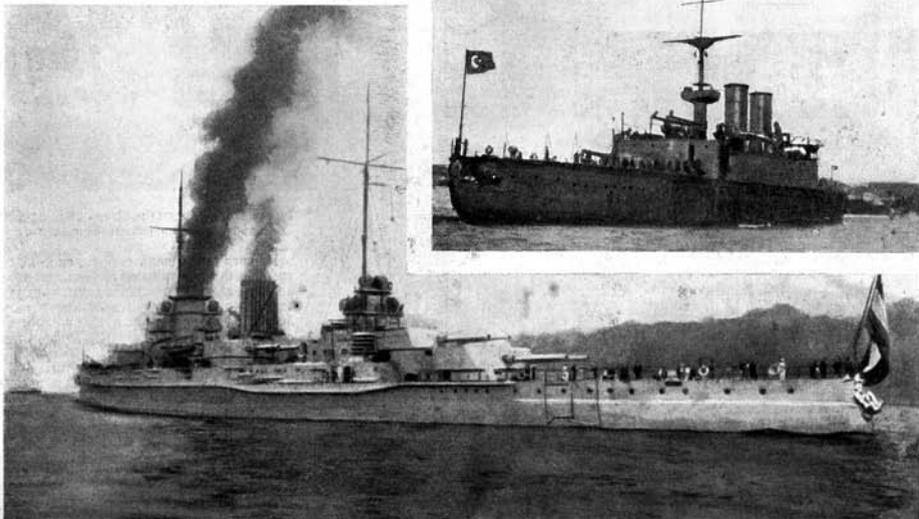
Приказ по кавказской армии от 16 октября.
Турки внезапно напали на наши прибрежные города и суда Черноморского флота. Вышайше повелѣно считать, что Россія въ войнѣ съ Турціей, войскамъ вѣрбной мѣ кавказской армии перейти границу и атаковать турокъ.
Генералъ-адъютантъ
графъ *Воронцовъ-Данковъ*.

Турецкий крейсер „Меджидіе“.

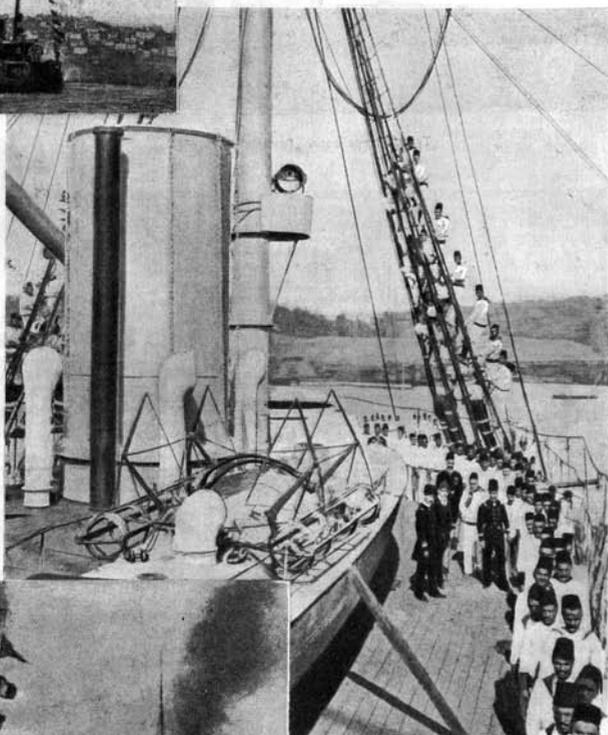
Турецкий броненосный крейсер „Султанъ Османъ“.

Турецкое судно
„Мессудвель“.

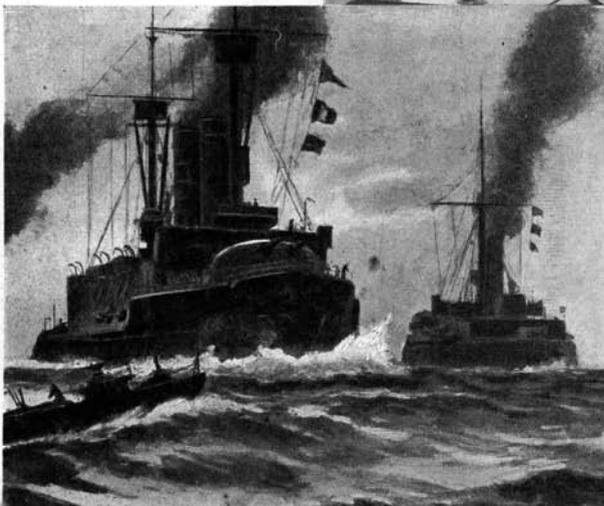
Германский дредноутъ „Гебенъ“, предательски уступленный въ эту войну нѣмцами Турціи. „Гебенъ“, подъ турецкимъ названіемъ „Султанъ Селимъ“, съ германскими офицерами и матросами, переодѣтыми въ турецкую форму, послѣ 16 октября с. г. неожиданное нападеніе на Севастополь. Не принявъ значительныхъ поврежденій, „Гебенъ“, обстрѣданный орудіями береговыхъ укрѣпленій, съ тремя пробоинами ушелъ въ море.

Турецкий миноносец „Берки-Сатвет“.

Турецкий броненосный крейсер „Кер-Зад-дин Барбаросса“ со своим экипажем.

Турецкие броненосные крейсера „Кер-Зад-дин Барбаросса“ и „Ассар-и-Тевфик“.
«Кер-Зад-дин Барбаросса» — бывший германский броненосный крейсер устаревшего типа, построенный в 1891 г. и проданный туркам несколько лет тому назад.

ни на один день не задержали нашего победоносного вторжения в Пруссию и Галицию, не затормозили обложения Перемышля и Кракова, не остановили твердого и уверенного захождения флангов.

Сравнительно с событиями на русско-прусском фронте ход военных действий в Турции не имеет большого значения. На берегах Вислы решается судьба всей Европы, а на горных перевалах к Эрзеруму решается разве только участь одной Турции, притом же давно, в сущности, уже предвешенная. В

Война с Турцией. На кавказско-турецком фронте. Отряд конных курдов близ нашей границы. (См. «Отдельн. войны»).

того тумана. Мы первые заметили неприятеля и успели дать удачный залп из всех орудий по „Гебену“. Удачный залп вызвал пожар на неприятельском эскадренном крейсере с тяжелыми орудиями, причинил несколько пробоин и тем самым ослабил его ответный огонь.

„Гебен“ не мог продолжать бой и предпочел воспользоваться быстротой своего хода. Эта морская победа стоила нам очень немногих жертв и надолго вывела из строя крупнейшую силу Турции на Черном море.

виду непроходимости в зимнее время горных дорог для осадной артиллерии, мы не идем к Эрзеруму и ограничиваемся только отражением турецких атак и очищением занятых областей от турецких и курдских шаек. Для того, чтобы затруднить снабжение турецкой армии по Черному морю, наш флот бомбардировал и уничтожил ближайшие к театру войны турецкие порты. В смысле обладания Черным морем большое значение имеет победа, одержанная нашим флотом над эскадренным крейсером „Гебен“. Около Херсонеса турецко-германские крейсера были неожиданно настигнуты нашими судами, приблизившимися к ним под покровом ту-

Война с Турцией. На кавказско-турецком фронте. Турецкая иррегулярная конница. Курды в разьяде.

Война с Турцией. На кавказско-турецком фронте. Лагерь курдской конницы.

Война с Турцией. На кавказско-турецком фронте. Вооруженные курды.

Тортумское озеро в Эрзерумском вилайетъ.

Водопадъ на р. Тортумъ-чай в Эрзерумском вилайетъ на границѣ съ Ольтинскимъ округомъ.

Эрзерумъ. Центральная улица.

Турчанки в Эрзерумѣ.

Эрзерумскій вилайетъ. Озеро Тортумъ-гелъ въ Тортумскомъ ущельѣ близъ Ольтинскаго округа.

Чорохскій край. (Ущелье рѣки Арданучъ-чай близъ г. Ардануча).

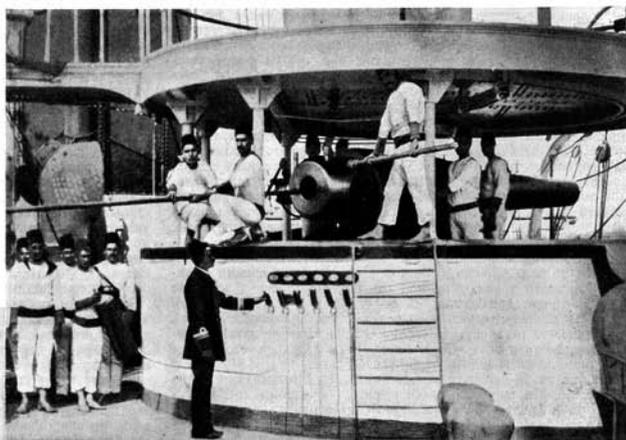
Русско-турецкая война. На кавказско-турецкомъ фронтѣ.

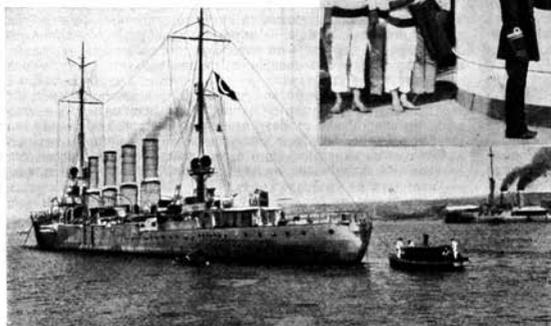
Русскій храмъ-усыпальница въ Санъ-Стефано—мѣсто упокоенія русскихъ воиновъ, павшихъ въ русско-турецкую войну 1877—78 г.г.—разрушенный и оскверненный турецкою чернью, предводимую нѣмецкими офицерами. Храмъ построенъ по проекту академика В. В. Сушлова, любезно доставившаго намъ снимокъ съ храма.

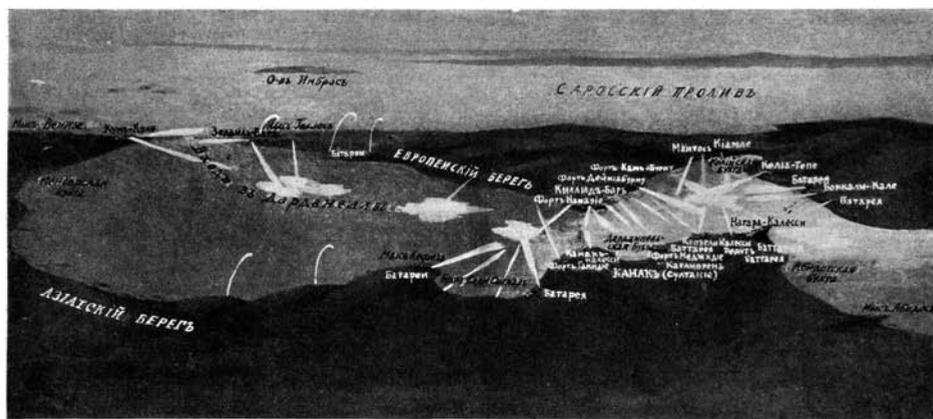
Фортъ Седъ-Эль-Баракъ на берегу Дарданелль.

На турецкомъ крейсере. Приготовленіе орудія къ бою.

Турецкій крейсеръ „Бреслау“, купленный у Германіи и оперирующій на Черномъ морѣ вмѣстѣ съ дредноутомъ „Гебеномъ“. „Бреслау“—одного типа съ крейсеромъ „Магдебургомъ“, съшившимъ на камни въ Балтійскомъ морѣ и потопленнымъ нашими крейсерами.

Дарданеллы. Линія турецкихъ фортвъ на европейскомъ и азійскомъ берегахъ, охраняющихъ проходъ къ Константинополю.

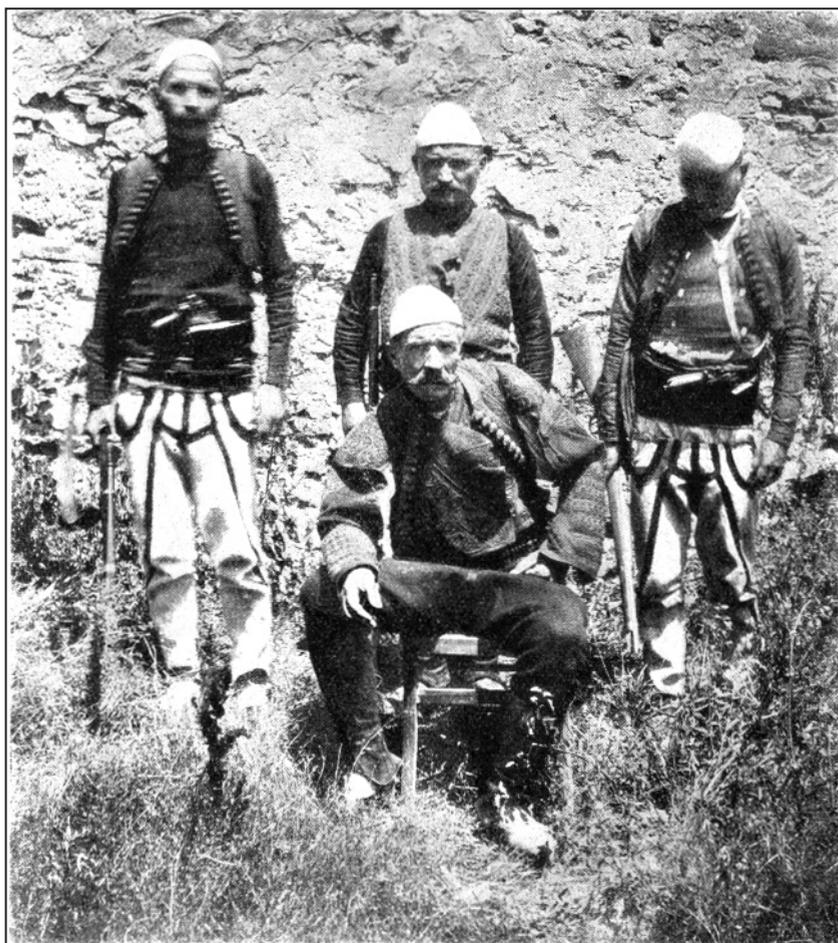
Константинополь въ дни войны. Турецкій патруль.

Константинополь въ дни войны. Турецкая кавалерія выступаетъ изъ Константинополя.

Константинополь въ дни войны. Передъ выступленіемъ

Албанский вождь Исса-Болетинац (сидит) со своими арнаутами.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА, АЛЕКСАНДРИЯ И ЭМИГРАЦИЯ

Культурное взаимодействие между Россией и Египтом началось сравнительно давно и охватывает несколько направлений. К главному из них относится литература. В начале XX в. в Египте были изданы переводы русских классиков — А.М. Горького, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других, своим творчеством олицетворявших для египтян русскую культуру, традицию и в целом русский характер и менталитет. Видимо, издатели, переводчики и вообще высокообразованные интеллигенты в Стране пирамид были знакомы (из западных изданий) и с творчеством выдающихся русских поэтов. Но таких просвещенных египтян в начале XX в., а именно об этом времени идет речь, было немного.

У культурного диалога между Россией и Египтом была и другая сторона, которая оказалась намного богаче первой, — это египетские мотивы в творчестве русских поэтов и писателей. Популярной темой был также ислам и священный Коран. Русские литераторы черпали сведения о Египте зачастую в ходе своих поездок в эту страну и творили затем выдающиеся произведения, которыми зачитывались образованные люди в Российской Империи¹.

Однако литературой российско-египетский культурный диалог не ограничивался. Развивался он и по другим направлениям. Важнейшими из них были музыка и музыкально-театральное искусство, в которых Россия достигла значительных высот, прежде всего музыкальный и оперный театр. Заметное место занимало и балетное искусство. Гастрольные поездки русских композиторов и исполнителей в долину Нила значительно повысили уровень российско-египетских культурных связей.

Взаимному проникновению культур способствовало и изобразительное искусство. Во-первых, набирались творческих сюжетов русские

---

¹ *Ермаков Игорь*. Ислам в русской литературе XV–XX вв. // Восточный сборник «Лотос», №2, М., 2000; *Панова Л.Г.* Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. Т. 1–2. М., 2006.

художники, которые посещали Страну пирамид. Во-вторых, развернули активную деятельность отечественные коллекционеры. В результате неутомимой деятельности тех и других заимствовались и осваивались египетские художественные формы в российской архитектуре, все чаще появляясь в Санкт-Петербурге, Москве и других крупных городах страны.

Нередко этот культурный обмен был неэквивалентным. Однако он шел и его было невозможно остановить.

Конечно, в этом процессе с египетской стороны доминировал Каир, так как основные исторические и культурные ценности цивилизации долины Нила находятся там — пирамиды, сфинкс, исламские культурные и исторические памятники. Однако Александрия тоже привлекала внимание русских, в основном своим прошлым: исчезнувшими, но по-прежнему возбуждавшими воображение Фаросским маяком, иглой Клеопатры, время от времени появляющимися настойчивыми слухами об очередных неудачных попытках найти могилу Александра Македонского. Привлекали и сохранившиеся исторические памятники — крепость Каитбея, колонна Помпея, катакомбы Ком аш-Шукафа.

Остановившиеся, казалось бы, культурные контакты между Россией и Египтом в так называемый «мертвый сезон» отсутствия официальных отношений между двумя странами в результате Октябрьской революции и Первой мировой войны на самом деле были в значительной степени возмещены деятельностью русской эмиграции, оказавшейся в Стране пирамид после окончания гражданской войны в России. Влияние русской культуры на многонациональное население Александрии² осуществлялось через поездки отечественных мастеров искусства в этот город и выступления эмигрантов из Каира, а также благодаря талантливым беженцам-соотечественникам из самой северной столицы Египта.

Русская культура и Александрия

Русская культурная экспансия в Александрию, а также знакомство с ее историческими и художественными памятниками в указанный период облегчались тем, что въезд в Египет осуществлялся главным образом через этот город-порт (редко через Думьят, Рашид или Порт-Саид). Поэтому наши соотечественники должны были провести, по крайней мере, несколько часов или даже суток во второй столице страны.

Сравнительную близость российской и египетской культур показывает обмен письмами между мыслителями двух стран — писателем Львом Толстым и религиозным реформатором Мухаммедом Абдо. Муф-

---

² Подробнее об этом см: *Горячкин Г.В.* Александрия между Россией и Египтом // *Meyeriana*. Т. 2. М., 2006, с. 129–185.

тий Египта Мухаммед Абдо, прослышав об отлучении великого русского писателя от церкви, переправил ему весной 1904 г. через английского востоковеда Сиднея Кокрелля письмо поддержки. В нем он высоко отозвался об учении Льва Толстого, о влиянии взглядов писателя «на всех просвещенных людей», «на тех, кто идет по праведному пути» и кто свернул с него, «на бедных и богатых» и т. д.

Муфтий писал: «Мы не имели счастья познакомиться с Вами лично, но не были лишены возможности узнать Вашу душу, которая высветила нам Ваши идеи и зажгла перед нашим будущим свет Ваших мыслей, объединивших Вас с просвещенными людьми. Бог Вам указал правильный путь к знаниям, к которым предрасположены по природе люди, и наставил Вас на цель, к которой стремятся люди. Вы осознали, что человек появился для того, чтобы получить знания, и выполняет свое дело так, чтобы его результаты приносили удовлетворение как ему самому, так и окружающим. Вы почувствовали страдания людей, когда они сошли с праведного пути, используя свои силы — которые им даны для того, чтобы радоваться для другого, и это принесло им горе, потрясения и неудовлетворенность.

Вы углубились в религиозное учение, сорвали покрывало с традиций и пришли к убеждению об объединении разных религиозных течений. Вы обратились к людям, призывая их к тому, на что указал Вам Бог, показали пример своим участием, чтобы вдохновить их. Ваше слово спокойно доходило до умов. Вашими действиями Вы возбуждали решимость и усердие. Ваши воззрения были светом, указавшим верный путь. Ваша работа была идеалом для праведных, равно как Ваша деятельность была строгим порицанием Бога для богатых и Его помощью бедным и богатым. Вы удостоены самой высокой славы и самой высокой награды за неустанные советы и наставления — именно из-за этого невежды заявили об отлучении и ссылке. И то, что Вы получили от руководителей церкви, это не что иное, как признание ими того — о чем заявили люди — что Вы не из заблудших. Слава богу, что они разошлись с Вами в своих словах, а они разошлись с Вами в своих словах, а Вы разошлись с их мировоззрением и практикой.

Мы очень желали бы, чтобы Вы творили своим пером и в будущем и просим у Бога продлить Вашу жизнь, сохранить Ваши силы, открыть сердца для понимания Вашего учения и следовать за Вами в Ваших делах...»³

Лев Толстой ответил на это послание большим письмом от 13 мая 1904 г., в котором изложил сущность своих идейных и нравственных воззрений. Его радовало общение с просвещенным деятелем Арабского Востока, который исповедовал, по его мнению, те же нравственные гуманистические идеалы, что и он сам. Толстой писал: «Я получил Ваше хорошее

³ Египет глазами россиян середины XIX — начала XX века. Политика. Экономика. Культура // Народы Ближнего Востока. Вып. XV, кн. 2. Составление, предисловие, комментарии, примечания и перевод канд. историч. наук Г.В. Горячкина. М., 1992, с. 295–296.

и чересчур хвалебное письмо и спешу ответить, чтобы уверить Вас, что оно доставило мне большое удовольствие, поставив меня в общение с просвещенным человеком, хотя и другого вероисповедания, чем то, в котором я родился и воспитывался, но одной со мной веры, ибо вероисповедания различны и их много, но вера существует лишь одна — истинная. Думаю, что ошибся, предполагая, по Вашему письму, что вера, которую я исповедую — та же, что и Ваша вера, и состоит в признании Бога и Его закона, в любви к ближнему и делании другому того, что желал бы, чтобы делали тебе. Я думаю, что все истинные религиозные принципы вытекают из этого и что они одни и те же как для евреев, так и для браминов, буддистов, христиан и магометан. Я думаю, что чем более религии преисполняются догматов, предписаний, чудес, суеверий, тем более они разъединяют людей и даже порождают недружелюбие, и, напротив, чем более они опрощаются и очищаются, тем ближе достигают они идеальной цели человечества — общего единения. Вот почему Ваше письмо было мне очень приятно, и я желал бы остаться с вами в общении...»⁴

Ответ не пришел. Вместо него старый друг Толстого Кокрелль сообщил ему, что Мухаммед Абдо скоропостижно скончался.

Переписка великих людей своего времени, оборвавшаяся в самом начале, их закономерный приход друг к другу очень символичны для истории взаимообщения представителей русского и египетского народов.

Главные темы Александрии, глубоко затронутые российскими мастерами словесности, в основном поэтами, задолго до переписки этих двух гигантов, касались в основном Александра Македонского и Клеопатры, причем в большей степени последней.

Одним из первых александрийскую тематику затронул в своем творчестве очарованный Востоком А.С. Пушкин. Его стихотворение «Клеопатра» вошло составной частью в лирическую повесть «Египетские ночи»:

И вот уже сокрылся день.
Восходит месяц златорогий;
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень;
Фонтаны бьют, горят лампы,
Курится легкий фимиам,
И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам;
В роскошном сумрачном покое,
Средь обольстительных чудес,
Под сенью пурпурных завес,
Блестит ложе золотое.

---

⁴ Там же, с. 296–297.

Пушкин трижды обращался к «Клеопатре», и все же это стихотворение осталось не законченным. Это обстоятельство почти через век привлекло внимание В.Я. Брюсова, одного из крупнейших литераторов первой четверти XX в. и вождя русского символизма. В 1914–1916 гг. Брюсов дописал стихотворение Пушкина. По этому поводу сам Валерий Яковлевич писал так: «Пушкин не довершил своей поэмы. Он показал нам, какой великий соблазн, какая страшная сила сокрыта для человеческого существа в сладострастии. Показал нам, как люди готовы ринуться в эту черную пропасть, даже если бы за это надо было заплатить жизнью. Намекнул нам на таинственную близость между страстью и смертью. Но Пушкин не договорил начатых слов... Тайну своей поэмы Пушкин унес с собой»⁵.

В.Я. Брюсов предложил свое понимание Клеопатры в одноименном сочинении, написанном им еще в 1899 г.

Я — Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восемнадцать лет.
Погиб и вечный Рим, Лагидов нет,
Мой прах несчастный не хранит гробница.

В деяньях мира мой ничтожен след,
Все дни мои — то празднеств вереница,
Я смерть нашла, как буйная блудница...
Но над тобой я властвую, поэт

Вновь, как царей, я предаю томленью
Тебя, прельщенного неверной тенью,
Я снова женщина в мечтах твоих.

Бессмертен ты искусства дивной властью,
А я бессмертна прелестью и страстью.
Вся жизнь моя — в веках звенящих стих.

Необычная судьба этой правительницы Египта привлекла внимание и долгое время волновала многих русских поэтов первой величины — Александра Блока (1880–1918), Ивана Бунина (1870–1953), Анны Ахматовой (1889–1966) и других, подаривших ее памяти свои поэтические откровения и написавших одноименные стихотворения «Клеопатра».

При исследовании «александрийского» наследия русской поэзии имя В.Я. Брюсова стоит особняком. Валерий Яковлевич по образованию был историком, поэтому, вероятно, исторические перипетии, связанные с Клеопатрой и Александром Македонским, безусловно, интересовали его и с профессиональной точки зрения. Древний Египет привлекал внима-

⁵ Брюсов Валерий. Собрание сочинений в семи томах. Т. 3. М., 1973, с. 622.

ние Брюсова еще и потому, что он постоянно искал первоисточник человеческой цивилизации, считая долину Нила, наряду с Атлантидой, тем местом, где она зародилась.

Перечень александрийских поэтических зарисовок В.Я. Брюсова достаточно велик — «Цезарь Клеопатре», «Смерть Александра» («И во граде Александра, // где столица двух морей, // замышляет трон воздвигнуть // хитроумный Птолемей»), «Александрийский столп» и т. д.

Основателю северной столицы Египта Александру Великому тоже отведено немало места в русской поэзии. Одно из самых удачных, на наш взгляд, стихотворений принадлежит поэту-эмигранту Ю.К. Терапиано⁶:

Александрии

Здесь, под звук дикой лиры Скамандра,
Из туманов морей и дождя,
Шли в Египет полки Александра
Богом сделать царя и вождя.

«Тут, над морем, — гласит нам преданье, —
Царь, пришедший из северных стран,
Вдохновенный, в пылу созиданья,
Намечая для города план

Сыпал известь; ее не хватило —
План велел продолжать он мукой;
Налетев, стая птиц легкокрылых
Расклевала муку под рукой...»

Так, от царственного мукомола
К высшей доле для мира влеком,
Город встал вдоль широкого мола
Метить небо своим маяком.

Грек, еврей и сириец из Гада,
Скифы шли от бунтующих рек —
И вошла «Александра Улада»
В Александра блистательный век...»⁷

---

⁶ Терапиано Юрий Константинович (1892–1980) родился в Керчи, эмигрировал в начале 1920-х гг., умер под Парижем. Русский поэт, прозаик, переводчик и литературный критик первой волны эмиграции, организатор и участник ряда литературных объединений эмигрантов в Париже. Автор мемуаров.

⁷ Терапиано Ю. Эстафета. Париж, 1946, с. 253–254.

1906–1907 гг. были особенно урожайными для египетской темы в творчестве русских литераторов. В эти годы в Стране фараонов побывали Иван Бунин, Николай Гумилев, Константин Бальмонт. Это вообще был период увлечения Египтом в России, своего рода «египтомания».

Еще одним свидетельством этой «египтомании» в «Серебряный век» русской поэзии служат «Александрийские песни» Михаила Кузмина⁸. Он не упоминает ни Александра Македонского, ни Клеопатру. Но, думаю, эти имена подразумеваются, когда Михаил Кузмин пишет стихи о «трижды блаженной», «трижды мудрой» и «трижды великой» Александрии.

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу белые стены дома,
небольшой сад с грядкой левкоев,
бледное солнце осеннего вечера
и слышу звуки далеких флейт.

Когда мне говорят «Александрия»,
я вижу звезды над стихающим городом,
пьяных матросов в темных кварталах,
танцовщицу, пляшущую «осу»,
и слышу звук тамбурина и крики ссоры.

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу бледно-багровый закат над зеленым морем,
мохнатые мигающие звезды
и светлые серые глаза под густыми бровями,
которые я вижу и тогда,
когда не говорят мне: «Александрия!»

Приведенное выше стихотворение входит составной частью во «Вступление». Далее следует основная часть лирической поэмы, включающая «Любовь», «Она», «Мудрость», «Отрывки», «Канопские песенки» и, наконец, «Заключение». «Александрийские песни», проникнутые нежной любовью и трогательным вниманием к средиземноморской столице Египта, принесли Михаилу Кузмину первый успех на поприще литературы. Они удивили читателей неожиданной свободой формы, недосказанностью, искренностью.

---

⁸ Кузмин М. Избранные произведения. Ленинград, 1990, с. 61–81. Михаил Алексеевич Кузмин родился в 1875 г. в Ярославле в семье дворянина. Учился в Петербургской гимназии, затем в консерватории по классу композиции, но по причине болезни консерваторию не закончил. В 1896 г. М. Кузмин совершил поездку в Египет. До 1904 г. литературной деятельностью не занимался. «Александрийские песни» начал публиковать в 1906 г. Умер в 1936 г. в Ленинграде.

Русский литератор Максимилиан Волошин сразу после появления «Александрйских песен» представил Михаила Кузмина как «одну из египетских мумий, которой каким-то колдовством возвращена жизнь и память. Только он не из мумий древнего Египта. Такие лица встречаются часто на эль-файюмских портретах... У Кузмина такие же огромные черные глаза, такая же гладкая черная борода, резко обрамляющая бледное восковое лицо, такие же тонкие усы, струящиеся по верхней губе, не закрывая ее... Он мал ростом, узкоплеч и гибок телом, как женщина...

У него прекрасный греческий профиль, тонко моделированный и смело вылепленный профиль, лоб на одной линии с носом и глубокая, смелая выемка, отделяющая нос от верхней губы и переходящая в тонкую дугу уст...

Но характер бесспорной античной подлинности лицу Кузмина дает особое нарушение пропорций, которое встречается только в греческих вазах: его глаз посажен очень глубоко и низко по отношению к переносице, как бы несколько сдвинут на щеку, если глядеть на него в профиль...

Несомненно, что он умер в Александрии молодым и красивым юношей и был весьма набальзамирован...⁹.

Максимилиану Волошину в оценке Михаила Кузмина вторили другие российские литераторы. Так, Э.Ф. Голлербах пошел еще далее, написав: «Я не верю (искренне и упорно), что он вырос в Саратове и Петербурге. Это только приснилось ему в “здешней” жизни. Он родился в Египте, между Средиземным морем и озером Мереотис, на родине Эвклида, Оригена и Филона, в солнечной Александрии, во времена Птолемея. Он родился сыном элина и египтянки, и только в XVIII веке влилась в его жилы французская кровь, а в 1875 году — русская. Все это забылось в цепи перевоплощений, но осталась вещая память подсознательной жизни»¹⁰.

Заключение

Ах, покидаю я Александрию
И долго видеть ее не буду!
Увижу Кипр, дорогой богине,
Увижу Тир, Эфес и Смирну,
Увижу Афины — мечту моей юности,
Коринф и далекую Византию
И венец всех желаний,
Цель всех стремлений —
Увижу Рим великий!
Все я увижу, но не тебя!

⁹ Волошин М. «Александрйские песни» Кузмина // «Средоточье всех путей...». Избранные стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники. М., 1989, с. 389–390.

¹⁰ Кузмин М. Избранные произведения, с. 5.

Ах, покидаю я тебя, моя радость,
И долго тебя не увижу!
Разную красоту я увижу,
В разные глаза насмотрюся,
Разные губы целовать буду,
Разным кудрям дам свои ласки,
И разные имена целовать я буду
В ожиданьи свиданий в разных рощах.
Все я увижу, но не тебя!

1905–1908.

По оценке Л.Г. Пановой, досконально изучившей литературное наследие М.А. Кузмина в своем фундаментальном исследовании, «Александрийскими песнями» поэт достиг определенной вершины в своем творчестве¹¹.

Важнейшим направлением российско-египетского духовного взаимообогащения было музыкально-театральное искусство. Заметно умножал возможности культурного диалога между двумя странами балет, в котором Россия, как известно, достигла значительных вершин.

Здесь пальма первенства принадлежала великой Анне Павловой, которая трижды посетила Египет в 1908–1928 гг. В первый раз она побывала в долине Нила во время кругосветного турне в 1908 г. Однако детальных сведений о посещении ею Каира и Александрии в это время у нас нет.

Подвижническое служение Анны Павловой танцу пробудило во всем мире интерес к хореографии, а для отечественных любителей музыкального искусства она навсегда стала «божественной Анной», великим символом русского искусства XX в.

Творчество выдающейся русской танцовщицы тесно связано с Египтом, искусство и культуру которого она хорошо знала и ценила. И дело не только в том, что она с большим вдохновением исполняла главные роли в балетах «Дочь фараона», «Египетские ночи» и в других спектаклях, где раскрыла сложный характер и пленительный образ своих восточных героинь. Для нас важно, что в ходе многочисленных турне после эмиграции из России Анна Павлова дважды побывала в Египте, в том числе и в Александрии, где пленила воображение александрийцев, заставив их по-новому взглянуть на собственное культурное наследие, высоко оценить и принять ее великолепную пластику, совершенное исполнительское мастерство.

---

¹¹ Панова Л.Г. Указ. соч.

В феврале–марте 1923 г. Анна Павлова в составе труппы русского балета вторично посетила Египет. 25–27 февраля и 1–7 марта она выступала в каирском театре Курсаль. В спектаклях участвовали Александр Волинин и 30 других выдающихся артистов русского балета (музыкальный директор Теодор Стиер) под общим руководством антрепренера Томаса Шафто (Bandman's Eastern Circuit Lmt.). В программу гастролей вошли три балета — «Осень уходит», «Ундина», «Дивертисменты».

Каирская «Иджипши газетт» отмечала: «Ни одно из представлений, данных Павловой со времени прибытия в Каир, даже танец “Лебедя”, не превзошло по красоте “Осень уходит”, которое описывают как хореографическую поэму на музыку Шопена... В постижении этого изысканного балета сама Павлова доказала, что она не только виртуозная танцовщица и превосходная артистка, но и мастер современного балета...

Второй балет “Ундина” дает возможность по-настоящему увидеть страстный танец и актерскую игру Павловой... прекрасное оформление сцены...

Балет “Дивертисменты” включил в себя превосходный танец раба в исполнении Александра Волинина и необыкновенно реалистичный и очаровательный танец стрекозы в исполнении Павловой, помимо нескольких других танцев»¹².

Эта же газета в статье «Роль музыки» писала: «Большая часть секрета необычайно гармоничного эффекта танцевального исполнения Анны Павловой и Александра Волинина находится в совершенной гармонии между танцором и дирижером, а также в сверхъестественном чувстве ритма, которым наделены эти два великих танцовщика.

Что касается дирижера, то когда мы понимаем, что он должен обучить новый оркестр в каждом городе в ходе мирового турне и по причине ежедневных изменений в программе должен репетировать каждый день, чтобы создать законченное представление каждый вечер, появляется некоторое представление о качествах, которыми он должен обладать. Доктор Стиер не просто более чем отвечает задаче: у него тридцатилетний опыт дирижирования театральными оркестрами, большей частью в самом Лондоне, а также тринадцать лет работы с Павловой. В то же время работа изнуряющая, и ничего, кроме абсолютной преданности этому искусству и восхищения и симпатии тех, для кого он работает, не поддерживает его. Эту компанию артистов объединяет атмосфера взаимопонимания и доброй воли...»¹³

---

¹² The Egyptian Gazette, 6.03.1923. См. также: *Keith Money. Anna Pavlova. Her Life and Art.* New York, 1982, с. 312–317.

¹³ The Egyptian Gazette, 19.03.1923.

С 12 по 18 марта труппа «божественной» Анны совершила поездку в Александрию, где она дала девять спектаклей. 15 и 18 марта были устроены спектакли еще и утром для детей, билеты которым продавались за половину стоимости. Египетская пресса писала по этому поводу, что эти утренники давались в пользу Дома русских сирот-беженцев в Париже, который был устроен в 1921 г. в местечке Сент-Клуд под Парижем для 15 русских девочек-сирот. Сама Анна Павлова с удовлетворением отмечала, что дела в этой школе-интернате шли успешно¹⁴.

Однако не только парижским сиротам русской балерины предназначались доходы от благотворительных утренников русской балерины и ее труппы. Часть их шла также в пользу приюта «Либертэ», находившегося под высоким патронажем губернатора Александрии Хусейна Сабри-паши, что, несомненно, делало честь всей труппе и вызывало заслуженное признание жителей города.

Александрийские гастроли Анны Павловой были не менее насыщенными, чем в Каире. Они проходили в одном из самых великолепных зданий северной столицы, в театре Мухаммеда Али¹⁵. Программа была следующей:

12 марта — «Амарилла», «Шопениана», «Дивертисменты»;

13-го — «Волшебная флейта», «Снежинки», «Дивертисменты»;

14-го — «Очарованное озеро», «Сказочная кукла», «Дивертисменты»;

15-го (утро) — «Очарованное озеро», «Сказочная кукла», «Дивертисменты» (вкл. «Лебедя»); (вечер) — «Коппелия», «Осень уходит», «Дивертисменты», «Ундина»;

16-го — «Польская свадьба», «Просыпающаяся Флора», «Дивертисменты»;

17-го — «Амарилла», «Шопениана», «Дивертисменты»;

18-го (утро) — «Спящая красавица», «Дивертисменты» и «Специальные дивертисменты» (вкл. «Лебедя»); (вечер) — «Осень уходит», «Дивертисменты» (вкл. «Лебедя»), а также «Специальные дивертисменты»¹⁶.

Александрия очень тепло встретила гастроли труппы Анны Павловой. Практически в каждом номере местной прессы появлялись блестящие отклики абсолютно на все ее выступления¹⁷. Александрийский корреспондент каирской «Иджипшн газетт» так описывал одно из них: «Во вторник вечером в Театре Мухаммеда Али было доказано еще раз,

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Keith Money*. Op. cit., с. 314.

¹⁶ The Egyptian Gazette, 7.03.1923.

¹⁷ См., например, La Reform, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19.03. 1923.

какое непреодолимое притяжение артист магнетической личности вроде Анны Павловой может произвести на публику. Театр был заполнен модной публикой, которая была заморожена прекрасной музыкой, красивым убранством сцены, неподражаемым искусством танцоров. Каждый танцор в ее компании являлся артистом до кончиков его или ее пальцев или, возможно, будет правильнее сказать, кончиков пальцев его или ее ног.

Первым балетом, который они дали, была “Волшебная флейта” Дриго, красиво интерпретированная мадмуазель Бутсовой, г-ном Волининым и труппой из восьми танцовщиков. Следующим были “Снежинки” на музыку Чайковского. Павлова и Волинин танцевали основные роли и в конце выходили из-за кулисы снова и снова. Третья часть программы состояла из серии дивертисментов, которые включали рапсодию Листа №1, “Танец часов” из “Джоконды” Понкиелли. В этих танцах приняли участие все члены труппы. Когда занавес упал в последний раз, публика, казалось, неохотно покидала театр»¹⁸.

В восторге от шедевров Анны Павловой и ее труппы были не только коренные жители Александрии, но и представители иностранных общин города. А какую радость испытали русские александрийцы! Бывший российский вице-консул в Александрии И.П. Умов¹⁹ воплотил свою реакцию в стихах, которые посвятил своей великой соотечественнице, за успех которой он был по-настоящему счастлив. Он сравнивал и себя с уставшим лебедем с «надломленным крылом», умирающим на чужбине, который, тем не менее, не забывает свою родину, вспоминая ее «весну», хотя и воспекает «блеск чужой земли».

Умирающий лебедь

Анна Павлова

О, лебедь! Лебедь мой усталый!
Больной, с надломленным крылом,
Ты, от родных станиц отсталый,
Приемлешь смерть в краю чужом.

Еще красу воспринимаю,
Ты славишь блеск чужой земли,
Но не забыл родного мая,
Весны, манящей издали.

---

¹⁸ The Egyptian Gazette, 15.03.1923.

¹⁹ Иван Павлович Умов родился в 1883 г. в Симбирской губернии. Закончил Лазаревский институт восточных языков в Москве. С 1912 г. начал работать в российском консульстве в Александрии, дослужился до звания вице-консула. Женится на богатой православной александрийке ливанского происхождения. Умер в Александрии в 1961 г. См.: *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...». М., 2003, с. 200–202.

И на горячих мелях Нила
Все помнишь ты лесной затон.
Где верба ветви наклонила,
Где лес дождями напоен.

В изгнаны тихо умирая,
Ты бьешь надломленным крылом,
Поешь красу чужого края,
А втайне плачешь о былом²⁰.

20 марта организаторы александрийских гастролей Анны Павловой устроили прощальный бал-маскарад с участием самой балерины, Волинина и нескольких других артистов балета. В программу этого вечера входили аттракционы, лотереи, вручение призов за лучшие костюмы. Вход для дам 40 пиастров, для господ 80, ложи 350 и 500 пиастров²¹.

Об этом последнем вечере в Александрии египетская пресса писала исключительно тепло: «Вчера вечером Павлова попрощалась со своими александрийскими поклонниками программой, которая включала “Осень уходит”, “Лебедя”, а также несколько других любимых вещей. Мы в Египте во многом в долгу перед ней и г-ном Волининым, перед мадмуазель Бутсовой и другими членами ее труппы. Также перед г-ном Теодором Стиером, который, начав группой, состоявшей всего лишь из 2–3 музыкантов, показал нам, как быстро может быть создан прекрасный оркестр с использованием местных талантов... Труппа сейчас уезжает в Европу на хорошо заслуженный отдых. Они выступали без перерыва несколько месяцев²², и мадам Павлова намеревается поехать в Лондон, в свой дом в Голдерз Грин, и не будет думать о тяжелой работе снова в течение четырех–пяти месяцев. В октябре, однако, она направится в США с тем, чтобы начать репетиции новых балетов, которые будут даны там в течение лета». Далее газета коснулась специфики каирской и александрийской аудитории: «Мы надеемся, что она (Павлова. — *Г.Г.*) не была разочарована публикой в Каире и в Александрии. Она говорит, что нашла ее, в целом, действительно умеющей ценить или, возможно, более заинтересованной в искусстве, чем она того ожидала. Каир, как она сказала нам, показался ей более восторженным, чем Александрия: по меньшей мере, публика в столице выражала свое удовольствие более явным и более слышимым образом. Богатство туалетов александрийской публики и красивые драгоценности привлекли ее внимание»²³.

²⁰ Умов Иван. Незримый гость. Стихи. Churaevka. Southbury. Conn., 1949, с. 138.

²¹ La Reform, 18–19.03.1923. Один рубль равнялся 14 пиастрам.

²² Кроме Египта, она выступала в Японии, Индии, Австралии и в ряде других стран.

²³ The Egyptian Gazette, 21.03.1923.

Гастроли Анны Павловой в Египте в 1928 г. были менее масштабными, поэтому о них и меньше писали. Но по-прежнему и в этот раз балерине рукоплескали Каир и Александрия²⁴.

Посещение труппой Анны Павловой Египта вообще и Александрии в частности произвело на египтян неизгладимое впечатление. Она, во-первых, убедительно показала величие русского балета, во-вторых, заронила в душах жителей долины Нила любовь к этому виду искусства. Можно сказать, что впервые египтяне на столь высоком уровне мастерства смогли ознакомиться с поразительной красотой балета. После гастролей Анны Павловой в Стране пирамид этот вид искусства приобрел там значительное число поклонников. Русский балет стал высоко цениться. В Каире и Александрии появились россиянки, начавшие на постоянной основе культивировать балетное искусство. Конечно, их было больше в Каире, где находился Королевский театр оперы и балета, где было больше возможностей трудоустроиться. Так, Нина де Ветлин в середине 1920-х гг. была главной балериной этого театра. Она часто посещала Александрию, демонстрируя ее жителям свое мастерство. По данным Ю.В. Луконина, Н.А. Поль, победительница конкурса красоты «Мисс Россия» 1932 г., который ежегодно проводился редакцией журнала «Иллюстрированная Россия» в Париже, после успешного турне в крупных городах Египта получила ангажемент в Каирскую королевскую оперу в качестве прима-балерины²⁵.

Достоинна упоминания судьба А.Н. Стрекаловской, супруги одного из известных в Египте художников братьев Стрекаловских, Николая. После революции 1917 г. она с семьей эмигрировала сначала в Эстонию, а затем во Францию, где окончила балетную школу. Перед самой Второй мировой войной семья переехала в Каир, где Стрекаловская поначалу танцевала сама, а затем стала учить балету других — в помещении Школы модных танцев на площади Антикхана и позднее — в Русском клубе на улице Имад ад-Дин²⁶.

В Александрии постоянно проживала танцовщица З. Никитина (сконч. в 1973 г. в возрасте 73 лет)²⁷. Она учила искусству балета детишек. Одной из любимых ее учениц была дочь И.П. Умова Катя, погибшая в 1955 г. в возрасте 29 лет. В память о дочери жена Умова учредила в 1956 г.

---

²⁴ *Keith Money*. Op. cit., с. 381.

²⁵ *Луконин Ю.В.* С «нансеновским паспортом» на берегах Нила // Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы. М., 2001, с. 39.

²⁶ *Беляков Владимир*. Приютила Африка Жар-птицу. Россияне в Египте. М., 2000, с. 172–175.

²⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 317, оп. 820/3, д. 208. Списки русских в Александрии, л. 3 об.

стипендию ее имени в танцевальном классе Александрийской консерватории для талантливого ребенка в возрасте от 6 до 13 лет²⁸.

Благодаря Анне Павловой и другим нашим соотечественникам внимание александрийцев к балету сохраняется и поныне. Балетные студии «северной столицы» заполнены александрийскими девочками. Особенно популярна студия Российского центра науки и культуры (РЦНК). Она была создана в декабре 1991 г. В центре внимания различных мероприятий РЦНК в Александрии, посвященных балету, всегда была Анна Павлова. В честь 120-летия со дня ее рождения был устроен торжественный вечер с фотовыставкой знаменитых партий, исполненных ею во время гастролей в Александрии.

Когда в 2002 г. была открыта новая Александрийская библиотека («Александрина»), перед представителями различных государств встал вопрос о выборе культурного символа их страны в этой библиотеке. Для Генконсульства России и РЦНК в Александрии было совершенно бесспорным, что этот символ — Анна Павлова. И 1 октября 2004 г. в Мемориальном зале библиотеки была поставлена ее статуэтка работы скульптора Е.А. Безбородовой, отражающая великую балерину во время исполнения танца «Стрекозы»²⁹.

Как уже отмечалось, среди важнейших форм российско-египетского культурного взаимодействия были музыка и музыкально-театральное искусство. Здесь пальму первенства держало оперное творчество, которое, правда, по своему прямому воздействию на египетскую культуру не достигло уровня русского балета. Но музыкальная гастрольно-концертная деятельность началась гораздо раньше, чем балетная.

Александрийская пресса еще до начала XX в. констатировала этот факт: «Знаменитый русский пианист г. Сергей Бартенев³⁰ только что прибыл в Каир, где он дает концерт»³¹. На следующий день газета отчиталась, что 24 января в большом салоне отеля «Континенталь» был дан замечательный концерт пианистом Императорской консерватории Сергеем Бартеневым, который проходил при превосходном сопровождении музыкантов Хедивской оперы. Концерт имел огромный успех. На нем присутствовали принцы Мухаммед Али, Осман-паша и Тусун-паша³².

Через два года эта же газета опубликовала еще один анонс о русских музыкальных артистах: «Сегодня, в субботу, в театре Зизиния в Алексан-

²⁸ *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...», с. 202.

²⁹ В настоящее время статуэтка находится в зале для почетных гостей. *Прим. ред.*

³⁰ Известный русский пианист, сын не менее известного русского книжного деятеля, составителя и издателя очень популярного в дореволюционной России «Русского архива» Бартенева П.И.

³¹ *Le Far d'Alexandrie*, 17.1.1895.

³² Там же, 25.1.1895.

дрии состоится третий и последний концерт знаменитой русской капеллы маэстро Дмитрия Славянского-Агренова с участием мадмуазель Маргариты Славянской-Агреновой и мадам Ольги Славянской-Агреновой. Очень интересная программа привлекла заслуженное внимание многочисленной публики. Прекрасные костюмы. Прекрасный спектакль»³³.

В начале XX в. россияне по-прежнему выступали в Египте, в том числе и в Александрии. Так, певицы Вера и Надежда Чернецкие давали свои концерты в марте 1907 г. Особенно понравилось египетской публике их исполнение арий из оперы «Жизнь за царя» Глинки³⁴.

Чуть раньше впервые побывал в долине Нила Ф.И. Шаляпин. «Египтомания» охватила и его. Поездка Федора Ивановича состоялась в феврале 1903 г.³⁵ Это были не гастролы, а путешествие в «старину». В Александрии певец пробыл всего несколько часов. Намного больше удалось ему быть в Каире, где певец знакомился с пирамидами, сфинксом, с другими историческими достопримечательностями столицы, с Музеем египетских древностей. Затем он побывал в Верхнем Египте, в Луксоре и Асуане. Помимо всего прочего, что созерцают иностранные туристы в Каире, Ф.И. Шаляпин побывал на английской оперетте в Хедивском оперном театре столицы. Оставшись недовольным увиденным и услышанным в театре, Федор Иванович сказал своим спутникам: «Может быть, и меня когда-нибудь пригласят петь в этом театре»³⁶.

Пригласили Федора Ивановича в Египет ровно через тридцать лет, в 1933 г., за пять лет до его кончины. Организовал эти гастролы знаменитый импресарио Александр Левитов, тот самый, который ровно за пять лет до этого устроил выступление в Стране пирамид труппы Анны Павловой. Левитов договорился с владельцем театра «Аль-Хамбра» в Александрии Дженеглиано. Первоначально предполагалось выступление Ф.И. Шаляпина в «Триумфе» Александра Аптекмана в Каире, также встречавшего великого русского артиста в александрийском порту, но затем по каким-то причинам, скорее всего из-за усталости певца, оно было отменено. Египетские гастролы ограничились одним выступлением в «северной столице» 1 февраля 1933 г.

Шаляпин, проживавший во Франции, прибыл из Марселя в Александрию на борту парохода «Марьют-паша», принадлежавшего «Мессажери Маритим». О поездке в Египет Ф.И. Шаляпина стало известно за месяц, поднялась огромная рекламная кампания. Казалось, что город Александрия только и жил, что предстоящим выступлением великого певца.

---

³³ Там же, 13.3.1897.

³⁴ Там же, 17–18.3.1907.

³⁵ О первой поездке Ф.И. Шаляпина в Египет см.: Египет глазами россиян..., с. 297–305, 329.

³⁶ Там же, с. 298.

Несмотря на возраст и болезни, в 1930–1931 гг. он дал много концертов, гастролируя по известнейшим театрам мира, исполняя свои самые лучшие и громкие арии из опер «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Руслан и Людмила» и т. д. в «Метрополитэн опера» в Нью-Йорке, «Ля Скала» в Милане и т. п. Все эти знаменитые арии александрийская публика ждала и здесь. Потянулись туда и любители оперы из Каира.

Задолго до прибытия Ф.И. Шаляпина появились анонсы в газетах: «Театр Аль-Хамбра. Единственный концерт великого Федора Шаляпина с аккомпанементом Ивана Базилевского. Цены на билеты»³⁷:

Ложи бенуара — 600 пиастров;

Первые ложи — 500;

Вторые ложи — 300;

Кресла А — 100;

Кресла Б — 75;

Балкон — 75;

Галерея — 50;

Галерка — 25 пиастров».

Стоимость билетов, определенная организаторами концерта, была заоблачной. Правда, во время гастролей Анны Павловой в Александрии цены на билеты на роскошных местах театра Мухаммеда Али также были высоки и достигали 500 пиастров (бенуар)³⁸.

С самого начала Шаляпин заявил, что он не будет исполнять арии из опер, а ограничится романсами и русскими народными песнями. В его репертуар вошли «Два гренадера» Шумана, «Вниз по матушке по Волге», «Стенька Разин» и т. д. Самым выдающимся исполненным номером, по мнению прессы, была «Песня блохи» Мусоргского. Несмотря на требования публики исполнить ряд известных арий, Федор Иванович отказался это сделать³⁹.

Выступления Ф.И. Шаляпина на александрийской сцене вызвали некоторое разочарование. Кстати, одна из газетных статей так и называлась: «Шаляпин в Аль-Хамбра. Разочарование». От внимательных александрийских журналистов не укрылась усталость артиста, его неготовность исполнить полный концерт. Второй концерт продолжался всего 90 минут, включая два фортепианных соло Ивана Базилевского. Общее заключение прессы: конечно, концерт не стоил тех огромных денег, которые заплатили зрители — «в три раза превышающие цену билета на концерт любого известного музыканта, выступившего в Египте за последние годы»⁴⁰.

---

37 Le Far d'Alexandrie, 28.1.1933.

38 La Reform, 15.3. 1923; The Egyptian Gazette, 17.3.1923.

39 Le Far Egyptienne, 14.2.1933.

⁴⁰ Там же.

Главный упрек публики заключался в том, что Ф.И. Шаляпин не исполнил знакомые ей оперные арии. Тем не менее зрителей очень приятно поразил шаляпинский голос, о чем автору приходилось не раз слышать от старожилов Александрии⁴¹.

Изобразительное искусство явилось одним из направлений, по которым шло взаимообогащение культур России и Египта. Русские художники находили в Стране пирамид мотивы для своего творчества (Верещагин, Поленов, Ефимов и др.). Не обошли они стороной и Александрию. В рассматриваемый период времени тесно связал свое творчество с этим городом И.Я. Билибин⁴².

Иван Яковлевич прошел тот же путь беженца, что и большинство россиян мартовской волны эмиграции 1920 г. Вслед за отступлением белой армии он оказался в Новороссийске. Билибин позже писал: «... под влиянием панического страха и соблазна увидеть экзотические страны, о чем, как художник, всегда мечтал, в феврале 1920 года с волною беженцев отплываю на пароходе в неизвестном направлении»⁴³. В начале его был александрийский карантин в Сиди-Габере, затем лагерь для перемещенных лиц в Телль аль-Кебире. Вскоре Билибин смог перебраться в Каир. Получив солидный аванс под картину в византийском стиле для одного богатого грека, Иван Яковлевич снял дом на улице Антикхана, в самом центре Каира, где была просторная мастерская, и называл себя «Иоанн из Антикхании».

Художник вспоминал впоследствии: «Как было написано в книге моей судьбы, в 1920 г. попадаю в совершенно новую и чуждую, но драгоценнейшую для художника обстановку, в Египет, где живу и работаю пять лет. Я никогда не забуду того потрясающего впечатления, когда впервые попал в старинные кварталы Каира, с изумительными мечетями первых времен Хиджры, с его рынками, с его толпою. Мне казалось, что передо мною ожила одна из страниц “Тысяча и одной ночи”, не верилось, что это все существует в натуре»⁴⁴.

---

⁴¹ Это убедительно доказал и вечер, проведенный 13 февраля 2003 г. в РЦНК Александрии в честь 130-летней годовщины со дня рождения певца, а также 100-летия первого и 70-летия второго его посещения Египта. Оказалось, что александрийцы прекрасно знают нашего великого певца; с интересом прослушали они его арии из знаменитых опер, романсы и песни; с удовольствием просмотрели фильм-оперу «Дон-Кихот» на французском языке, где главную роль исполнял Ф.И. Шаляпин, осмотрели фотовыставку о его жизни и творчестве. Любопытно, что ряд материалов о Ф.И. Шаляпине предоставили РЦНК александрийские интеллигенты, любители русской классической музыки и творчества певца, главным образом получившие высшее музыкальное образование в СССР.

⁴² См.: *Горячкин Геннадий*. Иван Билибин в Египте // Страницы русско-египетского культурного диалога. Ч. 1. Александрия, 2003, с. 35–46 (на араб. яз.).

⁴³ Цит. по: Билибин И.Я. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970, с. 59.

⁴⁴ Там же, с. 60.

Поначалу, до тех пор, пока Билибин не стал известен в Египте, ему пришлось несладко. «После долгих мытарств я обосновался в Каире. Работу нашел, но денег дают ужасно мало, так что я живу на старости лет, словно мне двадцать лет, как студенты, а не сорок пять. Временами это раздражает, так как нельзя купить нужной книги или какой-нибудь живописной старой тряпки. Все же кое-какие книги, необходимые для работы, хотя и с трудом, но куплены.

Египтов, как Вы знаете, два: древний, классический, и мусульманский. Прежде всего меня заинтересовал второй, так как он понятнее нам и ближе. Кроме того, мусульманская старина, если хотите, жива и сейчас, а жизнь осталась почти та же. Мусульманские кварталы в Каире — очень специфичны, архитектура великолепная, старины очень много. Тут же кругом базары, лавчонки, торговцы, нищие, бедуины, негры, верблюды, разукрашенные ослики, ковры, сладости, фрукты — словом, садись и рисуй восточную сказку.

Другой Египет — древний, величественный, непонятный и страшный — молчит, и насколько оглушительно крикливы, до боли в ушах, все эти разноцветные люди, от белых до негров, в фесках и тюрбанах, настолько же тихи и бессловесны остатки того далекого мира.

Моя работа не пристала ни к тому, ни к другому Египту, и специальностью моею сделалась Византия.

Я делаю большую декоративную картину, 5,5 метров на 2,5, которая украсит комнату в византийском стиле одного богатого грека. Размеры, как видите, для меня необычные, но очень интересно... На картине есть император с императрицей, и процессия мужчин и женщин, и иконный город, много орнаментики. Стиль — приблизительно VI века, юстиниановской эпохи», — писал художник своему другу в Париж⁴⁵.

Важно отметить, что, несмотря на пристрастие Билибина к византийской эпохе, что, естественно, вытекало из всего его предыдущего творчества, он любил искусство и историю и Древнего, и мусульманского Египта. Одинаково. Не у всех было такое равное отношение. Одни предпочитали древность, другим была по душе современность. Кстати, среди деятелей русской культуры, деловых россиян, государственных мужей, посещавших Египет, часто наблюдался односторонний подход, больше было интереса к Древнему Египту.

Ивану Билибину в его отношении к народу, к стране, где он провёл 1920–1925 гг., был характерен чисто «русский» подход. «Русскость» вообще пронизывает все творчество этого большого художника. Любимые его персонажи — Иван-царевич и Жар-птица, герои одной из популярных русских сказок. Это — поиск идеала, мечта русского народа о вечном

---

⁴⁵ *Беляков В.В.*. «К берегам священным Нила...», с. 207–208.

счастье и добре, с одной стороны. И вечное ускользание этого идеального счастья — с другой. Иван-царевич, олицетворявший русский народ, хочет поймать эту Жар-птицу, но хватает ее лишь за хвост, в руках остается всего одно перо.

Иван Яковлевич был упоен Египтом. «Каир — это рай для художника». Он счастлив. Трудится с утра до ночи в этом сказочном мире.

Несмотря на изнурительную работу, Билибин выкраивал время для осмотра достопримечательностей Каира и для поездок по стране. Дважды художник ездил в Верхний Египет, бывал в Луксоре. Во время второй поездки он посетил только что открытую Картером гробницу Тутанхамона. Встречался с людьми, делал зарисовки, много фотографировал. «Не имея возможности коллекционировать, я очень много снимал, — писал Иван Яковлевич другу в январе 1924 г., — и по Древнему Египту, и по арабскому искусству, и что очень близко моему сердцу, это так называемое коптское, или раннехристианское искусство египетского производства...»⁴⁶

В начале 1923 г. в Египет по приглашению И.Я. Билибина прибыла его ученица А.В. Щекатихина-Потоцкая с сыном Мстиславом. Вскоре они поженились.

Лето 1924 г. художник провел в путешествии с семьей по Палестине и Сирии. «Иерусалим, Мертвое море, Галилея, Дамаск. Продолжение восточной сказки», — вспоминал он⁴⁷.

По возвращении в Египет семья по приглашению друзей поселилась в Александрии, где, по свидетельству приемного сына Мстислава, он «подолгу пропадал в знаменитом Греко-римском музее с его изваяниями, коллекциями монет, шедеврами мозаики, керамики»⁴⁸, делая многочисленные эскизы и зарисовки для будущих картин. Для Ивана Яковлевича «северная столица» была привлекательна и потому, что там проживало много европейцев, включая русских эмигрантов, среди которых попадались знатоки живописи и маститые художники. Поэтому не случайно, что в галереях города практически круглый год устраивались «биеналле» как местных, так и европейских мастеров.

Друзья из Общества любителей искусства помогли Билибину организовать выставку, экспонатами которой были как его собственные работы, так и работы Щекатихиной-Потоцкой. В местной прессе появилось объявление: «Общество друзей искусства в Александрии организовало выставку работ замечательного художника Билибина в своих салонах

---

⁴⁶ Билибин И.Я. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике, с. 114.

⁴⁷ Там же, с. 61.

⁴⁸ Там же, с. 239.

по улице Фуада I, № 13, с 5 по 20 января. Желаем успеха этому большому событию в мире искусства»⁴⁹.

Биеннале семейной пары пользовалось огромным успехом. «Почти все работы с этой выставки ушли в Америку и Грецию, — писал М. Потоцкий в воспоминаниях, — в местной прессе она получила высокую оценку»⁵⁰.

К сожалению, многие работы И.Я. Билибина, выполненные им в Египте, остались безвестными. О некоторых из них есть сведения. Так, в частности, в одном из своих писем художник сообщал в 1923 г.: «Я получил новый заказ у мадам Нагиб-паша Бутрос Гали: большое декоративное панно площадью около 4 кв. м в стиле персидских миниатюр. Цена — 350 фунтов стерлингов»⁵¹. Эта картина до сих пор находится в Каире. На переднем плане ее — гибкая танцовщица, справа от нее девушки-музыканты, слева — зрители: принц и его друзья, а на втором плане — роскошный сад и дворец. По всему полотну — типично билибинские краски. Внизу — автограф по-французски, инициалы по-русски и дата: «1924»⁵².

В 1925 г. Билибин, по некоторым данным, выполнил эскиз фресок и иконостаса для сирийского православного храма в Александрии. Однако об этой его работе ничего не известно. Зато известно, что для церкви греческого госпиталя в Аббасии в Каире художник выполнил иконостас в стиле XV в. На алтарных дверях — по архангелу в человеческий рост. Справа — Гавриил, слева — Михаил. У них удивительно знакомые по старорусским иконам лица, какой-то светлый, праздничный облик. Внизу — инициалы «И. Б.» и год — 1921. Особенно поражает посетителей госпитальной церкви двойная икона на царских воротах. Справа — смятенная и вместе с тем радостная Дева Мария, слева — архангел Гавриил, посланный ей Господом, чтобы сообщить благую весть: «Зачнешь во чреве, и родишь сына, и наречешь имя ему: Иисус». Внизу — те же инициалы, дата и вензель⁵³.

Летом 1925 г. художник принял решение покинуть Египет. На вырученные деньги от продаж картин на александрийской выставке Билибины в августе 1925 г. выехали в Прагу, затем в Париж, а в сентябре 1936 г.

---

⁴⁹ La Reform, 4–5.01.1925. Сейчас в этом помещении, что находится рядом с кинотеатром «Рамсес», расположилось агентство по продаже мебели «Аль-Фарук Лиль Мубилия. Аль-Лямса аль-Искендерийя фи Алем аль-Мубилия».

⁵⁰ И.Я. Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике, с. 240.

⁵¹ И.Я. Билибин в Египте. 1920–1925. Письма, документы и материалы. М., 2009, с. 250. Заказчик — известная семья, из которой вышел бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали.

⁵² *Беляков Владимир*. Приютила Африку Жар-птица, с. 185.

⁵³ Там же, с. 123.

они вернулись в родной город на Неве. В феврале 1942 г. Иван Яковлевич умер от голода.

Путь Билибина на родину начался задолго до возвращения. Из письма другу из Каира в 1921 г.: «Порою меня очень тянет в Россию, в частности, в Крым⁵⁴. Я стал более ярким националистом, чем когда-либо, насмотревшись на всех этих носителей культуры — англичан, французов, итальянцев и пр. Только сейчас начинаем чувствовать, как много мы потеряли»⁵⁵.

В отличие от И.Я. Билибина, другой представитель российского изобразительного искусства, Б.О. Фредман-Клюзель, оставивший после себя учеников в Каире и в Александрии, снискал в Египте заслуженную славу и известность⁵⁶. Автор замечательного скульптурного памятника «Невеста Нила» в александрийском саду «Нузха» Борис Оскарови родился в Санкт-Петербурге в 1878 г. В 16 лет будущий скульптор поступил в художественное училище, а закончил образование в шведской Академии изящных искусств. Затем он получил хорошую практику во всемирно известной ювелирной фирме Фаберже. Позднее Фредман-Клюзель принимал активное участие в создании популярной серии каменных фигурок «Русские типы».

Борис Оскарович очень любил балет и вылепил около 60 статуэток артистов балета, в том числе Анну Павлову, балерину №1 в истории русского балетного искусства. Сохранился фотоснимок: Анна Павлова позирует Фредману-Клюзелю. В 1915 г. скульптор даже сделал слепок с ее ноги. Первая бронзовая отливка с этого слепка была затем приобретена Британским музеем, вторая — нашла место в Государственном музее театра и музыкального искусства в Петербурге.

В начале 1920-х гг. Фредман-Клюзель эмигрировал в Париж. Там он до 1928 г. преподавал в Школе прикладных искусств в должности профессора, а затем уехал в Каир, вероятно, из-за того, что в Европе разразился в то время жесточайший экономический кризис. Вполне возможно, что его пригласили в Египет. Для каждого творческого работника, будь он скульптор или художник, Египет был очень привлекательным. Как показывает опыт русской культуры, многие российские литераторы, деятели музыкального искусства, художники стремились ознакомиться с Востоком, обогатить свое творчество, мечтая увидеть этот вечно манящий,

---

⁵⁴ Еще в начале 1910-х гг. И.Я. Билибин приобрел участок недалеко от Балаклавы. У него там был небольшой домик с мастерской, выходящий на глубокий залив Батилиман, где он проводил лето. Из-за революции 1917 г. Билибин остался в Батилимане, откуда позднее переехал в Ростов, а затем с отступающей Белой армией попал в Новороссийск.

⁵⁵ И.Я. Билибин в Египте, с. 31.

⁵⁶ Подробнее о Б.О. Фредмане-Клюзеле см.: *Беляков Владимир*. Приютила Африка Жарптицу, с. 210–230.

таинственный, загадочный и мистический мир Востока. В их числе оказался и талантливый, приобретший уже мировую известность российский скульптор Фредман-Клюзель.

Фредман-Клюзель поселился в центре Каира, в районе Эзбекия, в доме №9 по улице Генина. Там у него была и студия. Поскольку Борис Оскарович не был женат, его хозяйством занималась экономка-француженка, мадам Кара.

Русского скульптора пригласили работать на факультет изящных искусств Каирского университета в должности профессора и заведующего кафедрой скульптуры. На этом посту в 1937 г. Бориса Оскаровича сменил его ученик Ахмед Осман.

В 1933 г. состоялся первый выпуск факультета изящных искусств. Первые девять выпускников были учениками Фредмана-Клюзеля. Среди воспитанников Бориса Оскаровича оказались Гамаль Сегини, Абдель Кадер Ризк, Абдель Хамид Хамди, Мустафа Митвалли, Мустафа Нагиб, Ахмед Осман. Последний не только сменил своего профессора в должности заведующего кафедрой скульптуры факультета изящных искусств столичного университета, но и стал основателем и первым деканом факультета изящных искусств Александрийского университета, который был учрежден в 1957 г. Он руководил факультетом до ухода на пенсию в 1968 г.⁵⁷

Фредман-Клюзель не только преподавал, но и много времени уделял любимому делу — лепке. Обычно делал 4–5 вариантов одной скульптуры, потом выбирал лучший, а на остальных показывал, какие сделал ошибки. Русский скульптор неплохо говорил по-арабски: как же жить в стране, любить ее и не говорить на родном языке ее народа? Когда в 1945 или 1946 г. он перестал преподавать и вышел на пенсию, на вопрос, часто задаваемый, почему остался в Египте, в Каире, а не уехал, например, в Европу, всегда отвечал: «Я люблю Египет, зачем же мне уезжать отсюда?» Умер Борис Оскарович 30 декабря 1959 г. Похоронен в Египте. Несмотря на активные поиски, его могила до сих пор не найдена.

В книге «Художники и скульпторы современного Египта», изданной еще в 1935 г., ее автор-француз Морик Брин писал, что он часто посещал мастерскую российского скульптора в Эзбекии и потому имеет право говорить о его творчестве. «В природе Фредмана-Клюзеля интересует все — животные не менее, чем люди. Однако его процесс познания мира не мгновенен. Он всегда учил основательности в работе: “Вот уже три года я в Египте, но мне все еще трудно взяться за лепку верблюда”. Фредман-Клюзель не признает права по своему усмотрению менять форму, требует уважения к природному мастерству и достоверности. Поэтому он много

---

⁵⁷ Александрия. Время. Место. Человек. Александрия, 2002, с. 536 (на араб. яз.).

времени тратит на изучение анатомии. Как только появляется уверенность в том, что “пришел момент истины”, он реализует ее. Анализ скульптора позволяет препарировать, синтез оживляет. Его “Борзые” действительно бегут, а “Балашова” танцует, как будто мы видим ее на сцене Большого театра.

В хореографии для Бориса Фредмана-Клюзеля, как скульптора, вообще нет секретов. Подробно изучив элементы и мельчайшие детали танца, он воспроизводит их с величайшей достоверностью в гипсе и бронзе. Даже в скульптурной неподвижности застывшая поза всегда дышит у него жизнью». Далее француз заключает: «Невозможно быть более правдивым. Невозможно быть более артистичным!»⁵⁸

Да, повезло Ахмеду Осману и его коллегам на учителя, который удостаивается такой высочайшей оценки за свое мастерство и профессионализм!

По свидетельству египетских художников и скульпторов, лично знавших и друживших с русским скульптором, работы Фредмана-Клюзеля находятся главным образом в частных коллекциях. Одно время в большинстве своем они хранились в Художественном музее на площади Тахрир, который открылся в 1940-м и закрылся в 1965 г.

Известны некоторые работы Фредмана-Клюзеля, выполненные им в Египте — большой барельеф святого Георгия при входе в православный храм св. Георгия в Старом Каире, бюст Маркуса Симайка-паши, основателя и первого директора Коптского музея, тоже в Старом Каире. Третья скульптура — бюст Гамалья Абдель Насера, выполненный Борисом Оскаровичем незадолго до смерти, был установлен в глубине торгового зала на улице Шериф, в центре Каира. Однако по неизвестным причинам его оттуда убрали.

Наиболее ярким памятником, созданным Б.О. Фредманом-Клюзелем в Египте, остается скульптура «Невеста Нила», установленная в александрийском розарии парка «Нузха», между садом Антониадиса и городским зоопарком. Эта скульптура, на наш взгляд, совершенна, идеальна. На лице красавицы-египтянки, стоящей на коленях, через минуту готовой броситься в Нил, застыла загадочная улыбка невесты в ожидании совершения обряда, отражающая одновременно и покорность, и гордость, и величавость, и самопожертвование, и еще многое другое, характерное для древней эпохи, древнего народа, этой древней страны. Все это прекрасно уловил великий русский скульптор Б.О. Фредман-Клюзель.

---

⁵⁸ *Беляков Владимир.* Приютила Африка Жар-птицу, с. 226.

Эмигрантская поэзия Александрии

Александрии святая пыль...

Иван Умов, «Клио»

К апрелю 1920 г. вместе с прибывшими в феврале и марте в результате разгрома Деникина беженцами (около 5 тыс.) русская колония достигла примерно 10 тыс. человек. Со временем, отчасти рассеявшись по миру, отчасти натурализовавшись, она составила в 1927 г. 2410 человек, а в 1937 г. и 1947 г. — соответственно 1176 и 1174 человек (согласно всеобщим переписям населения Египта).

Несмотря на утрату капитуляционных прав (октябрь 1923 г.), которые предоставляли иностранцам в Стране пирамид ряд существенных льгот, египетское сообщество россиян оставалось компактным. По словам Татьяны Конн⁵⁹, «это была малая Россия».

Пользуясь служебным положением и своими общественными и личными связями, сложившимися за продолжительное пребывание в Египте, не признавшие Советскую власть дипломаты А.А. Смирнов, А.М. Петров и другие в значительной степени помогли самоорганизоваться русской общине и выжить многим россиянам.

В 1920 г. была создана Русская поликлиника в Каире, при ней было образовано Русское медицинское общество. Поликлиника стала одним из важных центров общения и сплочения «русских египтян», в том числе и тех, кто проживал в «северной столице». К тому же в ней была организована домовая церковь. В Александрии тоже существовал русский православный храм. Позднее на греческом кладбище в Шатби была построена часовня, а под ней склеп для погребения ушедших из жизни россиян.

В Каире действовал Русский клуб с бесплатными читальней и библиотекой. В зале клуба читались лекции, давались концерты, ставились драматические и музыкальные спектакли, проводились Дни русской культуры, в которых активное участие принимали соотечественники из Александрии. Концерты и спектакли устраивались Русским артистическим обществом.

Наряду с «общеегипетскими» культурными общественными организациями Каира и мероприятиями, проводимыми ими и распространявшимися, естественно, и на Александрию, последняя была вполне самостоятельна и автономна. Но в то же время культурное влияние «второй столицы» часто, если не всегда, распространялось на остальной Египет. В 1921 г. в лагере русских беженцев Сиди Бишр под Александрией было организовано Русское культурно-просветительное общество, которое

---

⁵⁹ Татьяна Дмитриевна Робертс-Конн — дочь и внучка эмигрантов, продолжительное время прожила в Александрии. Сейчас работает заведующей отделом Центральной и Восточной Европы в библиотеке университета Глазго (Шотландия).

издавало журнал «На чужбине» и, по некоторым данным, газету «Эмигрант». Там же выходило издание Союза русских студентов — журнал «Орион». Союз объединял около 300 студентов и имел филиал в Каире.

В «северной столице» в распоряжении любителей русской словесности оказалась библиотека, которую возглавлял большой почитатель литературы и искусства, сам не чуждый творческого вдохновения, один их интеллигентнейших и авторитетнейших деятелей русской александрийской эмиграции П.Я. Добрыня-Конюхов.

Практически в каждом их крупных скоплениях россиян в Египте существовало интеллектуальное ядро, которое объединяло окружающих соотечественников и притягивало их к себе, помогая раскрывать свои творческие способности. В окрестностях Исмаилии, где в 1920–1922 гг. обосновался Донской кадетский корпус, примером этому может служить журнал «Донец на чужбине».

Вокруг этих журналов сосредоточились творческие силы. Так, в частности, кадетское издание «Донец на чужбине» дало дорогу в творческую жизнь печатавшимся в нем воспитанникам Донецкого кадетского корпуса Ю.Ф. Гончарову и Н.Н. Воробьеву, которые выросли в известных поэтов. Ими гордилась не только казачья эмиграция, но и впоследствии соотечественники в целом на их исторической родине. Стихи Николая Воробьева до сих пор находят своего читателя.

Кадет

Ему и пятнадцать-то было едва ли,
Хоть он и божился, что да.
Ведь даже ребячьи сердца полыхали
Тогда, в лихолетья года.

Не спрашивай имени — столько ведь лет!
Удержишь ли в памяти это?
Но вечно стоит перед глазами кадет,
И мне не забыть кадета.

Донец ли, орловец — не все ли равно?
Из Пскова он был иль с Урала..
С поры лихолетья я помню одно —
Кадетская бляха сверкала,

Да по ветру бился в метели башлык,
Как крылья подстреленной птицы,
Был бледен кадета восторженный лик
И снегом пуржило станицы..

Он двигался, словно не чуя беды
И пулям не кланялся низко.
Трещал пулемет и редели ряды,
И красные были уж близко.

И наземь он пал неуклюжею цаплей
И шею он вытянул в небо смешно,
И вытекла жизнь — просто капля за каплей
Бурля и искрясь, как в бокале вино.

Не спрашивай имени — имени нет...
Был чей-то сыночек. Российский кадет.

*«Тогда, в лихолетья года...» // Новая юность,
2000, № 3 (32). Стихотворения. Предисловие,
публикация Виктора Леонидова, зав. архивом-
библиотекой Российского фонда культуры*

Поэтически одаренные эмигранты-россияне попробовали свои силы в упомянутом журнале «На чужбине». В нем же печатался бывший вице-консул Иван Умов. Египетские россияне-поэты имели прямые связи с крупными белоэмигрантскими ассоциациями литераторов в Париже, Берлине, Белграде и других эмигрантских центрах.

Русские эмигранты стремились к публикации своих поэтических опытов как за рубежом, так и непосредственно в Египте. Надо сказать, что возможности для их издания были невелики. За неимением даже ограниченной полиграфической базы поэтические книжки выходили в примитивном виде, иногда просто в машинописном варианте, порой с многочисленными дефектами в самой печатной машинке. Кстати, сам журнал «На чужбине» грешил этими недостатками.

К подобным изданиям относится машинописный сборник стихов Ольги Егоровой⁶⁰. Вероятно, она прошла Гражданскую войну. Прибыла с ранеными в Александрию в марте 1920 г., проживала здесь в лагере Сиди Бишр. Осталось стихотворение, написанное в Сиди Бишре, «Кто-то стукнул»: «Кто-то стукнул... показалось мне в окне... // Наяву я это вижу,

---

⁶⁰ Этот сборник автору любезно предоставил В.В. Беляков. На корешке сборника стихов написано «Ольга Егорова. Стихотворения». Ольга Иоанновна Егорова (урожд. Соболева) родилась в Санкт-Петербурге в феврале 1898 г. («Я рождена туманным Петербургом»); умерла в Каире в августе 1955 г. В возрасте 16 лет она стала сестрой милосердия, о чем мы узнаем из ее стихотворения «Война»: «Я сестра — все в этом слове: все и любовь и добро. // И жажду я правого дела и подвига — сердце полно. // Вся жизнь наполнилась делом, // и ясна на фартуке белом красная лента Креста». Петроград, 1915 г. В стихотворении «Бал» она уточнила свою биографию: «Я кончила гимназию, // война была в разгаре. // Работала сестрой. // Все были, как в угаре. // На фронт стремились все. // И подвига я наяву хотела, не во сне». (Сборник, с. 145).

иль почудилось во сне... // Ночь немая... звезд мерцанье... тишина...
// Я одна... одна с тоскою у окна» (Сиди Бишр, 1922 г.)⁶¹.

Большую часть из 35 лет, проведенных в Египте, Ольга Егорова прожила в Каире. Но тот, кто знаком с этой страной, знает, что лето в ней проводят на море, в чуть более прохладной Александрии. Так делала и Ольга Егорова. Там она написала много стихотворений: «Море» (1927 г.), «Он играл для меня» (1938 г.), «Чайка» (9 июля 1939 г.), «Птичка» (б/д.), «Тучка» (июль 1939 г.), «Тоска одиночества...» (20 августа 1945 г.), «Она плыла» (1946 г.), «Сон» (8 сентября 1949 г.) и др.

Одно из своих стихотворений Ольга Егорова посвятила памяти соотечественника, тоже сочинявшего стихи, безвременно скончавшегося М.С. Новакова, сына действительного статского советника, александрийца С.И. Новакова. Стихотворение датировано 14 июля 1938 г.

Памяти Мих. Серг. Новакова

Умолк поэт... Умолк так рано,
Отрады жизни не познав;
Уж песни нет... И стих забудут,
Его, быть может, не поняв.

Возможно, именно Ольге Егоровой посвятил одно из стихотворений И.П. Умов. Ведь жили они в одно и то же время. Могли встречаться как в Каире, так и в Александрии. На почве тех же стихов, влечения к лирическому описанию окружающей действительности. Умов написал проникновенные стихи о таких медсестрах, как Ольга Егорова, набравшихся необходимого опыта во время Первой мировой войны и прошедших Гражданскую войну:⁶²

Сестра милосердия

В чужом краю, чужих цветов раю,
Друг детских лет, тебя я узнаю
Седой, больной. Сквозь темь годов скитаний,
Потерь и бед, сверхсильных испытаний,
Ты пронесла, как светоч, жизнь, свою.

Вновь пред тобой склоненный я стою.
Все та же ты, без жалоб, без роптаний,
Среди больных, создав свою семью
В чужом краю.

---

61 *Егорова Ольга*. Указ. соч., с. 10. В Сиди Бишре находился еще один поэт-эмигрант, А.П. Ладинский. Он нам больше известен как автор исторических романов.

62 *Умов Иван*. Незримый гость, с. 132.

Вся — для других, как ты была в бою,
Средь визга пуль, шрапнели грохотаний:
Вся — честь, вся — долг! Над пушкинскую Таней
Я вознесу тебя — сестру мою,
Тебя пою, с тобою слезы лью
В чужом краю.

Лирика Ольги Егоровой пронизана ностальгией по Родине. Эта бесконечная тоска о России приводила к тяжелым стрессам и к такому состоянию души, из которого можно было выйти только через эмоции в виде стихов.

Васильки

Часто рвала васильки
В поле на родине милой,
Грусть навевают они
Здесь мне при жизни постылой.

Милый пришел навестить,
Он мне принес василёчки;
Нежности тихой полны
Милые эти цветочки.

Смотрят с тоской на меня —
Здесь и я с ними в неволе —
Хочется мне побежать
В наше родимое поле

Египет, 1944⁶³.

Еще острее это щемящее чувство тоски по родине передает александрийский поэт-дипломат Иван Умов⁶⁴:

Неизменный сон

Все тот же сон — далекая Россия!
К тебе одной летит моя мечта,
Влечет твоя родная красота,
Зовут поля, твои леса глухие,

---

63 Егорова Ольга. Указ. соч., с.95.

64 Иван Умов. Указ. соч., с. 194.

И серых дней напевы дождевые,
И вечеров осенних долгота,
Унылых рощ багрец и пестрота —
И зимние сугробы снеговые!

Я вновь живу среди отроческих грез,
Вновь чувствую, что мир земной не тесен...
Далекий звук знакомых с детства песен

Дарует мне поток неожиданных слез.
В чужой среде, где сердце холодеет,
Оно, в любви к отчизне, молодеет.

О сне говорит и Ольга Егорова, когда хочет объяснить, что такое чужбина.

Я сплю

Я сплю упорной, властной спячкой,
Мне все на свете все равно.
Была всю жизнь горячкой,
Любила, будто... — так давно.

Устала я от жизни, горя —
И нет теперь огня во взоре:
Не слышу я призыв родной.
Мне все равно: я так устала...
И отсыпаюсь я теперь.
Страдать, любить я перестала.
В своей берлоге сплю, как зверь.

13 октября 1943 г.⁶⁵

Особенно остро Иван Павлович Умов воспринимал себя как эмигранта на старости лет. Умерла любимая дочь Катя, стали разъезжаться сыновья. Иногда стихи оставались единственным занятием и досугом, особенно тогда, когда в Александрии наступает зимняя пора с ее дождями и порывистыми ветрами⁶⁶.

О, если б знали вы, как больно сердце бьется
Под шум дождей ночных, под шепот вечных дум,
Что мать — твой лучший друг — на зов не отзовется.
Что сердцем ты — старик, не нужен и угрюм!

⁶⁵ Егорова Ольга. Указ. соч., с. 128.

⁶⁶ Умов Иван. Указ. соч., с. 83.

О, если б знали вы, что русский на чужбине
Не понят, одинок, всегда живет в мечтах,
О липах, о дубах, о вьюге на равнине,
О белых лебедях на заливных лугах!

О том, как оценивали себя русские изгнанники, какой они считали свою юность и молодость, особенно молодежь, и каковы были их мечты, можно понять из лирики Николая Войтенкова, гордости русской эмиграции в Александрии⁶⁷. Братья-близнецы Николай и Алексей Войтенковы служили сержантами в александрийской полиции, за что действительно испытывали гордость их земляки-россияне. Нижеследующие строки из стихотворения Николая Войтенкова за 1928 г.⁶⁸ очень четко характеризуют это настроение:

Изгнание

Всю жизнь разрушило изгнание.
Погасли ранние мечты
И дней былых очарованье
Сменилось чувством пустоты.

Сменилось чувством пустоты.
В тоске безмолвного страданья,
Как образ нежной красоты,
Тая печали увяданья.

Тая печали увяданья,
Сгущая муку пустоты,
Чертили след напоминанья
Мои угасшие мечты.

Состояние эмигрантов было таковым, что иногда они даже отрицали то положительное, что они имели до революции и Гражданской войны и хотели отказаться от всего прошлого. Тот же Николай Войтенков,

---

⁶⁷ В нашем распоряжении имеется газетно-журнальный снимок братьев в мундирах полицейских, под которым имеется надпись: «Наши достижения». Речь идет о каком-то русскоязычном периодическом издании, выходившем в Александрии, возможно, о газете «Эмигрант».

⁶⁸ *Войтенков Николай*. Стихотворения. Париж [1937], с. 9. На экземпляре, обнаруженном автором в фонде «Рубакин» РГБ, имеется дарственная надпись: «На добрую память глубокоуважаемому Павлу Николаевичу Милюкову от автора. 16.1.37. Александрия, Египет». Нам не известно о пребывании П.Н. Милюкова в Египте. Возможно, дарение происходило в Париже. На эту мысль наталкивает и адрес издательства, находящегося в Париже: «Librarie “Le PAON”, 59. Rue de la Republique, Meudon — presse. Paris. France».

хотя и достиг с братом определенного общественного статуса и материального положения в Александрии, хотел бы «замолчать прошлое».

Юность

Потонула в тумане холодном
Одинокая юность моя.
Промелькнули в движении свободном
Дни за днями, события тая.

Бесталанный и, будто, ненужный
На подмостках я жизни стоял
И, движенью вещей непослушный,
Увлечений и страсти не знал.

Никогда ничего не жалея,
Я на прошлое ставлю печать,
И, желаний других не имея,
Я о прошлом стараюсь молчать.

1930.

Вероятно, благодаря резкости и бескомпромиссности этого александрийского поэта в силу его молодости, станет более рельефным отношение большей части наших соотечественников к Советской России и порядкам, царившим в ней в то время⁶⁹.

Посвящая родине

Русь

Стонет Русь Святая.
Стонет. Слезы льет.
Нищая, больная
Сыновей зовет.

После славы громкой
И былых побед,
По миру с котомкой
Ходит много лет.

Храмы осквернили.
Царь с семьей убит.
Верных перебили.
Произвол царит.

---

⁶⁹ Николай Войтенков. Указ. соч., с. 8.

Не шумят знамена
С ликами икон,
На ступенях трона
Вражий легион.

Родина страдает.
В рубище она.
К Господу взывает
Нищая страна.

Так бывший солдат Белой армии Николай Войтенков воспринимал новую Россию, свое место в истории бывшей России и нынешнее положение в Египте, который его временно приютил и даже предоставил неплохую работу. По-иному глядели на мир русские мальчишки, едва повзрослевшие в эмиграции. Об их настроении поведал учащийся александрийского колледжа «Виктория» Юрий Мазараки⁷⁰.

Тише... Тут дремлют знамена,
И вьется дымок фимиама,
Тут в бледном мерцании храма
Стоят боевые знамена.

Их много... Склонились и дремлют,
И снятся им сказки былого...
В мерцании храма святого
Знамена склонились и дремлют.

Чу... Тише... Вы слышите шепот?
То деды собрались на страже знамен,
Свидетели славы и лучших времен.
Вы слышите тихий их шепот?

---

⁷⁰ Юрий Николаевич Мазараки родился в октябре 1907 г. в Петербурге. В 1916 г. поступил во 2-й кадетский корпус. После революции попал в Египет, где закончил среднее образование. В колледже был очень общительным мальчиком, часто исполнял военные песни и марши, среди них созвучный названию города их пребывания марш «Александрийские гусары»: «Кто не знал, не слышал // наших дел победных // Кто не знал, не слышал // Про гусар бессмертных? // Марш вперед, смерть идет // Уже врагу навстречу // Марш вперед, труба зовет // Смело, братцы, в сечу! // Уже храпят, не стоят // Кони вороные // И о стремя звенят // Сабли боевые... // Марш вперед, смерть зовет // Черные гусары, // Марш вперед, труба зовет // не почивайте же нары!»

Получив стипендию в Льежский университет, успешно закончил его в 1932 г., служил инженером-строителем в Брюсселе. После Второй мировой войны переехал в Монреаль, где работал по специальности инженера-строителя. Умер в апреле 1976 г. в Монреале.

И под шепот седых ветеранов
Дремлют штандарты родные.
Где вы, потомки лихие
Дети седых ветеранов!

Александрия, 1927⁷¹.

Русские александрийцы, естественно, внимательно следили за событиями, происходившими в России. Некоторые из них принимали посильное участие в различных благотворительных мероприятиях, проводившихся, например, в пользу голодающих в Советской России. Эта кампания достигла своего размаха в ноябре–декабре 1921 г.

По распоряжению египетских властей со 2 по 11 декабря 1921 г. проводилась декада помощи голодающим в России под патронажем губернатора Александрии Хидаит-паши. На улице Фуада I, напротив муниципалитета, была сооружена иллюминированная триумфальная арка, проведены праздничные мероприятия с участием ведущих александрийских артистов.

В воскресенье 8 декабря в Розеттском саду устроили различные аттракционы, лотереи и другие акции. Чуть ранее, 4 декабря, провели костюмированный бал-маскарад для детей. По сведениям «Ля Реформ», такого благотворительного праздника Египет еще не видел. В этих акциях принимали участие и русские беженцы, которые со страданием следили и с болью воспринимали бедственное положение своих соотечественников в Советской России⁷². Причем такое отношение к соотечественникам было и в 1930-е гг. Власти властями, но отношение к рядовым советским людям со стороны эмиграции было достаточно теплым и участливым.

Особенно это участие и сострадание было заметно во время Великой Отечественной войны, когда эмигранты, затаив дыхание, сопереживали грозные события на Родине.

Патриот России Иван Умов не мог не отреагировать стихами на те суровые испытания, которые постигли его родную страну. В разгар Сталинградской битвы он написал стихи, посвященные героическим защитникам будущего города-героя⁷³.

Героиням Сталинграда

Вы — преемницы мучениц, жен декабристов.
И сестер, что видали Малахов курган,
Тех подвижниц, что помнили Шипку и Систов,
Тех, окрасившись кровью своей Гаолян.

⁷¹ Рукопись стихотворения и биографические материалы о Ю.Н. Мазараки были любезно предоставлены автору дочерью русских эмигрантов Т.Д. Робертс-Конн в 2003 г.

⁷² La Reform, 2–12.12.1921.

⁷³ Умов Иван. Указ. соч., с. 148.

Там, в оврагах, где крут хмурый берег нагорный,
Там, где солью сверкает за Волгой Эльтон,
Вы зарыты с запекшейся раною черной
И приволжские ветры лелеют ваш сон.

Сестры, сестры! Вам снится ль пожар Сталинграда,
Русь в слезах и крови у последней черты,
Где, под громы и вопли кромешного ада,
Вы без слов сожигали девичьи мечты?

К вам, безвестным и юным, пришедшим на Волгу,
Чтобы жизнь положить за собратьев-солдат,
К вашим теням взываем и плачем подолгу,
Души вновь обновляя средь жизни утрат.

Как ничтожно-бедны тусклых дней треволенья
Перед пламенем чистым возженных сердец!
И всевластно влечет мощных душ притяженье
В высь, где славой горит женской жертвы венец.

В это грозное время Ольга Егорова активно участвовала в общественной жизни колонии. Она выступала в Дне русской культуры, посвященном Волге, со стихотворением «Волга»: «Нам, изгнанникам России, // Светят волжские огни; // Быстротечны ея воды, // Быстротечны наши дни. // Красотою небывалой // Плещет волжская волна; // Волга! Мать родная, Волга! // Ты красива и вольна!»⁷⁴

Стихотворение было написано 19 сентября 1942 г., в разгар германского наступления на Сталинград. День русской культуры был приурочен русской эмиграцией в Египте к этим событиям и состоялся 8 октября 1942 г. 4 ноября поэтесса вновь обратилась к этой теме, появилось еще одно стихотворение «Волга». Она возвращается к прошлому, к дням, проведенным на Волге с любимым: «Не забыть былого! // Этой красоты! // Мне здесь на чужбине. // Где-то, милый, ты! // Звездочки мерцают // В небе голубом. // Сердце надрывает // Память о былом»⁷⁵.

В апреле 1943 г. Ольга Егорова написала два стихотворения под одним названием «Родина». В первом говорилось (Сб., с. 109):

Вся залита кровию родина;
В небе багровый закат;
И ночью, и днем там разносится
Пугающий грома раскат.

⁷⁴ Егорова Ольга. Указ. соч., с. 107–108.

⁷⁵ Там же, с. 108.

Слезами, потоками жгучими
Там плачет и мать, и жена;
Там туча разверзлась могучая
И ливнем проходит она.

Та буря пройдет — успокоится —
И радуга в небе блеснет.
Но сердце, разбитое горем,
Возможно ль, что вновь оживет?⁷⁶

Второе стихотворение датировано 4 апреля 1943 г.: «Я вспоминаю: сверкнула зарница! // Сад наш зеленый, деревья и сень; // Снова мелькнули знакомые лица. // В темной аллее — родная сирень. // Стоны души! Так тоскливо и больно... // Грезы бывшего встают чередой... // Родина милая! Света, приволья! // Сердце наполнено только тобой!»⁷⁷

Бросается в глаза, что за 1943 г. Ольгой Егоровой написано больше стихотворений, чем за какой-либо другой год (27 из 255). При этом многие стихи ее поэтического сборника⁷⁸ не датированы. Невольно приходит мысль о том, что этот акцент связан с особыми переживаниями автора во время страшных испытаний для ее Родины, особого накала этих испытаний, закончившихся Сталинградской победой.

Эмигрантская поэзия Александрии, на наш взгляд, является еще одним правдивым источником, который в значительной степени дополняет картину жизни русских изгнанников не только в северной столице, но и во всем Египте. В концентрированном виде она доносит не только пафос настроения александрийских россиян, но и их физическое и моральное состояние во время пребывания в Египте. В этом отношении в качестве некоторого итога приведем стихотворение Ивана Умова «Две арфы»⁷⁹.

Две арфы

Посмотри: зацвели джакаранды,
И жасмина ползучий побег
Бугенвиллий лиловых гирлянды
Покрывает, как девственный снег.

---

⁷⁶ Там же, с. 109.

⁷⁷ Там же, с. 110.

⁷⁸ В конце этого сборника имеется фраза, написанная рукой автора: «Книга II-ая. Жизнь и сон».

⁷⁹ Умов Иван. Указ. соч., с. 171

Но за Волгой, в России, далеко,
В разоренном старинном гнезде,
Скромный ландыш цветет одиноко,
И зовет к позабытой весне.

Посмотри: в сонной глади канала
Отразился немой кипарис,
У мечети, за насыпью вала,
Шелестит возле хлопка маис.

Но все снятся родимые нивы,
Где шуршат возле гречи овсы,
Где в прудах опрокинулись ивы
И белеют луга от росы.

Посмотри: многолюдный Египет
В бликах солнца, весь в сети дорог.
Кубок счастья не здесь ли был выпит?
Здесь твой мир, и семья, и порог.

Но над Нилом я думаю долго,
Размышляя о милых местах,
Где так царственно стелется Волга,
Где соловко рокочет в кустах;

И стремится душа к бездорожью
И к безлюдью заволжских полей,
Где под тучей склоняется рожью
Полоса у заросших колеи.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ 1860-х — НАЧАЛА 1880-х гг. В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

В XIX в. многие европейские страны столкнулись с таким масштабным явлением, как революционное движение. Проявило оно себя в разных направлениях: учреждении подпольных организаций, массовом печатании запрещенной литературы с выдержками из сочинений западных мыслителей, многократных попытках государственных переворотов, политических убийствах и т. д. Исключением не стала и Российская империя. Во второй половине столетия по стране прокатилась череда государственных преступлений, реакцией на которые стали громкие судебные процессы. Среди них — дела Д. Каракозова, «нечаевцев», «долгушинцев», «50-ти», «193-х», В. Засулич, «1 марта 1881 г.» и многие другие.

Неудивительно, что российские судебные дела с ярко выраженной политической окраской вызывали необычайный интерес к себе со стороны европейских держав, в том числе и Франции. В своих хрониках корреспонденты авторитетных общественно-политических французских изданий («*Constitutionnel*», «*France*», «*Revue des deux mondes*», «*Revue de France*») обращались к актуальным для многих стран проблемам, таким, как угрожающий характер революционного движения и разработка эффективных мер против его распространения. Наконец, немаловажной была реакция общественных кругов на политические процессы. Газета «*Constitutionnel*» 21 июля 1866 г. сообщила о предпринятых российским правительством усилиях по предотвращению преступных замыслов, направленных против императорской власти и формы государственного правления¹. По фактам совершенных преступлений стали проводиться публичные судебные заседания².

---

¹ *Constitutionnel*. 1866. №202. 21 juillet. с. 2.

² *Ibid.* 1865. №164. 13 juin. с. 1.

Отметим, что на страницах информационных изданий Франции того времени регулярно встречаются хроники о положении дел в России, краткие и пространные сообщения о принадлежности молодых людей к террористическим организациям, о печатании, хранении и распространении литературы революционного толка, покушениях на главу государства и представителей правительственных кругов.

В 60–70-е гг. XIX в. западные журналисты активно муссировали тему проведения в общественной жизни Российской империи так называемых «Великих реформ», направленных на либерализацию страны и ее приобщение к европейским стандартам развития (особенно ярко это видно из документов по проведению и реализации судебной реформы 1864 г. — А. Г.). Преобразовательные тенденции стали предметом широкого обсуждения не только на страницах российских печатных изданий³, но и во французской прессе, спрос на которую в общественных кругах России был массовым.

Российские политические процессы приобрели мировой общественный резонанс, а европейское общество получило возможность наблюдать за ходом их проведения. Благодаря судебной реформе отчеты о происходивших заседаниях публиковались в печати. Новый суд и провозглашавшиеся им гарантии справедливости судебных решений, гласность и состязательность судопроизводства получили восторженную оценку французских публицистов. Так, один из них, Пьель, в 1865 г. указал на прогрессивность реформаторского пути России и на стремление русского общества следовать заданному правительством импульсу⁴. Существенные преобразования принесли благотворные плоды и должны способствовать «крупным улучшениям в ближайшем будущем»⁵. Через 13 лет о «благородных намерениях» российского монарха скажет известный сотрудник журнала «*Revue des deux mondes*» Вальберт⁶.

Во французской периодике подчеркивалось, что реформы императора Александра II не оправдали возлагавшихся на них надежд. Следствием стала мощная волна революционного движения и вовлечение в «бурю революционизма» широких народных масс. Основной контингент их составили молодые юноши и девушки, не имевшие полного гимназического и университетского образования. Оценивая размеры нестабильной атмосферы в стране, журналист Убан заметил: «Политические убийства

---

³ Среди них — «Правительственный вестник», «Московские ведомости», «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Современные известия», «Русские ведомости», «Русский мир».

⁴ *Constitutionnel*. 1865. № 5. 5 janvier. с. 2.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Revue des deux mondes*. 1878. Т. 27 (V–VI). с. 224.

продолжают увеличиваться в России в чудовищных пропорциях»⁷. Из Санкт-Петербурга, по словам Вальберта, поступали оперативные новости о «тайных заговорах», «неуловимых заговорщиках» и «фанатиках», готовых пожертвовать собой ради достижения заветной цели, о покушениях и попытках цареубийства, и т. д.⁸

К рубежу 1870–1880-х гг. число арестованных лиц увеличилось. В судебные процессы, как отметил Убан, втягивались представители различных социальных слоев общества (дворяне, мещане, крестьяне, студенты), а процессы над ними тянулись неделями⁹. Залы заседаний были настолько узкими, что не вмещали в себя даже самих обвиняемых. И так изо дня в день. «На следующий день новые виновные сменяют на тех же скамьях осужденных уже за день до отъезда в Сибирь»¹⁰. О деятельности судов по делам российских революционеров регулярно сообщали Вальберт и Леруа-Болье¹¹. Последний подчеркивал, что после первых покушений на главу государства количество заседаний по политическим делам возросло, а обвиняемые заключались в тюрьму и отправлялись в сибирскую ссылку¹². В статье Леруа-Болье под названием «Император Александр II и миссия нового царя» ясно прозвучала мысль о том, что покушения вошли в привычный круг российской общественной жизни, а потому политические преступления стали такими же «частыми и так же мало удивляют в России, как в Ирландии аграрные кризисы»¹³.

На чрезвычайную обстановку в Российской империи в 1880 г. обратил внимание французский корреспондент Мазад. Согласно ему, страна наводнилась многочисленными революционными организациями, которые представляли смертельную опасность как для личности правящего монарха, так и для окружавших его правительственных лиц. В частности, он сообщал: «Нет ничего более трагического, чем эта ситуация в России, где государь не чувствует себя больше в безопасности, где он не может сделать ни шагу, перейти железную дорогу, обойти свой дворец»¹⁴. Россия переживает «внутренний кризис»; повсюду угрозы, шпионаж и заговоры¹⁵.

---

⁷ Revue de France. 1879. Т. 34. № 4, с. 722.

⁸ Revue des deux mondes. 1879. Т. 33 (VI), с. 700.

⁹ Revue de France. 1879. Т. 34. № 4, с. 723.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Revue des deux mondes. 1879. Т. 33 (VI), с. 700–701.

¹² Ibid. 1881. Т. 44 (III–IV), с. 662.

¹³ Ibid, с. 670.

¹⁴ Ibid. 1880. Т. 38 (III–IV), с. 233–234.

¹⁵ Ibid.

Происходившие в 60–70-х гг. XIX в. на российской земле общественно-политические тенденции Леруа-Болье назвал «явной аномалией» и дал следующее толкование причинам преступлений: «Существует десять объяснений подобного. Причина этого печального явления одновременно кроется во времени, в котором мы живем, и в растущих потребностях людей [...] она состоит в социальном, нравственном и умственном состоянии русского народа, измученного новыми потребностями и стремлениями, почти такими же трудными для удовлетворения, как и для их сдерживания»¹⁶. Публицист акцентировал особое внимание на «контрасте инстинктов и страстей» нынешней эпохи, уходящей глубокими корнями в чересчур продолжительный период царствования российского императора Александра II. Согласно ему, динамичное развитие общества предполагает естественный переход его к новым условиям жизни. Вслед за крестьянской последовали административные, судебные, военные, финансовые реформы. Однако, как отметил Леруа-Болье, данные преобразования были предприняты в одиночку, изолированно друг от друга. По сути, они ничего не изменили в старом механизме общественного устройства, что привело к появлению радикально настроенных групп. Стремления молодого поколения улучшить качество жизни населения выглядели вполне закономерными, а их действия в этом смысле законными. Но здесь и скрывалась потенциальная опасность такового — «нетерпеливая» и «энергичная» молодежь постепенно становилась все более и более требовательной; ее «благие» намерения оказались противозаконными и привели в конечном итоге к трагическим последствиям 1 марта 1881 г., то есть к цареубийству¹⁷. «Свобода, — заявлено в «Revue de France», — с которой осуществлялись подобные преступления в России, свидетельствует о глубокой сумятице в нравственных идеях, устрашающей мощи тайных обществ»¹⁸.

Отметим характерные черты французской периодики рассматриваемого периода — детализацию в описании происходивших в России политических покушений, пристальное внимание к революционным событиям, оценки судебных дел, отклики корреспондентов на роль политических процессов в формировании мировоззренческих взглядов общества. На рубеже 1870–1880-х гг., в период наибольшей активизации революционного движения, французские комментаторы буквально заполнили колонки периодических изданий хрониками о судебных процессах в России. Зачастую в них встречаются отсылки на российские газеты и журналы.

---

¹⁶ Ibid. 1881. Т. 44 (III–IV), с. 649.

¹⁷ Ibid, с. 649–650.

¹⁸ Revue de France. 1879. Т. 38. №4, с. 865.

Примеров тому масса. Журналист Вальберт упомянул о посягательстве А. Березовского на жизнь Александра II в Париже 25 мая 1867 г.¹⁹ В газете «France» от 22 апреля 1866 г. помещена выдержка из петербургского издания «Journal de Saint-Petersbourg» о покушении Д. Каракозова на главу российского государства 4 апреля того же года. Там же отмечено: «Мы находим в корреспонденции из Санкт-Петербурга, адресованной *Норду*, следующий факт по поводу покушения на личность русского императора: Убийца по-прежнему отказывается отвечать. Не знают еще, кто он есть. У него нашли разные бумаги, и между ними был обнаружен набросок воззвания к народу, говорящий, что: “мир успокоится только тогда, когда все монархи будут уничтожены”»²⁰. В следующем номере «France» сослалась на газету «Русский инвалид», указав, что в ней имеется описание подробностей данного покушения²¹.

Факт преступления Д. Каракозова против «священной персоны Его Императорского Величества», согласно «France», был полностью доказан. В результате Верховный уголовный суд приговорил обвиняемого к лишению всех гражданских прав и смертной казни через повешение²². Та же газета дала оценку произошедшему политическому преступлению. Покушение на «драгоценную жизнь Его Величества» потерпело неудачу; был явлен Божественный промысел судьбы императора — «перст Божий» отвел руку преступника от него²³. Аналогичное сообщение о преступлении с отсылкой к «Северной почте» приведено в «Constitutionnel»²⁴. 21 сентября 1866 г. в ней помещено извлеченное из «Journal de Saint-Petersbourg» описание казни Д. Каракозова²⁵. Судебный приговор по нашумевшему делу «ишутинцев» напечатан на страницах «Constitutionnel» от 15 октября²⁶.

Подробности проведения громкого процесса В. Засулич (31 марта 1878 г.) приведены в статье Вальберта. В ней, в частности, отмечено, что по ходу разбирательства обстоятельств дела обвиняемая созналась в совершенном ею преступлении (имеется в виду выстрел в петербургского градоначальника генерала Ф.Ф. Трепова. — *А. Г.*), вовсе не стремилась преуменьшить картину содеянного и публично призналась в том, что

---

¹⁹ Revue des deux mondes. 1878. Т. 27 (V–VI), с. 222.

²⁰ France. 1866. 22 avril, с. 1.

²¹ Ibid. 23 avril, с. 1.

²² Ibid. Здесь же сообщалось, что «Санкт-петербургские сенатские ведомости» опубликовали приговор Верховного уголовного суда по делу Д. Каракозова.

²³ Ibid. 24 avril, с. 2; 2 juillet, с. 2.

²⁴ Constitutionnel. 1866. N°252. 20 août, с. 2.

²⁵ Ibid. N°264. 21 septembre, с. 2.

²⁶ Ibid. 15 octobre, с. 2. Дана ссылка на «Journal de Saint-Petersbourg».

осуществила свой замысел преднамеренно в знак мщения за поруганную честь заключенного А. Боголюбова²⁷. Присяжные, как подчеркнул Вальберт, были «поражены скромностью ее поведения, искренностью и бесхитростью ее речи»²⁸.

О неудачной попытке покушения на императора Александра II в апреле 1879 г. сообщил Мазад. «Это один молодой человек лет тридцати, по фамилии Соловьев, который, как говорят, не обладал какой-либо культурой и, судя по его первым ответам, преступление явно было исполнением революционного лозунга»²⁹. Корреспондент назвал Соловьева «убийцей» и добавил, что последний принадлежал к «классу фанатиков», подобно немцу Нобилингу. Пессимистичным выглядел вывод Мазада о том, что данное покушение является продолжением многочисленной серии политических преступлений, совершившихся в последние месяцы в России³⁰.

Детальные описания государственных преступлений Российской империи отражены на страницах журнала «Revue de France». К таковым отнесено покушение в Борках. Вернувшись из Ливадии после нескольких месяцев отсутствия, император Александр II стал жертвой очередного покушения 1 декабря 1879 г. Ему чудом удалось избежать смерти. Мазад привел подробности происшедшего: «Либо по чистой случайности, либо вследствие некоторых предосторожностей движение двух поездов было изменено: императорский поезд, вопреки традиционному обычаю, прошел первым. Он прибыл к месту назначения без происшествия»³¹. Второй же поезд следовал с получасовым интервалом. В нескольких сотнях метров от города он взорвался на заложенной вдоль пути mine. Несколько вагонов было искорежено. Журналист при этом добавил, что обошлось без человеческих жертв³². Реакция революционеров на неудачную попытку цареубийства выглядела соответствующей: они «тайно с диким фанфаронством сообщали о том, что при ближайшем удобном случае им повезет намного больше»³³. Оценивая преступление, Мазад выразил недоумение по поводу того, каким образом исполнителям «гнусного» покушения удалось реализовать его абсолютно беспрепятственно, несмотря на «пристальное внимание» к ним правоохранительных органов. Ответственность за преступление несли даже скорее не революционеры, а российская полиция, которая

---

²⁷ Revue des deux mondes. 1878. Т. 27 (V–VI), с. 217.

²⁸ Ibid, с. 221.

²⁹ Ibid. 1879. Т. 33 (V), с. 235.

³⁰ Ibid.

³¹ Revue de France. 1879. Т. 38. №4, с. 864.

³² Ibid, с. 864–865.

³³ Ibid, с. 865.

не смогла вовремя предупредить об опасности, принять соответствующие меры, а фактически дала возможность членам революционной организации привести в исполнение «преступный замысел»³⁴. Всю вину за произошедшее комментатор Убан возложил на органы политического сыска, подчеркнув, что «бессилие полиции» привело к «смелости заговорщиков»³⁵.

Покушения следовали за покушениями. В одной из хроник журнала «Revue des deux mondes» Вальберт перечислил правительственных лиц, на которых за последнее время совершены посягательства со стороны членов террористических сообществ. Среди них он назвал имена генералов Мезенцева, Кропоткина, Дрентельна. Корреспондент не преминул заметить, что российское правительство «взволновано» сложившейся ситуацией и предприняло самые энергичные меры для предотвращения подобных преступлений³⁶.

Известный всему миру французский печатный орган «Revue de France» сообщил о неудавшемся политическом покушении на генерала Дрентельна. «На прошлой неделе один молодой человек на лошади среди бела дня стреляет на одной из самых людных улиц Санкт-Петербурга в генерала Дрентельна, шефа III Отделения императорской канцелярии, то есть в человека, который после царя является, возможно, самым могущественным в империи»³⁷. В корреспонденции от 14 декабря 1879 г. Мазад привел сведения об исполнителе злодеяния. Несколько дней тому назад российскому правосудию был предан один из заговорщиков, который совершил «дерзкую попытку» убийства генерала. Им оказался «молодой революционер» Мирский. Его приговорили к смертной казни, однако вскоре последовал указ о смягчении наказания³⁸.

Серию совершившихся за конец 1870-х гг. политических преступлений назвал Леруа-Болье — покушения А. Соловьева и на шефов высшей полиции. Среди прочих журналист выделил покушение на жизнь императора Александра II в Борках и взрыв в царской столовой Зимнего дворца, которые произвели сильное впечатление на общественные настроения³⁹.

Характерно и другое. Агитации, заговоры, покушения на правящих лиц, по замечанию Мазада, уже не были для рубежа 70–80-х гг. экстраординарной новостью. «Революционный космополитизм» всецело охватил Европу, стал «страшным элементом» международных отношений и, не

---

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. Т. 34. №4, с. 722.

³⁶ Revue des deux mondes. 1879. Т. 33 (VI), с. 701.

³⁷ Revue de France. 1879. Т. 34. №4, с. 722.

³⁸ Revue des deux mondes. 1879. Т. 36 (XII), с. 957.

³⁹ Ibid. 1881. Т. 44 (III–IV), с. 665.

останавливаясь ни перед чем, проявил себя с неимоверной жестокостью⁴⁰. Этот «непримиримый дух разрушения» проявил себя еще раз в петербургских событиях 5 февраля 1880 г. Мазад имел в виду «чудовищный взрыв динамита» в императорской фамильной резиденции Зимнего дворца. Авторы устрашающего «злодеяния» названы «убийцами». Только по счастливому стечению обстоятельств жизнь правящего монарха оказалась вне опасности⁴¹.

По оценкам французских корреспондентов, количество покушений впоследствии возросло, а сами они приобрели ярко выраженный «ужасающий характер»⁴². Не успев забыть о взрыве в Зимнем дворце, как уже в хронике «Revue des deux mondes» от 14 марта 1880 г. сообщило о прогремевшем 20 февраля выстреле в харьковского генерал-губернатора М.Т. Лорис-Меликова. Все эти мрачные и печальные для страны события посеяли в части населения «настоящую панику»⁴³. Чашу терпения переполнило знаменитое дело над «убийцами» главы российского государства Александра II в 1881 г. В отчете от 30 апреля Мазад свидетельствовал, что процесс над революционерами прошел и осужденные «не замедлили подвергнуться наказанию, которое на них наложено»⁴⁴. Констатация факта осталась незавидной. «Искупление, — образно выразился корреспондент, — шло рядом с преступлением; однако наказание некоторых виновных не уничтожило неуловимого заговора, который не прекращает распространяться... Остается знать, каковы будут последствия страшного события последнего месяца»⁴⁵.

Во французской периодике 1860-х — начала 1880-х гг. постоянно заострялось внимание на небывалом общественном резонансе российских судебных процессов за рубежом. Каковы же были оценочные взгляды комментаторов на этот счет? По сообщению Вальберта, большой переполох вызвал выстрел Веры Засулич в «страшного тирана» Ф.Ф. Трепова, по приказу которого в доме предварительного заключения был высечен А. Боголюбов (участник «Казанской демонстрации» в Санкт-Петербурге 6 декабря 1876 г.). Обвиняемая «ничуть не была сумасшедшей» и справедливо выступила в защиту политического заключенного. Покушение представляло собой невиданный факт и оказало настолько сильное впечатление на мировую общественность, что Европа даже забыла о своих внешнеполи-

⁴⁰ Ibid. 1880. Т. 38 (III–IV), с. 233.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid, с. 478. 12 февраля 1880 г. М.Т. Лорис-Меликов был назначен главой «Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия».

⁴⁴ Ibid. 1881. Т. 45 (V–VI), с. 231.

⁴⁵ Ibid.

тических проблемах. Слишком преувеличенные размеры в связи с пред- историей процесса приобрела «странная судебная авантюра». Некоторые лица, в том числе журналисты, обладающие «смелым» и «фантастическим» воображением, принялись утверждать, что «героиня» заняла бы место во «всемирной истории», если бы приняла «миссию свыше»⁴⁶. Процесс В. Засулич, как утверждал Вальберт, был для России своего рода «знаме- нием времени», а для части Европы — «полным откровением». Он заста- вил многих задуматься над такими вопросами, над которыми раньше раз- мышляли реже⁴⁷.

Итогом процесса В. Засулич стало оправдание судом присяж- ных обвиняемой. Это из ряда вон выходящее событие вызвало «бурю энтузиазма». Вальберт удивился тому, что налицо была поддержка « тща- тельно отобранной элиты», состоящей из высокопоставленных чиновни- ков, сенаторов и государственных советников Российской империи. В них видели «цвет русского общества»⁴⁸. Тут же он прокомментировал реак- цию общественных масс на оправдательный вердикт: В. Засулич вышла из суда «победительницей» под неудержимые крики радости и аплодисменты «ликующей и исступленной толпы»⁴⁹.

Сильное воздействие на европейское общество, по оценке Мазада, оказали насильственные покушения «революционного правительства» на представителей российской полиции (Мезенцева, Кропоткина, Дрен- тельна), ведь они исполнялись с «пугающей точностью»⁵⁰. Во многих запад- ных странах, в частности в Германии, Австрии, Франции и Италии, были крайне обеспокоены новостью о покушении на императора Александра II в Борках. «Revue de France» даже заметило, что в память о чудесном спасе- нии глава российского государства получил в свой адрес «поздравления»⁵¹. Правда, радостное известие вскоре омрачилось сенсационным сообще- нием о «трагической» и «сокрушительной» катастрофе, прогремевшей 1 марта 1881 г. Это событие произвело ошеломляющее впечатление на всю Европу. «Ужасное» покушение стоило жизни императору посреди непре- рывной революционной агитации. Правящий монарх очутился в роли жертвы со стороны революционеров, замыслы которых в конечном итоге осуществились. От нанесенных ран государь скончался⁵².

---

⁴⁶ Ibid. 1878. Т. 27 (V–VI), с. 216.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid, с. 217.

⁴⁹ Ibid, с. 226.

⁵⁰ Ibid. 1879. Т. 33 (V), с. 236.

⁵¹ Revue de France. 1879. Т. 38. №4, с. 865.

⁵² Revue des deux mondes. 1881. Т. 44 (III–IV), с. 478, 647, 666; Т. 45 (V–VI), с. 231.

Любопытно, что оценки российских и французских информационных изданий в большинстве своем совпадали и дополняли друг друга. Причины наблюдаемых масштабных явлений, судя по ним, заключались в том, что государственные преступления в России действительно приобрели необычайно массовый характер. Они находились в тесном соприкосновении с подобными рода преступлений, происходившими в европейских странах. Стремление уловить эту взаимосвязь, провести компаративный анализ специфических особенностей российских и западных судебных процессов по политическим делам — вот тенденция, характерная для французской периодики 1860-х — начала 1880-х гг.

Изучение французской печати убеждает в том, что российские политические процессы прочно вошли в число самых обсуждаемых в Европе общемировых проблем, что было следствием активизации революционного движения как внутри Российской империи, так и за ее пределами. Характерные замечания на этот счет содержатся на страницах журналов «Revue des deux mondes» и «Revue de France». Все признавали (в том числе и Европа), что развитие революционной пропаганды и политические убийства представляют собой абсолютное «зло», которое обрушилось не только на Россию, но угрожает и другим странам⁵³. Корреспондент «Revue de France» сообщил о незамедлительной реакции Санкт-Петербурга: данное зло породило в городе самые «острые беспокойства»⁵⁴.

Показательно, что российские террористические организации сотрудничали с европейскими революционными сообществами, а участники их занимались пропагандистской деятельностью за рубежом, учреждали там типографии и выпускали соответствующую литературу. Это также явилось важным показателем взаимовлияния судебных процессов по политическим делам, происходивших в России и в Европе.

В журнале «Revue de France» революционная организация названа «безжалостной сектой», оказывавшей активное сопротивление правительственным действиям. Подчеркивалось, что возможно никогда Россия не переживала столь страшные испытания, которые выпали ей на конец 70-х гг. XIX столетия. Противостояние революционных деятелей государственной власти получило наименование борьбы цивилизации против варварства⁵⁵. Вальберт добавил, что резкие меры принесли бы заметную пользу только в том случае, если бы они были одобрены общественным мнением. Однако общественное мнение дало положительную оценку относительно них только наполовину: оно «вообразило себе, правильно

---

⁵³ Ibid. 1879. Т. 33 (V), с. 237; Revue de France. 1879. Т. 38. №4, с. 865.

⁵⁴ Revue de France. 1879. Т. 38. №4, с. 865.

⁵⁵ Ibid.

или неправильно, что хорошие законы были бы более полезными для государства, нежели лучшие галстуки из конопли»⁵⁶.

Таким образом, проведенный анализ французской периодики 1860-х — начала 1880-х гг. достаточно ясно показал, что стремительное распространение революционного движения вызывало повышенный интерес западного общества к происходившим в России политическим процессам. Корреспонденты ведущих информационных изданий Франции обсуждали проблематику российских судебных дел, общественный резонанс которых стал, несомненно, высоким за рубежом на протяжении всего рассматриваемого периода.

Подчеркнем, что изучение взглядов французских корреспондентов расширяет наши представления о характерных особенностях судебных процессов в Российской империи, их специфике и неоднозначности трактовки. Уникальность периодики Франции состоит в том, что помещенные в ней материалы позволяют расставить основные акценты комментаторов на сложности и противоречивости революционного движения.

Обращение к французской печати углубляет наше объективное понимание российской истории переломного периода. Изучение ее дало основание сказать, что феномен судебных процессов воспринимался французскими корреспондентами через призму внутривнутриполитической атмосферы в стране, поэтому их информационные сообщения являются ценным источником по комплексному изучению общественно-политической ситуации России второй половины XIX в.

Конструктивный анализ динамики политических процессов выводит современного исследователя за рамки сугубо юридических вопросов, волей-неволей возникавших здесь, а именно — дает прекрасную возможность глубже взглянуть на особенности взаимовосприятия российской и французской прессы 1860-х — начала 1880-х гг., тенденции взаимных представлений по заданным параметрам.

---

⁵⁶ *Revue des deux mondes*. 1879. Т. 33 (VI), с. 709.

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР
В КОЛОНИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ
ФРАНЦИИ В ТУНИССКОМ
ПРОТЕКТОРАТЕ
(1881–1914 гг.)**

В течение 1800-х гг. Франция стремилась укрепиться в Тунисе, подорвав там турецкое влияние. Установление французского протектората над Тунисом было логическим завершением финансово-экономического, политического и военного покорения Магриба французами. Непосредственный захват произошел в 1881 г., когда был спровоцирован пограничный инцидент, и французские войска в Алжире 12 апреля получили приказ перейти тунисскую границу. Бей Туниса Мухаммед ас-Садок принужден был подписать навязанный французами договор об установлении протектората над страной. Теоретически, в соответствии с буквой договора, Тунис сохранил национальную государственность и вместе с ней все внешние атрибуты суверенитета — флаг, герб, правительство, суд и даже национальную армию. Юридически Тунис сохранил также монархическую форму правления. На деле вся полнота власти принадлежала генеральному резиденту Франции.

Режим протектората был значительно выгоднее для Франции по сравнению с откровенной аннексией, как это было в Алжире. Во-первых, он вызывал меньшую тревогу у других великих держав, заинтересованных в сохранении паритета сил в этой части средиземноморского бассейна. Во-вторых, режим протектората на первых порах создавал видимость того, что будто ничего, кроме «небольших» изменений в старом порядке вещей, не произошло. Поэтому он мог быть легче воспринят коренным населением страны и таким образом избавлял от необходимости проводить длительную и дорогостоящую военную экспедицию. Глава французской католической миссии в Тунисе кардинал Лавижери сказал по этому поводу:

«Режим протектората в Тунисе позволил нам сэкономить на религиозной войне»¹.

Французская колониальная стратегия сформировалась уже в первое десятилетие Третьей республики (1870–1880 гг.). Лидер Республиканской партии Жюль Ферри, занимавший пост главы правительства Франции в 1880–1881 гг. и 1883–1885 гг., был основным инициатором колонизации на практике и стал ведущим ее теоретиком. Доктрина Ферри содержала в себе откровенно захватнические цели, прикрываемые аргументами гуманистического характера: колониальный патернализм подразумевал распространение среди «варварских» рас благодетелей Науки, Разума и Свободы. Однако у этой либеральной колониальной стратегии были оппоненты в лице сторонников жесткой линии. И «колонизаторы», и «либералы» преследовали единую цель — утверждение господства Франции в Тунисе, но они не были едины в выборе формы и средств. «Колонизаторы» настаивали на аннексии и прямом правлении, полагаясь при этом на примененные силы; «либералы» предпочитали протекторат при сохранении внутреннего суверенитета Туниса, действуя через создание базы поддержки со стороны местного населения. Карт-бланш на проведение преобразований во вновь образованном протекторате был дан постоянному посланнику Франции в Тунисе, генеральному резиденту с 1882 г. по 1886 г. Полю Камбону. Талантливый дипломат, противник прямой аннексии, он сумел взять верх в конфликте с главнокомандующим французскими войсками в Тунисе генералом Буланже, представителем правых политических кругов Франции.

П. Камбон проявил осторожность и такт в осуществлении продиктованных из Франции и разработанных в ее министерствах юридической, административной и финансовой реформ. Уже первая из них, юридическая, требовала более внимательного отношения к религиозным чувствам местного населения. В 1883 г. началось введение в Тунисе французского законодательства и организация французских судов. Из дипломатической переписки того времени известно о трудностях, с которыми пришлось столкнуться властям протектората в ходе проведения юридической реформы. Один из иностранных консулов в Тунисе писал: «Французам едва ли удастся победить упорное сопротивление мусульманского духовенства, и вместе с ним Бея, и подчинить без насилия действию своего судопроизводства тунисских мусульман. Замена священного, обычного права («шариат») постановлениями Наполеоновского кодекса² была бы для последних крайне тягостна. Пример неудачного опыта подобной

---

¹ *Soumille P.* Europeens de Tunisie et questions religieuses (1892–1901). Paris, 1975, с. 5.

² Наполеоновский кодекс — французский гражданский, коммерческий и уголовный кодексы норм буржуазного права, выработанных при личном участии Наполеона.

замены налицо — в Алжире. Тамашнее население не может по сию пору свыкнуться с французским законодательством, противоречащим коренным образам складу жизни и верованиям мусульман»³. Администрация протектората решила не вмешиваться в мусульманское религиозное правосудие. Бейский суд, рассматривавший уголовные дела тунищев, продолжал работать в столице под присмотром французской администрации. Это был, безусловно, хорошо продуманный шаг властей протектората.

Отказ от открытого вмешательства в дела религии и культа объяснялся самими французами как духом патернализма, свойственным Франции, так и политическими соображениями: «Франция хотела сохранить верования и традиции мусульманских народов, которых она колонизовала. Это был, без сомнения, политический расчет. Вместе с тем это было проявлением французского либерального духа и врожденного уважения к религиозным ценностям». «Разве входит в задачу опекуна ломать мебель в старом доме, который берут на сохранение?» — рассуждал французский социолог А. де Монтети⁴.

Последователи П. Камбона на посту генерального резидента Франции в Тунисе Ж. Массико (1886–1892 гг.) и Р. Мийе (1894–1900 гг.) продолжили его либеральный курс. Они сделали ставку на исламский модернизм. Так как автохтонное население Туниса в религиозном отношении было в подавляющем большинстве однородно и исповедовало ислам суннитского толка, французская администрация уделяла основное внимание тому влиянию, которое ислам оказывал на урбанизированное население. Французы прилагали максимум усилий для поддержки прогрессивных элементов в тунисском обществе. Стратегия в отношении веры крестьян и кочевников — так называемого народного ислама, который характеризовался деятельностью религиозных братств и культом святых, была также гибкой. Деятельность 17 религиозных братств и 178 завий (обителей) марабутов постоянно отслеживалась французскими властями⁵. В 1883 г. они отменили право убежища в завиях, отчего братства и марабуты лишились возможности непосредственно влиять на политику. Но известно, что в 1890-е гг. власти протектората обеспечивали лояльность со стороны братства Тиджания освобождением от налогов его членов.

Самым мощным и действенным из новых средств колонизации стало европейское образование. Создание новой европеизированной, получившей французское образование интеллигенции, которую в Тунисе стали называть «эвалюэ», было предметом особой заботы властей протек-

³ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 149. Турецкий стол (старый). Оп. 502-а. 1874. Д. 2883, л. 41.

⁴ *Ворончанина Н.И.* Ислам в общественно-политической жизни Туниса. М., 1986, с. 40.

⁵ *Иванов Н.А.* Кризис французского протектората в Тунисе. М., 1971, с. 22.

тората. Французы отводили этим людям двойной культуры, просвещенные взгляды которых признавали способность ислама к обновлению, роль посредников между новыми властями и традиционным обществом.

Первым примером сотрудничества подобного рода стало создание в 1888 г. газеты на арабском языке «Аль-Хадира». Газету, субсидировавшуюся французскими властями, возглавил 29-летний Али Бушуша, получивший образование в Англии. Администрация протектората так формулировала основную задачу газеты: «Мы готовим общественное мнение для восприятия наших реформ. Газета пользуется авторитетом у местной публики. Ее редакторы — хорошие мусульмане и в то же время знают современные запросы Туниса»⁶. Редакция «Аль-Хадиры» вела агитацию с умеренно-либеральных позиций, затрагивая такие темы, как совместимость ислама с научным прогрессом, современным образованием. Например, статья, посвященная образованию женщин, начиналась так: «Многие наши единоверцы убеждены в том, что женщина должна быть изолирована от любых проявлений общественной жизни... Они ошибаются: мусульманка должна быть образована». Но, оставаясь умеренным в своих требованиях и не переходя границ дозволенного, автор писал далее: «Мы никогда не посоветуем вам отправлять дочерей в школы, мы лишь утверждаем, что девочки могут получать образование путем, согласующимся с принципами ислама»⁷.

Система образования Туниса традиционно считалась сферой влияния мусульманского духовенства. Поэтому, когда в 1896 г. было образовано просветительское общество «Аль-Джамиа аль-Халдуния» — еще один плод сотрудничества французских либералов и тунисских интеллектуалов, это вызвало беспокойство и неприятие среди улемов⁸. Общество, которое финансировалось властями протектората и имело целью распространение среди тунисцев современных знаний на арабском языке, было задумано как придаток к мусульманскому университету аз-Зейтуна. Этот оплот ислама, основанный еще в IX в., ко времени установления протектората пришел в упадок. Образование, которое там давалось, было религиозным и по своему духу могло сравниться с европейским университетом XIII в. После появления «Аль-Джамиа аль-Халдуния» студенты этого религиозного учебного заведения получили возможность дополнять свое традиционное образование современными предметами. Обществу уда-

---

⁶ Green A. The Tunisian Ulama. Leiden, 1978, с. 159.

⁷ Ibid., с. 166.

⁸ В востоковедной литературе сложилась традиция расширенно обозначать термином «улама» (множественное число от «алим» — знаток мусульманского права) мусульманское духовенство в целом. Этот термин подразумевает как самих служителей культа — имамов, хатибов, муэдзинов, так и духовных наставников — мулл, шейхов, богословов, правоведов и кади.

лось привлечь к сотрудничеству лишь нескольких улемов, согласившихся преподавать там классический арабский язык.

В 1898 г. власти протектората решили, что пора приступить к реформированию и самой цитадели исламского образования — университета аз-Зейтуна. Один из высокопоставленных сотрудников французской администрации в Тунисе, директор отдела образования Л. Машюэль писал: «Я мечтал иметь в Магрибе, который теперь находится под французским контролем, арабский интеллектуальный центр, влияние которого простиралось бы и на другие арабские страны — нечто вроде исламского университета, где арабские студенты будут получать современные знания при современном уровне преподавания... Эта мечта могла быть реализована — ведь кроме старых реакционных преподавателей здесь были и другие — молодые и более открытые прогрессу, способные поддержать наши реформы. Но эти реформы следовало проводить с крайней осторожностью и осмотрительностью, необходимо было сначала подготовить тунисцев к их восприятию»⁹. Л. Машюэль отмечал негативную роль генерального резидента Р. Мийе, человека амбициозного и нетерпеливого — «хорошего администратора, но имевшего недостаточно опыта обращения с институтами и людьми Туниса». Генеральный резидент «хотел преобразовать аз-Зейтуну радикально, реформируя обучение, методы, традиции и даже дух мечети»¹⁰. Согласно предложенному Р. Мийе плану, аз-Зейтуна должна была стать еще более влиятельным и известным центром исламского обучения, чем аль-Азхар в Египте. Тем самым и Франция превращалась в величайшую «исламскую» державу, лишив Великобританию, сферой интересов которой был египетский аль-Азхар, части ее традиционного влияния на арабский мир.

Генеральный резидент распорядился создать комиссию по проведению реформы аз-Зейтуны, в которую вошли кроме чиновников представители просветительского общества «Аль-Джамиа аль-Халдуния» и тринадцать улемов, включая главного религиозного авторитета в государстве шейха аль-ислам Мухаммеда Байрама и главное должностное лицо в системе религиозного суда Туниса баш муфтия Ахмада ибн Шарифа. На первом заседании комиссии 10 мая 1898 г. французы предложили следующие изменения: разделение обучения на три ступени (начальное обучение, среднее и высшее); требование о сдаче экзаменов при переходе от одной ступени к следующей; введение в учебное расписание современных наук; разнообразие методов обучения: необязательность заучивания наизусть, замещение старых книг специально составленными учебниками. Улемы пообещали изучить эти предложения.

---

⁹ Green A. Op. cit, c. 176.

¹⁰ Ibid., c. 179.

Следующее заседание комиссии состоялось 18 мая. Шейх аль-ислам Мухаммед Байрам взял слово и заявил, что обучение в аз-Зейтуне не может быть подвергнуто ни малейшим изменениям. Один из улемов, кади Исмаил ас-Сафаихи, поддержал его, напомнив, что образование, получаемое в аз-Зейтуне, существует, чтобы учить шариату, мусульмане нуждаются в нем, потому что шариат является основой их жизни и религии, социальных и политических институтов. Улемы дали понять, что студенты аз-Зейтуны могут самостоятельно изучать светские науки, но светское образование никогда не станет обязательным для них, тем более за счет сокращения часов на исламские курсы.

Понадобилось еще немало времени, чтобы стороны смогли найти компромисс: все современные науки будут преподаваться в «Аль-Джамиа аль-Халдуния», посещение которого будет добровольным. Но для выпускников аз-Зейтуны, прошедших эти курсы, создавались привилегии при поступлении на государственную службу. Обязательным стало лишь посещение занятий по арифметике, географии и истории, на которые в расписании аз-Зейтуны отводился один час в день, и учебники по этим дисциплинам должны были быть написаны авторами-мусульманами.

Провал реформы был несомненным: в учебных отчетах за 1900 г. указано, что курс математики посещали только 5 студентов, курс истории — 15, тогда как 43 курса арабской грамматики посещали 770 студентов, а 31 курс исламского права — 700 студентов аз-Зейтуны¹¹. Таким образом, это была полная победа мусульманских традиционалистов над альянсом франко-тунисских реформаторов.

Поддержка прогрессивно мыслящих тунисских сторонников реформ, особенно если речь шла о вопросах религии, была стратегической задачей французской администрации. В 1898 г. в Тунисе стал распространяться египетский журнал «аль-Манар», орган сторонников исламской модернизации, издававшийся лидерами этого направления Рашидом Ридой и Мухаммедом Абдо. Журнал приобрел популярность в Тунисе. В 1904 г. вышел в свет тунисский журнал «ас-Саада аль-Узма», редакция которого поставила перед собой цель способствовать диалогу сторонников модернизации с представителями традиционалистских кругов. С редакцией сотрудничали несколько улемов, сторонников реформ, но она также предоставляла право высказываться и шейхам-консерваторам. Несмотря на умеренный тон и попытки примирения, «ас-Саада аль-Узма» рассматривалась духовными властями Туниса как издание, подрывающее религиозные устои, так же как это, по их мнению, делал и «аль-Манар». Вскоре улемы направили ноту протеста премьер-министру Туниса Бу Аттуру, требуя закрыть «ас-Сааду аль-Узму» и запретить распространение в стране

---

¹¹ *Abdel Moula M.* L' universite zaytounienne et la societe tunisienne. Tunis, 1971, с. 105.

«аль-Манара». Требования улемов поставили власти в затруднительное положение. В результате был найден компромисс: журнал «ас-Саада аль-Узма» прекратил свое существование, но «аль-Манар» не был запрещен в Тунисе.

Рубеж веков явился для Франции временем перехода большинства в парламенте Третьей республики от левоцентристской к правоцентристской позиции. Рост социалистических тенденций испугал либералов-центристов и умеренных, они перешли к поддержке правых сил. Разумеется, эти изменения не могли не оказать влияния на характер колониальной стратегии Франции. Перемены последовали уже после отъезда из Туниса генерального резидента Р. Мийе и особенно С. Пишона (1901–1906 гг.). Конечно, сторонники либеральной колониальной стратегии пытались защитить свою позицию: Р. Мийе выступил в 1908 г. на конгрессе по Северной Африке с докладом «Совместим ли ислам с современной цивилизацией», но ситуацию это уже не могло изменить. Новая администрация во главе с генеральным резидентом Г. Аляпетитом (1906–1918 гг.) положила конец политике сотрудничества с тунисской интеллигенцией. Наоборот, по мере того как возрастала международная напряженность ввиду приближения Первой мировой войны, администрация все более явно занимала оборонительную позицию и стала заискивать перед традиционалистами.

Первым следствием изменения французской колониальной стратегии стал рост appetites «колониальных капиталистов». Колонизация, бывшая в первые годы существования протектората делом частных лиц, к 1905 г. стала объектом вмешательства государства с целью обеспечить «заселение» страны французами, то есть государственной колонизацией. Это, в свою очередь, повлекло разочарование тунисских «эвалюэ» в политике сотрудничества с властями протектората. Радикализация взглядов национальной элиты привела к созданию в 1907 г. Партии младотунисцев («Хизб Тунис аль-фатат»), что можно рассматривать как начало периода борьбы за независимость Туниса. Поняв, что Франция не намерена принять требования тунисцев, облеченные в формулу «Мы требуем общих прав для всех, справедливости и свободы», младотунисцы сделали ставку на помощь турецкого султана и объявили себя сторонниками панисламизма. Эта тенденция особенно усилилась во время итало-турецкой (1911–1912 гг.) и Первой мировой войн.

Если учесть, что в преддверие Первой мировой войны главным соперником Франции на международной арене была Германия, союзник Турции, бывшей для большинства мусульман символом халифата, то становятся понятными раздраженные действия властей протектората. В 1912 г. они объявили Партию младотунисцев вне закона, закрыли «панисламистскую» прессу, а лидера партии Башира Сфара назвали «агентом панисла-

мизма в Тунисе». Германия действительно предпринимала неоднократные попытки нанести урон французскому владычеству в Северной Африке, используя авторитет Османской империи среди мусульман. И после успеха революции младотурков в 1908–1909 гг. Германия продолжала использовать панисламистскую идеологию в своей внешней политике. Младотурки в союзе с Германией способствовали появлению в Стамбуле таких панисламистских организаций североафриканцев, как «Мухаммеданское общество», «Комитет борьбы за независимость Туниса и Алжира».

Принимая во внимание попытки Германии использовать свой союз с Турцией для создания общественного мнения в арабском мире о себе, как о друге ислама, и о Франции, как о его враге, авторы новой французской колониальной стратегии решили прибегнуть к той политике, которую проводили ее союзницы — Великобритания и Италия: демонстрировать благосклонность по отношению к религии и ее институтам и искать пути примирения с традиционалистами, включая улемов. Это новое направление французской политики предусматривало «борьбу с германо-турецким альянсом при использовании его же тактики»¹². Так, в 1911 г. в Париже была учреждена межминистерская комиссия по делам ислама. Она разработала несколько проектов, демонстрировавших озабоченность Франции состоянием традиционного ислама: несколько улемов из Северной Африки были назначены представителями при французском правительстве; было выделено полмиллиона франков на строительство в Мекке и Медине общежития для паломников из Магриба; принято решение о строительстве мечети в Париже. Параллельно с британским планом сделать шерифа Мекки «арабским халифом» появился французский план провозгласить марокканского султана халифом Северной Африки¹³. Словом, как было сказано на одном из заседаний этой комиссии, лучшим противоядием от немецкого панисламизма может стать французская его разновидность.

С целью привлечь и сделать союзниками тунисские умеренные и традиционалистские круги власти протектората частично отказались от идеи реформировать страну. Политика благоприятствования традиционализму дала себя знать в 1910 г., когда опять был поднят вопрос о реформировании системы образования в аз-Зейтуне. На сей раз ее инициаторами выступили сами студенты. 15 апреля была начата забастовка, лидеры студенчества требовали сделать образование более современным. Главным недостатком учебной программы они называли ее схоластический характер, она состояла только из религиозных наук. «Выпускники аз-Зейтуны не знали ничего об окружающем мире», — писал один из современни-

---

¹² Green A. Op. cit, с. 198.

¹³ Ibid., с. 201.

ков¹⁴. Кроме того, претензии были и к методам преподавания: процесс обучения сводился к цитированию пророка и его последователей. Справедливым считалось лишь то, что можно подтвердить словами пророка и хадисами. Инакомыслие не допускалось и наказывалось.

Студентов поддержали члены Партии младотунисцев — как участием в митингах, так и в средствах печати. Декрет о реформе аз-Зейтуны пришлось ждать два с половиной года, только в сентябре 1912 г. появился компромиссный документ. Опять, как и в 1898 г., консерваторы не позволили внести каких-либо серьезных изменений в систему обучения в аз-Зейтуне. В отличие от младотунисцев, администрация протектората на протяжении всего конфликта соблюдала нейтралитет. 25 апреля 1910 г. орган младотунисцев газета «Ат-Туниси» писала, что власти протектората нельзя обвинить в том, что они способствуют проведению реформ, «потому что они умыли руки в этом вопросе, подобно Пилату»¹⁵. Несомненно, французы саботировали реформы в расчете добиться благосклонности улемов, их нейтрализации по отношению к французским властям. События вокруг аз-Зейтуны имели один несомненный результат: обострение противоречий и враждебности в отношении религиозных авторитетов к младотунисцам. Улемы рассматривали поведение молодых националистов как дерзкое вмешательство в дела религии.

Новые приоритеты возобладали и в порядке назначения на важные духовные посты в протекторате. Если раньше для французских властей главным критерием были прогрессивное мышление улема и его желание сотрудничать с администрацией, то уже в 1910 г. ситуация стала обратной. Шейх Мухаммед аль-Нахли, сочувствовавший студенческим требованиям, был назначен на пост заместителя инспектора аз-Зейтуны, но генеральный резидент Г. Аляпетит наложил вето на это назначение, потому что в среде улемов взгляды шейха аль-Нахли считались отклонением от ортодоксального ислама. Такая же ситуация имела место и при назначении нового шейха аль-ислам Туниса. После смерти Мухаммеда ибн аль-Худжа его пост должен был занять шейх Хасан ибн аль-Кади, человек умеренно-либеральных взглядов. Но, вопреки традиции, шейхом аль-ислам стал Ахмад Байрам, «архиреакционер»¹⁶.

Время свободы в выражении неортодоксальных взглядов религиозными деятелями также подошло к концу: к началу 1910-х гг. относятся последние выступления улемов — сторонников реформ. Одним из последних актов такого рода стала книга шейха Мухаммеда аль-Хидра ибн аль-Хусейна «аль-Дава иля аль-ислях» (1910 г.). Говоря о совместимости

---

¹⁴ Себа П. Тунис. М., 1953, с. 202.

¹⁵ Abdel Moula M. Op. cit, с. 268.

¹⁶ Green A. Op. cit, с. 206.

западных институтов с традициями ислама, автор подчеркивал, что только улемы в силу профессионализма способны трансформировать западные институты и идеи в исламской среде, не нарушив норм шариата. Эта книга призывала к умеренным реформам в рамках, дозволенных исламской этикой. Ибн аль-Хусейн вскоре после выхода книги вынужден был покинуть Тунис и эмигрировать в Стамбул, что свидетельствовало о неблагоприятной для исламского модернизма обстановке в предвоенном Тунисе.

После запрета Партии младотунисцев в 1912 г. французская администрация продолжала следовать политике потворства традиционалистским кругам. Так, в 1913 г., когда французы проводили статистические исследования в Тунисе, к работе были привлечены два кади, чтобы гарантировать полное следование исламским традициям. Некоторые улемы не стеснялись публично заявлять о своей лояльности по отношению к властям протектората. Маликитский кади Тахир ибн Ашур объявил, например, что тунисские мусульмане, служащие во французской армии, освобождаются от поста в месяц Рамадан¹⁷. А заместители инспектора аз-Зейтуны периодически докладывали властям о «подрывной» деятельности студентов, близких к младотунисцам. Такое поведение улемов рассматривалось молодыми националистами как согласие сотрудничать с французскими колонизаторами, данное в обмен на обещание французов сохранить в неизменном виде исламские институты.

Но неучастие улемов в национальном движении не должно рассматриваться как желание сохранить протекторат. Оно скорее объяснялось страхом перед секуляризацией. Вынужденные выбирать из двух зол — иностранной оккупации и светской разновидности национализма — улемы предпочли остаться вообще в стороне от политических событий. Преобладающее влияние на общественные настроения стали оказывать отнюдь не религиозные лидеры, а представители зарождавшегося национального движения. Эта позиция невмешательства, занятая религиозными авторитетами на ранней стадии становления национального движения в Тунисе в 1907–1912 гг., сохранилась и на весь последующий период борьбы за независимость страны вплоть до 1952 г., предопределив особенности исторического развития Туниса по сравнению с другими североафриканскими странами. И одной из главных причин этого была «исламская» политика французской администрации протектората.

---

¹⁷ Ibid., с. 208.

МОСКОВСКИЙ ИМАМ В ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ

Новый документ о Хайретдине Агееве

История ислама в Москве крайне скудна оригинальными текстами. Для воссоздания отдельных ее аспектов исследователи пользовались, как правило, материалами на русском языке (архивные источники, законодательство, статистика, источники мемуарного характера)¹. Пожалуй, одним из немногих текстов, касавшихся московской общины и вышедших из-под пера московских мусульман, который оказался отраженным в научной литературе, стала расписка московского имама Рафика Агеева о произведенном бракосочетании на обороте «Векалет-наме»² от 19 октября 1837 г. из фондов Центрального исторического архива г. Москвы³, опубликованная факсимиле⁴. В 2008 г. было предпринято издание энциклопедического словаря «Ислам в Москве»⁵, который наглядно показал, что, несмотря на очевидные успехи «исламского москвоведения», наши знания об истории этой мировой религии в столице России все еще весьма скромны и приблизительны. Еще меньше нам было известно об уровне образованности московских мусульман, книжном и рукописном деле, собирательской деятельности и исламских библиотеках города.

¹ Интересующихся темой автор отсылает к ряду статей Маслова Ал.: «Древние урочища Замоскворечья: Крымский двор», «Крымский брод», «Крымский луг» (Московский журнал, 1992, № 11, 1993 № 1 и 5 соответственно), к монографии Хайретдинова Д.З. «Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX века» (Нижний Новгород, 2002; см. также рецензию автора на эту книгу: Восток (Oriens). 2004. № 2, с. 188–192), а также к нескольким собственным статьям (Зайцев И. В надежде на посмертное воздаяние... // Восточная коллекция. Весна 2005. № 1 (20); Зайцев И.В. Из истории московской мусульманской общины в начале XVIII в.: дело о московском муэдзине (1712 г.) // Turcica et Ottomanica. Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006, с. 59–63).

² В данном случае это доверенность в выдаче замуж.

³ ЦИАМ. Ф. 2200, оп. 1, д. 1 (Метрическая книга Московской мечети), л. 33 и 33об.

⁴ Хайретдинов Д.З. Указ. соч., с. 233–236.

⁵ Ислам в Москве. Энциклопедический словарь. Нижний Новгород, 2008.

В 1805 г. оренбургский муфтий Мухаммеджан Хусаинов лично обратился к московскому военному губернатору А.А. Беклемишеву с ходатайством о возведении каменной мечети в московской Татарской слободе, объясняя необходимость этого многочисленностью приезжающих в город мусульман (ежегодно от 250 до 300 торговцев и гостей). Сама слобода к тому времени насчитывала 12 домов и 57 и 45 душ мужского и женского пола соответственно. Однако на основании жалобы причта Замоскворецкой церкви великомученика Никиты новый московский генерал-губернатор князь А. Голицын 28 сентября 1823 г. предписал уведомить мусульман о том, чтобы азан в Татарской слободе не производился. Одновременно, в качестве компенсации на запрет, купцу «из бухарцев» Назарбаю Хашалову⁶ разрешалось производить богослужение, не называя помещение молитвенного собрания мечетью⁷.

В 1880 г. старший ахун Хайретдин Агеев и староста молитвенного дома Ибрагим Девишев представили план реконструкции (расширения) молитвенного дома (мечети) архитектора Певницкого⁸. В следующем году она была перестроена, возведены минарет и купол, и в 1882 г. мечеть приобрела вид традиционного культового исламского здания.

Молитвенные собрания в мечети вплоть до 1913 г. проводились *ахунами* из рода Агеевых⁹. В литературе встречается мнение, что эта семья была родом из Сибири¹⁰, однако в действительности происходили Агеевы из Казани. Косвенно казанское происхождение Агеевых подтверждается

⁶ В литературе можно встретить написание «Хамалов». Кроме того, часто указывалось, что он был купцом первой гильдии.

⁷ *Загидуллин И.* Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007, с. 333.

⁸ Там же, с. 334. Дмитрий Иванович Певницкий (ок. 1825–1887) с 1880 г. — архитектор Пятницкой части Москвы. О нем см.: *Козлов А.* Певницкий // Вестник Замоскворечья. 2008, № 22 (389) (Краеведческие страницы. Вып.4(16)), с. 5.

⁹ Агеевы — достаточно распространенная татарская фамилия. Так, печать некоего И.Б. Агеева (возможно, родственника московских Агеевых) стоит на рукописном экземпляре *Хуласат ал-хисаб фи илм ал-хисаб* (Сущность арифметики), переписанном в 1871 г. и привезенном в Казань из Касимовской археографической экспедиции 1964 г. См.: Арабские рукописи по астрономии и математике в фондах Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Составитель М.Н. Идеатуллин. Казань, 1987, с. 30. Некий офицер-прапорщик татарин «Агеев» летом 1917 г. служил в Спасском полку Юго-Западного фронта и вел там разъяснительную работу среди солдат-мусульман в связи с выборами в Учредительное собрание (*Исхаков С.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004, с. 224). Первый профессиональный татарский детский писатель также носил фамилию Агеев (см.: *Назаров Р.Р.* Агеев Фахрель-Ислам Невмятуллович // Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь. Нижний Новгород, 2009, с. 8–9).

¹⁰ *Асадуллин Ф.* Москва мусульманская. М., 2004, с. 81.

их родственными связями. Видный татарский общественный и религиозный деятель Габдеррашид Ибрагимов вскользь упоминает о своей встрече в 1879 г. в Одессе в доме муллы Ибрагима Адигаева с неким Ахмедом Нэрми (в османских документах он упоминается как احمد نرمی) и при этом называет его родственником московского муллы Хайрутдина. Безусловно, под последним имеется в виду Хайрутдин Агеев. Нэрми подобно самому Ибрагимову намеревался покинуть Россию без паспорта, нелегально, что ему в конце концов и удалось. «Сведения о предыдущей и последующей биографии Нэрми содержатся в одном из томов Реестра государственных служащих Османской империи. Согласно сведениям этого документа, хранящегося в Османском архиве, Ахмед Нэрми родился в 1277 г. (=1860–61) в Москве, в семье “казанского жителя и улема” Нурутдина и является “одним из казанских мухаджиров”. По окончании Султанской школы гражданско-административной службы... [Нэрми. — И. З.] поступил на государственную службу». К 1891 г. он совмещал должности преподавателя русского языка в Султанской школе военных наук и переводчика службы гражданского листа при султанском дворе¹¹.

Рафик б. Бекбулат стал муллой в 1817 г., а имамом московской мечети — в 1833 г. (возглавлял Историческую мечеть вплоть до 1867/68 гг.). Судя по тому, что к имени имама добавлялась почетная приставка «хаджи», Рафик Агеев совершил хадж. Умер имам в 1873 г.¹²

Рафик б. Бекбулат Агеев и его сын Хайрутдин (тоже старший *ахун*) в конце XIX — начале XX в. проживали в Татарской слободе Москвы (на Большой Татарской улице, в двух домах напротив Татарского и Кузнецкого переулков). Официально должность Рафика именовалась «Татарской слободы соборный имам мухтасип и мударес мулла Рафiek Агеев»; он подписывался также «ахун и соборный мулла-мухтасиб, мударрис». Находился он на этом посту почти 60 лет, подчинялся муфтию в Уфе, преподавал в медресе при мечети. В его обязанности входила также и работа с военнослужащими мусульманами из московских воинских частей. Умер Рафик б. Бекбулат в 1873 г.¹³

Следующим имамом (с конца 60-х гг. XIX в.) стал его сын, выпускник Апанаевского медресе в Казани Агеев Хайритдин Хаджи-Рафиков, «московский гражданский и военный имам», почетный гражданин Москвы, умерший в 1913 г. на 86 году жизни (родился ок. 1827 г.)¹⁴. В спра-

¹¹ См.: *Мустакимов И.А.* Введение // Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань, 2008, с. 24.

¹² *Хайретдинов Д.* Агеевы // Ислам в Москве. Энциклопедический словарь. Нижний Новгород, 2008, с. 8.

¹³ *Асадуллин Ф.* Указ. соч., с. 57.

¹⁴ См.: *Хайретдинов Д.З.* Указ. соч., с. 121, 126, 209. О военных имамах и круге их должностных обязанностей см.: *Абдуллин Х.* Мусульманское военное духовенство: состав, поря-

вочнике «Вся Москва» за 1901 г. (с. 5) Хайритдин Рафиков Аггеев указан живущим на Б. Татарской в собственном доме. Рядом проживал и Мухаммед Зайнуллович Аггеев (Б. Татарская, дом Исакова) — муэдзин мечети.

Потомки семьи продолжали служение при Исторической мечети и в советское время. «Благодаря стараниям муэдзина Мухамметкарима Аггеева, скорее всего связанного родственными узами с известной семьей имамов, во дворе мечети были построены солнечные часы в виде каменного столба, по которым можно было точно определить время намаза». Этот поступок вызвал одобрение Галимджана Баруди (1857–1921), тогда муфтия Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири: «Дело ведь не только в том, чтобы призвать к молитве, нужно точно определить ее время, — замечал Баруди. — Быть муэдзином, несведущим в вопросах религии, необразованным, не знающим молитв, алчным, как некоторые казанские муэдзины, — большое бесстыдство и нечестность. Хотя Москва — непросвещенное место, мусульман в ней немного, этот муэдзин постарался хорошо выполнить свою обязанность...»¹⁵

Мечеть была закрыта в 1937 г. после расстрела последнего ее имама Абдуллы Шамсутдинова — родственника Аггеевых. Позднее часть семьи переселилась в Узбекистан (устное сообщение Р. Шигабдинова автору), где до недавнего времени проживали потомки московских Аггеевых.

* * *

Пожалуй, лучше всего Хайретдин Аггеев охарактеризован Ф.А. Асадуллиным: «Знаток нескольких восточных и европейских языков, человек высокой образованности не только в исламских, но и в гуманитарных науках, Хайретдин Аггеев оставил заметный след в научной и культурной жизни Москвы конца XIX — начала XX в. Не прерывая духовно-проповеднической деятельности в Соборной мечети, он преподавал основы исламского вероучения в медресе и военных учебных заведениях Москвы, где учились мусульмане, состоял переводчиком при Оружейной палате, оставив после себя описания памятников средневековой мусульманской материальной культуры. Например, ему принадлежит авторство перевода стихов персидского поэта Гассана-Кази на “зульфикаре” — двухконечном мече Али, четвертого праведного халифа: “Нет храбрее, чем Али, нет меча, кроме Зульфикара”, — который поступил в Оружейную палату в 1810 г. Во время посещения Москвы иранским монархом Насер ад-Дин-шахом, ахун Хайретдин Аггеев сопровождал его и давал объяснения во время осмотра экспонатов палаты. При его активном участии

док избрания и утверждения (конец XVIII — XX вв.) // Гасырлар Авазы / Эхо Веков. 2005. № 1, с. 225–230.

¹⁵ Цит по: Асадуллин Ф. Указ. соч, с. 108.

в качестве одного из консультантов было осуществлено последнее издание Корана в переводе на русский язык К. Николаева. Перевод Николаева, имевший бесспорные литературные достоинства, был выполнен не с оригинала, а с французского перевода, что потребовало от Хайретдина Агеева значительных усилий для исправления многих смысловых неточностей. К мнению просвещенного ахуна проявляли интерес многие ученые-востоковеды, царские чиновники, занимавшиеся жизнью мусульманских народов, а также такие деятели по просвещению инородцев, как Н.И. Ильминский...»¹⁶

К величайшему сожалению, сам шах Насер ад-Дин, который оставил довольно подробное изложение своего первого путешествия по Европе в 1873 г., описал и визит в Оружейную палату Московского Кремля, однако не счел нужным упомянуть о сопровождавшем его там московском имаме...¹⁷

По данным Д.З. Хайретдинова, Х.Р. Агеев владел восемью языками.

Публикуемый документ сохранился в Отделе рукописей РГБ в фонде А.Ф. Вельмана¹⁸. Александр Фомич Вельман (8/20.VII.1880, Санкт-Петербург — 11/23.I.1870, Москва) — русский прозаик, поэт, историк. С 1842 г. помощник директора, а с 1852 г. — директор Оружейной палаты. В 1845 г. был назначен членом комитета для издания «Древностей Российского государства»; в 1854 г. избран членом-корреспондентом Академии наук. В центре внимания Вельмана-историка находились проблемы скандинавистики и славянский вопрос.

Документ, датированный сентябрём 1868 г., представляет собой докладную записку А.Ф. Вельману от Хайретдина Агеева с просьбой о вознаграждении за труды по переводу восточных текстов в собрании Оружейной палаты в 1863–1866 гг. Записка является автографом Х. Агеева: об этом свидетельствуют, во-первых, очевидные ошибки против грамматики и орфографии (естественные для человека, которому русский язык не был родным), а во-вторых, собственноручная подпись имама в арабской графике. Вместе с тем столь же очевидно, что документ, явно переписанный набело очень неплохим почерком, скорее всего, являлся не окончательной версией прошения — об этом свидетельствует отсутствие

¹⁶ Асадуллин Ф. Указ. соч., с. 81.

¹⁷ С. 45. ۱۳۷۷، تهران، (ق. ه. ۱۲۹۰). روزنامه خاطرات ناصر الدین شاه در سفر اول فرنگستان.

¹⁸ ОР РГБ, Ф. 47/II (Вельман А.Ф.), шифр 10.18. 2 листа (л. 1–1об.), размер 30,8×22 см; почерк крупный, коричневые чернила, 20 строк на л. 1 и 19 на л. 1об. Автограф. Первоначально документ был сложен вчетверо. При публикации стиль текста оставлен без изменений, а правописание упрощено и приведено в соответствие с современным (Х. Агеев, например, регулярно путает «ер» с «ерь», почти не использует букву «ять» и т. д. — все это в публикации не учитывается).

точной даты написания при указании сразу на два месяца (август и сентябрь) 1868 г.

«Его Привосходительству
Директору Московской Оружейной
Палаты Александру Фомичу Господину Вельману

Московского Магометанского
Имама Мулла Хайритдина
Рафикова Агеева

Докладная записка

Осмеливаюсь беспокоить Вашего Привосходительство о том что как я был награжден Высочайшею Милостию то есть серебряною медалью за труды мое по занятиям переводы восточной древней надписи в Московской Оружейной Палаты до 1863 года а послы онаго таковой же обязанность занимаемо было мною более и более как то 1863. 1864. 1865 и 1866го года с большею трудою с усердием и ревностию без всякаго возмездия каковой даже Вашему Привосходительству не без извесно за что я был обещан наградою Его Сиятельством Николаем Ивановичем князем Трубецким но между тем оставлен без малейше внимание почему осмеливаюсь Покорнейше Просить Вашего Привосходительство обротить на ето Милостивой внимание и упоменат мое труды усердия и ревность в последних упомянутых годах Его Сиятельству за что и изходотаествовать Мне Тарханскую достоинство если таковой звание не будит лишним или что будит ублаготворино начальством за мое труды из Высочайше награды и Милости за что заставити Меня Молятся Богу о здравия Вашего Привосходительство и о здравие всех начальствующих лиц.

1868го года (августа дня) сентября дня
Московской Магометанской Имам
Мулла Хайритдин Рафиков Агеев اغيف.

Документ обращает на себя внимание по двум причинам. Во-первых, мы узнаем, что Х. Агеев в течение многих лет выполнял работы по переводу восточных надписей на предметах из Оружейной палаты и за свои труды был награжден серебряною медалью (в литературе чаще упоминается бриллиантовый перстень). Во-вторых, ясно, что московский имам хлопотал о пожаловании ему тарханского достоинства. Эта награда Российской империи была предназначена для иноверцев, отличившихся на государственной службе или зарекомендовавших себя в каких-либо обстоятельствах¹⁹. Например, первый постоянный имам и ахун Нижегородской

¹⁹ Слово «тархан» — монгольского происхождения и значит «свободный от податей». В Российской империи это звание даровалось только самим императором. Вот один из примеров пожалования Тарханского достоинства: «Высочайшее повеление, объявленное Правительствующему Сенату. Декабря 29 1841 года. Г. Управляющим Министерством

ярмарочной мечети в 1850–1860-е гг. и «имам при военнослужащих магометанах Нижнего Новгорода» с 1855 г. по 1866 г. Нугман б. Нигматулла Кушаев в 1856 г. «за успокоение умов взволновавшихся татар (от вспышки бунта в 1855 г.) всемилостивейше дарованной грамотой был возведен в тарханское достоинство».

Судя по всему, просьба Хайретдина Агеева была оставлена без последствий. Автору также неизвестно, получил ли это звание московский имам позже.

Заслуживает внимания тот факт, что именно Х. Агеев был первым, кто начал открывать научному миру восточные богатства Оружейной палаты. Правда, эти его труды вплоть до сего дня так и не получили достойного продолжения.

Юстиции. Г. Вице-Канцлер Граф Нессельроде сообщил ему, Г. Управляющему Министерством Юстиции, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, во внимание к отличным трудам и заслугам, оказываемым здешним гражданским Муллою Мухамет Эмин Хантемировым, который в продолжение нескольких лет с постоянным усердием и преданностью занимается обучением малолетних горцев в Кадетских корпусах и исправляет другие поручения, возлагаемые на него гражданским и военным Начальствами, Всемилоостивейше соизволил в 21 день Декабря пожаловать его в Тарханское достоинство (см.: *Балязин В., Соболева Н., Кузнецов А., Казакевич А.* Символы, святыни и награды Российской державы. М., 2004. (<http://www.mirnograd.ru/cgi-bin/exinform.cgi?page=40&ppage=1>).

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ДВА ИМПЕРАТОРА ВОСТОК И ЗАПАД ДЕЛИЛИ

Глава первая. Переговоры на плоту

Раннее утро, 25 июня 1807 г. по европейскому исчислению. Накануне и в течение всей ночи на левом берегу Немана, в районе небольшого приграничного городка Тильзит, стучали молотки, кипела бурная работа: шла подготовка к самому зрелищному, на века, событию из всех, которые произошли в ту эпоху, вообще отличающуюся склонностью к эффектным акциям, к помпезной нарочитости поз и словес...

На плоту, который к утру надежно закрепили посередине Немана, были воздвигнуты два павильона белого полотна. Один, с вензелями «А» и «N», предназначался для высочайших персон; второй, без украшений — для свиты и одного и другого императора.

Внешний антураж встречи хорошо известен по многочисленным описаниям очевидцев, по рисункам и литографиям тех лет — в 11 часов утра лодка Наполеона, несмотря на достигнутую ранее договоренность, подплывает к плоту первой. Император французов, в мундире старой гвардии, с лентой Почетного легиона, встречает русского императора в мундире Преображенского полка, поднимающегося на подмости. Пылкая фраза Александра I: «Государь, я ненавижу англичан так же, как и вы!» Ответ Наполеона: «В таком случае все будет улажено и мир упрочен». Двухчасовая беседа с глазу на глаз, затем представления свитских...

Известно все: кто и когда кому каким глазом подмигнул... Обычно остается скрытым то, что же именно предшествовало этой встрече, а отчасти — и ее последствия.

Кстати, забавная деталь: на французских литографиях, запечатлевших встречу императоров, Александр и Наполеон изображены так, что кажется, будто они одного роста. На самом деле Александр Павлович был выше почти на голову.

Переговоры в Тильзите стали необходимостью после фактического крушения двух антинаполеоновских коалиций, сражавшихся с Францией в 1805–1807 гг. Первоначально третью коалицию составили Англия, Россия и Австрия в апреле 1805 г., но после Аустерлицкого сражения (2 декабря 1805 г.) Австрия заключила с Наполеоном мир в Прессбурге (23 декабря 1805 г.). Тогда же перестала существовать многовековая Священная Римская империя германской нации и родилась собственно Австрия.

Летом 1806 г. к сражающимся союзникам присоединилась Пруссия (так появилась четвертая коалиция), но потерпела поражения в сражениях при Иене и Ауэрштедте (оба произошли 14 октября 1806 г.). 18 октября королевское семейство покинуло Берлин и направилось в Кёнигсберг. 27 октября Наполеон вошел в Берлин. В качестве своего личного трофея он отправил в Париж шпагу Фридриха Великого.

Теперь Наполеону противостояли армия России и уцелевшие, хотя и изрядно поредевшие прусские части. Битва при Прейсиш-Эйлау (8–9 февраля 1807 г.) была чрезвычайно кровопролитной, но не стала решающей. 25 апреля в Бартенштейне русский император и прусский король подписали новую конвенцию о совместных действиях, но иных союзников у них не оказалось. Ситуация осложнялась еще и тем, что в самом конце 1806 г., опять же не без вмешательства наполеоновской дипломатии, войну России объявила Турция, и Петербургу приходилось учитывать тот факт, что военные действия придется вести на два фронта. Единственным утешением были известия из Персии, с которой война шла давно, с 1804 г.: к концу 1806 г. русские войска заняли Дербент, Баку и Кубу. На этом остановились. Персиянам грозили, но не более того: сил не хватало.

Александр I еще в марте 1807 г. выехал из Санкт-Петербурга в войска, в район военных действий с французами, но к лету вернулся в пределы Российской империи. Вместе со своей свитой, в которой присутствовали ключевые фигуры дипломатического корпуса, он расположился в Тильзите, небольшом городке на левом берегу реки Неман. Город этот отличался разве что своей древней историей — он был основан в 1288 г. А так — двух- трехэтажные домики, кривые улочки, плавно перетекающие в дороги, что вели к немногим окрестным усадьбам. И совсем рядом — граница с Пруссией. А на прусской территории шли военные действия.

Вообще Европа воевала уже пятнадцать лет. Одно исключение — четырнадцать месяцев передышки после Амьенского мирного договора 1802 г. Единственными постоянными противниками в большой европейской драке были Великобритания и Франция. Россия то участвовала в военных действиях, то оставалась в стороне от них. В третьей и четвертой коалициях она была, пожалуй, одним из самых активных действующих лиц. Но к лету 1807 г. ее положение оказалось чрезвычайно серьезным.

Последний деятельно участвующий в боях союзник русских — Пруссия — разбита наголову. Отношения с Англией вызывали опасения. Наполеон предложил Пруссии наследственное владение английских королей — княжество Ганновер, что повлекло разрыв Англии с Пруссией и серьезное осложнение в отношениях с Россией. 25 марта истек срок действия русско-английского торгового договора, заключенного еще при Павле I, в 1797 г. Лондон предлагал возобновить его на прежних условиях, для британской торговли чрезвычайно выгодных. Однако за это десятилетие произошли серьезнейшие изменения, и ситуация уже не устраивала Россию. Все переговоры о договоре окончились неудачей.

Такое расхождение с Англией не могло не сказаться и на финансовых переговорах, которые велись уже в рамках коалиции: Россия должна была получать от Лондона заранее согласованные суммы для финансирования военных действий, однако сроки выплат, да и их размер часто менялись. К середине июня 1807 г. этот вопрос так и оставался неурегулированным.

В высших кругах Российской империи не было согласия по поводу того, как следует действовать в сложившихся обстоятельствах. Ясно было одно: требуются решительные действия, но в каком именно направлении? Сложились три группировки. Первая — это сторонники продолжения военных действий с опорой на Англию (А.А. Чарторыйский, П.А. Строганов и др.). Вторая, к которой принадлежала, в частности, вдовствующая императрица Мария Федоровна, считала необходимым условием продолжения военных действий теснейший контакт с Пруссией. Это были министр иностранных дел А.Я. Будберг, главнокомандующий русской армией Л.Л. Беннигсен, деятельные граф Ф.В. Ростопчин, граф П.А. Толстой и др. Однако была и третья группа — те, кто считал, что для блага России нужен союз с Францией или, по крайней мере, мир. Это были сдержанный и дальновидный великий князь Константин Павлович, осторожный А.Б. Куракин, в конце 1806 г. назначенный послом в Австрию, но по просьбе Александра I задержавшийся в Тильзите, влиятельный министр коммерции Н.П. Румянцев, М.М. Сперанский, звезда которого только поднималась, и др.

Однако окончательные решения принимал сам император.

Такова была ситуация к 14 июня, когда в битве при Фридлинде русские войска под командованием Л.Л. Беннигсена и П.И. Багратиона были разбиты, остатки их отступали за Неман. Французской армии открылась прямая и удобная дорога на Кёнигсберг, куда она и вступила вскоре.

Александр I еще 12 июня выехал в войска, для инспекции прибывших из России резервов. Когда 15 июня в Тильзит дошли известия о катастрофе при Фридлинде, из города началось если не бегство, то плохо организованное отступление. Александр уже не вернулся в Тильзит, а переехал

на правый берег Немана, в совсем крохотный городок Амт-Баублен, что почти напротив Тильзита. Там у него состоялась беседа с английским послом лордом Гоуэром, который еще 11 июня прибыл в Тильзит.

Английский посол чрезвычайно опасался сепаратного мира России и Франции. Для Великобритании, которой с 27 ноября 1806 г. Наполеон объявил континентальную блокаду, была исключительно важна возможность торговать с Россией. Александр I, в свою очередь, в досаде упрекал Лондон в полнейшей бездеятельности. Он говорил, что все разговоры о высадке английского десанта, о дополнительных субсидиях ни к чему не привели. Все это вызывало у русского императора сильнейшее раздражение.

Русская армия отступала к Неману. Французская неторопливо следовала за ней. В ночь с 18 на 19 июня последние русские батальоны и обоз перешли через Неман на правый берег по тильзитскому мосту, который потом сожгли казаки атамана Платова.

19 июня Наполеон въехал в Тильзит. Достоин, но без помпезности.

В тот же день в Тильзит прибыл князь Д.И. Лобанов-Ростовский, получивший от Александра I полномочия на заключение перемирия. Всемогущего Ш.-М. Талейрана в это время в Тильзите еще не было, и переговоры с французской стороны вел сдержанный маршал Л. Бертье. Фактически единственным условием перемирия, на котором было приказано настаивать Лобанову-Ростовскому, было сохранение территориальной целостности Российской империи.

Поздно вечером 19 июня, уже после того, как Лобанов-Ростовский вернулся на правый берег Немана, к Беннигсену прибыл адъютант Наполеона генерал Дюрок, сердечное «Я» Наполеона. От имени французского императора он официально предложил русским заключить мир.

Далее события разворачивались стремительно, как и все, в чем принимал участие Наполеон.

20 июня Александр дает князю Д.И. Лобанову-Ростовскому полномочия на заключение мира — пока сроком на один месяц.

21 июня подписывается перемирие, причем бессрочное. Наполеон тут же дает согласие на заключение перемирия с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III. Кроме того, стороны, то есть Россия и Франция, соглашаются назначить уполномоченных для заключения окончательного мира.

22 июня Наполеон ратифицирует текст перемирия. На обеде, который он дает в честь этого события, он в самых политесных выражениях сообщает князю Лобанову-Ростовскому, что желает лично встретиться с русским императором.

Александр I в этот день выехал в Тауроген, еще один городок на правом берегу Немана, взяв с собой лишь несколько человек из ближай-

шого окружения. Видимо, на обдумывание ситуации Александру Павловичу, человеку быстрого ума, времени много не потребовалось.

23 июня Александр I ратифицирует текст перемирия и дает согласие на личную встречу двух императоров.

24 июня — обе стороны деятельно и как-то суетливо готовятся к переговорам. Принято решение о том, что встреча будет подчеркнута нейтральной — посреди реки, спокойной до меланхоличности. Начнется сооружение мощного плота — театральных подмостков для пышного спектакля.

Надо отметить, что для дипломатии эпохи Наполеона вообще было характерно активнейшее личное участие императоров и королей не только в непосредственном подписании конечных документов той или иной встречи, но и в их подготовке. Конечно, очень большое значение имели и те переговоры, далеко не такие зрелищные, которые вели между собой профессиональные дипломаты. И все-таки и современники, и мы, через пару веков, следим за фигурками первейших особ. Всё, как они хотели...

25 и 26 июня встречи двух императоров прошли на плоту, затем, после того, как Тильзит был объявлен нейтральным городом, переговоры были перенесены туда. Александр I занял тот же дом, в котором жил до того, как пришло известие о битве при Фридлянде. Теперь во встречах императоров принимал участие и прусский король, а иногда и его супруга, прелестная умница королева Луиза, которую называли самой прекрасной из коронованных дам Европы. Английский посол, оставив в Тильзите неприметных конфиденентов, деликатно удалился в Мемель. Впрочем, оттуда он вел активную переписку и с российскими дипломатами, и с собственным двором, так что оставался в режиме событий.

Внешне ситуация выглядела почти идиллически. По утрам два императора, иногда вместе с королем, откушав, выезжали на смотры или учения французских войск. Днем вели переговоры. Вечером — обед (всегда у Наполеона), тоже вдвоем, реже втроем. Иногда к ним присоединялся великий князь Константин Павлович (кстати, Наполеон обменялся с ним шпагами). Тогда с французской стороны к обедающим приглашался маршал И. Мюрат, женатый на сестре Наполеона Каролине. Таким образом, сохранялся подчеркнута семейный уровень общения. Иногда два императора поздним вечером, уже после полуночи, пользуясь прекрасной летней погодой и светлыми ночами, часами гуляли под руку по улицам Тильзита, беседуя, как позже вспоминал Наполеон, о политике, о философии... Короче — о вечном.

В наши дни профессиональные дипломаты подробно обсуждают все условия соглашений, которые предстоит заключить, выверяя каждый документ до последней запятой. Затем главы государств подписывают эти соглашения. В начале XIX столетия ситуация сложилась прямо про-

тивоположная: условия мирных договоров обсуждали между собой непосредственно императоры и короли, потом профессиональные дипломаты подписывали эти документы, а государи утверждали их. Тильзитские соглашения и их подготовка — один из самых ярких примеров тому.

Наиболее серьезные проблемы взаимоотношений двух империй, да и судеб Европы (и не только Европы!) обсуждались вплоть до 7 июля, когда были подписаны два договора — о мире и дружбе и о наступательном и оборонительном союзе. 9 июля оба императора утвердили эти договоры. Их положения общеизвестны — Россия признавала все завоевания Наполеона и те изменения на карте Европы, которые произошли к июню 1807 г.; Пруссия лишалась фактически половины своей территории, из отобранных у нее земель создавались королевство Вестфалия, где королем стал брат Наполеона Жером, и великое герцогство Варшавское; Россия присоединялась к континентальной блокаде Великобритании; затрагивались и проблемы Османской империи — Петербург согласился на французское посредничество при мирных переговорах.

Фактически в Тильзите определилась линия раздела сфер влияния в Европе. Она пролегла от Гамбурга на севере до Бока-ди-Катарро на юге. Земли к западу от этой линии входили в сферу влияния Наполеона, к востоку — в сферу влияния России. Но если Наполеон был полновластным хозяином на отошедших к нему землях, то влияние России было ограничено многочисленными условиями, в том числе и установленными в Тильзите.

Для Александра I было очевидно, что мирный договор, подписанный в Тильзите, всего лишь обеспечит передышку перед очередной войной с императором французов.

Надо отметить, что в России условия мира с Наполеоном восприняли с таким возмущением, что Александру открыто напоминали о судьбе его отца, императора Павла I, который всего шесть с небольшим лет назад был убит после разрыва отношений с Англией и заключения союза с Наполеоном. О том, что в русском обществе ходят разговоры о свержении Александра I, уже осенью 1807 г. Наполеону доносил из Петербурга его посол — генерал Р. Савари. Александр никому ничего не объяснял, только в письме к матери, одной из главных противниц договора, уточнил: «Союз с Наполеоном — лишь изменение способов борьбы с ним».

Как именно разворачивалась ситуация в Европе — общеизвестно. Хотелось бы остановиться подробнее на делах восточных, на том, как отозвались тильзитские соглашения на Ближнем и Среднем Востоке, ибо там скрывались свои тайны.

И в переговорах, и в договорах в Тильзите много места было уделено Османской империи и ее роли на Востоке и в Европе, но не было

сказано ни слова о Персии. Русская политика воспользовалась обоими этими факторами. Восточная карта была разыграна совершенно блестяще.

С Турцией все обстояло очень непросто. В декабре 1806 г. русская армия заняла Молдавию и Валахию. Русские войска захватили крепости Хотин и Бендеры и подошли к Измаилу, где и остановились. Далее военные действия шли с перерывами: сил на мощный прорыв у воевавшей с Наполеоном России просто не хватало, а в Стамбуле назревала смута, которая вылилась в государственный переворот в мае 1807 г. Султан Селим III был свергнут с трона, новым государем стал Мустафа IV. Французский посол в Стамбуле генерал О.-Ф. Себастиани продолжал обещать новому султану помощь и поддержку со стороны Наполеона. Поскольку французские войска уже два года занимали Далмацию, выйдя непосредственно к границам Османской империи, обижать посла выражением явного недоверия к его словам в Стамбуле не решались.

В соответствии со статьей Тильзитского договора, где говорилось о французском посредничестве в русско-турецких переговорах о мире, 9 июля, то есть в день подписания договора, прямо из Тильзита Наполеон направил в распоряжение русской армии полковника графа А.Ш. Гийемино. С русской стороны переговоры были поручены сенатору С.А. Лашкареву. Переговоры в валашском местечке Слободзее шли неторопливо, условия перемирия оказались гораздо более выгодными для Стамбула, нежели для Петербурга. Александр I выжидал. С одной стороны, он не денонсировал перемирие, как, скажем, поступил с условиями договора, подписанного в Париже П.Я. Убри в 1806 г.; с другой стороны, русская армия по-прежнему стояла на берегу Дуная.

С Персией Наполеон установил контакт еще в 1805 г. Один за другим в Тегеран выезжали французские агенты: Жобер, Бонтан, Жуаннен, де Лабланш... Все они возили Фатх Али-шаху письма от Наполеона, в которых говорилось о желательности дружбы между Францией и Персией и о том, насколько сильным станет шах, если перевооружит свои войска по европейскому образцу. Шах принимал посланцев благосклонно, щедро одаривал, выслушивал внимательно. Ему больше ничего не оставалось. Со стороны Персидского залива его владениям грозила Англия, с севера — Российская империя.

Ситуация сдвинулась с мертвой точки после битвы при Прейсиш-Эйлау. Наполеон 17 января 1807 г. письмом, отправленным из Варшавы, сообщил Фатх Али-шаху о том, что он разбил прусскую и русскую армию и восстановил Польшу. Он также советовал шаху вернуть себе Грузию. Подразумевалось — с помощью Наполеона. С ответным посланием шах отправил к Наполеону мирзу Махмеда Резу, которому были даны полномочия на заключение договора с Францией. Этот договор и был подписан

в Финкенштейне 4 мая 1807 г. Наполеон признал права персидского шаха на Грузию и обещал заставить Россию уйти оттуда. Кроме того, Франция брала на себя обязательство снабдить шаха ружьями и орудиями полевой артиллерии (при этом подчеркивалось — за плату), а также военными специалистами для обучения армии и переоборудования крепостей. Обязательства шаха оказывались куда более обширными. Во-первых, разорвать отношения с Англией и объявить ей войну. Во-вторых, допустить в свои гавани французскую эскадру. В-третьих... И здесь все становилось на свои места: «воздействовать на афганцев с целью склонить их... к союзу против Англии и совместной отправке армии в Индию», а также принять на своей территории и гарантировать свободный проход французской армии, которую Наполеон отправит сухопутным путем против английских владений в Индии.

Еще до подписания договора в Тегеран отправился с особой миссией генерал граф К.М. Гардан. Он вез с собой военных специалистов и инструкцию: разработать план похода на Индию совместной армией — от 40 до 50 тысяч французских войск, столько же персов, а также отряды афганцев, сикхов и представителей тех индийских княжеств, которые недовольны присутствием англичан на Индостане.

Миссия добралась до Тегерана в сочельник 1807 г., 24 декабря. Встречали ее с восторгом. Договор был немедленно ратифицирован, причем в соответствии с дополнительной статьей Франция получила в Персидском заливе остров Карек, на который еще в 1801 г. претендовали англичане. Это была намеренная пощечина Лондону. Реорганизация армии пошла полным ходом. Но...

Основной головной болью Тегерана в этот момент была Грузия. А Наполеон через два месяца после подписания договора с Персией заключил Тильзитский мир с Россией, причем в договоре, как уже говорилось, много внимания было уделено Османской империи, а Персии — ни слова. У Александра I были развязаны руки. Да и армию теперь можно было резко усилить.

Фельдмаршал И.В. Гудович предъявил Тегерану ультиматум. Генерал Гардан предложил свое посредничество в переговорах, но оно было в резкой форме отвергнуто русской стороной. Против Гудовича выступила толком не реорганизованная армия, которой командовал наследник шаха — шахзаде Аббас-Мирза. Его армия была разбита под Нахичеванью. Русские войска заняли город.

Престиж Франции резко упал. Уверениям Гардана, что Наполеон заставит русских выполнить все его требования, уже никто не верил. Англия присылала в Тегеран своих уполномоченных, которые, в отличие от французской миссии, не были стеснены в средствах. А на Востоке внимательнее слушают того, у кого кошелек тяжелее или пушек больше...

Странная ситуация. Французская дипломатия потратила годы на то, чтобы установить доверительные отношения с Османской империей при Селимее III. И — в Тильзите была готова все разорвать. Параллельно идут активнейшие переговоры с Персией, Фатх Али-шаху предлагаются оружие, войска, военные корабли, инструкторы... И — молчание в Тильзите.

Руки Российской империи на Востоке были развязаны.

Глава вторая. Эрфурт: театр двух императоров

В начале сентября 1808 г. доселе тихий и сонный немецкий городок Эрфурт бурлил, как никогда за свою многовековую историю. Все аристократические особняки на главных улицах города, дома зажиточных бюргеров в боковых переулках и даже те жилища ремесленников, что были чище и просторнее прочих, срочно ремонтировались, красились и украшались. Маляры и обойщики трудились день и ночь. Самый популярный цвет в интерьере — темно-зеленый; главный орнамент — золотая пчела. Это любимый цвет императора французов и его излюбленный символ. Гораздо реже в отделке зданий встречается белый цвет и вовсе не видно золотых орлов — символов Российской империи и ее властителя Александра I...

Отделку вели большей частью по заказам многочисленных государей, которые в последние годы оказались в вассальной зависимости от Франции. Все они по приказу Наполеона получили приглашение (а по сути — приказ) приехать в Эрфурт. Наполеон поставил перед собой задачу ослепить Александра и показать ему всю мощь своей империи. А то в последние месяцы в этом возникли сомнения...

Во-первых, Российская империя систематически уклонялась от соблюдения условий континентальной блокады. Наполеон не мог этого более допускать. Кроме того, события в Португалии и Испании разворачивались совсем не так, как надеялся французский император.

Что новая встреча двух императоров будет необходима, никто не сомневался уже на исходе переговоров в Тильзите: слишком много вопросов, причем высшего уровня, оставались нерешенными. В феврале 1808 г. Наполеон предложил Александру встретиться вновь и просил русского императора выбрать место встречи — любую точку на полпути между Петербургом и Парижем. Уже 13 марта Александр ответил Наполеону согласием и сразу назвал место — старинный университетский городок Эрфурт. Вероятно, он учитывал, что недалеко от Эрфурта располагалось великое герцогство Веймарское, где в то время жила его сестра Мария Павловна, супруга наследника великого герцога. А условие встречи — обсуждение именно проблем Востока.

Однако до намеченной встречи прошло более полугода. К этому времени Наполеон потерял завоеванную было Португалию, когда гене-

рал Андош Жюно, герцог д'Абрантес, капитулировал перед англичанами в Синтре. Осложнилось положение в дружественной по отношению к Франции Османской империи. В Испании же ситуация разворачивалась совершенно непредсказуемым образом.

В мае 1808 г. Наполеон, пригласив на встречу в Байонну королевскую семью Испании, потребовал, чтобы и король, и наследный принц отrekliсь от всех прав на трон, и прислал испанцам в качестве государя своего старшего брата Жозефа. Испанский король с королевой были отправлены фактически под домашний арест в Фонтенбло, а принц и другие члены королевской семьи — в имение Талейрана Валансэ. Однако против нового короля восстал народ. 23 июля у города Байлен в Андалузии был вынужден капитулировать французский корпус под командованием генерала П. Дюпона. Партизанская война в Испании, которую затем активно поддержали англичане, затянулась на шесть лет — до 1814 г.! Наполеон был вынужден держать там целую армию численностью до 400 тысяч человек.

В Сербии в эти месяцы в основном соблюдалось перемирие, мелкие стычки с турками не в счет. А в Стамбуле в июле 1808 г. был свергнут профранцузски настроенный султан Мустафа IV, и на трон взошел Махмуд II, относительно политики которого ничего известно не было. Однако его великий везир Мустафа-паша Байрактар был известен своей ориентацией на Англию.

Эти неудачи заставили Наполеона придать особое значение встрече с русским императором.

Вообще-то даже в сладком сиропе взаимной лести и красивых слов, звучащих и в личном общении в Тильзите, и в последующей переписке, постоянно присутствовала некая горчинка. Все началось с того, что когда тильзитское общение императоров уже приближалось к своему завершению, Александр I и Наполеон вручили по пять высших наград своих держав военачальникам и сановникам, присутствовавшим в Тильзите. Орден Андрея Первозванного получили сам Наполеон, его брат Жером (новоспеченный король Вестфальский), Талейран, маршал И. Мюрат и маршал А. Бертъе. Орден Почетного легиона из рук Наполеона, в свою очередь, получили Александр, великий князь Константин Павлович, министр иностранных дел А.Я. Будберг, а также дипломаты, поставившие свои подписи под Тильзитским договором, — А.Б. Куракин и Д.И. Лобанов-Ростовский. Из лиц, награжденных орденом Почетного легиона, в Тильзите себя ничем не проявил только А.Я. Будберг, и Александр предложил Наполеону дать орден не ему, а главнокомандующему русской армией Л.Л. Беннигсену. Наполеон категорически отказал. Позже, уже на острове Святой Елены, он заявил, будто бы ему стало противно, «что сын просит награду для убийцы своего отца» — Л.Л. Беннигсен был одним из участ-

ников заговора, который привел к убийству Павла I. Вероятно, Александр понял это. И отреагировал весьма своеобразно.

Теперь, после восстановления дипломатических отношений между Российской империей и Францией, последовало и возобновление работы посольств в Париже и Петербурге. Оба императора при этом нанесли друг другу изысканное оскорбление. Наполеон прислал на берега Невы Р. Савари, герцога Ровиго, участника расправы с герцогом Энгиенским в 1804 г.; на берега Сены был отправлен граф П.А. Толстой, еще один участник заговора 1801 г., причем ярый противник союза с Наполеоном. Уже в декабре того же 1807 г. его сменил А.Б. Куракин, с которым Наполеон познакомился в Тильзите. Но и от него Париж не мог добиться никаких уступок, если речь заходила об интересах России.

После Савари послом Франции в Петербург приехал А. Коленкур, герцог Виченцкий. Александр встретил его чрезвычайно приветливо, приглашал на обеды в узком кругу и на военные парады, но когда французский дипломат заводил речь о том, что российская торговля нарушает континентальную блокаду, русский император почему-то его не слышал...

Помимо официальных писем, которые шли из Санкт-Петербурга в Париж и обратно через посольства, императоры обменивались и личными посланиями.

Вопрос о Востоке в очередной раз возник именно в личной переписке императоров зимой 1808 г. Наполеон предложил Александру I ту же приманку, которую в свое время усердно подсовывал еще его покойному отцу Павлу I — идею похода на Индию, а также намеки на возможность полного раздела владений Турции. И для обсуждения именно этого плана Наполеон предлагал Александру встретиться еще раз.

Вопрос Востока все время присутствовал в переговорах российских и французских дипломатов после Тильзита. В Париже обсуждались различные аспекты возможного раздела Османской империи. При этом, ничего не обещая России, Франция требовала для себя в качестве компенсации увеличения территории герцогства Варшавского, то есть плацдарма Наполеона у самых границ России. А турецкие территории российской армии еще предстояло бы завоевывать...

Конечно, для французского императора было важнее решить вопросы с вовлечением России в активные военные действия против Англии и Австрии. Но Индийский поход он почему-то считал для Александра I столь же привлекательным, каким он был в свое время для Павла I. На эти проекты, где уже проглядывали признаки мегаломании, в конечном итоге и сгубившей Наполеона как правителя, Александр ответил любезно и ядовито: «Такому высочайшему гению, как ваш, предназначено создать столь обширный план. Вашему же гению — и руководить его исполнением». В том же, что касалось дел европейских, и особенно континенталь-

ной блокады и военных действий, то Александр I сумел во время встречи настоять на столь туманных формулировках текста конвенции, что у России были развязаны руки.

Насколько спонтанной и неожиданной для всех, включая ее непосредственных участников, получилась встреча российского и французского императоров в Тильзите, настолько же подготовленной и даже в каком-то смысле отрепетированной она была в Эрфурте. И здесь не зря на ум приходят театральные термины: Наполеон взял с собой в Эрфурт, по выражению французского историка А. Лависса, «самое блестящее, что у него было»: крупнейшего трагика Франции (да и, пожалуй, всей Европы) Франсуа Тальма и весь женский состав театра Комеди Франсэз.

Кстати, нельзя умолчать о личной смелости российского императора. Когда он собрался на встречу с Наполеоном, его уговаривали никуда не ехать, напоминали о Байонне, о судьбе испанского королевского дома. Многие, в том числе императрица-мать Мария Федоровна, опасались, что Александр будет фактически захвачен в плен. Тот все-таки решился ехать.

Первая встреча двух императоров состоялась 27 сентября на дороге, ведущей в Эрфурт из Веймара. Российский император вышел из кареты, французский — сошел с коня, и они, по словам наблюдавшего эту сцену Талейрана, обнялись «самым дружеским образом».

Эрфуртскую встречу Александра I и Наполеона можно поистине назвать триумфом лицемерия.

Первые дни свидания были заполнены бурной светской жизнью: парады, маневры, пышные завтраки и торжественные обеды, театральные представления и блестящие балы... Но самым главным спектаклем через несколько дней, когда ушла эйфория, стали деловые встречи, без которых все-таки нельзя было обойтись.

Личные переговоры императоров проходили за кулисами того спектакля, который разыгрывался на эрфуртской сцене. Но и там не обходилось без Театра. Чрезвычайная любезность и доброжелательность русского императора куда-то исчезали, когда в переговорах оказывались затронуты кровные интересы Российской империи или ее союзников. Однажды Наполеон изобразил приступ бешенства из тех, что до обмороков пугали его собеседников: он схватил свою шляпу, лежавшую на каминной полке, швырнул ее на пол и начал топтать. Александр отреагировал на это слабой улыбкой и словами: «Вы вспыльчивы, а я упрям. Будем рассуждать, или я уеду».

А рассуждать надо было о многом.

Иногда у наших современников возникает вопрос: а насколько затрагивали мир в целом события, происходившие в Европе в 1808–1809 гг.?

Мы говорим о глобализации так, как будто единство мира — это фактор последних лет, от силы — последних нескольких десятилетий. Это

совсем не так. Европейская цивилизация осознала, что весь мир — это единое целое, в эпоху великих географических открытий, то есть в течение XV–XVI вв. Разумеется, это единство мира использовали в своих интересах — колониальные захваты стали привычным делом и продолжались фактически до начала Первой мировой войны. Но и обмен товарами, и, увы, обмен войнами, если так можно сказать, теперь уже имел глобальный характер.

В эпоху Наполеоновских войн, которые затронули всю Европу — ведь ни одно государство не сумело сохранить нейтралитет, даже Швейцария, которую еще генерал Бонапарт бесцеремонно превратил в Цизальпинскую, то есть находящуюся по другую сторону Альп, республику. А потом и вовсе присоединил ее к Франции. Так вот, это потрясение отразилось на всем земном шаре. Военные действия шли в Южной Америке — туда удалилось правительство Португалии, оккупированной Наполеоном. США вновь схлестнулись с Англией, своей бывшей метрополией. Вероятно, только Япония, еще не открывшая свои порты для Европы, оставалась в стороне. А европейские державы воевали между собой и в Южной Африке, и на Цейлоне, и в Индии.

Позже, когда Наполеон объявил континентальную блокаду Англии, оказалось, что от этого очень серьезно пострадали такие страны, как Дания и Швеция, не имевшие своих колоний и получавшие колониальные товары (то есть чай, кофе, сахар, шелк, лак) именно через Англию и большей частью из ее колоний.

Поэтому переговоры властителей двух континентальных империй отражались на судьбах всего мира.

Александр I отстаивал свои интересы флегматично, но упорно. Наполеон с возмущением говорил Коленкуру, своему послу в Петербурге: «Ваш император Александр упрям, как осел! Он притворяется глухим, когда не хочет чего-либо слышать!»

Атмосферы доверительного общения, какая сама собой сложилась в Тильзите, достичь явно не удалось. Не помогли ни присутствие искренне восхищавшегося Наполеоном великого князя Константина Павловича, ни визит в Веймар, к Марии Павловне — ее холодное отношение к государю, чьи войска стояли на территории герцогства, не способствовало улучшению настроения. Наполеон, со своей стороны, решил, что она неинтересна и внешне, и в общении. Семейный уровень общения в этот раз государям не давался.

Надо сказать, что у Александра в Эрфурте нашелся совершенно неожиданный союзник. Им оказался человек, которого дипломаты Европы опасались чуть ли не больше, чем самого Наполеона — Талейран, князь Беневентский. Он уже не был министром иностранных дел Франции (Наполеон сместил его с этого поста вскоре после Тильзита), но приехал

в Эрфурт в свите французского императора и принимал хотя и негласное, но самое активное участие в переговорах.

При первой же встрече наедине с русским императором Талейран предложил ему свои услуги. Он понимал, что неудержимое стремление Наполеона к господству сначала над Европой, а дальше, если получится, и над изрядной частью Азии приведет Францию к грандиозной катастрофе. Он заявил Александру откровенно: «Спасение Европы — в противодействии Наполеону». Отныне и до свержения Наполеона Талейран будет сообщать в Санкт-Петербург и Вену исключительно важную информацию. Сначала «от души», а уже через полгода — за деньги, причем немалые: 100 тыс. франков в год. Его псевдонимы, под которыми он был известен российской военной разведке: кузен Анри, Анна Ивановна, Та.

Александру удалось добиться немалых уступок в вопросах о совместных действиях против Англии и Австрии. Обещание о войне с Австрией, которую вскоре начнет Наполеон, было столь туманным, что потом и саму войну России с Австрией будут именовать «бескровной и теневой».

Это не единственная «странная» война России, которую обусловили союзные отношения с Наполеоном.

Война с Англией, начатая после Тильзита — вообще фактически шла без сражений. Эскадра адмирала Д. Сенявина, возвращавшаяся из Средиземного моря после совместных действий с англичанами против турок, была блокирована у берегов Португалии в устье реки Тежу (исп. Тахо). Английский флагман выразил пожелание, чтобы корабли не сдались, а *были переданы* ему, причем так, чтобы «наименьшим образом задеть чувства Вашего превосходительства».

Корабли пришли к английским берегам под Андреевским флагом и с собственными командами.

В том, что касалось Пруссии, Александр I сумел на 20 млн. снизить наложенную на нее контрибуцию и продлить срок ее выплаты на три года. В остальном его усилия остались тщетны. Кроме того, русской дипломатии не удалось заставить Наполеона отказаться от военных поставок великому герцогству Варшавскому — фактически плацдарму Наполеона у самых границ Российской империи.

Что же касалось территориальных приращений, то Франция признала как входящие в состав Российской империи Финляндию, Молдавию и Валахию. Финляндию Россия завоюет годом позже, а Молдавия и Валахия останутся недостижимы навсегда ...

Кстати, война Швеции с Россией будет стоить ей династии: короля из династии Ваза сместят за проигрыш войны, его бездетный дядя выберет себе преемника — наполеоновского маршала Бернадотта. Тот станет официальным наследником в 1810 г., но в 1812-м не будет помогать Напо-

леону, а в 1813-м примкнет к антифранцузской коалиции. Династия бывшего сподвижника Наполеона продолжает править в Швеции и в начале XXI в.

Конвенция была подписана 12 октября. А два дня спустя, 14 октября, императорский кортеж вновь отправился по дороге на Веймар.

Они расстались на том же месте, где встретились немногим более двух недель назад. Оставив возле карет свиту, неторопливо шли по дороге, о чем-то негромко разговаривая. О чем именно — никто не знает. Оба императора, люди достаточно откровенные в том, что касалось их встреч, об этой беседе никому не сказали ни слова.

Кстати, красноречивая деталь: как уже упоминалось, встреча императоров в Тильзите оказалась запечатленной на бесчисленном количестве рисунков, акварелей, гравюр. Каких-либо изображений пышных празднеств и тесного, «дружественного общения» в Эрфурте почти нет.

Тильзит и Эрфурт дали России возможность мирной передышки. Это был не мир с Наполеоном, но скорее отсутствие войны с ним.

Французский император тем временем увяз на Пиренейском полуострове. Его недооценка народного возмущения и герильи — «малой», то есть партизанской, войны в конечном итоге дорого ему обойдется: вплоть до 1814 г. Наполеон будет вынужден держать там от 400 до 500 тысяч войска. Опираясь на испанцев, английские войска пройдут с боями от Атлантического океана до Пиренеев. В конце концов именно английская армия под командованием герцога Веллингтона, закаленная многолетними сражениями на испанской земле, нанесет Наполеону решающий удар в битве при Ватерлоо.

Последствия того, что Александр в Эрфурте умело уходил от обсуждения дел на Востоке — возобновление военных действий России против Османской империи в 1809 г., присоединение Бессарабии по условиям Бухарестского мирного договора, заключенного в мае 1812-го, за несколько недель до нападения Наполеона. Военные действия с Персией продолжались еще полтора года и завершились Гюлистанским мирным договором от 24 октября 1813 г., по которому за Россией признавалось право на Грузию, Имеретию, Мингрелию, Абхазию, Гурию, Дагестан и Ширван.

Франция будет постепенно утрачивать одну за другой свои позиции на Востоке. Сначала в Индии, затем в Иране. Дольше всего французское влияние продержится в Османской империи. Русское влияние на Востоке сведется к торговым интересам на Среднем и Дальнем Востоке. На Ближнем Востоке соперничать начнут английские товары с российскими штыками и русским же идеализмом.

Литература и источники

Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. Т. III (1807 г.). М.: Политиздат, 1964.

Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. Т. IV (1808 г.). М.: Политиздат, 1967.

Зеленина Л.В. Европейская панорама. Мальта, Абукир и Пирамиды. Амьенский мир. Первое сербское восстание: начальный этап. Контурь доктрины статус-кво. Первое сербское восстание: кульминация и трагедия // Александр I, Наполеон и Балканы. М.: Наука, 1997. (Балканские исследования. Вып. 18).

Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. Т. 1–3. СПб., 1910–1913.

Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий. М.: Наука, 1966.

Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994. (История в лицах).

Шеремет В.И. Война и бизнес: власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в Новое время. М.: TBS, 1996.

РУССКИЙ ОТРЯД В ГРЕЧЕСКИХ ВОДАХ (1830–1835 гг.)

Греческое направление, вне сомнения, было составной частью так называемого «восточного» вопроса в традиционной политике России в первой половине XIX в., основной стратегической целью которой было овладение проливами Босфор и Дарданеллы. Активизации российской политики в Средиземноморье в 1820–1830-х гг. способствовал кризис в Османской империи и усиление национально-освободительного движения подвластных ей христианских народов — греков и южных славян. Начиная с правления Екатерины Великой, Российская империя стала «играть... роль, равную роли главных держав»¹, взяв на себя при ее преемниках Александре I и Николае I функции «жандарма Европы» и обеспечив ее относительную политическую стабильность почти на полвека. Победа в 1827 г. русско-англо-французской эскадры над турецко-египетским флотом в Наваринском сражении и успешная для России война с османами 1828–1829 гг. сыграли важную роль в освобождении Греции от османской власти. Влияние России в восточном Средиземноморье к 1830-м гг. стало преобладающим, что обеспечило доминирование российского военно-морского флота у берегов Греции и вообще в восточном Средиземноморье. Основными местами его базирования были остров Парос и Наполи-де-Романья (греческая Навплия. — *А. К.*).

В конце 1829 — начале 1830 г. на международной конференции в Лондоне Великобритания, Франция и Россия признали Грецию независимым государством, определив ее государственное устройство. Постановление от 17 января — 3 февраля 1830 г. устанавливало в Греции монархический строй, причем население должно было выбрать короля, на пост которого прочили принца Леопольда Саксен-Кобургского. Но до выбо-

---

¹ *Смилянская И.М.* К истокам средиземноморской политики Екатерины II // Восточный архив, №2–3, 1999, с. 87.

ров короля страной правило правительство президента Ивана Антоновича Каподистри.

Ситуация, сложившаяся тогда в Греции, была очень нестабильна. Многолетняя война за независимость от Османской империи, которой греки добились в 1829 г., привела страну к полному разорению. Разбитые дороги, разрушенные порты и разграбленные селения, вырубленные виноградники и оливковые рощи — таков был облик «возрождающейся Эллады». Это была страна, не имевшая возможности прокормить свое тогда 750-тысячное население, страдавшее от разрухи и эпидемий. К тому же Греция стояла на пороге гражданской войны. Пока деятельность центрального правительства Греции во главе с президентом И.А. Каподистри была направлена на отвоевание у османов оставшихся у них в руках греческих земель и на раздачу местным властям греческих регионов средств, полученных в виде займов, субсидий и пожертвований от союзников, в стране еще поддерживалось относительное спокойствие. Но предпринятые сразу после войны попытки централизации управления страной, в частности направление правительством И.А. Каподистри чиновников в регионы для контроля над местными властями, вызвали недовольство местных кланов. И землевладельцы в Морее и континентальной Греции, и судовладельцы на островах тут же начали провоцировать на выступление против центрального правительства зависимое от них местное население. Не имея реальных экономических рычагов, в отсутствие необходимых материальных средств, слабое в военном отношении греческое правительство не смогло своими силами справиться с таким «возмущением». Превратившийся в диктатора президент И.А. Каподистри был вынужден обратиться за помощью к союзникам — России, Великобритании и Франции.

Данные обстоятельства предопределили участие российских военных моряков в гражданской войне 1831–1832 гг. в Греции, когда против правящего в этой стране режима президента И.А. Каподистри вспыхнуло восстание населения островов Итры и Пароса, поддержанное рядом мятежных воинских частей и греческих военных кораблей под командованием адмирала Миаулиса. Мятежному адмиралу, ставшему во главе восстания, удалось к маю 1831 г. привлечь на свою сторону основную часть греческих военно-морских сил с целью поднять против режима И.А. Каподистри все греческие острова в Эгейском море.

Для подавления мятежа русский «отряд, состоящий из фрегата «Анна» и бригов «Аякс» и «Парис» под началом капитана 2 ранга Селиванова 24 октября (1831 г. — *А.К.*) прибыл из Кронштадта в Наполи-ди-Романиа благополучно и поступил в отряд Греческих вод»², а «Государь

² Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ), ф. 195, оп. 1, д. 77. [Переписка] с командующим отрядом российских военных судов в греческих водах контр-адмиралом Рикардом Министерства иностранных дел, л. 1, 2–5; д. 88. Журнал ис-

император назначил контр-адмирала П.И. Рикарда к командованию оставляемым в водах Греции отрядом»³.

Следует отметить, что сначала командование этим военно-морским соединением предполагалось поручить вице-адмиралу Логгину Петровичу Гейдену, командиру российской средиземноморской эскадры. Он находился на российской службе с 1795 г. Выходец из Нидерландов, участник войн с османами и французами, Гейден отличился в Наваринском сражении, когда русско-англо-французская эскадра разбила османогипетский флот. Он командовал тогда русской эскадрой, своевременное прибытие которой к месту сражения, когда исход его еще не был очевиден, обеспечило победу союзников. Причем флагманский корабль русской эскадры «Азов», на котором находился сам граф Гейден, больше всех пострадал в бою, приняв на себя огонь пяти османских кораблей. Половина людских потерь русской эскадры пришлась на «Азов», сражавшийся с сокрушительной энергией. Поэтому неудивительно было предложение Николая I Гейдену возглавить «Русский отряд в греческих водах». «Хотя по составу отряда сего (остающегося в греческих водах) он ближе мог бы быть вверен одному из адмиралов, состоящих в эскадре, но для достижения предполагаемой мною цели нужно личное Ваше присутствие у берегов Греции, и потому, не слагая с Вас начальства судов, оставляемых в Средиземном море, изъявляю Вам через сие особенную мою доверенность»⁴, — писал Гейдену император Николай I. Но Гейден не принял высочайшего предложения, и командиром отряда русских боевых кораблей у берегов Греции в составе двух линейных кораблей, двух фрегатов и трех бригов был назначен контр-адмирал Петр Иванович Рикард (1776–1855), оставшийся в подчинении Гейдена как командующего средиземноморской эскадрой. Поэтому Гейден не снимал с себя всю полноту ответственности за события в Греции, вместе с тем предоставляя возможность своему подчиненному проявить себя.

В послужном списке Рикарда к этому времени были кругосветные путешествия, участие в многомесячной осаде Дарданелл и в войнах с Османской и Французской империями. Он был известен как спаситель из японского плена своих товарищей со шлюпа «Диана», командир которого В.М. Головнин, известный русский мореплаватель и воспитатель первоклассных моряков, на чьем счету два кругосветных плавания, в 1811 г.

ходящим бумагам. От командующего отрядом российских военных судов в греческих водах вице-адмирала Рикарда. За 1831 г., ф. 315, оп. 1, д. 906. О пребывании эскадры адмирала Рикарда в Греции. Журнал плавания брига «Аякс». Рапорты адмиралу. Обращение греческого правительства. Протокол конференции. 1832 г.

³ РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 407, л. 24. Отношение к вице-адмиралу Гейдену князя Меншикова 21 декабря 1829 г.

⁴ Там же, ф. 205, оп. 1, д. 145, л. 7.

с несколькими офицерами и матросами был захвачен японцами в плен. Рикард после пленения Головнина стал капитаном «Дианы» и в течение 1811–1813 гг. продолжал описать Курильских островов, плавал в японский порт Хакодате и ездил в Санкт-Петербург, добиваясь освобождения Головнина и его спутников, что в итоге ему удалось. В 1817–1822 гг. Рикард был начальником Камчатки, внес много нововведений, улучшил условия жизни местных жителей, матросов и солдат гарнизона. В начале 1820-х гг. морской офицер Рикард выступил в журнале «Сын Отечества» с предсказанием блестящей будущности паровой машине, поставленной на судно, то есть за переход от парусного флота к паровому, поскольку был уверен в преимуществе в морском бою парового двигателя перед парусами. Он был известен также как исследователь северной части Тихого океана. Впоследствии П.И. Рикард стал академиком, членом Адмиралтейств-совета и председателем Морского ученого комитета России.

Соединению Рикарда было приказано добиться возвращения греческому правительству захваченных мятежниками судов. Базируясь в Наполи-ди-Романья, российские боевые корабли блокировали мятежные острова. Как следует из материалов Российского государственного архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ), контр-адмирал Рикард приказал подчиненным ему кораблям оказать вооруженную поддержку греческому правительству в подавлении мятежа. 26 апреля 1831 г. российские корабли выдвинулись на исходные позиции. Перед этим Рикард заручился поддержкой своих действий со стороны президента Греции и союзных тогда России держав: «... в командование мое поступившего отряда согласно изъявленного желания Президента Каподистри... по положению дел в Греции, должны ограничиваться на первый случай пребыванием на рейде в Наполи-ди-Романи, где находятся союзные эскадры (Великобритании и Франции. — А. К.) и куда в скором времени имеются быть доставлены от посланников Османской Порты окончательные инструкции адмиралам в рассуждении новых границ... долженствующие укрепить независимость Греции. Получив сии инструкции... эскадры направлены будут в Афины, к островам Неграпонту, Кондии, Самосу»⁵. Как очевидно из приведенного документа, османское правительство выразило поддержку действиям в Греции союзных держав — России, Великобритании и Франции. Оно было вынуждено признать под их давлением, как независимость своих бывших вилайетов — греческих земель, так и новые границы Греции за счет ее бывшего хозяина.

Из отчета 1830 г. о плавании русской эскадры в Средиземном море и рапорта контр-адмирала Рикарда очевидна важность поставленной перед

---

⁵ Там же, ф. 315, оп. 1, д. 407, л. 30. Из отчета 1830 г. о плавании эскадры в Средиземном море.

ним задачи. Российским военным морякам было поручено обеспечение безопасности греческого президента И.А. Каподистри: «... вышел из Поро с контр-адмиралом Рикардом 15 апреля с Сиру (остров Сирос. — *Авт.*) для сопровождения Президента Греции, откуда прибыл в Эгину»⁶. «Корвет “Льенца” прибыл из Тулона в Поро 12 марта, 15 апреля пошел в Сиру с Греческим президентом»⁷. «Не желая без всякой надобности оставаться в Поро в бездейственном положении, я (Рикард. — *А. К.*), с разрешения вице-адмирала Гейдена 15 апреля отправился на корабле “Князь Владимир” сопровождать президента Греции графа Каподистри, отправившегося на корвете “Льенца” к острову Сиры...»⁸.

Интересны и другие документы за подписью Рикарда: «Марта 28 число. Командиру фрегата господину капитану 2 ранга и кавалеру Чистякову. Настоящее отправление Вашего Высокоблагородия с фрегатом в Наполи-ди-Романи в распоряжение графа Ивана Антоновича Каподистри имеет еще другую важнейшую цель». Она заключалась в обеспечении безопасности президента Греции И.А. Каподистри и готовности к десантной операции против мятежников: «... нельзя иногда предугадывать и степени безумной дерзости, через которую лицо Президента могло бы быть поставлено в опасность. Посему предписываю Вашему Высокоблагородию содержать вверенный Вам фрегат во всегдашней готовности в случае нужды охранять графа Каподистри. Но всякое время Вы должны иметь в совершенной готовности одну роту для десанта...»

Контр-адмирал Рикард предостерегал от слухов, подрывающих авторитет президента Греции И.А. Каподистри: «Если Его Сиятельству угодно будет, имеете [право] увольнять ежедневно на берег в город для работы до 50 человек нижних чинов... Сие распоряжение будет иметь и ту важную пользу, что послужит к уничтожению распространяемых в народе неблагонадежными людьми слухов, что Русская эскадра получила повеление немедленно возвратиться и что с сим прекращается со стороны нашего правительства всякое участие и помощь в делах Греции... Соблюдать необходимо, как от Вашей, равно и со стороны всех господ офицеров командуемого Вами фрегата, все приличное почтенному Президенту уважение, не только в поступках, но и в самых обыкновенных с другими разговорах»⁹. «8 апреля 1831 г. Командиру брига “Ахиллес” капитан-лейтенанту и кавалеру Матюшкину. Наш резидент в Греции граф Панин известил меня, что злонамеренные из жителей острова Идры (Итры. —

---

⁶ Там же, л. 26.

⁷ Там же, л. 27.

⁸ Там же, л. 30.

⁹ Там же, ф. 195, оп. 1, д. 91. От командующего отрядом российских военных судов в греческих водах контр-адмирала Рикарда. За 1830 г. и 1831 г., л. 3.

А. К.), действующие против греческого правительства, составили преступный умысел захватить силой Президента графа Каподистри, отправившегося на пароходе для осмотра Западных крепостей, на возвратном пути его оттуда морем в Наполи-ди-Романи, уведомляя при том, что он снесется с графом Иваном Антоновичем (Каподистри. — *Авт.*), как и в какое время он будет возвращаться в Наполи-ди-Романи, и что подробное уведомление об оном вышлет в Специю». Далее в тексте документа предписывалось «охранять пароход Каподистри и крейсировать (нести патрульную службу. — А. К.) у острова Специя, следя за судами, кои могут возбудить в Вас подозрения. Встретясь с президентом, Вы явитесь к нему и объясните цель Вашего крейсерства и что Вам приказано от меня сопровождать пароход для охранения»¹⁰.

В документе от 26 апреля 1831 г. сообщается «о посылке президенту Греции графу Каподистри, по его просьбе, фрегата “Елизавета” и брига “Ахиллес” с целью его защиты от ненавистников существующего общественного порядка с угрозами его смещения и освобождения от президентских прав и обязанностей». Позднее, в июле, дополнительно к указанным кораблям присоединился бриг «Телемак»¹¹. «15 июля. Предписание командиру брига “Телемак” капитан-лейтенанту и кавалеру Вамыцкому: Сейчас осведомился я (контр-адмирал Рикард. — А. К.) от Президента Греции графа Каподистри, что будто бы с острова Идры отправляется в Паро (остров Парос. — А. К.) около 150 человек мятежников с намерением овладеть силою стоящим там 60-пушечным греческим фрегатом “Элас”»¹². Командиру российского корабля было приказано следовать на Парос и связаться с греческими властями для предотвращения действий мятежников. Однако русские опоздали. Фрегат «Элас» был захвачен мятежниками, поэтому Вамыцкому было приказано оставаться на острове Парос, к которому уже подошел бриг «Телемак», и ожидать подкреплений.

Неудачной оказалась и попытка предотвратить покушение на президента Греции. Несмотря на все меры безопасности, предпринятые командованием российского отряда боевых кораблей, И.А. Каподистри был убит. Его преемником на посту президента Греции, точнее, исполняющим его обязанности, при поддержке союзных держав стал его родственник Августино Каподистри. Им была создана Временная правительственная комиссия, взявшая на себя ответственность за управление страной. Новое руководство Греции также пользовалось военной поддержкой русских кораблей.

---

¹⁰ Там же, л. 4–5.

¹¹ Там же, ф. 205, оп. 1, д. 557, л. 41–42.

¹² Там же, ф. 195, оп. 1, д. 91, л. 7.

18 июля 1831 г. российский отряд боевых кораблей под командованием контр-адмирала Рикарда в составе фрегата «Княгиня Лович» и бригов «Телемак», «Улисс» и «Ахиллес» прибыл к острову Парос и приступил к его блокаде. Силы мятежного греческого адмирала Миаулиса состояли из фрегатов «Эллада» и «Эммануил», корветов «Специя» и «Идра», двух пароходов и нескольких мелких судов, укрывшихся в Паросской бухте. 25 июля к отряду Рикарда присоединился прибывший из Стамбула 12-пушечный люгер «Широкий» под командованием лейтенанта Н.Ф. Метлина. «Цель наша, — говорится в журнале исходящих бумаг «Русского отряда в Греческих водах» (где также есть данные об отношении населения Греции к убийству И.А. Каподистри, требующего мщения убийцам, и попытках подчинить мятежных жителей острова Сирос правительству Греции при помощи российских военных моряков) — должна быть все та же, чтобы заставить их (мятежников. — А.К.) покориться законному правительству и присоединиться к общему делу»¹³.

Российские военные моряки приняли активное участие в подавлении мятежа против правительства А. Каподистри, что отражено в рапорте командира 20-пушечного бригаа «Телемак» капитан-лейтенанта Д.П. Вамыцкого контр-адмиралу Рикарду: «Во исполнение предписания Вашего Превосходительства, дабы следовать в Монастырскую губу и содержать там строгую блокаду с порученным мне бригам и люгером “Широкий”, 26 июня (1831 г. — А.К.) отправился в помянутую губу и встал на якорь близ Паросского прохода (остров Парос. — А.К.). С рассветом следующего дня был виден идущий к крепости 22-пушечный греческий корвет “Бабелина”, почему около 6 часов утра был послан мною мичман... для опросу оного; с которого вместо ответа при приближении было сделано несколько выстрелов; от чего он нашел вынужденным возвратиться на бриг. За несколько времени перед сим... пробрался в крепость грек именем Фаланг, который, как видно после сделанного выстрела с корвета “Бабелин”, тотчас приказал [вести по] бригу огонь с крепости. За сим вооруженной командой идриотов-охотников (мятежников с острова Итра. — А.К.) с фрегата “Элас” 26-ти пушечный греческий корвет “Специя”, с которым я стоял борт о борт, учинил то же самое, тогда, будучи приведен в положение защищать себя и честь русского флага, я и люгер начали действовать. В сие время положение мое было затруднительно, выдерживая правым бортом пальбу сильнейшего меня корвета “Специя” и подвергаясь ружейному огню жителей с Паросского берега, я не мог в то же время удобно действовать другими против крепости, производящей пальбу из орудий и даже канонирских лодок, стоящих за камнями и безнаказанно обивающих мой рангоут и снасти; между тем как корвет “Бабелина”

¹³ Там же, д. 88, с. 349–350, 352, 372–375, 386 об.

лин” действовал от моего левого борта, но огонь его не причинил большого вреда. Но после нескольких выстрелов с моего левого борта он стал удаляться. Находясь окруженным со всех сторон, я решился уничтожить действия одной стороны, дабы после наказать другую. Ядра и картечь... из правого моего борта; смятение на корвете сделалось ощутительным, выстрелы его становились реже, наконец, после часовой канонады корвет “Специя” был сбит совершенно, люди оногo оставляли орудия, бросались в воду и на гребные суда, чтобы избавиться от гибели. В сие время отвалившие два его баркаса с убегающим народом, выстрелами с брига из коронад №9 и 10 были пущены ко дну, равно и одна лодка выстрелами с люгера также утоплена. Сим совершенно уничтожилось действие на мой правый борт. Я хотел взять корвет в плен; но нашел сие ненужным, ибо мои гребные суда подверглись бы сильному ружейному огню от жителей с Паросского берега, и я бы не мог достаточно защищать, поэтому бросил корвет без внимания, а стал действовать против крепости, которая в продолжение действия выстрелами повредила мой рангоут и такелаж, а особенно мачты, которые были обе пробиты насквозь и едва держались. Сие вынудило меня, выпустя канат и обрубя шпринги... вступить под паруса, ибо все снасти были сбиты... Едва мы сдвинулись с места и получили возможность действовать против крепости, то после нескольких выстрелов с борта крепость умолкла; но я пальбы не прекратил, желая сбить другой фас и флаг оной, дабы при проходе оных не потерпеть нового вреда, что учинено с большим успехом. Засим я решился идти и действовать против 22-пушечного корвета “Бабелина”; но оный, пользуясь целостью рангоута и ветром, ему благоприятствующим, удалился к правому берегу, направляя свой путь к выходу из залива. Обитый такелаж не позволил мне прибавить парусности и простреленные мачты лишили меня средств его преследовать. В продолжение всего действия, продолжавшегося около 2-х часов, рвение и мужество офицеров, расторопность и неустрашимость команды и отличные действия артиллерии принуждают меня выставить сие на вид вашему Превосходительству»¹⁴.

Не менее впечатляющ и рапорт капитан-лейтенанта Сипягина контр-адмиралу Рикарду: «С порученным мне греческим бригам под командою капитана Орлова, для открытия огня по крепости Паро, занятой мятежниками, я 31 июля, пройдя к крепости на ружейный выстрел, открыл огонь, продолжая действовать по ней, с тем, чтобы обратить на нас внимание гарнизона, находящегося в крепости. Т. о., действуя непрерывно по оной около полутора часа и не видя никакого увеличения войск, кроме

---

14 Там же, ф. 315, оп. 1, д. 407, л. 33. Рапорт командира брига «Телемак» капитан-лейтенанта Вамыцкого 24 июля 1831 г. к Рикарду; *Барановский В.* Бой люгера «Широкий» с греческим 60-пушечным корветом «Специя» в Монастырской бухте острова Парос 27 июля 1831 г. // Морской сборник, 1890, №8, неоф., с. 133–137.

того, что они на наших гребных судах отъехали весьма малое расстояние, пристали к берегу и вышли из баркасов. Я тотчас отправил мичмана Вукотича на шестерке с командою онога брига, чтобы узнать причину их останова; не более 1/4 часа прошло, как оною мичман возвратился и донес мне, что войска, видевшие сильную команду крепости, самопроизвольно остановили гребные суда и вышли из оных на берег, и когда он отвалил от берега к бригу, так что из крепости ядра и картечи ложились близ шлюпки, а некоторые и через онаю, то бывшие гребцы на оном судне бросили все свои весла и не хотели грести и готовясь даже броситься за борт. Вукотич, находясь в опасности, сделал сигнал к бригу, я тотчас спустился к нему и взял их на бриг. Хотя же войска и не пошли к такой цели, но меня оно не заставило прекратить пальбу по крепости, я продолжал по ней действовать. Поэтому наиболее, что уже наши бриги: “Улисс” и “Ахиллес” вступили в действие с корветами бунтовщиков; но когда один корвет был уже взорван на воздух, а другой весь совершенно разбитый и со спущенным флагом, тогда наши бриги, прекратя пальбу, снялись с якоря и соединились со мною, пошли забрать наши гребные суда для отводу их в Паро. Все чины команды моей во время действия против мятежников оказывали примерное присутствие духа и отличную храбрость; но команда греческого брига при первом залпе бросилась вся прочь от пушек, а некоторые спрятались даже в трюме. Так что я принужденным нашелся обратиться к капитану брига и спросить: что это значит. Но он мне ответил, что если бы нашей команды не было бы на бриге, то он был бы со своей командой в трех и более милях от выстрелов, и потому я решился сильно вызвать несколько человек наверх с помощью капитана. На что согласились не более 12 человек, хотя видя реальность и неутомимость русских. Долгом наставляю уведомить Ваше Превосходительство, что лавируя еще к крепости, вышло у команды онога брига между собою ссора, причина была та, что половина команды хотела драться, а другая отвергала оное, и один из не хотевших подвергать свою жизнь опасности, выхватя саблю, бросился на противника, чтобы нанести ему удар. Но офицер наш, стоявший вблизи, его удержал. Что после онога и заставило взять против этого все к предосторожности во время боя...»¹⁵.

Греческая команда корабля, очевидно, раскололась по политическим симпатиям; вполне вероятно, что часть ее сочувствовала мятежникам. Данное обстоятельство сильно осложняло боевые действия русских военных моряков. Несмотря на это, именно благодаря действиям экипажей российских военных кораблей мятеж был подавлен. Как сообщал контр-адмирал Рикард в своем рапорте начальнику Главного Морского штаба князю А.С. Меншикову 22 августа 1831 г. с острова Парос, «посто-

---

¹⁵ Там же, л. 36. Рапорт капитан-лейтенанта Сипягина к Рикарду 31 июля 1831 г.

янная деятельная и примерно ревностная служба вверенного мне отряда всегда доставляла мне, как начальнику их, душевное удовольствие; отличные действия их, неустранимость и исполнительность, оказанные в сражениях с Идриотскими мятежниками в Монастырской бухте острова Паро 27 и 30 июля, и вообще перенесенные труды, в самое, как Вашей светлости известно, критическое время положения дел в Греции, приобрели моим сотрудникам новое право на признательность и уважение. К чести всей команды обязан сказать, что ни одного не нашлось, который не исполнил бы долг свой с свойственным русскому непоколебимым мужеством и ревностию к службе Его Императорскому Величеству, а потому все без исключения заслуживают монаршего воззрения. При сем прилагается список о штабных и обер-офицерах, рекомендуемых к разным наградам за отличия, оказанные в сражениях 27 и 30 июля»¹⁶.

Ситуация осложнялась действиями союзных России военных кораблей Великобритании и Франции, которые, казалось, выступали на стороне греческого правительства Каподистри, но часто потворствовали мятежникам, что отражено в рапорте П.И. Рикарда князю А.С. Меншикову: «Со времени последних военных действий против идриотских судов союзные отряды продолжали блокировать беспокойные порты Греции: фрегат «Княгиня Лович» и бриг «Телемак» у острова Сиры. 1 сентября, по соглашению резидентов и начальников отрядов, послан был к острову Идры французский бриг за идриотскими депутатами, бриг сей оставался там до 6 сентября, а вместе с его возвращением получено известие, что суда мятежников, бывшие в порту, прокрались ночью на буксиры гребными судами и ушли в море; в то же время на французском бриге, стоявшем ближе к гавани, продолжались во всю ночь громкие песни, для заглушения, как полагают, шума весел буксировавших судов. Обстоятельства сии заставили уже вице-адмирала Рикарда подозревать французский отряд в покрытии идриотам, по поведению командира оного, командора Лоланда. 6 сентября во время переговоров с привезенными с острова депутатами убедили его в сем еще больше, и посему он немедленно оставил конференцию и послал тендер «Соловей» к возмутившимся майнотам для восстановления там спокойствия; а сам отправился на фрегате 10 сентября для открытия вышедшей из гавани Идриотской эскадры. Эскадра сия, состоявшая из 1 корвета, 3-х бригов и 3-х канонерских лодок, стояла на якоре у Армиро, в Киломатской бухте, имея перед собою несколько мелких судов греческого правительства и тендер «Соловей». Вице-адмирал Рикард с сими последними судами занял боевую позицию на шпрингах, требовал сдачи судов для возвращения их греческому правительству. По сему требованию один бриг перешел

---

¹⁶ Там же, л. 34. Рапорт контр-адмирала Рикарда к князю Меншикову 22 августа 1831 г. (остров Парос).

немедленно в покровительство нашего отряда, другой был зажжен идриотами, третий затоплен; корвет также оставлен был мятежниками и занят греческою командою; а на канонерские лодки не было обращено внимания, дабы идриотам дать средства удалиться. За сим вице-адмирал Рикард требовал именем греческого правительства возвращения захваченных идриотами гребных судов, находившихся вблизи французского брига; но командир онаго объявил, что он имеет приказание брать под свою защиту обезоруженные идриотские суда и по сему судов тех возвратить не может. Между тем покорение судов у Армиро [оказало] влияние на дела греческого правительства, которого морская сила получила от сего перевес над мятежниками. 25 сентября вице-адмирал Рикард получил известие о взятии Варшавы, на другой день совершено было молебствие в Паросском монастыре и со всех российских судов и крепостей произведены салюты. За сим предписано судам нашим блокировать по-прежнему остров Идру, несмотря на действия других союзных отрядов, кои по смерти графа Каподистри оставили сию блокаду. Вице-адмирал Рикард упоминает в сем рапорте о сем деянии, еще прежде вышеозначенного дела у Армиро, с английским министром Гордоном, который, выслушав его объяснения о действиях его против идриотов в июле-месяце и о поведении союзных отрядов английского и французского, сказал ему, что отряды сии действовали противно их инструкциям. При сем вице-адмирал Рикард сообщил ему и свое намерение отнимать у идриотов суда, принадлежащие греческому правительству; что Гордон находил слишком строгим и сделал между прочим вопрос: «Не имеет ли он повеления состоять в полном распоряжении Президента» (Греции. — А. К.). Ответ вице-адмирала Рикарда, что он столько же состоит в зависимости Президента, как и его союзники, а также и другие его объяснения своих поступков, казалось, признаны были Гордоном удовлетворительными. Таковые же объяснения посланы были... по прибытии на Мальту. Напротив того поступки отрядов английского и французского, а особенно последнего, как упомянуто выше, по мнению Рикарда, ясно свидетельствуют о послаблении мятежникам. Начальники сих отрядов требовали от Рикарда возвращения идриотам их судов, с упреками, что он поступает вопреки условленной с ними меры обращать идриотские судна в их порты»¹⁷.

Интриги союзников не ограничивались простым саботажем мероприятий по подавлению мятежников: «Три дня мятежники сопротивлялись, кровопролитие было довольно значительно, по интригам иностранцев, старавшихся как можно больше вовлечь в междоусобную войну, имевших намерение снабжать мятежников снарядами. В числе главных

---

¹⁷ Там же, л. 38. К рапорту вице-адмирала Рикарда от 8 октября 1831 г. князю Меншикову.

лиц бывший генерал греческой службы Лопр, англичанин, удаленный еще при жизни покойного Президента»¹⁸.

Следует отметить, что мятеж в Греции проходил на фоне драматических событий в Европе, когда во Франции вспыхнула революция, а в Польше очередное восстание против Российской империи, которое было разгромлено русской армией синхронно с аналогичными действиями русского военного флота в Греции. Поэтому вполне понятно появление документа от командира «Отряда российских военных судов в греческих водах» П.И. Рикарда «О мерах предосторожности командирам русской эскадры по отношению к французским военным кораблям у берегов Греции, в связи с революцией 1830 г. во Франции»¹⁹.

За успешные действия в Греции контр-адмирал П.И. Рикард был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени и повышен в чине: «Я (граф Л.П. Гейден, вице-адмирал и командир Средиземноморской эскадры, начальник Рикарда. — А.К.) вменил себе в обязанность сообщить начальнику Главного Морского штаба Его Императорского Величества лестный отзыв покойного графа Каподистри о важных услугах, оказанных греческому правительству, состоящим под начальством Вашим (то есть Рикарда. — А.К.) отдельным отрядом судов в Архипелаге, при Идриотского мятежа. По причине отъезда Государя императора в Москву князь Меншиков не мог доложить Его Императорскому Величеству о сем отзыве, приносящем честь нашему флагу, и по сему случаю обратиться на Вас благосклонное внимание Августейшего Монарха, вследствие чего, пользуясь бытностью моею в Москве, князь Александр Сергеевич (Меншиков. — А.К.) прилагаемым при сем в копии отношением, предоставил мне испросить Высочайшего соизволения Его Императорского Величества на пожалование Вас в вице-адмиралы. С особенным удовольствием спешу известить Ваше Превосходительство, что Государь Император всемилостивейше удостоивает Вас сей награды за отличное усердие Ваше к службе»²⁰. Звание вице-адмирала было присвоено П.И. Рикарду в августе 1831 г. На докладе о действиях «Русского отряда в греческих водах» император Николай I наложил резолюцию: «Кажется, Рикард исполнил свой долг. А что наши моряки храбро дерутся, это нам не ново»²¹.

Под дулами орудий российских кораблей мятежный греческий адмирал Миаулис 28 июля 1831 г. был вынужден капитулировать, поняв бесполезность сопротивления превосходящим силам противника. Перед

¹⁸ Там же, ф. 195, оп. 1, д. 91, л. 119.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, д. 77, № 1143. О поощрении очередным воинским чином контр-адмирала Рикарда, командующего русской эскадрой в Греческом архипелаге за подавление мятежа против правительства Греции.

²¹ История Российского флота. Современная версия. М., 2007, с. 334.

этим команды мятежных греческих кораблей, двух фрегатов и четырех корветов, по его приказу уничтожили свои суда. После уничтожения кораблей восставшие жители островов продолжали упорное сопротивление, особенно на острове Итра, блокада которого «Русским отрядом в греческих водах» продолжалась до октября 1831 г. Документы РГА ВМФ свидетельствуют и об «облюбовании» 20 июля 1831 г. российскими военными моряками греческих портов для базирования. Как видно из письма Рикарда в Стамбул от 31 декабря 1831 г. российскому посланнику в Османской империи А.П. Бутеневу, присутствие русской эскадры у берегов Греции обеспечило избрание 7–9 декабря Августино Каподистри президентом Греции и подавление вооруженного выступления противников выборов. Когда избранный президент прибыл в Наполи-ди-Романья, он «был принят радостными восклицаниями народа»²².

Затем последовали обращение Августино Каподистри и греческого правительства к населению страны о выборах короля Греции и конференция трех держав — России, Великобритании и Франции о положении в Греции, подтвердившая законный статус правительства А. Каподистри, протоколы которой на трех языках (русском, французском и греческом) хранятся в РГА ВМФ²³.

Отряд российских боевых кораблей под командованием вице-адмирала П.И. Рикарда оставался в Средиземном море до июня 1833 г., когда через проливы Босфор и Дарданеллы перешел в Черное море. До этого корабли его отряда обеспечивали политическую стабильность в континентальной Греции и на ее островах в Эгейском море, отправлялись по личной инициативе Рикарда с особыми поручениями на подвластный тогда османам остров Крит для защиты его христианского греческого населения. Благодаря стараниям Рикарда западными державами и Османской империей была признана автономия греческого острова Самос, временно ставшего вассальным по отношению к последней государством, где князь-правитель назначался османами, но имелись свой парламент и свой флаг²⁴. Разнообразие блестяще выполненных как военных, так и политических задач (исполнение обязательств, принятых Россией на Лондонских конференциях; труды по устройению возрождавшейся Греции; дипломатическое сглаживание обостренных отношений с Великобританией и Францией), доставшихся на долю Рикарда, позволяет признать за ним, помимо его достоинств как военно-морского начальника, и талант дипломата, проявленный в самой тяжелой ситуации, когда требовалось отстаивать инте-

²² РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 88, л. 428–429.

²³ Там же, д. 906, л. 12–32. 1832 г. О политическом положении в Греции. Рапорт вице-адмирала Рикарда.

²⁴ История Российского флота, с. 334; Морской сборник, 1855, № 11, с. 31–32; Там же, 1890, № 8, с. 140–144.

ресы Отечества. Де-факто до выбора короля Греции в руках вице-адмирала российского военно-морского флота Рикарда находилась вся полнота власти в этой стране. П.И. Рикард уходил из Греции с сознанием выполненного долга: в 1828 г. он пришел к греческим берегам Османской империи, а в 1833 г. Рикард покидал берега независимого государства — королевства Греции.

В последующие годы российские боевые корабли также присутствовали в Эгейском море. В 1834–1835 гг. там служил командиром корвета «Ифигения» капитан-лейтенант Е.В. Путятин, будущий вице-адмирал и известный государственный деятель России. Хотя еще в 1828–1830 гг. он, тогда в чине лейтенанта, участвовал в Наваринском разгроме турецко-египетского флота и осаде Дарданелл, за что был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, а затем служил на кораблях русской эскадры в Эгейском море. В 1836 г. Путятин, уже покинув Эгейское море, был награжден греческим орденом Спасителя.

23 ноября 1834 г. в Эгейское море из Босфора через Мраморное море вышел бриг «Фемистокл» под командованием сослуживца Путятина, также участника Наваринского сражения и за это награжденного орденом Святой Анны 4-й степени, будущего адмирала и героя обороны Севастополя в годы Крымской войны В.А. Корнилова. После прибытия в греческий порт Пирей он присоединился к корвету «Ифигения». Корвет «Ифигения» и бриг «Фемистокл» заслужили «своими морскими маневрами и военным устройством одобрение иностранных моряков», когда находились в Пирейской гавани. Не были обделены вниманием экипажи российских кораблей и со стороны местного населения: «“Фемистокл” стоял на якоре близ острова Саламины... Капитан... велел сняться с якоря... поплыли к Эгине... только к вечеру приблизились... Капитан дал баркас, и мы спустились на веслах до набережной... Между тем люди всякого звания, узнав о приезде русских на военном баркасе, входили и выходили из домов и стояли у домов и окошек...»²⁵ В 1835 г. «Фемистокл» покинул Эгейское море, за службу в водах которого его командир В.А. Корнилов был представлен к очередному воинскому званию капитан-лейтенанта.

В Эгейском море российские военные моряки обеспечивали и безопасность жителей греческих островов. Так, 28 марта 1832 г. бриг «Аякс» под командованием капитан-лейтенанта Лаврова, находившийся на станции, как тогда называли военно-морские базы, в районе Навплийского (Аргостольского) залива для борьбы с развившимся во время мятежа пиратством в греческих водах, получил от жителей приморского селения Галаксиди сообщение о нападении на селение отряда пиратов, в резуль-

---

²⁵ Давыдов В. Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году. СПб, 1839.

тате грабежа и насилий которых местное население бежало на близлежащие острова. Отправившись на поиски морских разбойников, бриг вскоре обнаружил вблизи деревни Видова в шести милях от Галаксиди пять неизвестных судов. Намереваясь проверить замеченные суда, Лавров решил встать на якорь и спустить шлюпку, но едва якорь был отдан, как с ближайших судов открыли артиллерийский огонь. Одним из ядер на бриге был тяжело ранен матрос. Открытым с брига ответным огнем после часовой пальбы два пиратских судна были потоплены, а три, брошенные бежавшими в горы пиратами, захвачены русскими.

Но российские военные моряки выполняли не только боевые задачи во время описанных событий в Греции. Об этом свидетельствует «Атлас Греческого архипелага и Ионического моря», включающий 18 планов бухт, портов и проливов. Он был издан в 1830–1848 гг. и стал итогом научно-картографических исследований русских моряков²⁶. Они продолжили традиции своего предшественника из эскадры адмирала Г.А. Спиридова времени первой Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг. — И.М. Берсенева. В 1766–1778 гг. он разобрал и подготовил к печати карты Архипелага, опубликованные в 1788 г., за что был награжден императрицей Екатериной Великой подарком — золотой табакеркой с бриллиантами²⁷.

Летом 1835 г. на борт брига «Фемистокл» поднялся знаменитый художник Карл Брюллов, путешествовавший по Греции, в произведениях которого нашли отражение его впечатления от этой страны и пребывания на борту брига. На «Фемистокле» были доставлены архитектурные слепки со знаменитой античной достопримечательности — Парфенона для Петербургской Академии художеств²⁸.

Участие российского военно-морского флота под командованием адмирала П.И. Рикарда в боевых действиях на стороне греческих властей в гражданской войне 1831–1832 гг. в Греции решило исход борьбы в их пользу. Русский царь Николай I подтвердил свое реноме главного полицейского, «жандарма Европы». Именно сила русского оружия, продемонстрированная в те годы в Греции, убедила османского султана Махмуда II в необходимости обратиться к императору Николаю I за военной помощью против мятежного вассала, египетского паша Мухаммеда Али, в 1833 г. и закрыть проливы для всех иностранных военных флотов, кроме русского. Запрет этот сохранялся до 1840 г., как и преобладающее влияние России в восточном Средиземноморье.

---

²⁶ РГА ВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 402, л. 1–47; Курникова О.М. Первые научные описания Крымского полуострова российскими мореплавателями XVIII в. // Восточный архив, 1 (19), 2009, с. 16.

²⁷ Кузьмина С. Адмирал Корнилов. ЖЗЛ, М., 2007, с. 73.

²⁸ Там же.

АНГЛИЙСКАЯ ПРЕССА И РУССКИЕ ВОЕННЫЕ АГЕНТЫ В ЛОНДОНЕ О ПОДГОТОВКЕ ПЕНДИНСКОГО КРИЗИСА 1885 г.

Казалось бы, история международных отношений должна быть историей стремления государств к поддержанию мира или хотя бы паритета сил для того, чтобы избежать военных конфликтов. Однако при прочтении новых документов мы все чаще встречаемся с историей сознательного движения, скатывания к конфликту. Можно назвать множество внешних причин для этого — действия третьей стороны, нежелание вашего визави признавать «справедливые» претензии на некоторые регионы и т. д., но в случае с англо-русским противостоянием в среднеазиатских землях на первый план выходят внутренние обстоятельства. Одной из таких причин был пресловутый «комплекс» цивилизованной нации — «бремя белого человека». Обязанность нести свет просвещения азиатским народам, не забывая при этом о престиже и обаянии Британской империи, что являлось, и порой является, весомым аргументом в пользу выбора средств международной политики.

Изучение событий 1883–1885 гг. на уровне документов эпохи оставляет впечатление, что при всей нервозности и спонтанности, нарочитой декларативности заявлений английский кабинет министров следовал четко разработанной схеме.

По мнению автора, концепция была составлена на основе документа, подготовленного в 1884 г. генерал-квартирмейстером индо-британской армии Ч. Мак-Грегором после окончания поездок по Средней Азии и Персии. «Оборона Индии» являлась детально разработанным планом по захвату многих территорий Российской империи, а в целом к сведению ее границ до границ Московского княжества XV в.

Следует отметить: на брошюре стоял гриф «Секретно». Если учесть, что план Мак-Грегора был издан Генеральным штабом англо-

индийских войск в правительственной типографии в Симле — военном центре английских колониальных владений в Индии, то можно утверждать: по сути, этот документ представлял собой программу действий Англии в Азии.

Утверждая, что «наконечники сняты с рапир», Мак-Грегор призывал к созданию мощной антирусской коалиции. Она должна была добиться «расчленения Русской империи», а также «выбить Россию из Кавказа и Туркестана», отнять у нее Польшу, Украину, Белоруссию, Прибалтику, «обрезать к северу от Китая и Кашгара» и т. д. и т. п. Для характеристики предлагавшихся Мак-Грегором методов стоит привести несколько отрывков. Вот первый из них — автор предлагает некоторые способы действий в борьбе с Россией.

«1. Дипломатическое заигрывание с Россией. 2. Возобновление прерванного права обыска и уничтожение русской торговли. 3. Коалиция с Австрией, Германией, Турцией и пр. 4. Отправка комиссий для проведения северной и северо-западной границы (Афганистана). 5. Передача в наше управление провинции Герат. 6. Союз наступательный и оборонительный с хезарийцами и чор-аймаками. 7. Передача в наше управление областей Вахан, Читрал и Ясин и организация племени сияхпушей. 8. Попытка привлечь на свою сторону Персию или, по крайней мере, парализовать содействие, оказываемое ей Россией. 9. Улучшение способов собирания сведений о русских передвижениях. 10. Немедленное сближение с Китаем. 11. Отправка эмиссаров для возбуждения беспорядков в ханствах (Средней Азии) и среди туркмен. 12. Расчленение Русской империи посредством коалиции».

Более детализированная программа мероприятий была предусмотрена для Средней Азии. «Приняв меры, что, я полагаю, в нашей власти, к поднятию восстания среди узбеков и туркмен, было бы возможно вытеснить русских из Средней Азии и отбросить их границу назад, по крайней мере, до Аральского моря <...> Мы, может быть, не в состоянии будем для всех этих предприятий дать войска, но не следует забывать, что мы можем дать деньги, оружие и офицеров, чем и должны пользоваться в самых широких размерах»¹.

Особенно отчетливо постулаты английской политики в Азии прослеживаются по событиям 1884–1885 гг.

Присоединение Мерва к России было вполне ожидаемо, но именно оно послужило катализатором при принятии плана генерал-квартирмейстера индо-британской армии к действию.

Каждый пункт плана совершенно четко соотносится с последующими действиями лондонского кабинета и англо-индийских властей. Сво-

¹ Цит. по: *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е гг. XIX в.). Ташкент, 1957, с. 221.

его рода «заигрывание» с Россией началось сразу после осознания произошедшего в туркменских землях (присоединение Мерва). Возобновление прерванных в 1882 г. переговоров по установлению русско-афганской границы являлось ширмой для создания Англией подобия коалиции против России. Урегулирование англо-австрийских и англо-германских противоречий в Северной и Восточной Африке, а также на Балканах позволило Великобритании более уверенно чувствовать себя на среднеазиатских просторах, предпринимать против России более жесткие действия.

С конца 1883 г. начинается оживленная переписка англо-индийского правительства и афганского эмира с целью окончательного запугивания последнего реалистичностью «русской угрозы». Появились новые аргументы, новые способы убеждения при поддержке претензий эмира на земли приграничных туркменских племен. Подталкивая эмира к прямому захвату северных территорий, англичане были уверены в неизбежности русско-афганского конфликта с последующими военными действиями между этими государствами. Вследствие заключенного с эмиром договора Англия, вставая на защиту Афганистана, переводила это латентное противостояние из разряда локального конфликта в событие регионального и континентального масштаба. При подведении итогов бесперспективной и пролонгированной приграничной афгано-русской войны желали бы поприсутствовать многие державы. Англия и англо-индийская колониальная администрация были бы первыми. Даже если бы этот сценарий по какой-либо причине не состоялся, Великобритания всегда могла бы использовать приграничные, особенно туркменские и афганские, земли как плацдарм для антирусской пропаганды среди вновь присоединенных и не свикшихся со своим новым положением народов Средней Азии. Замедленность, вязкость протекания конфликта вблизи Британской Индии были более выгодны Лондону, чем определенность конфликтной ситуации приграничья.

Возобновление переговоров по среднеазиатской проблеме и создание двусторонней разграничительной комиссии можно считать лишь ширмой истинных намерений британских и англо-индийских политиков.

В связи с этим по-другому воспринимается и назначение главой английской стороны генерала Лемсдела. Это был именно тот человек, которому предстояло сорвать переговоры и спровоцировать русско-афганское столкновение. После того, как генерал выполнил (в определенной мере) свою задачу, его отозвали в Лондон, а во главе миссии был поставлен опытный «полевой исследователь» полковник Риджуэй. Он и проводил в жизнь так называемый «план Б», который заключался в формировании на приграничных среднеазиатских территориях Российской империи разветвленной агентурной сети, подконтрольной англо-индийским властям, с центрами в Пенджабе, Дели и Калькутте.

Сообразуясь с этими выводами, с полной уверенностью можно сказать, что Пендинский кризис, как итог переговорного процесса, был задуман Лондоном задолго до начала событий 1884–1885 гг.

Проблема формирования разграничительной комиссии была наиболее важной темой на заседаниях большинства английских научных и политических обществ и даже светских салонов этих лет. Интересующаяся среднеазиатскими делами публика во всех подробностях обсуждала возможные кандидатуры на пост председателя миссии. Одни считали необходимым поставить во главе комиссии проверенного «чисто английского» чиновника или военного, другие — англо-индийского военного или чиновника. Но все сходились в одном — этот человек должен удовлетворять общественному мнению своими антирусскими настроениями. Только такой человек смог бы защитить интересы Афганистана, а точнее — Британской Индии, объединяя и умиротворяя различные силы в Лондоне и Калькутте.

Назначение генерала П. Лемсдела на этот пост вызвало однозначно отрицательную реакцию «большинства», то есть не посвященных в «дальновидные» планы правительства британских военных и политиков. Вот что писал в своем донесении русский военный агент в Лондоне К.К. Ланц²: «Назначение главным комиссаром по урегулированию северо-западной границы Афганистана генерал-майора Sir Peter Lumsden, члена совета министерства Индии в Лондоне, удивило англичан, интересующихся среднеазиатскими делами. “With Sir Peter Lumsden the Russians will have the frontier they like”³, говорят здесь, желая этим выразить, что генерал Лумзден (так у К.К. Ланца. — *Н.Л.*) готов будет согласиться на все русские требования. Находят, что более несоответствующего английским интересам назначения здешнее правительство не могло бы сделать. Телеграммы из Индии называют целый ряд лиц, которые считаются несравненно более компетентными, нежели генерал Лумзден»⁴.

Анализируя состав вновь сформированной комиссии, в очередной раз приходишь к мысли о марионеточном характере должности председателя миссии и о скрытом от «нескромного внимания» русских спецслужб основном действующем лице. Одно перечисление имен указывает на «тяжелую артиллерию» английских специальных служб: «Конди Стеффен, состоящий при английской миссии в Тегеране, полковник Ridgeway (Риджуэй. — *Н.Л.*), товарищ секретаря по иностранным делам правительства Индии, и полковник Стюарт, английский агент на персидской гра-

² Генерал-майор Карл Карлович Ланц — русский военный агент (атташе) в Лондоне (1882–1884 гг.).

³ С сэром Питером Ламзделом русские получают границу, которая им понравится (англ.).

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 401, оп. 4, дела за 1884 г., д. №4, л. 142.

нице. Собственно научная сторона дела по проведению границы будет, что касается англичан, находиться в руках дельного геодезиста, инженерного майора Holdich (Холдича — *Н.Л.*), хорошего знатока Афганистана и всего пограничного пространства по южную сторону Гиндукуша, где он лично или под своим наблюдением производил многие съемки»⁵. Многие из этих лиц были весьма известны своими «путешествиями» не только русским властям Закаспийской области, но и военному министерству в Петербурге. Лондонский военный агент указывал, что весь состав комиссии весьма профессионален в делах внешней политики, чего нельзя сказать о ее председателе. Последний был лишь бравым военным, но никак не дипломатом. Вместе с тем «это человек приятный в обращении и, как кажется, сговорчивый и без предвзятых идей»⁶.

Английская комиссия состояла из 35 человек, большинство членов были офицерами и политическими агентами. Предполагалось взять из Индии в качестве охраны мощный, до двух тысяч человек, конвой, состоящий из «одного полка пехоты, одного полка кавалерии и одной батареи горной артиллерии»⁷.

После неудовольствий со стороны Афганистана и России, которые усмотрели в «группе сопровождения» ядро «корпуса вторжения», конвой был несколько сокращен — до 800 человек. С.С. Бутурлин⁸ отметил следующее обстоятельство: все члены комиссии являлись военными советниками, которых англичане «дали, чтобы усилить укрепление Герата»⁹. У нашего военного агента не оставалось сомнений в том, что англичане воспользуются объявленным маршрутом Белуджистан — Восточная Персия — Серакс в своих целях. «В “Morning Post”, — писал он, — на днях была статья, в которой восхвалялась предусмотрительность властей, отправивших в составе конвоя генерала Лемсдена значительное число инженерных офицеров; английские члены этой комиссии, по отзыву помянутой статьи, отлично воспользовались представленным случаем для изучения страны, для производства подробных съемок и, чего не говорит газета, для подкупа жителей; не будет ничего удивительного, если жители будут показывать совершенно в английском смысле»¹⁰.

По сведениям английской «The Times», бюджет комиссии составил «не более 16 000 фунтов стерлингов в месяц» (то есть 160 тыс. рублей).

⁵ Там же, л. 143.

⁶ Там же, л. 143 об.

⁷ Там же, л. 144.

⁸ Генерал-майор Сергей Сергеевич Бутурлин — приемник К.К. Ланца, военный агент (атташе) в Лондоне (1884–1891 гг.).

⁹ РГВИА, ф. 401, оп. 4, дела за 1885 г., д. №4, л. 111.

¹⁰ Там же, л. 112; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 836, л. 45, 85.

Если учесть, что афганское правительство приняло на себя все полевые расходы комиссии (продукты, вода, фураж, транспорт и т. д.), то для англичан открывались широкие возможности в использовании собственно английских средств на дополнительное развертывание агентурной сети в приграничных районах не только Закаспийской области, но и по всему среднеазиатскому рубежу Российской империи, что и подтвердилось в скором времени.

Перед приездом членов английской комиссии афганский эмир Абдурахман, давая инструкции своим представителям, сообщал Кази Садад-дину, что английская комиссия везет с собой много ценностей вроде шелковых тканей, парчи, винтовок, пистолетов, биноклей, часов для «подарков» туркменам-сарыкам, живущим в Пенде, и салорам, живущим на Мутрабе. Эмир обязывал своих сановников препятствовать реализации английских подкупов-бакшишей среди туркмен, так как это могло привести к непредвиденным последствиям. Подкупленные старейшины туркмен могли выступить не только против русских, но и против афганцев¹¹.

Эмир оказался прав. Находясь в Бала-Мургабе, генерал Лемсен, «для того чтобы выслушать мнения сторон», приглашал к себе почетных сарыков. На его «приглашение откликнулось» около 500 человек, и почти все они по итогам встречи получили «подарки и презенты»¹².

Анализируя приведенные выше факты, можно заключить, что английские политики, начиная разграничение в Южной Туркмении, преследовали вышесформулированную цель. Поэтому само по себе установление мира и порядка в зоне русско-афганской границы их интересовало весьма мало.

Одной из приоритетных задач в данном случае было установление полного контроля над всей внутренней и внешней политикой афганского эмира, превращение его в марионетку, которая будет исполнять роль орудия в борьбе Англии с Россией в зоне туркменских земель.

Следующей по значимости задачей являлась необходимость военного прикрытия детальной разведки территории северного Афганистана от Зюльфагарских проходов до Памира, включая малоизученные горные перевалы Гиндукуша и древних (XVI–XVIII вв.) караванных, часто заброшенных дорог, ведущих через туркменские земли к Каспию и в Приуралье.

И наконец, английская комиссия за все время пребывания на приграничных территориях имела возможность укрепить на севере Афганистана и на юге Туркмении единую устойчивую агентурную сеть, состоящую в основном из жителей Южной Туркмении, недовольных

¹¹ Юлдашбаева Ф.Х. Колониальная политика английского империализма в Афганистане и Средней Азии в последнюю четверть XIX в. // Труды Среднеазиатского Государственного Университета им. В.И. Ленина. Вып. 94, кн. 14. Ташкент, 1957, с. 85.

¹² АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 836, л. 45.

присоединением к России, которые и при удобном случае могли бы стать активными проводниками английской колониальной политики.

В связи с последним обстоятельством обращает на себя внимание тот факт, что именно тогда, как сообщал С.С. Бутурлин, «значительно увеличилась потребность в изучении русского языка среди английских офицеров и гражданских чиновников, и, между прочим, мне указали на четыре случая назначения экзаменных комиссий по русскому языку в Staff-college (Академия Генерального Штаба)». Наряду с этим он указывал и на целевое назначение этих людей¹³.

Несмотря на сложности, которые испытывали российские дипломаты, ведя переговоры на высшем уровне, время для определения границы и, по сути, разграничения сфер влияния было выбрано весьма удачно. Еще в середине 1884 г. уже не раз упоминавшийся генерал-майор К.К. Ланц докладывал, что складывается обстановка, весьма благоприятствующая проведению разграничения с Афганистаном, поскольку Англия, считал наш военный атташе, которая находилась тогда на пике своего развития, в скором времени начнет переживать упадок, подобно тому, как это случилось с Голландией. «Развив свои торговые сношения до колоссальных поистине размеров, она не владеет достаточными силами для удовлетворительной обороны нужных пунктов и для наблюдения за коммуникационными линиями в 150 000 верст длины и движущимся по ним сорокатысячным торговым флотом», — писал К.К. Ланц. Он продолжал: «Едва ли какие бы то ни было проекты о переформировании или усилении вооруженных сил помогут ей вернуть прошлое. Война 1870–1871 гг., стряхнув с континентальных армий сохранившиеся еще в них старые порядки, нанесла этим косвенный удар по Англии, от которых напрасно старалась бы избавиться. Неудовлетворительное положение, в котором находятся вооруженные ее силы, не есть, как многие думают, временный недуг ...

Краеугольный камень могущества [Англии] — британский флот — в виду почти сравнившегося же с ним по силе французского флота, не может более рассчитывать на исключительное господство над морями и на, несомненно, успешный исход морской войны. Между тем, один удачный против него удар может лишить подвоза и подвергнуть голоду страну, в которой даже в мирное время случается, что весь запас хлеба не превышает двухмесячной пропорции.

Что касается армии, то египетские дела доказали несостоятельность ее организации ...»¹⁴ (Подчеркнуто в подлинном тексте. — *Н.Л.*)

Аналогичное мнение высказывал и преемник К.К. Ланца — генерал С.С. Бутурлин. Он утверждал, что несостоятельность вооруженных

¹³ РГВИА, ф. 401, оп. 4, дела за 1885 г., д. № 4, л. 22.

¹⁴ РГВИА, ф. 401, оп. 4, дела за 1884 г., д. № 4, л. 110–111.

акций Англии в Судане и Египте доказывается все большим количеством поражений, которые терпели англичане от махдистов. Но это неудовлетворительное состояние не помешает Англии добиться необходимых ей результатов в приграничных землях Туркмении.

Отсутствие русских комиссаров по разграничению в назначенном месте и в срок очень уязвило англичан, а объяснениям русского посольства в Лондоне о болезни генерала Зеленого, по словам одного документа, «они плохо верят». Бутурлин советовал приступить к разграничению хотя бы номинально, так как сохранение либералов у власти в Лондоне для российского кабинета было бы гораздо выгоднее, чем приход в правительство консерваторов в случае срыва переговоров. Возвращение последних к власти сулило России очередные осложнения в среднеазиатском регионе. С.С. Бутурлин далее отмечал, что министерство Гладстона готово пойти на уступки в Центральной (Средней) Азии и принять план разграничения русского правительства, если только русские чиновники дадут понять, что Россия смягчит свою позицию в отношении Египта¹⁵.

Генерал Бутурлин в который раз подчеркивал, что настала та благоприятная минута, когда в спорном регионе можно было начать разграничение с изначально более выгодной позиции для России относительно позиции Великобритании.

По словам Сергея Сергеевича Бутурлина, были возможны несколько путей развития событий. Первый — это возможность в случае, «если бы, например, Англия дала бы настолько уклончивый ответ, что по содержанию своему ближе всего подходил бы к отказу, — Россия может прервать пограничные переговоры и занять [территорию] до Борхутских гор, так как имеет возможность сосредоточить силу, достаточную для отнятия охоты противоречить совершившемуся факту»¹⁶.

Второй путь, по его мнению, состоял бы в полном игнорировании мнения Англии по всем вопросам в Средней Азии, включая весь комплекс туркменских проблем. В случае провала переговоров этот вариант предусматривал разрыв отношений между Россией и Англией и захват необходимых для обеспечения российских интересов территорий — Пенде и, возможно, Герата, то есть собственно земель туркменских племен, а равно и тех, через которые могли бы пройти афганские войска для захвата тех же туркменских земель. Последний вариант наш военный агент считал более предпочтительным и настаивал на серьезном рассмотрении такового при проведении среднеазиатской политики.

---

¹⁵ РГВИА, ф. 401, оп. 4, дела за 1885 г., д. №4, л. 27. В 1882 г. Англия оккупировала Египет, что вызвало недовольство ведущих европейских держав, в том числе и России.

¹⁶ Там же, л. 36.

В своих следующих донесениях Бутурлин подтверждал ранее полученные сведения и уточнял уже высказанные им мнения: «По крайнему моему убеждению, если только России удастся так или иначе занять Герат теперь, то Англия не решится из-за этого на войну. Во всяком случае, наступательный шаг в этом направлении — теперь — имеет гораздо более шансов на успех, чем давление на Англию в Египте. Позволительно предположить, что там она никогда не поступится чем-либо серьезным, по крайней мере Египта не очистит, и все кажущиеся уступки, делаемые ею теперь Франции, обуславливаются лишь желанием выиграть время в надежде расстроить существующее теперь, по-видимому, согласие континентальных держав по египетским делам»¹⁷.

Эти варианты развития англо-русских отношений в данный период времени были неприемлемы для Российской империи. Напротив вышецитированных строк из донесения С.С. Бутурлина в документе имелась пометка Азиатского департамента Главного штаба: «Для России Герат не нужен, а если его займут англичане, то этим самым они ухудшат свое положение в Индии и в Афганистане». Позиция правительства была вполне ясна. Однако заметим, что некоторые аргументы все же были приняты «на вооружение».

Третий же путь вполне соответствовал намерениям и желаниям русских дипломатов и правительства — начало переговоров о разграничении с опорой на этнографический принцип разделения спорных территорий. Русский посол в Лондоне граф А.Б. Лобанов-Ростовский и военный атташе выражали несогласие с этим принципом разграничения афганских и туркменских территорий, потому как это позволило бы англичанам сковать работу комиссии бесчисленными и бесплодными спорами о районах расселения обоих народов.

Бутурлин задолго до начала Пендинского кризиса предсказывал возможные провокации со стороны афганской стороны и агентов разграничительной комиссии. И виной этому будет, как он писал, упорство российской стороны в подтверждении приверженности этнографическому принципу, поскольку правительство упустит из виду наиболее важные проблемы, как-то экономические и военно-топографические, от которых зависит стабильность русской власти в регионе и удобство наблюдения за границей в зоне туркменских земель и владений эмира Афганистана.

Разумеется, все эти варианты развития событий были рассмотрены на заседании кабинета министров в присутствии Александра III. Поэтому предположение Г.А. Хидоятова о том, что английский военный атташе полковник Ф.Ч. Тренч был введен в заблуждение по поводу наступательного плана русских военных, по мнению автора, является безоснователь-

---

¹⁷ Там же, л. 73–73об.

ным. Данный план, по словам английского атташе, состоял в намерении русских в случае разрыва дипломатических отношений с Великобританией немедленно захватить Пенде и быстро двигаться на Герат с целью овладения городом до подхода к нему англо-индийских войск¹⁸. Сейчас очевидно, что такой план был представлен на рассмотрение кабинета министров, но, как показало время, был отклонен.

С другой стороны, в отчете о пребывании Ч. Марвина в Азиатской части Главного штаба, напротив вопроса гостя: «Если поход в Индию невозможен, так почему же ни один компетентный человек не выступит с официальным опровержением — это опровержение успокоило бы англичан» — рукой Л.Н. Соболева было написано: «Успокоились бы и стали бы больше вредить нам в Европе. Нам выгодно обратное»¹⁹.

Таким образом, по нашему мнению, все три пути развития событий могли быть рассмотрены на заседании правительства, по итогам которого и были выработаны основные ориентиры в проведении региональной и внешней политики на приграничных туркменам среднеазиатских территориях.

В отношении намерений России в зоне туркменских племен английские газеты высказывали порой противоречивые мнения. В частности, в донесении от 19 февраля / 03 марта 1885 г. Бутурлин указывал, что «... вся английская пресса говорит о нашей желаниии занять Пенжде» (так у Бутурлина). Вместе с тем она же признает, что Россия правомерна принимать такое решение (заяятие Пенде), и газеты почти единогласно подтверждают мнение Бутурлина, что «дело идет об обаянии» России и Англии в Средней Азии. И поэтому следует сделать так, как «советуют» англичане, поскольку они все равно подняли шумиху, и было бы крайне неосмотрительно, в свете потери обаяния в Средней Азии, не воспользоваться представленной возможностью. Тем более что граница, намеченная русским правительством по Борхутскому кряжу, включает гораздо большую территорию, чем оазис Пенде.

В противоположность российским намерениям — ориентироваться на этнографический принцип, члены английской комиссии предполагали провести означенную границу по тем территориям, которые хотя бы номинально признавали власть афганского эмира. Этот тезис давал англичанам возможность с помощью подарков и подкупов расширить так называемые политические претензии Афганистана. Возможно, тогда бы развились новые варианты давления на туркменских племенных вождей.

Различным был подход у обеих сторон к задачам и методологии работы разграничительной комиссии. Российская сторона считала, что

---

¹⁸ *Хидояттов Г.А.* Британская экспансия в Средней Азии. Ташкент, 1981, с. 153.

¹⁹ *Халфин Н.А.* Указ. соч., с. 214.

комиссия должна прежде всего заниматься съемкой и описанием местности разграничения, а окончательное решение следует принимать на правительственном уровне представителями обеих держав.

В Лондоне же считали, что члены комиссии должны на месте подготовить проект соглашения по разграничению, по которому оазис Пенде включался бы в состав Афганистана. Россия предложила компромиссное решение — начальником Закаспийской области и командующим Кавказским военным округом был разработан новый вариант проведения границы. Она проходила значительно севернее уже назначенной. Возникшее пространство между двумя границами являлось бы афганской территорией. Но оно не подлежало заселению и не могло иметь какие-либо укрепленные посты, то есть эта территория принадлежала бы афганскому эмиру с условием не использовать ее в качестве плацдарма для дальнейшего военного и политического продвижения англо-афганских войск, а точнее — британского влияния в зоне туркменских племен.

Но английский кабинет министров не пошел на уступки. Россия предложила отложить официальное заседание комиссии до 1885 г., и при этом продолжить дальнейшие переговоры на дипломатическом уровне.

Несмотря на затишье в дипломатических кругах, в Закаспийскую область шли телеграммы, которые предостерегали командующего войсками края от непродуманных действий и осложнений, за ними последующих. «Генерал Обручев сообщает по поводу Вашей телеграммы и занятия Таш-Кепри²⁰, что военный министр, согласно мнению статс-секретаря Гирса, что во избежание столкновения с афганцами не следует настаивать в занятии сего пункта, при этом министр иностранных дел высказывает, что всякое такое столкновение осложняет положение в туркменских степях. Могли бы сделаться источником непредвиденных затрат»²¹.

Это лишь одна из тех многочисленных телеграмм, которые регулярно получал командующий войсками Закаспийской области генерал А.В. Комаров задолго до Пендинского кризиса. Следовательно, русское военное командование и правительство уже в конце 1884 г. предвидели, что если не без войны, то без столкновений на границе с Афганистаном дело не разрешится. Поэтому они всеми силами старались избежать осложнений.

Трудно сейчас судить, насколько были правы государственные мужи. Но автор этих строк считает, что если бы российские дипломаты заняли более жесткую позицию в афганских делах, то граница была бы проведена в более выгодном для нас военно-политическом отношении, а впоследствии не возникло бы столько неприятных инцидентов. Вероятно, часть

²⁰ Подчеркнутые места в подлинном тексте депеши шифрованы.

²¹ РГВИА, ф. 483, оп. 1, д. № 119, л. 31.

туркменских племен, рассеявшихся по Северному Афганистану в начале XX в., обрела бы компактное проживание в пределах современного Туркменистана. Тогда бы и кризисы 1980–1990-х гг. имели бы иное развитие: туркменские оазисы и племена не оказались бы втянуты в братоубийственные войны, в которых была так «искусна и успешна» Британская империя.

Готовясь к худшему, военные имели возможность разработать планы оборонительной и наступательной кампаний. За десять дней до упомянутого кризиса генерал-адъютант Н.Н. Обручев и Дондуков-Корсаков (командующий Кавказским военным округом) обменялись телеграммами. Обручев писал: «В случае афганской войны представляются два способа действий. Первый — идти на Герат, что потребует очень больших средств и может даже при успехе создать нам большие затруднения и надолго связать нам руки; второй — не вдаваться в дальнюю экспедицию, держаться активной обороны, выжидать, чтобы англичане сами выдвинулись побольше вперед и ослабленные длинными затруднительными сообщениями подверглись поражению в наших пределах. Этот способ требует с нашей стороны гораздо меньшего напряжения, может быть долее нами выдержан и сохраняет за нами свободу действий в Европе»²².

На это Дондуков-Корсаков отвечал: «В случае войны не допускаю бесцельного движения на Герат и, как высказывался раньше, признаю единственным способом действий активную оборону на твердо занятой границе»²³. В связи с последней телеграммой надо отметить, что ее автор высказывал свое мнение, не имея «никаких сведений о политическом положении» и находясь в «недоумении, что могло вызвать внезапный поворот в смысле приготовлений к войне».

Проанализировав переписку Главного штаба с командующими войсками Кавказского военного округа и Закаспийской области, очередной раз убеждаешься в том, что русские военные, которых так часто обвиняют в захватнических замыслах, даже не постарались использовать затруднения англичан в Судане, чтобы попытаться захватить одну из самых плодороднейших частей Афганистана — Гератскую долину. При полном контроле туркменских земель русским не составляло большого труда «открыть ворота в Индию».

Следует указать, что даже после Таш-Кепринских событий командование краем, командующий Кавказским военным округом и начальник Главного штаба не допускали движения к Герату, а если и говорили о каком-либо наступлении, то только до линии ранее предполагаемой границы — до Борхутского кряжа. Так что занятие Герата не предусматривалось ни одним планом действий.

---

²² Там же, л. 122–123.

²³ Там же, л. 124.

В Великобритании же все более и более разгорались страсти по вопросам принадлежности Герата и Пенде. Вновь появились статьи о «русской угрозе Индии», поскольку английское правительство стремилось переключить внимание своих подданных от египетско-суданских неудач на среднеазиатские дела. Поскольку антирусские интриги в Персии не дали желаемого результата, английские правящие круги устремили свои взоры на Афганистан.

Официозная англо-индийская пресса подстрекала эмира к захватам богатых туркменских оазисов. 14 января 1885 г. газета «The Pioneer», например, написала: «Почему бы нам не придерживаться более смелой политики относительно этой части территории эмира, которая в настоящее время исследуется сэром П. Лемсденом и его группой? <... > Когда офицеры наши находятся там, на месте, и когда жители страны желают оказать нам свое содействие к сохранению и расширению владений эмира, инициатива должна принадлежать Индии»²⁴.

Еще ранее лондонская «The Times» опубликовала статью, в которой автор призывал (а точнее сказать, обязывал) эмира Абдурахмана превратить Пенде, равно как и некоторые другие местности, в укрепленные пункты в целях обеспечения своей власти на северо-западе²⁵. «Daily Telegraph» в начале марта 1885 г. опубликовала статью, основной мыслью которой был тезис о недопустимости уступок России: «Главная трудность положения заключается в том факте, что для России отодвинуть свои передовые посты назад значило бы потерять столько же своего обаяния в Средней Азии, как если бы она претерпела бы поражение; между тем как согласие на занятие ею Зюльфагарского прохода на пути к Герату — со стороны Англии было бы принято в Дели и Патне за знак того, что “лев потерял свои зубы”. Лучше война, чем малодушие...»²⁶.

Желание России якобы захватить Пенде английская пресса обсуждала на все лады: «Ее стратегической целью, — писала “The Times”, — является командование над Гератом, а политической целью — изоляция эмира от Англии и демонстрация ему, что может захватить его территорию, когда ей будет угодно». «The Times» подчеркивала, что речь идет не об «узком клочке земли», а о престиже Англии на азиатском континенте и будущей позиции в регионе южных границ расселения туркмен и отчасти о позиции Афганистана, которую он займет в отношениях между Англией и Россией в Средней Азии. Газета призывала убедить эмира, что Англия окажет ему поддержку в борьбе против России, но никогда

²⁴ Юлдашбаева Ф.Х. Указ. соч., с. 86.

²⁵ Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995, с. 47.

²⁶ РГВИА, ф. 401, оп. 4, дела за 1885 г., д. №4, л. 108.

не допустит, чтобы он был нейтрален, считая, что принципом отношений с азиатскими государствами должно быть — кто не с нами, тот против нас. Следовательно, если эмир откажется стать другом Англии, то он окажется ее врагом. Как писала «The Times», речь идет о том, как и где должна встретить Англия наступление России — на дальних ли границах Афганистана, когда афганцы были бы ее друзьями и союзниками, или же на ближних подступах к Индии, когда афганцы начали бы действовать как авангард России²⁷.

Еще одной газетой, оберегавшей интересы «британского льва», была «United Service Gazette». Она убеждала английскую публику в том, что Россия непременно захватит Герат. В предостережение к этому газета предлагала заявить российским дипломатам, что оккупация Пенде приведет к войне между империями. «Дайте русским ясно понять, — писала газета, — что оккупация Пенде означает немедленную войну без всяких дальнейших переговоров с британской империей. Мы уверены, что благоразумие возобладает» (1885 г., 28 марта). Вторя ей, «Pall Mall Gazette» напоминала правительству Гладстона об обещании афганскому эмиру защищать его территорию, указывала, что теперь в связи с русским наступлением такой случай представился, и Англия, если она не желает проявить себя с самой худшей стороны, должна оказать помощь Абдурахман-хану (1885 г., 2 марта).

Обычно сдержанная на пустые угрозы «The Times» принимала активное участие в давлении на российские правящие круги и применяла весь лексикон дипломатических и недипломатических выражений с целью убедить читателя, что британское правительство всерьез рассчитывает защищать Абдурахман-хана, его владения, его интересы, которые как-то сами собой стали распространяться на земли туркмен.

Газета утверждала, что Англия не имеет права отступить, а продвижение русских войск на Герат означало бы объявление войны. «The Times» угрожающе заявляла, что Великобритания выполнит свои обещания, и предлагала России не рассчитывать, что в английской политике обладают те, кто будет призывать к миру любой ценой, или же думать, что мощь британской империи парализована отправкой части войск из Индии в Судан. Газета подчеркивала, что английская армия в Индии по-прежнему сильна, а флот обладает мощью, достаточной, чтобы сокрушить любую страну мира (1885 г., 17 февраля).

Снова и снова обращает внимание на себя тот факт, что Англию как бы и не интересовали границы туркмено-афганских земель. Расчет шел уже на дальние перспективы — как минимум на Туркестан и Кавказ.

---

²⁷ Цит. по: Хидоятов Г.А. Указ. соч., с. 142.

Наряду с истеричными угрозами сторонников активных действий в Англии, как указывала «The Times», находились люди, которые понимали: как бы искренне и сильно ни было желание русского правительства не идти далее уже занятых туркменских территорий, оно не может себе этого позволить вследствие самой силы вещей, то есть пока его войска не дойдут до непосредственного соприкосновения с местами, занятыми англичанами²⁸.

Тон «The Times» с каждым днем становился все резче и все более угрожающим. В марте 1885 г. она писала уже о «неминуемости» столкновения между Россией и Афганистаном и утверждала, что генерал Лемсен получил инструкции, по которым ему препоручали подготовку афганской армии к войне против России. «The Times» (1885 г., 11 марта) советовала Лемсену занять основными силами Робатский проход, начать укрепление Герата и произвести дислокацию войск согласно правилам ведения войны. При этом она указывала на наличие в составе отряда достаточно опытных офицеров пехоты и кавалерии на случай неожиданного столкновения.

Газета считала, что предстоящая война не должна вестись только на севере Афганистана, и рекомендовала нанести удар по Черноморскому побережью России всей мощью английского флота одновременно с началом военных действий на приграничных среднеазиатских, то есть туркменских, территориях. Английский и турецкий флоты должны были бы вторгнуться в Черное море и, разгромив русских, прервать коммуникации между Одессой и Батуми, лишив тем самым Кавказскую армию основного пути сообщения с центральными и среднеазиатскими районами России. Чтобы русский флот не смог укрыться в Батумском порту, газета предлагала вообще изгнать русских из Батуми, рассчитывая на турецкие войска и на восстание всех кавказских народов против царского самодержавия (1885 г., 28 марта)²⁹.

Антирусская газетная кампания сопровождалась демонстративной подготовкой к войне с Россией. В Индии был отдан приказ о приведении в полную боевую готовность 50-тысячного контингента. Батареи Пенджабского пограничного полка усилили до уровня военного времени. В Кветте был собран весь подвижной транспорт для переброски крупных боевых соединений и их обеспечения. Войск, подготовленных для отправки в Герат, как писала «The Times», хватило бы лишь для отражения первого натиска, и правительство Индии требовало послать ему дополнительно еще 50 тыс. солдат. К 25 марта 1885 г. в Кветте и Пишине были сосредоточены три дивизии резерва по 10 тыс. человек. Командующим этой армией вторжения был назначен генерал Стюарт.

---

²⁸ РГВИА, ф. 401, оп. 4, дела за 1885 г., д. № 4, л. 105.

²⁹ Цит. по: *Хидоятов Г.А.* Указ. соч., с. 144.

Военный агент в Лондоне С.С. Бутурлин признавал, что вся эта шумиха была задумана лишь с целью запугивания России и Афганистана. Относительно России наш военный атташе указывал, что в связи с резким падением авторитета кабинета Гладстона английское правительство решило взять реванш за неудачу переиграть князя Бисмарка и запугать Махди. Лондонский кабинет загорелся желанием попытаться «счастье, не удастся ли запугать Россию, и за счет ее достоинства и интересов восстановить столь сильно поколебленное положение министерства»³⁰.

В отношении призыва резервистов на военную службу Бутурлин отмечал, что и это известие есть очередной повод для запугивания России. Уже после событий 18/31 марта 1885 г. он сообщал, что все они были отправлены в Египет и ни одного солдата и никаких «боевых припасов в Индию отправлено не было; посылали только в Египет»³¹.

Британское правительство и не думало о скорой войне с Россией, по крайней мере, его действия говорили о том, что оно не собиралось воевать. 31 марта 1885 г. парламент, как обычно, был распущен на пасхальные каникулы. Королева отправилась в заграничное путешествие, что само по себе подчеркивало спокойствие, царившее в английских правящих кругах, ибо отсутствие королевы затрудняло осуществление мер при чрезвычайных обстоятельствах. Несомненно, если бы британское правительство действительно готовилось к войне и вся шумиха с директивами и инструкциями о призыве резервистов носила бы основательный характер, то были бы отсрочены и каникулы парламента, и вояж королевы. Сэмюэль Смит, депутат от либеральной партии, спустя несколько дней после событий при Таш-Кепри, говорил в речи в Ливерпуле: «Когда неделю назад парламент был распущен, они все (то есть члены парламента. — *Н.Л.*) находились под впечатлением, что будет достигнуто мирное решение»³².

Не чувствовалось какой-либо озабоченности по поводу положения на русско-афганской границе и в речи исполнявшего обязанности министра иностранных дел лорда Розбери 1 апреля 1885 г. в Ливерпуле. Большую часть этой речи он посвятил Судану и Египту и лишь в конце кратко коснулся положения в афгано-туркменской зоне напряженности. Розбери подчеркнул решимость британского правительства выполнить принятые англичанами обязательства перед эмиром, что, по его мнению, являлось главным для сохранения независимости Афганистана. Но если учесть, что у Англии не имелось подобных обязательств, а договоры были весьма прозрачны по этому вопросу, великая держава могла трактовать отношения с Афганистаном по собственному усмотрению.

---

³⁰ РГВИА, ф. 401, оп. 4, дела за 1885 г., д. №4, л. 103.

³¹ Там же, л. 120.

³² Цит. по: Хидоятов Г.А. Указ. соч., с. 146.

С другой стороны, Розбери считал «неправильным» и «презренным» решать межгосударственные вопросы «риском войны» и попытался оправдать некоторые воинственные мероприятия Англии. Говоря о мобилизации резервов, он подчеркнул, что «это кажется очень воинственной мерой, но я не думаю, что в действительности является военной мерой». Во-первых, сказал Розбери, «это древняя аксиома — если хочешь мира, готовься к войне». Во-вторых, он обращал внимание на малочисленность британских войск, удаленность их от предполагаемых мест военных действий, указывая, что Англия просто принимала меры предосторожности и ничего более. В заключение он заявил, что правительство «надеялось» и «намеревалось» избежать военного решения этого вопроса³³.

Тем самым Розбери еще раз подтвердил высказанное ранее мнение нашего военного атташе — все приготовления Англии к войне являлись лишь попыткой испугать слабонервную российскую публику. Однако в России таковых не нашлось. Вся эта милитаристская кампания не производила ни на правительство, ни на русскую общественность никакого впечатления. Балтийское море было надежно защищено Кронштадтом, и появившийся там английский флот мог бы бомбардировать исключительно скалистые берега Финского залива. На Черном море Россия имела сильный флот, корабли которого по своим мореходным и боевым качествам не уступали английским. Кроме того, появилось грозное оружие против крупных судов — торпедоносцы с 6 торпедами на каждом, радиус действия которых превышал 1 000 миль.

Совершенно спокойна была Россия и за сухопутные границы на Кавказе, потому что 200-тысячная Кавказская армия могла в любой момент охладить пыл турецких военачальников, которые еще не оправились от поражения в последней русско-турецкой войне. На окраинах только что присоединенной туркменской территории Россия также чувствовала себя весьма уверенно: армия, точнее, мощная группировка войск, которая в любой момент могла быть укреплена Туркестанским или Кавказским контингентом, и достаточно лояльное поведение туркменских племен.

Единственным уязвимым местом России были ее финансы, так как в случае затяжной войны с Англией истощение и без того напряженных денежных ресурсов могло привести страну к экономическому кризису. Но и здесь России удалось установить стабильность и обезопасить себя. Два урожайных года, 1878-й и 1879-й, улучшили ее экономическое положение, а неурожай в Европе обеспечил хороший сбыт русского хлеба при общем повышении цен на него. Наряду с этим, вопреки противодействию Англии, России в 1884 г. удалось получить два крупных займа. Один заем на 15 млн. ф. ст. ей предоставила Германия, а другой заем — европейский,

---

³³ Там же, с. 147

главными подписчиками которого вновь были немецкие банкиры («The Times», 1884 г., 17 апреля). По сведениям «The Times», немаловажную роль в обеспечении этого займа сыграло министерство финансов Германии по совету самого О. фон Бисмарка³⁴. Тем самым германские финансисты и казначейство были кровно заинтересованы в благополучии российской экономики.

Отвечая на воинственные выступления английской печати, газета «Биржевые ведомости» замечала, что эти речи в России давно ни на кого не действуют и не достигнут поставленной перед ними цели. «Мы, русские, уже давно знакомы с этим тоном, и действительно было время, когда он имел влияние на нашу скромную дипломатию. Но ведь с того времени России довелось многому поучиться, как на примерах своих кровных дел, так на примерах своего могущественного соседа, хорошо знающего цену своим словам и умеющего взвешивать не слова, а настоящие намерения другого»³⁵.

В связи с накалом русофобских чувств в Англии «Биржевые ведомости» (1885 г., 10 февраля) указывали, что английская истерия не вызвала никакой реакции на лондонской бирже, которая обычно чутко реагирует на все политические колебания. И поэтому газета справедливо сочла все угрозы английской печати совершенно пустыми, не имеющими серьезной основы. В газете подчеркивалось, что Россия будет решать среднеазиатский вопрос сама, сообразуясь лишь с собственными интересами и не принимая во внимание соображения лондонских политиков³⁶.

Правящие круги России так же, как и общественное мнение, были спокойны и не верили, что Англия решится начать войну ради неопределенных по территории и значимости в хозяйственном отношении земель, где афганские племенные кланы кочевали вперемежку с туркменскими. Это столкновение Великобритании не сулило ничего, кроме убытков. В то же время улучшившееся экономическое положение России и широкие связи, установленные ею с германскими банкирами, позволяли рассчитывать на то, что в решающий момент крупные европейские кредиторы не позволят Англии перейти ту грань, за которой начинается война. Наконец, юг Средней Азии был единственным местом, где могли столкнуться английская и русская армии, но именно там военно-стратегическое и политическое положение России было гораздо более прочным, чем положение Великобритании на северо-западных окраинах Британской Индии, постоянно бурливших восстаниями и мятежами кочевых и полукочевых племен.

---

³⁴ Цит. по: Хидояттов Г.А. Указ. соч., с. 150.

³⁵ Биржевые ведомости, 1885 г., 10 февраля.

³⁶ Там же.

Как сообщал помощник Э. Торнтона капитан Митчелл, влиятельные русские политические и государственные деятели открыто говорили ему, что считают военные приготовления Англии «блефом», единственной целью которого было запугать Россию.

Скептицизм в отношении военных приготовлений англичан разделяли и в европейских странах. Государственные и политические деятели ряда стран сомневались в том, что Англия начнет войну против России в столь тяжелое для нее время. Трудно себе представить, чтобы Англия, увязшая в войне в Судане и Египте, имевшая острые противоречия из-за колоний с Германией и Францией, вытесняемая с мировых рынков Германией и САСШ, могла бы решиться на такое рискованное и безнадежное предприятие, как война с Россией в туркменских пустынях. Англо-русская война больно ударила бы по денежным рынкам Европы, да и самой Англии, которая вряд ли в данном случае могла бы рассчитывать на сочувствие к себе со стороны других ведущих европейских стран.

Это понимали и в Англии. Указывая на равнодушие и хладнокровие, царившее в Европе и России в отношении воинственных призывов, заполнивших страницы английских газет, «The Times» с горечью отмечала: «Они насмеяются над английскими приготовлениями на случай войны, расценивая их как мошенничество, имеющее целью повлиять на ход дипломатии, и относятся с насмешливым пренебрежением к способности Англии выставить какую-либо армию, стоящую этого названия»³⁷.

Таким образом, первая и, наверное, самая важная цель английской информационной атаки — запугивание России — не достигла желаемых результатов. Зато другая — утверждение в афганском эмире воинственности и уверенности в помощи Англии, если Россия «посмеет вступить на афганскую землю», была прилежно «доработана» посредством предоставления просимой эмиром помощи в виде 10 лакхов рупий и тяжелых орудий для обороны Герата.

В своей очередной записке Гладстон определил следующие задачи вице-короля Индии Дафферина в его предстоящей встрече с Абдурахманханом:

1) получить от эмира полную информацию о пограничном вопросе и узнать, в какой степени он может быть с Англией в тесных связях, которые исключили бы всякое влияние России в Афганистане;

2) узнать, будет ли эмир защищать Герат всеми имеющимися у него средствами и сделает ли он этот город более обороноспособным с помощью Англии;

3) выяснить, согласится ли эмир предоставить себя полностью в распоряжение англичан и уступить им какую-либо территорию при

---

³⁷ Цит. по: Хидоятов Г.А. Указ. соч., с. 152.

обязательстве с их стороны защищать его так же, как это они сделали бы в отношении своих интересов³⁸.

Таким образом, англичане взяли бы на себя обязательство защищать туркменские и все другие территории, на которые эмир претендовал, только при условии превращения Афганистана фактически в полностью зависимое от Англии государство. Лорд Кимберлей, признав правильность намерений Гладстона, написал ему в ответ: «Я боюсь, что русские заставят афганцев убраться со спорной территории без переговоров и тогда они действительно скажут: “Я здесь, я остаюсь”, рассчитывая на то, что мы не пойдём на войну с целью изгнания их оттуда. Они могут таким образом создать для нас сложную проблему: с одной стороны, большая война, с другой — отчуждение эмира. По этой причине будет очень плохо, если афганцы не смогут сами удержаться в Пенде»³⁹.

Как видно из сказанного выше, ни Гладстон, ни Кимберлей и не помышляли о какой-либо войне за знаменитый в истории туркменский оазис. Новым приступом антирусской истерии они пытались добиться от эмира признания за Англией права иметь представителей в Герате или дислокации английских войск в этом районе и заставить его воевать с Россией за туркменские земли собственными силами, а затем легко прибрать их в копилку Британской Индии.

Основная задача была достигнута — афганский эмир начал готовиться к войне против России. Лемсден в конце марта 1885 г. сообщал из Гюльрана, что афганские орудия выдвинуты на позиции и войска готовы к сражению. Кроме того, он еще раз подтверждал, что капитан Йет занят энергичной вербовкой сарыков на случай столкновения с русскими войсками.

В 20-х числах марта 1885 г. Абдурахман-хан прибыл в Равалпинди для встречи с лордом Дафферинем. Уже при первой встрече стало ясно, что эмир не допустит английские войска в Герат, а целью его поездки, собственно говоря, являлась попытка выманить деньги и новое вооружение под предлогом войны против России. Позже и эмиру стало совершенно очевидно, что Англия не собиралась выполнять какие-либо данные ею обещания. Основная цель англичан — в первую очередь Герат и только потом туркменские земли. В целом же совещание в Равалпинди не принесло никаких существенных изменений в отношениях государств. Единственным достижением этой встречи было укрепленное солидной денежной суммой намерение эмира пойти на конфликт с Россией.

Между тем еще накануне этой встречи Россия пошла на своего рода мирный шаг, желая обеспечить себе поддержку европейского сообщества

---

³⁸ Там же, с. 147.

³⁹ Цит. по: Хидояттов Г.А. Указ. соч., с. 148.

и правящих кругов стран Европы, а также политически изолировать кабинет Гладстона. Этот ход должен был выставить нашу политику в благожелательном свете и одновременно заставить правительство Англии раскрыть свои истинные намерения. 13 марта 1885 г. к известному русскому юристу и дипломату Ф.Ф. Мартенсу, зная о его громадном авторитете в международных правовых вопросах, обратился Исполнительный комитет Международного арбитража и ассоциации мира с просьбой высказать мнение об англо-русском конфликте в Средней Азии. Ф.Ф. Мартенс откликнулся на эту просьбу, и «The Times», учитывая, что мнение этого юриста как беспристрастного исследователя высоко ценится в европейских дипломатических кругах, несмотря на службу в Министерстве иностранных дел России, поместила полный ответ Ф.Ф. Мартенса.

Одной из главных причин конфликта Ф.Ф. Мартенс считал оккупацию афганскими войсками Пенде и русскими Пули-Хатума и Зюльфагара. По его мнению, если бы афганцы не заняли Пенде, пограничная комиссия уже давно начала бы работу и не было бы ни паники, ни взаимных подозрений. Основным виновником конфликта, по мнению Ф.Ф. Мартенса, являлся эмир Абдурахман-хан, который вторгся на территорию, не принадлежавшую ему.

Ф.Ф. Мартенс напоминал, что после окончания англо-афганской войны и подписания Гандамакского договора (1879 г.) британское правительство установило исключительный контроль над Афганистаном и тем самым взяло на себя ответственность за любое ущемление его властями интересов и прав соседних стран. Русское правительство в связи с этим логически пришло к выводу, что нарушения эмиром территориальных прав России и его претензии пройти в глубь туркменских земель были подготовлены афганцами с согласия Лондона. «Находится ли Афганистан под контролем Англии или нет?» — спрашивал Ф.Ф. Мартенс. Если да, то английское правительство должно отвечать за каждый шаг эмира, если же нет, тогда русские имеют право наказать афганцев, а англичане не в праве отказать им в этом. Ф.Ф. Мартенс предупреждал, что Россия и Англия совершат безумие, начав войну. Этот конфликт будет на руку лишь Абдурахман-хану, который, как припоминал Ф.Ф. Мартенс, еще в период пребывания в Ташкенте определенно высказывался о неизбежности столкновения двух держав и о своем намерении сыграть на этом обстоятельстве.

По мнению Ф.Ф. Мартенса, конфликт между Англией и Россией может быть урегулирован в один момент, если афганцы откажутся от оккупации Пенде. В этом случае русские войска были бы незамедлительно выведены с занимаемых ими позиций в оазисе Пенде, и пограничная комиссия могла бы приступить к работе на основе уже согласованных принципов.

Если принять во внимание ту значительную роль эксперта, которую Ф.Ф. Мартенс играл в Министерстве иностранных дел России, то это его заявление можно расценивать как официальное предложение урегулирования назревающего конфликта.

В заключение Ф.Ф. Мартенс писал: «В России сейчас общественность совершенно спокойна по поводу среднеазиатских дел, и никто серьезно не верит, что война с Англией возможна. Я надеюсь, такое же мнение будет доминировать среди английской общественности, так как Англия никогда не начнет войну, не подсчитав прежде, что она может выиграть за все тяжелые жертвы, понесенные в результате вражды с Россией»⁴⁰.

Спокойный тон письма Ф.Ф. Мартенса и его примирительные заявления говорили о склонности русского правительства не доводить дело до конфликта. Предложение Ф.Ф. Мартенса о взаимном выводе войск из оазиса Пенде и продолжении переговоров давали возможность британской дипломатии с честью выйти из создавшегося положения. Это был последний шанс избежать столкновения, и Россия первая протянула ветвь мира.

Однако ответ «The Times» на письмо Ф.Ф. Мартенса, изложенный в редакционной статье, лишил публику всякой надежды на благоприятный исход конфликта. Вновь были выдвинуты малообоснованные утверждения о принадлежности территории к югу от Серакса Афганистану и категорически отвергнуто право России занять Зюльфагар и Пули-Хатум как ответную меру на оккупацию афганцами Пенде. По мнению газеты, Афганистан, захватывая Пенде, укреплял свою территорию, а Россия, оккупировав Зюльфагар и Пули-Хатум, занимала чужую. «The Times» отвергала возможности каких-либо уступок России, считая их необоснованными с точки зрения как права, так и справедливости и неразумными с позиций безопасности, ибо это открывало русским дорогу на Герат.

Письмо Ф.Ф. Мартенса и ответ «The Times» демонстрировали два совершенно разных подхода к решению острой проблемы, сложившейся на северных границах Афганистана. Русское правительство публично предлагало мирный путь и выражало готовность отступить от своих прежних завоеваний. Британское правительство также публично его отвергало, выдвинув абсолютно необоснованные претензии Афганистана на Пенде, от которых, кстати, сам эмир категорически отказался, считая, что лучшей его границей была бы линия, связывавшая Зюльфагар, Гульран и Меручак, то есть значительно южнее, чем было предусмотрено самым смелым вариантом русских военных.

Таким образом, русская сторона была готова продолжать переговоры и указывала на возможность не доводить дело до вооруженного кон-

---

⁴⁰ Цит. по: Хидоятов Г.А. Указ. соч., с. 155.

фликта, английская — упорно считала единственным условием продолжения переговоров признание ее претензий.

Сравнение позиций двух стран, столь отчетливо проявившихся на страницах «The Times», представляло в выгодном свете Россию и гибкость ее политики. Тем самым она добилась большего политического выигрыша и, видимо, именно этим можно объяснить то обстоятельство, что в наиболее острый период англо-русского конфликта общественное мнение Европы оказалось на стороне России.

Ответственность за разжигание конфликта в этой ситуации следует целиком отнести на счет английской стороны.

Можно спорить, кому же было выгодно данное обострение международных отношений, но одно высвечивалось довольно очевидно — в конфликт явно вмешивалась третья сторона. Великобритания, возможно, не вполне осознавала это, однако Пендинский кризис, как показали предыдущие и последующие действия, имел характер спланированного англичанами события.

**ПРАВОСЛАВНОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ НА ВОСТОКЕ:
ОПЫТ ИМПЕРАТОРСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО
ОБЩЕСТВА**

**Православный Восток
и православные историки**

Уже к концу XIX в. русская православная историческая мысль в лице лучших своих представителей пришла к сознанию наибольшей близости и объективной потребности к поиску истины в рамках именно православного исторического знания. Историзм был осмыслен сначала как органическая и неотъемлемая черта культуры христианской, а затем, внутри христианства, как наиболее органичное свойство культуры православной.

«Конфессиональность убеждений, вера в истинность своей Церкви может вовсе не препятствовать историку стремиться к истине, — писал великий русский историк, профессор Петербургской Духовной академии В.В. Болотов. — Кто задается целью быть совершенно объективным, тот становится на точку зрения, для него неестественную, и в сущности быть историком на точке зрения не своего вероисповедания — невозможно. Поэтому историк должен чувствовать себя членом своей Церкви и не должен отступать от церковной точки зрения»¹.

Хотелось бы подчеркнуть актуальность последнего тезиса и для нашего времени. Быть историком «на точке зрения не своего исповедания», а тем более «на точке зрения атеистической», невозможно сегодня, как невозможно было и во времена В.В. Болотова.

---

¹ *Болотов В.В.* Лекции по истории древней Церкви. Том I. СПб., 1907. Цит. по репринтному изданию. М., 1994, с. 32.

Если угодно, речь идет не о чем другом, как о *качественной* специфике русского вклада в историческую науку. И дело не только в том, что есть области исторического знания, в которых русские историки доминируют и должны доминировать, так сказать, по самому предмету: история России, Византии и Православного Востока. Говоря о специфике *русского* вклада, автор имеет в виду прежде всего особенности *русского исторического видения*, безошибочно узнаваемый не только научный, но и философско-методологический и нравственный подход к фактам и проблемам, к какой бы области исторической науки ни обращался российский ученый.

В.В. Болотов умер в 1900 г. А уже двадцать лет спустя другой крупнейший методолог, Л.П. Карсавин, развивает в своей «Философии истории» вполне «большевицкую», в смысле научного максимализма, апологию «православной истории».

«Если для понимания истории не безразлично, изучает ли ее индус, китаец или христианин, если не безразличны особенности исповеданий в пределах самого христианства, не может быть безразлично и то, изучает ли историю протестант, католик или православный: степень полноты и истинности понимания в разных случаях неодинаковы. Никого не удивит, хотя многим еще покажется не убедительным, утверждение, что история *должна быть* религиозною. Но необходимо пойти далее: история *должна быть* православною»². Разумеется, в данных формулировках явственно проступает характер времени — с его «революционным» максимализмом по обе стороны баррикад, но, как и во многих других случаях, духовная ситуация 1920-х гг. явилась лишь «повивальной бабкой» для рождения концепций, давно зачатых русской исторической и философской мыслью.

Итак, говорить о *качественной* определенности русского вклада, более того, *русского православного вклада* в историческую науку не только возможно, но и необходимо. Русский историк не просто имеет право на существование как собственно *русский*, не только способен *больше* вместить и *шире* охватить, но и *глубже* копнуть. Не в смысле археологического заступа — в смысле корневой системы той самой картины мира, о которой мы говорим. Глубина и единственность этой корневой системы обусловлена двумя могущественными факторами — наследием Вселенской Церкви и наследием Православной Империи. Изучение и осмысление русскими учеными истории Православного Востока неотделимо от стремления ответить на все тот же, издревле стоящий перед русской мыслью вопрос о том, *как* в течение уже пяти с половиной столетий в *нас*

---

² Карсавин Л.П. Философия истории. Берлин, 1923. Цит. по второму изданию. СПб., 1993, с. 171.

продолжается Константинополь, *как* в течение тысячи лет живет в нас — в традициях русской духовности, державности и культуры — наследие Библии и Иерусалима, очищенное и переплавленное «в горнах раскаленной Византии», великой православной цивилизации, результатами и плодами которой мы *живем и движемся, и существуем*.

Одной из наглядных форм ее жизни «в нас» является *православное востоковедение*, наука о Православном Востоке — во всем ее богатстве и разнообразии. Не пытаясь в краткой статье охватить все грани преломления и воплощения этой темы в русской исторической науке, отметим несколько важнейших направлений.

О всемирно-исторической ответственности России и русской науки перед Востоком писал в свое время академик Ф.И. Успенский: «По отношению к оставленному Византией наследству мы напрасно стали бы себя обманывать, что в нашей воле уклониться от деятельной роли в ликвидации дел по этому наследству. Хотя вообще от наследника зависит, принимать наследство или отказаться, но роль России в Восточном вопросе завещана историей и не может быть изменена по произволу, если только какое-либо определенное потрясение не даст нам способности забвения, не отшибет память о том, чем мы жили, к чему стремились, от чего страдали»³.

«Определенное потрясение» 1917 г. на несколько десятилетий «отшибло память» о Христианском Востоке и его наследии у отечественных историков. Сегодня память возвращается. Православное востоковедение вновь становится стратегическим направлением русской исторической мысли.

Православное палестинское общество: предыстория и история

Идея общественной организации, специализированной на выполнении задач по поддержанию Православия на Востоке и научному изучению его наследия, высказывалась в России еще в первой половине XIX в.

Если первый период, связанный с именами пионеров русского изучения греческого Востока А.Н. Муравьева и А.С. Норова, можно назвать эпохой ученых-одиночек, предварительного накопления знаний и методик научного постижения, то уже со времени архимандрита Порфирия (Успенского) можно говорить об опыте создания первого научного центра православного востоковедения. Автор имеет в виду Русскую духовную миссию в Иерусалиме, созданную в 1847 г. — по инициативе Порфирия и канцлера Нессельроде, то есть с равным участием государства и Церкви.

---

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 1. М., 1996, с. 41.

Разумеется, — и в этом состоял замысел МИДа — миссия создавалась для других, более широких целей: прежде всего для установления постоянных связей с патриархатами Востока, а также для духовного окормления русских паломников. Но, по обстоятельствам времени и по личным наклонностям начальника миссии и его сотрудников, порфирьевский период стал для Русской духовной миссии временем почти исключительно научных занятий. Члены миссии совершали экспедиции в различные области Палестины, Синая и Египта, исследовали, переводили и готовили к изданию церковно-исторические памятники. Сам Порфирий регулярно направлял в Синод отчеты, представлявшие собой по сути научные трактаты по истории Церкви⁴.

Продолжением ученой деятельности Русской духовной миссии следует считать научно-исследовательскую эпопею, связанную с именем другого ее знаменитого начальника — архимандрита Антонина (Капустина). Достоянный представитель русского ученого монашества, на всех этапах своего служения Антонин много и плодотворно занимался научными изысканиями по церковной археологии, археографии и византистике: библиография его трудов включает более 140 публикаций⁵. При этом все научные его достижения осуществлялись между делом; основные служебные обязанности были связаны с церковной дипломатией, укреплением канонических связей Русской и Иерусалимской церквей, утверждением русского влияния в Святой Земле.

Уже из сказанного ясно, что Русская духовная миссия в Иерусалиме, при всех бесспорных научных достижениях отдельных своих начальников, не была и не могла быть реальным центром русского научного присутствия. Не мог (и не ставил задачи) обеспечить подобное присутствие созданный сразу после Крымской войны Палестинский комитет, занимавшийся созданием паломнической инфраструктуры в Иерусалиме. Так, даже шедшие, как говорится, в руки уникальные раскопки на Русском месте близ храма Гроба Господня должны были четверть века ждать своего часа (1859–1883 гг.).

Ситуация изменилась с созданием Императорского Православного палестинского общества (ИППО, 1882 г.). Это было время, когда в ведущих европейских странах — Германии, Франции и Англии — возникают аналогичные, конфессионально окрашенные (католические и протестантские) и научноориентированные «Палестинские общества».

---

⁴ Лисовой Н.Н. «Сердце, вместившее Восток». К 200-летию со дня рождения епископа Порфирия (Успенского) // Православный паломник. 2004. №4 (17), с. 55–60; №5 (18), с. 42–49; №6 (19), с. 50–57.

⁵ Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891 / Сост., коммент., вступит. статья Р.Б. Бутовой. М., 2010, с. 480–495.

Основатель ИППО В.Н. Хитрово начал с того, что издал в 1876 г. указатель русской литературы по Святой Земле и Православному Востоку, в предисловии к которому говорил о крайне недостаточном развитии русского востоковедения, решительно проигрывающего в сравнении с наукой европейской. «Тоблер, издавая в 1867 г. свою географическую библиографию Палестины, внес в нее с лишком тысячу имен лиц, издавших отдельные сочинения по одной только географии и топографии Палестины. Расширив рамки труда Тоблера, включив в настоящий библиографический указатель еще археологию и отчасти историю, не довольствуясь одними отдельными сочинениями, а прибавив все журнальные статьи по тому же предмету, увеличив свою работу еще исследованиями о Синае, — я едва добрал до 200 наименований»⁶. Между тем, продолжал исследователь, «нигде потребность в знании и описании Палестины не ощущается так сильно, как в России. Из года в год тысячи наших поклонников переплывают моря, искрещивают вдоль и поперек Восток, и одни поддерживают там значение и влияние России»⁷.

Уже вскоре после создания ИППО, осенью 1882 г., Советом общества ставится вопрос о церковно-археологических раскопках на Русском месте — в Старом городе, возле храма Гроба Господня. О настоятельной необходимости раскопок инициатор создания Общества В.Н. Хитрово писал в докладной записке на имя великого князя Сергея Александровича в ноябре 1882 г. Результатом стал рескрипт великого князя на имя министра иностранных дел Н.К. Гирса от 5 ноября 1882 г. «Предполагая на собственные средства поручить произвести с ученой целью раскопки на этом месте, обращаюсь с просьбой в личное мне одолжение разрешить произвести таковые раскопки»⁸ (место, предназначавшееся когда-то под консульские постройки, оставалось в ведении МИДа). Сергей Александрович выделил из своих сумм тысячу рублей золотом и обратился, через своего помощника М.П. Степанова, к архимандриту Антонину (Капустину) с просьбой принять на себя руководство раскопками и контроль за расходом денег. По рекомендации архимандрита Антонина к раскопкам был привлечен знаток иерусалимских древностей археолог и архитектор Конрад Шик.

Кульминацией археологического поиска стало открытие 10 июня 1883 г. Порога Судных врат, через которые Христос шел на Голгофу, — открытие, обессмертившее имя отца Антонина в анналах русской библейской археологии. Были получены также новые данные о местоположе-

⁶ *Хитрово В.Н.* Палестина и Синай. Библиографический указатель русских книг и статей о святых местах Востока. СПб., 1876, с. I.

⁷ Там же, с. II–III.

⁸ Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Сост., вступит. статья, комментарии Н.Н. Лисового. Т. 1. М., 2000, с. 539.

нии и ориентации городских стен Иерусалима евангельского времени и о первоначальной планировке базилики Воскресения, воздвигнутой равноапостольным Константином⁹. Впрочем, результаты раскопок интерпретировались неоднозначно и вызвали оживленную дискуссию в русском палестиноведении.

Это было только начало. Итоги научной востоковедческой деятельности ИППО подведены в целом ряде публикаций: в книге А.А. Дмитриевского «Императорское Православное палестинское общество за первую четверть века своего существования»; в докладной записке председателя Российского палестинского общества (РПО) академика Ф.И. Успенского (октябрь 1921 г.); в докладе заместителя председателя РПО академика И.Ю. Крачковского (1950 г.); в очерке истории ИППО К.Н. Юзбашяна (написан в 1985 г., опубликован в 1999 г.)¹⁰.

Не пытаюсь обобщить содержание всех названных обзорных работ, ограничимся одной итоговой цитатой из докладной записки А.А. Дмитриевского: «Императорское православное палестинское общество чуждо мысли о соперничестве с грандиозными изысканиями и раскопками западноевропейских исследователей, но считает, однако, не лишним напомнить, что деятельность его и в этом направлении заслуживала бы несколько большего к себе внимания и более справедливой оценки. Вот краткий перечень предпринятых Обществом научных экскурсий на Ближний Восток за время его существования:

1. в 1882 году был командирован Обществом на Синай и в Иерусалим проф. А.А. Цагарели для изучения грузинских древностей¹¹;
2. в 1883 году начаты были раскопки в Иерусалиме архим. Антонином и К. Шиком (см. выше);
3. в 1886 году отправлен был доктор А.В. Елисеев для исследования древнего пути в Святую Землю через Кавказ и Малую Азию;

---

⁹ Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. Порог Судных врат: к 125-летию открытия // Православный паломник. 2008. №3, с. 66–71.

¹⁰ Дмитриевский А.А. Императорское православное палестинское общество за первую четверть века своего существования / Вступит. ст. и послесл. Н.Н. Лисового. М.–СПб., 2008; Грушевой А.Г. Императорское [православное] палестинское общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995, с. 155–156; Крачковский И.Ю. Российское палестинское общество и перспективы его работы // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 1997, с. 142–150. Публ. А.О. Тамазишвили; Юзбашян К.Н. Палестинское общество. Страницы истории // Исторический вестник, 2000, №6, с. 102–140; №7–8, с. 132–154.

¹¹ Председатель ИППО великий князь Сергей Александрович предоставил ему из личных средств 1500 руб., столько же, по ходатайству великого князя, выделил из сумм Кавказского Управления главноначальствующий на Кавказе князь Дундуков-Корсаков. Путешествие продолжалось 8 месяцев, с января по сентябрь 1883 г. Результатом исследований стала книга: Цагарели А.А. Памятники грузинской старины в Святой Земле и на Синае. СПб., 1888 (Православный палестинский сборник. Т. IV. Вып. 1).

4. в 1886 году проф. А.А. Олесницкий производил научные исследования места храма Соломона, изложив результаты своей поездки в монументальном труде под заглавием: «Ветхозаветный храм» (СПб., 1899);

5. в том же 1886 году приват-доцент П.В. Безобразов командирован был на острова Архипелага и в Грецию для описания в тамошних книгохранилищах византийских паломничеств в Св. Землю;

6. в 1891 году профессора Н.П. Кондаков, А.А. Олесницкий и Я.И. Смирнов в сотрудничестве других лиц предпринимали научное исследование памятников христианских древностей в Хауране, Аджлуне и в Заиорданье¹². Результатом этой экспедиции являются капитальный труд Н.П. Кондакова: «Сирия и Палестина»¹³, 1000 фотографических снимков с редчайших памятников древности, свыше 50 акварелей и 20 планов;

7. в 1898 году директор Русского археологического института в Константинополе Ф.И. Успенский получил от Общества 5 тыс. рублей на свое научное путешествие в Сирию, Баальбек, Пальмиру, Иерусалим и др. места¹⁴;

8. в том же 1898 году художник Н.К. Клуге был командирован в Мадебу /за Иорданом/ для воспроизведения древней мозаической карты Палестины, в то время только что открытой¹⁵;

9. в 1900 году профессор В.Н. Мышцын посылался в Иерусалим для описания рукописей и музея архимандрита Антонина¹⁶;

10. в 1902 году академик Н.Я. Марр получил пособие от Общества на свое путешествие на Синай для изучения в тамошней библиотеке грузинских рукописей¹⁷.

Помимо этого Общество нередко приходило на помощь своими средствами молодым русским ученым, путешествовавшим с научными

---

¹² Экспедиция 1891–1892 гг. длилась пять месяцев и обошлась ИППО в 14 500 руб. золотом. Подробнее о маршруте и научных результатах см.: *Беляев Л.А.* Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М., 1998, с. 204–207.

¹³ *Кондаков Н.П.* О результатах первой русской научной экспедиции в Святую Землю // Сообщения ИППО. 1892. Вып. 3, с. 144–160; *Он же.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.

¹⁴ Экспедиция во главе с Ф.И. Успенским отправилась в Сирию в 1900 г. См.: *Успенский Ф.И.* Археологические памятники Сирии // ИРАИК. 1901–1902. Т. 7. Вып. 1–2, с. 94–212.

¹⁵ [*Клуге Н.К.*] По развалинам Заиорданья // Сообщения ИППО. 1901. Т. XII. №2, с. 152–216. Акварельное воспроизведение карты, сделанное Н.К. Клуге, наиболее точное для того времени, было приобретено ИППО за 1000 франков (*Дмитриевский А.А.* Извлечение из Исторической записки Императорского православного палестинского общества // Сообщения ИППО. 1907. Вып. 3–4, с. 448.).

¹⁶ Составленные В.Н. Мышцыным описи хранятся в РГИА, в Санкт-Петербурге, в собраниях Святейшего Синода (ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1240).

¹⁷ *Марр Н.Я.* Предварительный отчет о работах на Синае, в сотрудничестве с И.А. Джаваховым, и в Иерусалиме, в поездку 1902 года // Сообщения ИППО. 1903. Т. XIV. Вып. 2, с. 1–51.

целями на Ближний Восток. Такими пособиями пользовались П.А. Сырку, П.В. Безобразов, А.И. Пападопуло-Керамевс, И.И. Соколов, Х.М. Лопарев и др. На все эти экскурсии и командировки затрачено Обществом 38.750 рублей»¹⁸.

Из не указанных в перечне А.А. Дмитриевского археологических исследований отметим еще находки Антонина на принадлежавшем ИППО Гефсиманском участке (при строительстве церкви Марии Магдалины в 1885–1888 гг.¹⁹ и так называемого «дома Великого князя» в 1892 г.)²⁰, а также раскопки на участке в Иерихоне, подаренном Обществу иеромонахом Иоасафом (Плехановым)²¹.

В 1900–1902 гг. по инициативе профессора П.К. Коковцова и секретаря ИППО В.Н. Хитрово при Совете Общества были организованы «Собеседования по научным вопросам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных с ними стран», которые В.В. Бартольд охарактеризует позже как «одну из немногих попыток образования в России общества ориенталистов со специальными научными задачами»²². На первом из собраний, 11 апреля 1900 г., состоялось обсуждение записки П.К. Коковцова «О необходимости русских археологических изысканий в Палестине и о желательности расширения в этих видах деятельности ученого отделения ИППО». Присутствовали крупнейшие востоковеды: С.А. Жебелев, Н.А. Медников, В.Р. Розен, М.И. Ростовцев, Я.И. Смирнов, Б.А. Тураев. Докладчик привлек внимание к недостаточному развитию русского научного, в частности археологического, присутствия на Ближнем Востоке. Подчеркнув «донельзя обидный до русского самолюбия факт» слабого участия представителей русской науки в археологических открытиях в Палестине в конце XIX в., Коковцов ставил вопрос: «Можно ли помириться окончательно с таким положением дел, не отвечающим ни мировому политическому положению России, ни современному прогрессу русской науки во всех областях знания? Можно ли допустить, чтобы наше безучастное отношение к древнему Востоку могло быть всегда ошибочно истолковано иностранцами в смысле полного равнодушия русского образованного общества и русских ученых к научным вопросам несомненной важности? Если “нигде потребность в знании и описании Пале-

---

¹⁸ *Дмитриевский А.А.* Записка в Совет ИППО о научной деятельности Общества // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. М., 2000, с. 353.

¹⁹ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. М., 2000, с. 414, 416.

²⁰ Новые археологические находки близ церкви Марии Магдалины // Сообщения ИППО. 1892. №3, с. 355.

²¹ *Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н.* К истории русских археологических исследований в Иерихоне // Российская археология. 2009. №3, с. 153–161.

²² *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. IX. М., 1977, с. 475.

стины не ощущается так сильно, как в России” (докладчик цитирует слова В.Н. Хитрово из книги «Палестина и Синай». — *Н.Л.*), и если, прибавлю от себя, кроме разве рассеянных потомков древнего Израиля, ни один народ в мире не связан до такой степени неразрывно с древностями Палестины, как русский народ, то нигде, казалось бы, не может и не должна проявляться и более живая деятельность по всестороннему археологическому изучению Палестины, как именно у нас в России»²³. Председательствовавший при обсуждении доклада В.Н. Хитрово высказал надежду, что к 25-летию юбилею ИППО, в 1907 г., можно будет собрать первый научный симпозиум русских археологов-палестиноведов. (С сожалением приходится констатировать, что и сегодня рано еще ставить вопрос об организации в России такого специализированного симпозиума.)

Впрочем, как мы видели, даже предварительный обзор показывает, что отечественные археологи должны по праву входить в когорту ученых, успешно работавших в 1860–1900-х гг. в Святой Земле. Русская наука отдает себе отчет в том, какой прекрасный ресурс для фундаментального исследования оставлен ей в наследство²⁴.

Когда в 1907 г. Общество праздновало свой «серебряный» юбилей (В.Н. Хитрово уже не было в живых), научный потенциал Общества и значение его работы на Ближнем Востоке были справедливо подчеркнуты в приветственном адресе директора Русского археологического института в Константинополе (РАИК) академика Ф.И. Успенского: «Русский археологический институт в Константинополе... вменяет себе в приятный долг, оглядываясь на пройденный Обществом путь, признать его громадные заслуги в деле распространения на Востоке русской культурной миссии». Отметив «срединное место», которое занимал РАИК «между центром, направляющим материальные и нравственные силы Общества, и фактическим театром его деятельности», Ф.И. Успенский, «с чувством живейшей признательности», напоминал «свои неоднократные встречи с Палестинским Обществом на пустынном и скудно возделанном ближневосточном поле»: «Благодаря взаимному доверию и общности научных интересов создавались между обоими учреждениями научные предприятия, которыми достигались немаловажные результаты»²⁵. Эти взаимное доверие и общность интересов привели, уже после революции, к тому,

---

²³ *Ковковцов П.К.* Записка о необходимости русских археологических изысканий в Палестине и о расширении в этих видах деятельности ученого отдела ИППО // Сообщения ИППО. 1901. Т. XII. Вып. 1, с. 360–373.

²⁴ *Мещерская Е.Н., диакон Александр Мусин, Пиотровский М.Б.* Русская археология в Святой Земле. (Некоторые итоги и перспективы) // История древней Церкви в научных традициях XX века. СПб., 2000, с. 14–27; *Беляев Л.А., Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н.* Археологические памятники Русской Палестины // Российская археология. 2009. № 4, с. 46–57.

²⁵ Сообщения ИППО. 1907. Вып. 3–4, с. 497.

что академик Ф.И. Успенский возглавил в 1921 г. Российское палестинское общество при Академии наук.

Православный палестинский сборник (ППС)

Лучшим свидетелем научного потенциала ИППО за все годы его существования является главное научное издание Общества — «Православный палестинский сборник», ровесник самого Палестинского общества. Точнее даже, если можно так выразиться, «старший ровесник»: первый выпуск Сборника был издан создателем и многолетним секретарем ИППО В.Н. Хитрово в 1881 г.²⁶ — за год до официального учреждения Общества, так что не будет преувеличением сказать, что именно Сборник во многом определял и программировал основные направления интересов и деятельности Общества.

В истории Сборника, как и самого Общества, отчетливо выделяются три периода: дореволюционный (1881–1917 гг., вып. 1–63), советский (1954–1990 гг., вып. 1 (64)–30 (93), современный (с 1992 г., вып. 94–104). Все эти годы ППС пользовался огромным заслуженным авторитетом в отечественном и мировом востоковедении. В 104 его выпусках увидели свет множество ценнейших исследований и публикаций²⁷. Прежде всего, это «хождения» в Святую Землю русских, византийских и западноевропейских паломников. Уже второй выпуск ППС включал публикацию так называемого «Бордосского путника 333 года» — древнейшего памятника, содержащего сведения о Святой Земле, увиденной глазами одного из первых христианских паломников. Учитывая, что лишь двумя годами позже состоялось освящение иерусалимского храма Гроба Господня (335 г.), можно оценить научное значение свидетельств современника строительства главного христианского храма. В ряду последующих публикаций следует упомянуть «хождения» Сильвии Аквитанки, или, как теперь ее называют, Эгерии (вып. 20), ирландца Аркульфа (вып. 49), Антонина из Плаценции (вып. 39), а также византийские проскинитарии: митрополита Даниила Ефесского, протонотария Пердики, патриарха Фотия, Иоанна Фоки и других.

Изданные хождения русских паломников — от игумена Даниила (нач. XII в.) до Арсения Суханова (XVII в.) — могли бы составить отдельную полную библиотеку.

---

²⁶ Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле // Православный палестинский сборник. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1881.

²⁷ Указатель трудов Императорского православного палестинского общества. 1881–2007 // Отв. ред. Н.Н. Лисовой. СПб., 2009.

Среди важнейших научных исследований, появившихся в разное время на страницах «Палестинского сборника», достаточно назвать монографии профессора Киевской Духовной академии А.А. Олесницкого «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (вып. 13, 1889 г.) и «Мегалитические памятники Святой Земли» (вып. 41, 1895 г.), профессора Московской Духовной академии Н.Ф. Каптерева «Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XIV до конца XVIII столетия» (вып. 43, 1895 г.), иеромонаха Феодосия Олтаржевского «Палестинское монашество с IV до VI века» (вып. 44, 1896 г.), классическую работу Н.А. Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам» (вып. 50, т. 1–4, 1897–1903 гг.).

Особое место в наследии ППС занимают публикации архивных материалов по истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX вв. (вып. 56, 1901 г.) и Архиепископии Синайской горы (вып. 58, 1908 г.), а также «Сборник палестинской и сирийской агиологии», начатый А.И. Пападопуло-Керамевсом (вып. 57, 1907 г.) и продолженный академиком В.В. Латышевым (вып. 60, 1908 г.; вып. 63, 1917 г.).

Всего в дореволюционный период вышло 63 выпуска ППС. Печатание последнего из них, с выходными данными 1917 г., было прервано революционными событиями и периодом «военного коммунизма» и завершилось в 1919 г. И само издание ППС тоже было прервано более чем на три десятилетия.

Важнейшим источником остается и другой временник Палестинского общества — «Сообщения ИППО», выходившие с 1886 г. до 1917 г., не считая «заблудившегося» XXVI тома, вышедшего в 1926 г.

ИППО — век XX: школа выживания

16 января 1951 г. состоялось первое общее собрание нового состава Российского палестинского общества при АН СССР. И сразу, при обсуждении планов будущей работы, был поставлен вопрос о возобновлении «Палестинского сборника». Первый выпуск возобновленного издания вышел в 1954 г. Ответственным редактором и душой Сборника была выдающийся российский востоковед член-корреспондент АН СССР Н.В. Пигулевская, определявшая общее направление издания и его высокий научный уровень. Ее преемником на посту ответственного редактора стал известный российский востоковед академик Б.Б. Пиотровский. Достоянными продолжателями научно-издательской традиции, заложенной названными учеными, являются в последние годы Е.Н. Мещерская (в петербургских выпусках) и Н.Н. Лисовой (в московских): Сборник выходит поочередно в Москве и Санкт-Петербурге.

В 1992 г. постановлением Президиума Верховного Совета РФ Обществу было возвращено историческое название «Императорское православное палестинское общество». С того года вернул свое прежнее имя и «Православный палестинский сборник».

За прошедшие с того времени годы в Сборнике опубликованы монографии А.Г. Грушевого («Нессанские папирусы» и «Синайские набатейские надписи как исторический источник», вып. 96), Е.К. Пиотровской («Византийские хроники IX в.», вып. 97) и А.Д. Притулы («Христианство и персидская книжность XIII–XVII вв.», вып. 101), труды из научного наследия скончавшегося в Ленинградскую блокаду А.Я. Борисова («Материалы и исследования по истории неоплатонизма на средневековом Востоке», вып. 99), каталог К.Н. Юзбашяна «Армянские рукописи в петербургских собраниях» (вып. 104). Ряд сборников традиционно посвящен трудам конференций: международного симпозиума «Россия и Палестина: культурно-религиозные связи и контакты в прошлом, настоящем и будущем» (вып. 94), 100-летию со дня рождения Н.В. Пигулевой (вып. 98), 100-летию со дня кончины основателя Сборника В.Н. Хитрово (вып. 102), 200-летию со дня рождения А.Н. Муравьева (вып. 103). Среди авторов «Православного палестинского сборника»: член-корреспондент РАН Я.Н. Щапов, доктора исторических наук Л.А. Беляев, О.Ю. Васильева, Н.Н. Лисовой, А.В. Назаренко, доктора филологических наук Г.А. Богатова, Е.М. Верещагин, М.И. Чернышева.

В настоящее время в состав редколлегии Сборника входят: С.В. Степашин (председатель), епископ Егорьевский Марк (Головков), проф. Д.Д. Васильев, В.Н. Ганичев, С.Ю. Житнев, член-корреспондент РАН С.П. Карпов, декан факультета международных отношений Нижегородского университета, академик РАЕН О.А. Колобов, заместитель председателя ИППО д.и.н. Н.Н. Лисовой, ученый секретарь Петербургского отделения ИППО Е.Н. Мещерская, председатель Научного совета РАН «Роль религии в истории» д.и.н. А.В. Назаренко, д.и.н. О.Г. Пересыпкин, член-корреспондент РАН М.Б. Пиотровский, профессор С.-Петербургского университета М.В. Рождественская, директор издательства Московской Патриархии протоиерей Владимир Силовьев, заместитель министра иностранных дел А.В. Салтанов, посол России в Государстве Израиль д.и.н. П.В. Стегний, член Совета ИППО С.В. Фатеев, член-корреспондент РАН Я.Н. Щапов.

Проект Иерусалимского института

Пожалуй, кульминацией востоковедческой эпопеи ИППО следует признать вопрос о создании Русского научного института в Иерусалиме.

Впервые этот вопрос был поставлен в 1903 г. А.А. Дмитриевским, в речи на торжественном заседании Киевского отделения ИППО. «Императорскому православному палестинскому обществу, поставившему свою целью “собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о святых местах Востока”, — говорил будущий секретарь Общества, — весьма благовременно подумать и об открытии в Иерусалиме своего археологического института, чтобы не идти на буксире у научных авторитетов Запада, но вносить и свою русскую лепту в сокровищницу человеческого знания. Стоя мужественно на страже интересов православия и народности в Палестине и Сирии, ввиду натисков со стороны инославных вероисповеданий Запада, Императорскому палестинскому обществу необходимо противопоставить и на поприще научной разработки вопросов библиологии, библейской и церковной археологии, гражданской истории собственные русские ученые силы, недостаток в которых оно едва ли может ощущать. Польза от такого института для русской науки вне всякого сомнения. Тогда охотно и с громадной пользой для успеха дела путешествовали бы сюда ученые профессора, талантливые художники и наши школьники, которым представилась бы тогда полная возможность и на самом деле быть *посреде учителей* (Лк. 2, 46), их послушать и спросить о многом, что волнует их ум и тревожит сердце.

Но открытие русского археологического института в Иерусалиме — пока лишь мечта, и осуществление ее потребует более или менее отдаленного будущего, в настоящее же время весьма желательна и настоятельно необходима в Палестине хорошо устроенная научная библиотека, без которой русским ученым, приезжающим в Палестину для научных разысканий, обходиться нельзя»²⁸.

Уже в разгар Первой мировой войны, в 1914–1915 гг., группа петербургских ученых и чиновников во главе с сенатором Е.П. Ковалевским ставит вопрос о создании — в рамках Академии наук или в рамках ИППО — Комитета палестиноведения в Петрограде и, по окончании войны, Русского археологического института в Иерусалиме (по образцу функционировавшего в 1894–1914 гг. Русского археологического института в Константинополе). Дальнейшее обсуждение этого вопроса в апреле 1915 г. в Совете ИППО привело к проекту академика В.В. Латышева, отстаивавшего идею организации предложенных учреждений в рамках Палестинского общества²⁹.

...Небольшое отступление. В январе 1994 г. руководящих лиц ИППО принимал в Иерусалиме помощник премьер-министра Рабина

²⁸ Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины. М.—СПб, 2010, с. 165–167.

²⁹ Подробнее см.: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006, с. 209–214.

(одновременно военного министра и министра исповеданий) профессор Теодор Липпель, крупнейший знаток археологии Ветхого Завета. Появляя позицию Израиля в отношении современной деятельности ИППО, он сказал примерно следующее (за буквальную точность автор не ручается, за смысл — полностью). В Императорском православном палестинском обществе многих (в том числе официальные инстанции) не устраивает, во-первых, что оно «Императорское», в чем просматриваются якобы имперские амбиции, во-вторых, что оно «Православное», что звучит явно неплюралистично для современных, особенно израильских, установок мышления, в-третьих, что оно «Палестинское» — название, отдающее будто бы чуть ли не симпатией к террористам. Думаю, комментарии излишни. Знаю, что есть и в России люди, думающие более или менее аналогично. Но, оказывается, в предреволюционном Петрограде в академических и университетских кругах уже заявляло о себе подобное отношение к Палестинскому обществу.

Эпизод с обсуждением проекта Русского археологического института в Иерусалиме подводит нас к проблеме, заявленной в начале статьи: какой должна была быть, по замыслу основателей, востоковедческая научная деятельность ИППО и возможно ли вообще «православное востоковедение». Вопрос, очевидно, не праздный, если в самом начале XXI в., как и в начале XX в., он может ставиться и дискутироваться в международных переговорах и научных изданиях.

Но вернемся к дискуссии 1915 г. С любой точки зрения несколько странно выглядит в Петрограде того времени, «при живой» еще православной Российской империи и «при живом» Императорском православном палестинском обществе, сама идея противопоставить ИППО, в составе которого вполне эффективно действовало научно-исследовательское и издательское отделение (во главе которого стоял в то время академик В.В. Латышев), некий «кружок лиц, интересующихся делами Ближнего Востока», намеревающийся, ни много ни мало, создать в Петрограде некий «независимый» Комитет палестиноведения, а затем в Иерусалиме — «правомочное научное учреждение — Русский археологический институт».

Как правильно поняли с самого начала ведущие деятели ИППО, участников «кружка» смущала в первую очередь именно «православная» титулатура Общества. В обоснование стремления обособиться и отделиться от ИППО Е.П. Ковалевский в письме к председателю Московского археологического общества графине П.С. Уваровой представил следующие доводы: «Заботы о паломниках, о святых местах, о просвещении местного арабского православного населения, о народной литературе — умножаются и усложняются. При таких обстоятельствах есть основание думать, что на чисто научные работы Обществу может не хватить времени

и средств. Затем, историко-археологические занятия, конечно, не будут ограничиваться христианской археологией. Большой интерес представляет исследование еврейских, языческих и мусульманских памятников, и титул «Православное общество» будет служить ему (Обществу) некоторым тормозом для работы указанного рода»³⁰.

Несмотря на то, что в предложенном встречном проекте его автор, В.В. Латышев, «старался скомпоновать устав Палестинского общества с уставом Константинопольского археологического института, принимая во внимание и desiderata пресловутого «совещания Ковалевского»», и, говоря непредвзято, оба проекта, Ковалевского и Латышева, выглядят как близнецы-братья, оппоненты ИППО быстро свернули дискуссию. «Оказалось, что и в новой редакции, одобренной Советом ИППО, — писал Е.П. Ковалевский вице-председателю Общества князю А.А. Ширинскому-Шихматову в письме от 27 апреля 1915 г., — проекты эти (Комитета палестиноведения и Института в Иерусалиме. — *Н.Л.*) не вполне соответствуют принятому нами взгляду на научную деятельность предположенных учреждений, и потому собравшиеся (речь идет о не названных ни по числу, ни по именам участниках очередного «совещания» 20 апреля 1915 г. — *Н.Л.*) пришли к выводу, что в некоторых пунктах мы вряд ли можем найти приемлемые формы к соглашению с ИППО»³¹.

Два года спустя, в самый канун Февральской революции, члены «кружка», возглавлявшегося Е.П. Ковалевским, «отдрейфовали» все-таки от Палестинского общества в Императорскую академию наук (ИАН). 4 февраля 1917 г. непреременный секретарь Академии С.Ф. Ольденбург разослал ряду крупнейших петроградских востоковедов и византинистов проект положения о Палестинском комитете в составе ИАН. Наступившая эпоха социальных катаклизмов оставила без последствий этот, как и многие другие, проекты. Основным центром российских исследований по Ближнему Востоку осталось именно Палестинское общество, хотя и растерявшее постепенно титулы «Императорское» (в марте 1917 г.) и даже «Православное» (в 1918 г.), но сохранившее старые кадры и научный потенциал. Более того, в послеоктябрьские годы в Общество пришли и многие из тех востоковедов, кого смущала до революции его «нелиберальная» титулатура.

«Православное востоковедение», которое развивало и на котором настаивало ИППО, непосредственно связано было с историософской, политической и духовной установкой на работу внутри Православной Империи, которая, в свою очередь, рассматривалась как единственный

³⁰ Письмо Е.П. Ковалевского графине П.С. Уваровой. 15 января 1915 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. М., 2000, с. 349–350.

³¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. РИППО, оп. 873/1, д. 602, л. 82–82об.

правопреемственный гарант в поствизантийском пространстве. Наиболее ярко выразил это академик Н.Я. Марр в одном из последних совещаний о будущем Святой Земли, организованных Палестинским обществом и Министерством иностранных дел в январе 1917 г. — в самый канун крушения Империи. «Раз Россия мировая держава, раз она существует не как ego sum, а как именно Мировая Держава, то в Палестине у нас должны быть права», — утверждал он, ставя в самую тесную связь укрепление русского научного присутствия на Ближнем Востоке с общей великодержавной внешней политикой России³².

В горизонте XXI века

Утверждение Н.Я. Марра справедливо и на сегодняшний день. Императорское православное палестинское общество осознает себя сегодня правопреемником не только по отношению к палестинским и иным зарубежным недвижимостям, но прежде и более всего по отношению к научным востоковедческим традициям Общества.

Развитие отечественной науки и культуры, возвращение России подобающего ей места в мировом научном сообществе, решение стоящих перед страной внешнеполитических и гуманитарных задач вновь поставили на повестку дня создание необходимых структур для укрепления русского научного и культурного присутствия в мире, в том числе в Средиземноморском и Ближневосточном регионах.

Система зарубежных научных организаций давно практикуется всеми развитыми странами. Особенно характерно иностранное научное присутствие для таких центров мировой истории и культуры, как Константинополь (Стамбул) и Иерусалим. На этом фоне тот факт, что только наша страна лишена возможности утверждать свое научное, культурное и общественное присутствие за рубежом при помощи аналогичных научно-общественных организаций, катастрофическим образом отражается на престиже русской науки и культурно-политическом имидже России.

20 марта 2008 г. Совет ИППО принял решение о создании Русского исторического института (РИИ) с отделениями в Иерусалиме, Стамбуле, Венеции. 7 июля 2008 г. Русский исторический институт был учрежден Российской академией наук, Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова, Русской православной церковью и Императорским православным палестинским обществом, 19 сентября прошел государственную регистрацию, а 15 октября того же года состоялось первое учредительное заседание правления Института. Возглавил

³² АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1, д. 6, л. 203–204.

правление декан Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, член Совета ИППО С.П. Карпов. Заместителем председателя правления избран директор Института археологии РАН д.и.н. Н.А. Макаров.

По своей структуре, задачам и характеру выполняемых работ Русский исторический институт продолжает традицию Русского археологического института в Константинополе, существовавшего с 1894 г. до 1914 г. и прекрасно зарекомендовавшего себя в истории российской науки и международных научных связей. Накопленный ИППО уникальный опыт работы в области православного востоковедения также заслуживает самого пристального внимания. Ближайшей целью Русского исторического института является создание филиала в Иерусалиме на базе Сергиевского подворья.

Организация представительств РИИ за рубежом призвана обеспечить непосредственный контакт российских ученых-гуманитариев с рукописными, материальными и иными первоисточниками и тем самым преодолеть структурный кризис отечественной науки, зачастую лишенной прямого выхода на базовые источники исследования. С другой стороны, это будет способствовать развитию международных связей и взаимодействий, необходимых не только для эффективного функционирования науки и образования, но и для сохранения государственного престижа и национальной идентичности в современную эпоху глобализации.

ЦЕХОВЫЕ СТРУКТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

К проблеме соотношения «Восток — Запад»

Глобализация мировой экономики представляется неизбежным процессом, следы которого можно обнаружить в отдаленном прошлом. Городская революция неолита¹ (первым установленным городом был палестинский Иерихон, возникший уже в IX тысячелетии до н.э.) привела к дальнейшему разделению труда. Об ориентации некоторых аграрных комплексов на импорт сохранилось достаточно археологических свидетельств уже для V–IV тыс. до н.э. Традиционно советская и российская историческая наука особое внимание уделяла вопросу о становлении общины. Но судьбы современного мира ковались в первую очередь в городах, хотя длительное время они лишь условно могут быть отделены от деревни в функциональном плане.

Археология Древнего Востока и даже античного мира дает немного информации о том, как действовали организации ремесленников. Напрасно историк будет изучать Геродота, Фукидида или Тита Ливия, пытаясь найти цеховые уставы. Но нет сомнений, что средневековые цеха имели аналоги задолго до средневековья. Городские корпорации — не явление исключительно христианского мира. Задолго до Рождества Христова они существовали в Индии и Китае, Греции и Италии². Лишь упадком городов в «темные века» после падения Рима можно объяснить то, что цеховые структуры появляются в Европе после XII в.³

Изучаемый объект (цеха) неизбежно должен был оставить исторический след в потоке документов, в личной переписке. Горожане всегда

---

¹ *Мерперт Н.Я.* Очерки археологии библейских стран. М., 2000, с. 52–83.

² *Epstein S.* Wage Labor & Guilds in Medieval Europe. The University of North Carolina Press, 1991, с. 7–14

³ *Dark Age Europe: A regressive Economy // Seminars in medieval economic and social history.* Budapest, 1996, с. 35–40.

тяготели к вхождению в организации, которые могли бы эффективно защищать их права. В ряде случаев для христианской Европы налицо совпадение цеховой организации и прихода. Если цехам удавалось договориться между собой, то они в течение подчас длительного времени контролировали власть в городе. Такие города мастеров появлялись в Германии и, особенно, в Италии. Борьба ремесленников за свои права бывала настолько успешной, что благородное сословие полностью вытеснялось на обочину исторического процесса. Так, в Тоскане было разрушено большинство замков, которые могли бы стать базой для нападения на городские общины. Противостояние благородным и «жирному люду» способствовало укреплению связей между цехами. Вслед за античной демократией появлялась демократия средневековая.

Специализация цехов (или ремесленных братств, как нередко назывались они в средневековой Европе) зависела от возможностей экспорта и внутреннего состояния рынка с тенденцией к нарастанию. Скажем, в ряде городов наряду с сапожниками существовали мастера по починке обуви, причем функции этих профессионалов строго разграничивались. В то же время при благоприятных обстоятельствах могли возникать цеха, присваивающие себе банковские и торговые функции. Буржуа выходят на первый план в европейской истории XVI–XVII вв.

Важнейшим вопросом, подлежащим изучению, является ситуация в этот период. Причины, по которым переход к капитализму оказался возможным на отдельно взятом полуострове (каким считали Европу в античности), но не произошел ни на Дальнем Востоке, ни на Индостане, ни в Малой Азии, имеют огромное значение. Представляется, что дело здесь не только в экономических аспектах проблемы, но также в том, каким именно образом складывалось сотрудничество городской администрации и властей европейских государств, а также в значительной степени в тех завоеваниях, которые происходили в Азии того времени.

Период с XIII в. был временем, когда европейцам впервые удалось поставить достаточный заслон против кочевников. Как справедливо писал Ф. Энгельс, «каждый раз, когда завоевателем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому “хозяйственному положению” завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания: он ассимилируется покоренным народом и большей частью вынужден усваивать даже его язык»⁴. На практике даже поздняя ассимиляция может происходить с огромным запозданием.

---

⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 188–189.

Можно ли объяснить экономическое отставание азиатских стран серией завоеваний со стороны кочевников? Такая возможность присутствует в случае ханьцев. В 1215 г. монголы взяли Пекин, затем разгромили сравнительно культурное государство тангутов. Весь XIII в. прошел в войнах монголов с другими китайскими государствами, пока в 1279 г. не было уничтожено Южное Сун, несмотря на его длительный коллаборационизм. Население Китая сократилось со 100 до 60 млн. человек (за 60 лет), причем города пострадали больше деревень, поскольку удар монголы наносили именно по ним. Только благодаря крестьянским вождям Хань Линьеру и Чжу Юаньчжаню удалось избавить Китай от монгольских поработителей. Династия Мин (Просветленная) создала благоприятный режим для развития национальной экономики. Но исключительной важности реформы были пресечены захватившей власть в Китае кликой евнухов, которые «умело парализовали усилия прогрессивных политиков-сановников»⁵. В XVI в. евнухи не только расхитили национальный земельный фонд, но и «вводили особые виды обложения, грабили купцов... что привело к свертыванию работы мануфактур, мастерских и шахт»⁶. Крестьянские войны, вызванные затянувшимся кризисом, плавно перешли в маньчжурскую кампанию и способствовали установлению власти династии Цин, которая стала непреодолимой преградой на пути прогресса. При этом продолжался рост населения (250 млн. уже в XVII в.), но промышленной революции не последовало. В таких условиях превращение Китая в объект экспансии европейских держав был неизбежен.

Наступление кочевых народов стало препятствием поступательному развитию цеховой системы, которое потенциально могло привести к промышленному перевороту. Но, как известно, если монголам удалось захватить Дальний Восток и продвинуться в Европе до Далмации, то на восточном направлении однажды они были остановлены камикадзе (божественным ветром), уничтожившим флот династии Юань. Япония была спасена, но насколько удачно удалось использовать выигранное время для перестройки национальной промышленности после XIII в.? В ходе гражданской войны в 1467 г. столица Киото «стремительно обращалась в тлеющие руины»⁷. Спустя 10 лет войска Масахино Оути довершили уничтожение города. «В начале XVI века императора Го-Цутимикадо не сумели даже нормально похоронить... Государь Го-Нара жил не во дворце, а в хижине, принцы играли в пыли у дверей»⁸. Во времена Тоетоми Хидэеси накал гражданских войн сдерживал позитивные перемены в промышленности.

---

⁵ *Непомнин О.Е.* История Китая. Эпоха Цин. М., 2005, с. 18.

⁶ Там же, с. 22.

⁷ *Дейноров Э.* История Японии. М., 2008, с. 398–399.

⁸ Там же, с. 412.

Попытки христианизации Японии способствовали тому, что при сёгунах Токугава была окончательно сделана ставка на изоляцию. В стране, где вся власть принадлежала самураям, не могло произойти успешного становления буржуазного сословия. Оставалось ожидать революции Мэйдзи.

Совершенно иначе складывалась ситуация в Византии. На основании «Книги эпарха» можно судить о том, что в Константинополе уже в X в. существовали корпорации ремесленников, которые выступали предшественниками западноевропейских цехов. В них использовался труд наемных работников и рабов, что, на наш взгляд, является принципиальным показателем римского наследия, но не свидетельствует о том, что византийские цеха уступали германским или итальянским. В Константинополе проживали мясники, булочники, нотариусы, кожевники и другие мастера, объединенные в цеховые организации. Государство стремилось извлечь максимальную прибыль из деятельности цехов. Однако погром Константинополя 1204 г. в ходе Четвертого крестового похода привел к катастрофическим последствиям. Наступил длительный кризис, далеко не изжитый и с установлением режима Палеологов в 1261 г. Византия не смогла обрести достаточной устойчивости и в мае 1453 г. погибла после длительной осады столицы Мехмедом Фатихом.

Возникает вопрос: следует ли расценивать гибель византийского государства как свидетельство исчезновения цеховой системы, чей возраст составлял несколько веков, или же она, постепенно изменяясь, тем не менее, продолжала существовать? Равнозначны ли османские эснафы византийским коллегиям? Проблему можно поставить значительно шире. Если рассматривать цеха в достаточно широком смысле, то это организации профессионалов, профессиональные союзы. В России цеха были закрыты официально в 1900 г. в связи с развитием индустрии. Сложнее определить время возникновения такой системы (в России их организовал Петр Великий)⁹. В Египте они существовали уже при греческой династии Птолемеев и назывались «κοινων». Значило ли исламское завоевание катастрофу для таких коллегий? Есть все основания в этом сомневаться. То, что нам известно про успехи арабского мира при Омейядах и Аббасидах, свидетельствует о другом. Этот мир был преуспевающим экономически, и спады были связаны с иноземными нашествиями, пока последнее из них в XIX в. не разрушило систему товарооборота многих восточных стран. Нашествие не носило характер военной экспансии. Приток импортных привлекательных товаров обрек Турцию, Китай, Японию, Иран на роль послушных учеников (на определенный срок).

---

⁹ Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого. Спб., 1905.

Корни европейского преимущества уходят в две революции, носившие тотальный характер. Комплекс сложнейших событий, включивший на первой стадии Великие географические открытия, движение за реформу церкви и становление того, что было названо Максом Вебером протестантской этикой, расцвет кредитования, а на второй — промышленную революцию, создание научных центров нового типа и расцвет рационального сознания, вывели Европу за пределы действия фактора цикличности. Остальной мир оставался на кругах своих. Впрочем, можно предположить, что исламский мир тоже со временем вышел бы на качественно новый уровень прогресса, а прогресс Китая можно увидеть не только в многочисленных изобретениях, но и в неуклонном возрастании численности населения. Следует признать, что цеховые организации носили исторический характер и имели всемирное распространение. В индустриальном и постиндустриальном обществах их наследие было переработано и перенесено на качественно новый уровень. Средневековые западноевропейские цеха, безусловно, были наиболее ярким проявлением этого института, но остается прояснить вопрос о том, способствовали ли они индустриализации и стали ли ступенью на пути к промышленному перевороту.

Впрочем, не обманываем ли мы себя? Монгольское завоевание, гражданские войны, насилия благородного сословия и примкнувших к нему самураев имели место в истории Азии, но были ли действительно благоприятными условия, в которых функционировала европейская промышленность? Франция и Англия вели в XIV–XV вв. Столетнюю войну, только к концу XV в. Арагон и Кастилия, объединившись, завершили формирование нового испанского геополитического пространства, огромная империя Карла V Габсбурга с великим трудом сдерживала поток воинов Сулеймана Кануни, а часть испанских ресурсов на первых порах уходила на организацию Конквисты. И разве можно счесть благоприятным фактором трагический раздел Европы между лютеранами и римо-католиками? Когда же произошел великий перелом в надеждах европейцев на организацию нового обретенного пространства иным, научным и индустриальным путем?

Томас Мор в «Утопии» констатирует необходимость рабов в своем тоталитарном обществе¹⁰ во времена Генриха VIII, но пройдет менее 100 лет, и в начале XVII в. Френсис Бекон в «Новой Атлантиде» уже не сомневается, что процветание его общества основано на научных достижениях¹¹.

¹⁰ *Томас Мор. Утопия. Первая книга.*

¹¹ *Френсис Бэкон. Новая Атлантида.* «Есть у нас дома механики, где изготовляются машины и приборы для всех видов движения. Там получаем мы более быстрое движение, чем, например, полет мушкетной пули или что-либо другое, известное вам; а также учимся получать движение с большей легкостью и с меньшей затратой энергии, усиливая его при помощи

В алхимических башнях его острова создается новая наука. Спустя еще 70 лет «Королевская академия наук» Карла II Стюарта предпримет грандиозный рывок, который откроет перед человечеством новые возможности и... попутно приведет к отмиранию цеховой системы как устаревшей.

Комплекс причин, приведших к изменению европейской истории и переходу ее на качественно иной уровень, был исследован в марксистской исторической науке и продолжает оставаться объектом исследования. Важно определить, какие особенности цеховой системы предопределили ее падение, было ли оно неизбежным, как проходила конкуренция между цехами и индустрией нового типа. Особое значение имеет здесь вопрос об отношениях между королевской или императорской властью и цехами или промышленниками. Долгое время в науке господствовало представление о цехах как элементе отсталого средневекового общества, который не может быть вписан в новую экономическую реальность. Уже факт существования цехов в Российской империи до 1900 г. входит в противоречие с такими представлениями.

Для понимания эволюции данного общественно-экономического института необходим в первую очередь анализ деятельности итальянских цехов, способствовавших становлению индустрии на Апеннинах, английских ремесленных гильдий и их взаимодействия с новым поколением мануфактур, балканских братств и цехов, которые в зонах османского влияния вынужденно эволюционировали в эснафы.

Проводимая мной работа стала возможна исключительно благодаря многолетней помощи моего учителя и наставника профессора Виталия Ивановича Шеремета, которому хотелось бы посвятить мои дальнейшие труды и которого хотелось бы сердечно поздравить с юбилеем.

колес и других способов, — и получать его более мощным, чем это умеете вы, даже с помощью самых больших ваших пушек и василисков. Мы производим артиллерийские орудия и всевозможные военные машины; новые сорта пороха; греческий огонь, горящий в воде и неугасимый; а также фейерверки всех видов, как для развлечения, так и для других целей. Мы подражаем также полету птиц и знаем несколько принципов полета».

Л.И. Медведко

ТОМЛЕНИЕ ДУХА И УТОМЛЕНИЕ ВОЙНОЙ

*Старая баллада о «Востоке — Западе»
на новый лад*

Не верится, что Виталий Иванович Шеремет вступил в возраст юбиляра, «молодого аксакала», которому исполнилось то ли *уже*, то ли *еще* 70 лет. За годы своей трудовой — научной, педагогической, общественной деятельности, на поприще литературном он успел сделать столько, что ему могли бы позавидовать многие маститые ученые. В дружеском общении я его поэтому, полушутя, называю «Шанлы Шеремет». В это приветствие вкладывается одновременно и прямой смысл («шанлы» в переводе с турецкого — «славный»), и человека недосягаемого. Шеремет-паша являет собой одного из тех непобежденных, кому он посвятил свое историко-литературное эссе «Непобежденные», подготовленное им к 150-летию Крымской войны.

В.И. Шеремет является не только автором многочисленных научных трудов, но и вызвавших большой интерес у публики исторических романов «Императрица в парандже», «Прекраснейшая» и «Тень за тронном»¹. С 1998 г. он возглавляет научный журнал «Восточный архив» и одновременно руководит секцией межкультурных отношений РАЕН, где под его началом я тоже тружусь в последние годы. Так что я не мог не принять участия в сборнике, посвященном юбилею этого человека, и подготовил предлагаемую ниже статью.

* * *

Начавшаяся после 11 сентября 2001 г. «глобальная антитеррористическая война» длится уже дольше Второй мировой. Эта объявленная Вашингтоном война обозначается английской аббревиатурой GATW (Great Antiterrorist War) и стала то ли «Третьей мировой», то ли «Первой

---

¹ Написаны в соавторстве с супругой, Людмилой Владимировной Зелениной.

глобальной». Она воспринимается как «война четвертой генерации», как промежуточное звено между войнами «низкой», «средней» и «высокой интенсивности». Что же касается противника, «международного терроризма», то он отождествлялся американскими неоконсерваторами с неким «миром Зла», который противостоит «миру Добра», олицетворяемому Соединенными Штатами². «Мир Зла» выступает на этот раз в лице мусульманского мира. Так якобы находит проявление и подтверждение правильность прогноза С. Хантингтона о «новом мировом порядке» после грядущего «столкновения цивилизаций». Оно прогнозировалось, вероятнее всего, между исламом, с одной стороны, и «иудейско-христианским» или «православно-славянским» мирами — с другой³.

Судя по сложившейся ситуации на всем «Большом Ближнем Востоке», в расширенных еще в середине 1990-х гг. американскими «военными географами» Г. Кемпом и Р. Харкаби границах от Атлантики до Гиндукуша⁴, начало конца этой «межцивилизационной мировой войны» все еще не просматривается. Не вырисовываются и черты вожделенного «нового миропорядка» американского глобализма. Втягивание США и их союзников в глобальное противостояние с мусульманским миром, стремление его «демократизировать» по западной модели приводят лишь к росту антиамериканизма в мире ислама. Это, скорее всего, заставляет Вашингтон по-иному оценивать глобальную войну «террор — антитеррор», по-своему трактуя устаревший взгляд Редьярда Киплинга на противостояние Запада Востоку. Известно, что в своей часто цитируемой «Балладе о Востоке и Западе» он не столько предрекал, сколько констатировал, что они «с места не сойдут»⁵. Эти слова к тому же чаще всего неточно переводились, будто им «никогда не сойтись». В современном глобальном мире Восток и Запад уже «сдвинулись с места» не столько в противостоянии, но и если не во встречном сближении, то в «начинающемся диалоге культур».

Но стали ли они уже ближе или продолжают отдаляться друг от друга, пока неясно. Как писал незадолго до своей смерти известный американский востоковед Эдвард Саид, эту пропасть рыли с двух сторон. С одной — западноевропейский расизм, колониализм со своим почти тотальным «этноцентризмом», с другой — мусульманский радикализм почти с таким же «тотальным исламоцентризмом» в этнических, расо-

---

² *Lourent E.* Le Monde Secret du Buch. Paris, 2003, с. 20.

³ *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. Foreign Affairs, No. 4, 1996, с. 50.

⁴ *Kemp G., Harkabi R.* Strategic Geography and Changing Middle East. W., 1997, с. 13.

⁵ *Киплинг Р.* Баллада о Востоке и Западе. Ленинград, 1980, с. 460; Взаимодействие литератур и культур Востока и Запада. М., 1992, с. 107.

вых, религиозных, цивилизационных и социальных категориях⁶. Все это и поныне находит проявление как на государственном, так и на уровне ТНК, различных криминально-сетевых организаций на Западе и на Востоке. Отсюда по-другому выглядят содержание, формы и сам глобализм и глобализация, равно как и перспективы «Глобальной антитеррористической войны» и так называемого «антиглобалистского движения».

Глобализация положила конец прежнему колониальному и постколониальному Востоку. Но она же изменяет и смысл единого понятия «Запад» в так называемой «эпохе post-modern», которую ныне уже отождествляют с «ранним Средневековьем». Можно согласиться с французским философом Жаком Сапира, считающим, что оба эти понятия являются «мифическими конструкциями», порожденными «холодной войной». Такая мифическая конструкция могла бы «завершиться и разрушиться» к концу века, пишет он, но после прекращения «холодной войны» трагические обстоятельства сделали такое завершение невозможным или, по крайней мере, преждевременным⁷. «Геном» терроризма в новой парадигме «Восток — Запад» после пережитого ими общего «шока» от нового «вавилонского столпотворения» в Междуречье, а до этого — по обоим берегам Иордана, предстоит разгадывать не только востоковедам и конфликтологам, но также и всем другим специалистам, в том числе естественникам и математикам на междисциплинарной основе.

В условиях борьбы с международным терроризмом девиз «Единство в многообразии» так же перестает срабатывать, как и лозунги «Свобода, равенство и братство» или «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Так что в Брюсселе явно поспешили выпускать монеты со словами «Единство в многообразии» как одного из образцов единой мировой валюты.

Сложившаяся ныне патовая «пост-шоковая» ситуация в борьбе с международным террором проявляется не только на «геополитической шахматной доске», но и в геочивилизационной расстановке сил на «Глобальных Балканах», как это раньше представлялось З. Бжезинскому. За международным терроризмом не стоят ни идеи всемирного мессианства, связанного с установлением мирового гегемонизма единственной «сверхдержавой», ни «столкновение цивилизаций» по С. Хантингтону. Международный терроризм сегодня — лишь одно из проявлений особого рода «гибридного» глобализма, при котором превалируют глобальные интересы производителей и торговцев наркотиками, оружием, их стремление к установлению контроля за потоками того и другого, плюс попытка взять под контроль этих сил энергетические ресурсы⁸. Тем самым «тер-

⁶ Васильев А. Девятая симфония Эдварда Саида // Азия и Африка сегодня, 2004, №2.

⁷ Восток (Oriens), 2004, №3, с. 114.

⁸ Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. М., 2003, с. 16–17.

роп — антитеррор» борются не за чье-то конкретное счастье, а за «безнаказанность силы» в «мире Зла», выдаваемом обеими сторонами за «царство Добра».

В данном случае речь идет не о возрождении гегемонистских устремлений «сверхдержав», не столько о государственном или межгосударственном уровнях, сколько о сфере глобальных интересов криминальных сетей, групп и группировок, тесно переплетающихся с ТНК, стоящими за ними государственными структурами и секретными службами. Усматривавшаяся академиком Н.И. Моисеевым опасность «возврата к эпохе раннего Средневековья» проявляется в том, что «черные стороны весьма неоднозначного процесса глобализации» стремятся ныне «освятить» свою несвященную войну религиозными лозунгами «иудейско-христианского неоконсерватизма», радикального исламизма или всякого рода сектантства.

Такие войны, вне зависимости от того, завершаются ли они «триумфальным разгромом» врага или «триумфальными поражениями» победителей, становятся в конечном итоге для тех и других войнами без побед. При наслаивании одного кризиса на другой происходит на «глобальных Балканах» лишь затягивание старых и завязывание новых узловых конфликтов. Все это подводит к выводу, что любые виды терроризма и антитерроризма, очень точно, по-моему, совокупно названные «антитеррористическим террором» (какие бы функции он не осуществлял — «возмездные», «освободительные», «оккупационные», «миротворческие»), заводят ситуацию в тупик, будь то в палестино-израильском и афганском «болоте», в иракском или ближневосточном урегулировании в целом.

Вместе с тем курс «имперского глобализма» тормозит сам процесс глобализации. В продвижении этого процесса заинтересованы не только «Глобальная Америка» с «золотым миллиардом», но вместе с нею и Евро-союзом также и страны БРИК с их трехмиллиардным населением. Так называемый «постхолодный мир» только начал формироваться как переход от «Великой революционной эпохи» прошлого столетия к «Великому эволюционному кризису». Русский философ Александр Зиновьев начало его связывал с окончанием Второй мировой и «холодной» войн. Но такая увязка, обоснованная в геополитических (линейных) измерениях, нуждается в корректировке при другом обозначении координат в геоцивилизационном пространстве. В нем складывается сложный комплекс отношений разных «мир-систем», называемых американским социологом Иммануилом Валлерстайном «мир-экономики», «мир-политики», «мир-культуры», «мир-религии», «мир-экологии». К ним теперь прибавляется и все громче заявляет о себе «мир-терроризма». Он начал проявлять себя еще до 11 сентября 2001 г. в нелинейном многосистемном макромире. Каждый из этих

«мир-систем» отличается своим циклическим ритмом, со своими подъемами и упадками. По их истечении наступали и, очевидно, будут еще наступать моменты, когда противоречия между претендентами на гегемонию настолько обостряются, что они начинают вести себя со «все большими и большими колебаниями». Выражаясь языком новой науки синергетики (занимающейся изучением процессов, связанных с «динамизацией хаоса» в сложных системах), они делают невозможным «управление» «хаосом», приводят к неуправляемой «динамизации хаоса». В «футуросинергетике» и «социосинергетике» она рассматривается как чередование «бифуркаций» (раздвоений), чьи формы по своей сути непредсказуемы, хотя из них и может возникнуть «новый системный порядок»⁹.

Нынешний системный хаос как бы зацикливается, не выходя на режим самоорганизации. Вместе с определенными «мир-системами» переживает свой кризис и методология подхода к изучению, а следовательно, и к выходу из глобального кризиса в нелинейном пространстве.

Если цивилизации рассматривать как «совокупность культурных сообществ», то войны и конфликты происходили и происходят как внутри них, так и между ними. И произошло это, как правило, тогда, когда срывался диалог культур. К такому выводу еще в 2004 г. пришли участники проходившей на Иссык-Куле Международной конференции ЮНЕСКО «Евразия в XXI веке: диалог культур или конфликт цивилизаций?» Незадолго до этого к такому же заключению пришли и участники научной конференции, организованной ИМЭМО, Институтом востоковедения РАН и ИСАА МГУ, которая проходила под девизом: «Геном Востока: опыты и междисциплинарные возможности» (12–14 апреля 2004 г.). Там отмечалась бесперспективность поиска причин радикального исламизма и международного терроризма, отталкиваясь только от материальных и экономических факторов, либо от противоположного, чисто духовного полюса в сфере религии. Бесперспективно искать также и объяснение терроризма в раскрытии некоего «генома» Востока — Запада.

Мировые войны, конечно, разрушали вместе с Европой и Азию. Ответственность же за эти разрушения несли скорее всего определенные нации, образующие западную цивилизацию, к которой, несомненно, относятся и США¹⁰. Корни и глубинные причины этого феномена надо, очевидно, искать в нераскрытом пока «геноме» самого феномена «террора — антитеррора», используя открывающиеся перед наукой новые междисциплинарные возможности, включая последние достижения кон-

---

⁹ Валлерстайн И. Дилеммы XXI века и особенности переходной эпохи // Дилеммы глобализации. М., 2002, с. 66–67.

¹⁰ Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000, с. 357–359.

фликтологов, психологов, физиков и математиков. Раскрытие и расшифровка такого «генома» потребуют, очевидно, немало времени.

Сложившаяся в мире с началом глобального экономического кризиса ситуация выявляет признаки ха́бса, того особого вида ха́оса, который в русском языке называют еще и «разрухой в головах». Он ведет к раздвоению не только в «мир-политике» и «мир-экономике», но и в «мир-культуре» и «мир-цивилизации». Это проявляется также и в традиционном противопоставлении цивилизаций в дихотомии Восток — Запад. В этом русле со многими ответвлениями (по схожим законам «динамизации хаоса») ведут поиски выхода из кризиса и участники сражения «террор — антитеррор», и мировое антиглобалистское движение.

Несмотря на все напоминания крупных исследователей и государственных деятелей об учении В.И. Вернадского о Ноосфере, на котором должна базироваться концепция «устойчивого развития», оно не находит пока места ни в документах ООН, ни в резолюциях многих международных конгрессов и форумов. Прежде всего, речь идет о введении в понятийный аппарат и правовой оборот таких составляющих, как **Человек, Общество и Природа** в их биологическом, социальном и космическом измерениях. Эти определения, введенные в правовое поле, могли бы снять множество противоречий, накопившихся в последние годы как в международных, так и в национальных законодательных актах.

СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1820–1830-х гг.

В 20-х гг. XIX в. Россия активизировала попытки расширения своего влияния в Центральной Азии, что было вызвано военно-стратегическими и экономическими потребностями. Это привело к пересечению ее интересов в данном регионе мира с интересами Великобритании — главного партнера и союзника России со времени победы над Наполеоном I. Сложилась необычная внешнеполитическая ситуация. Две страны были союзниками на Западе и соперниками на Востоке. В этой связи возникают вопросы, на которые мы попытаемся дать ответ в публикуемой статье. Чем руководствовались правящие круги России и Великобритании при определении их азиатской политики? Действительно ли российские власти разрабатывали планы нападения на Индию или другие владения Британии на Востоке? Как сторонам удалось избежать большой войны, вызванной растущим соперничеством в Центральной Азии?

После провала попытки завязать морскую торговлю с китайским портом Кантон (Гуанчжоу), предпринятой И.Ф. Крузенштерном (1770–1846) во время кругосветного путешествия 1803–1806 гг.¹, высшие сановники империи (министр коммерции граф Н.П. Румянцев, министр финансов граф Д.А. Гурьев, член Государственного совета адмирал Н.С. Мордвинов и др.) вынашивали различные планы создания одного из очагов российского влияния в Тибете² — ключевом районе, контроли-

¹ Об этом см.: Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005, с. 78–100.

² Речь идет о Малом Тибете (Ладаке), «лежащем на пути из Средней Азии в Кашмир. Собственно Тибет или Большой Тибет — владения Далай-лам и Панчен-лам — стал недоступен для России (впрочем, как и для других стран Запада) в конце XVIII века, после того, как его правители наглухо закрыли двери Снежной страны для чужестранцев-«пилинов», прежде всего европейцев». См.: Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и пост-

рующем торговлю с Индией, Китаем и Юго-Восточной Азией³. Подобные планы разрабатывались в рамках реализации проектов Александра I по экономическому освоению тех территорий, куда еще не проникли британцы. То, что император не собирался подрывать позиции Великобритании в Азии, доказывают документы посольств барона Г.А. Строганова (1770–1857) и генерала от инфантерии А.П. Ермолова (1772–1861), отправлявшихся в 1816 г. соответственно в Турцию и Персию.

Хотя в данных им перед отъездом инструкциях⁴ Англия и была названа главным противником России в отношениях с этими странами, Александр I и близкий к нему в это время один из статс-секретарей по иностранным делам граф И.А. Каподистрия (1776–1831) придерживались твердой позиции: поскольку «Россия, как и все европейские государства, нуждается в спокойствии», следует «тщательно устранять всякую возможность или повод к войне, даже если бы она основывалась на самых неоспоримых правах»⁵. В это время, по словам российского историка А.Н. Шапкиной, «ни петербургский, ни лондонский кабинеты не стремились довести взаимные противоречия до открытого столкновения. Русская и английская дипломатия искали пути компромиссных решений спорных вопросов»⁶. Такова была установка, исходившая от самого императора. «Меня не занимают замыслы, чтобы посредством Персии потрясти власть англичан в Индии и, следовательно, я неоспоримое имею право стараться всеми мерами, дабы остановить действие такой системы, которая со временем легко обратиться может к той цели, чтобы вредить моим владениям за Кавказом»⁷, — говорилось, например, в инструкции Ермолову.

В инструкциях можно найти и указание на то, что все спорные вопросы с Турцией и Персией российское правительство собиралось

советской России. СПб., 2006, с. 53.

³ Об этом подробнее см.: *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум. Российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М., 2000, с. 36–39.

⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX вв. (далее — ВПР). Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 2. 1815–1830 гг. Т. I (IX). М., 1974, с. 172–176, №55. Инструкция МИД Строганову от 20 мая / 1 июня 1816 г. (рус. пер.); с. 210–212, №65. Рескрипт Александра I Строганову от 30 июня / 12 июля 1816 г. (рус. пер.); с. 223, №70. Дополнительные инструкции Строганову от 10/22 июля 1816 г. (рус. пер.). Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского. Т. VI. Ч. II. Изд. под ред. пред. комиссии д.с.с. Ад. Берже. Тифлис, 1875, с. 122–127, №267. Высочайшая инструкция Александра I Ермолову от 29 июля 1816 г. (далее — АКАК).

⁵ ВПР. Серия 2. Т. I (IX), с. 174–175.

⁶ *Шапкина А.Н.* Русско-английские отношения в первые годы «венской системы» (до Ахенского конгресса 1818 г.) в оценке российских дипломатов // Внешняя политика России и общественное мнение. М., 1988, с. 73.

⁷ АКАК. Т. VI. Ч. II, с. 125. На эту принципиальную установку обращает внимание и Сопленков. Указ. соч., с. 37.

решать путем переговоров. Это подтверждает идею о желании Александра I включить пограничные с христианским миром азиатские страны в европейскую систему коллективной безопасности⁸. По мнению английского историка А. Байтиса, стратегия России в отношении Турции заключалась в стремлении проводить политику «слабого соседа» («weak neighbour» policy). С ее помощью Россия намеревалась заменить прежние схемы территориальной экспансии системой политического контроля через комплекс договоров и вмешательства во внутренние дела Порты⁹.

Итак, российские власти стали проявлять внимание к пока еще свободному от британского влияния Тибету (Ладаку). В начале 1820 г. Гурьев отправил чиновника департамента мануфактур своего министерства надворного советника М. Рафаилова (Рафайлова) «с особыми поручениями в Тибетское владение». Как доносил начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса генерал-майор барон К.Ф. (К.Г.) Клодт фон Юргенсбург (1765–1822) начальнику Главного штаба Е.И.В. князю П.М. Волконскому (1776–1852), Рафаилов «отправился из крепости Семипалатинской 3-го числа минувшего апреля за границу с объявленными тамошней таможене товарами и в сопровождении назначенного мною отряда, состоящего из ста человек строевых казаков (вместе с урядниками) здешнего линейного войска в полном вооружении, с запасным провиантом в сухарях на три месяца, под командою хорунжего Мокина»¹⁰. Мокин благополучно доставил Рафаилова до пункта назначения («заграничное место, называемое Бадельдован») и привел отряд в Семипалатинск 13 сентября (путь занял больше, чем три месяца, но, вероятно, предполагалось, что провиантом на обратную дорогу они запасутся в Бадельдоване), потеряв только одного казака, умершего от болезни¹¹.

Когда сообщение о благополучном окончании этой экспедиции пришло в Петербург, Александр I был на конгрессе в Троппау. Сопровождавший его директор канцелярии начальника Главного штаба генерал-адъютант князь А.С. Меншиков (1787–1869) в ноябре 1820 г. просил дежурного генерала Главного штаба генерал-лейтенанта А.А. Закревского (1783–1865) доставить к нему рапорт «о возвратившемся из заграницы

⁸ Орлов А.А. Указ. соч., с. 12–13.

⁹ Bitis A. *Russia and the Eastern Question. Army, Government and Society 1815–1833*. Oxford, 2006, с. 3 (Introduction).

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 35 (Канцелярия начальника Главного штаба Е.И.В.). Оп. 5. Т. 1. Св. 298. Д. 868. Л. 1–1 об. Рапорт от 15 мая 1820 г., № 303. Кре[пость] Омская. Получен в Петербурге 13 июня 1820 г., № 2471.

¹¹ Там же, л. 4–4 об. Рапорт командира Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанта П.М. Капцевича Волконскому от 25 сентября 1820 г., № 534. Кре[пость] Омская. Получен 25 октября 1820 г. Судя по отметкам на рапорте, он ходил по множеству инстанций Главного штаба. Был ли тому причиной повышенный интерес к документу или ему просто не могли найти место хранения?

хорунжем Сибирского казачьего войска Мокине с командою, сопровождавшем надворного советника Рафаилова в Тибетское владение»¹². Закревский отправил документ в Троппау (совр. г. Опава в Чехии) 25 ноября 1820 г.¹³ Рапорт, видимо, был затребован самим императором. Любопытно представить себе, как Александр I, находившийся на территории чешских владений Австрии, решал вопросы торговли с Китаем и Индией. Масштабы внешнеполитической деятельности российского императора поражают воображение. По сравнению с ними тускнеет впечатление от известного эпизода, когда Наполеон, находившийся в Москве, подписал декрет 1812 г. о реформе театра «Комеди франсэз».

Но, по словам востоковеда С.В. Сопленкова, «петербургские сановники имели неадекватное представление о восточных соседях России»¹⁴. «Сам по себе факт, что отдельным российским караванам удавались торговые экспедиции, например, в Китай, не вносит существенных изменений в сложившуюся веками структуру межазиатской и азиатско-западноевропейской торговли, которая осуществлялась преимущественно морским путем»¹⁵. К такому же выводу пришел и Андреев. Упомянув о неудаче посольства графа Ю.А. Головкина (1763–1846) в Китай в 1805 г., он пишет: «Попытки завязать отношения с Тибетом в последующие годы с помощью азиатских купцов, отправлявшихся с торговыми караванами в Восточный (Китайский) Туркестан и далее в Северную Индию из “Семиполатной крепости” (Семипалатинска) — форпоста русской торговли в Средней Азии, также не имели успеха. Впрочем, купцам удалось побывать в Пенджабе, Кашмире и Малом Тибете (Ладаке) и установить дружественные отношения с их правителями. В этой связи особо следует отметить деятельность кабульского “купца-дипломата” Мехти Рафаилова, доставившего Петербургу ценные сведения о странах, в которых он побывал, лежащих между Россией и Индией»¹⁶.

Сменивший Гурьева в 1823 г. на посту министра финансов Е.Ф. Канкрин, при всем несогласии с действиями предшественника, продолжил попытки укрепления российского влияния в Центральной Азии с помощью отправки туда доверенных лиц, хорошо знающих особенности торговли с азиатскими народами. Но поскольку позиции Великобритании

---

¹² Там же, л. 2. Отношение от 11/23 ноября 1820 г., № 2070. Копия.

¹³ Там же, л. 3.

¹⁴ Сопленков С.В. Указ. соч., с. 39.

¹⁵ Там же, с. 36.

¹⁶ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006, с. 52. Автор сообщает о том, что задача ознакомления с внутренним устройством Тибета и выяснения пути в Индию через Тибет была поставлена Румянцевым и фактическим руководителем российского МИДа князем А.А. Чарторыйским еще перед посольством Головкина (с. 51).

в Индии после трех англо-маратхских войн (1775–1818 гг.) значительно укрепились, и британские власти бдительно следили за проникновением иностранных эмиссаров в контролируемые ими районы, Канкрин предпочел использовать услуги тайного агента, отправляемого в Индию, Кашмир и Тибет (заранее планировался и альтернативный маршрут — Персия) круглым путем через Англию. Служивший в министерской канцелярии в чине коллежского регистратора грузинский дворянин Г. Шергилов должен был отправиться в Лондон, получить там паспорт до Калькутты и оттуда проехать по интересующим российские власти территориям. В ноябре 1823 г. Канкрин обратился к российскому послу в Лондоне графу Х.А. Ливену (1777–1838) с просьбой содействовать Шергилову «в доставлении... средств и пособий при могущих встретиться обстоятельствах по усмотрению вашему»¹⁷.

Шергилов, добравшись до Парижа, серьезно заболел и только через год оказался в Лондоне. Ливен оказал ему всю возможную помощь. Он писал Канкрину: «...согласно с желанием Ваш[его] Пр[евосходительств]а, я потщился доставить г-ну Шергилову все от меня зависящие пособия к удобнейшему выполнению его предприятия. На сей конец я исходатайствовал для него у Индейской (то есть у Ост-Индской. — А. О.) Компании как потребное для въезда в Индию дозволение, так и рекомендательные письма к тамошнему правительству и к некоторым торговым домам, снабдив при том г-на Шергилова новым от меня паспортом, в котором для отклонения всякого подозрения насчет цели его путешествия заблаговременно означил, что домашние дела г-на Шергилова, по случаю доставшегося ему в Тибете наследства, составляют единственный предмет оного.

По собранным здесь (в Лондоне. — А. О.) г-ном Шергиловым сведениям оказалось, что он найдет более удобным проникнуть в Тибет через Бомбе (так в тексте. — А. О.) (Bombay), нежели чем чрез Калькут[т]у, вследствие чего он и предпочел направить плавание свое к первому из сих городов, и уже несколько дней тому назад [слово неразборчиво] отправился к предназначенной цели, поручив мне для доставления к Вашему Превосходительству полученный им паспорт из С.-Петербурга с некоторыми письмами к родственникам его. В числе оных Ваше Пр[евосходительств]о найдете одно на имя А.П. Ермолова¹⁸, которое г. Шергилов, по выше

¹⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 1 (Административные дела), П-6 (1822 г.). Д. 80. Л. 522–522 об. Письмо от 29 ноября 1823 г. Характеристику взглядов Канкрин на особенности экономического развития государств Востока, изложенную в его сочинении «Экономика обществ и финансы» (*Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen*. Stuttgart, 1845, рус. пер. — 1846 г.). См. в кн.: Сопленков С.В. Указ. соч., с. 100–103.

¹⁸ Ермолов занимал в это время пост главноуправляющего в Грузии и командира Отдельного Грузинского (Кавказского) корпуса. Письмо Шергилова к нему доказывает: «проконсула Кавказа» интересовали те же сведения, что и Канкрин.

означенной причине (то есть из-за секретности своей миссии. — А. О.), счел благоразумным не оставить при себе, и которое с прочими [документами] у сего прилагаю»¹⁹.

Учитывая вышесказанное, хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что Александр I не собирался покушаться на зоны экономического и политического влияния Великобритании в Азии. Более того, он делал все возможное, чтобы не вызвать у британских властей даже тени сомнения в этом. В то же самое время, когда Рафаилов отправился из Семипалатинской крепости в далекое путешествие, Александр I получил донесение управляющего министерством внутренних дел графа В.П. Кочубея (1768–1834) о том, что в уездном г. Енотаевске Астраханской губернии был задержан и подвергнут грубому обыску англичанин Гордон, следовавший из Охотска в Индию²⁰. Императору представили подробную записку об этом происшествии²¹. Александр I приказал Кочубею немедленно известить еще одного своего статс-секретаря по иностранным делам графа К.В. Нессельроде (1780–1862) «на случай, если бы по оному произошли какие-либо объяснения с Англинскою миссиею...». В этом случае Нессельроде должен был заявить о том, что «Енотаевский городничий за поступок его с Гордоном не останется без взыскания»²².

Как считает Сопленков, опираясь на выводы выдающегося советского востоковеда Н.А. Халфина (1921–1987), «с 1825 г., когда был разграблен грандиозный караван, охранявшийся военным отрядом С.Т. Циолковского, российское правительство... постепенно начинает терять надежду на успешное развитие сухопутной торговли с государствами Средней Азии»²³. Соединив выражение из статьи «Мысли о возможности и легкости сухопутного сношения России с Индией и Китаем» автора, скрывшегося за инициалами Г.Ш. (Ф.В. Булгарин опубликовал ее в издававшемся им «Северном архиве» в 1827 г.)²⁴, с высказыванием Мордвигина

¹⁹ АВПРИ. Ф. 1, II-6 (1822 г.). Д. 80. Л. 520–521. Письмо от 30 ноября / 12 декабря 1824 г. Черновик.

²⁰ Там же. Ф. 1, II-11 (1820 г.). Д. 28. Л. 1. Кочубей — Нессельроде от 15 апреля 1820 г., № 434.

²¹ Там же, л. 2–3. «Выписка из записки, представленной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ». Подписал директор [канцелярии МВД?] Федоров. Выписка была сделана из донесения Астраханского гражданского губернатора Кочубею от 26 февраля 1820 г.

²² Там же, л. 1.

²³ Сопленков С.В. Указ. соч., с. 40. Со ссылкой на кн.: Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974, с. 192–194.

²⁴ «С негодованием отзываясь об английской монополии на торговлю с Индией, автор уверял, что «Индийская торговля с некоторого времени прокладывает сама себе путь через все опасности Бухарии, Хивы и через Киргизские степи до Оренбурга и Макарьевской ярмарки»... Все трудности сводились лишь к обеспечению безопасности торговцев. Разыгравшееся воображение Г.Ш. (не был ли это Г. Шергилов? — А. О.) рисовало образ «извозчика с по-

нова, Сопленков пишет: «Мечтам о ямщике с “повозкою шалей”, скачущем по “золотой стезе в Азию”, не суждено было осуществиться»²⁵.

Николаю I, вступившему на престол в сложных обстоятельствах, важно было доказать Великобритании (как, впрочем, и другим великим державам): он крепко держит бразды правления и не собирается отступать от внешней политики своего брата. 14 декабря 1825 г. Нессельроде разослал циркуляры всем дипломатическим представителям России за границей о том, что молодой монарх намерен продолжать политику «его августейшего предшественника», в частности «оставаться приверженцем охранительных принципов всеобщего мира»²⁶. В ноте к главе британской миссии П.К.С. Смиту, виконту Стрэнгфорду (1789–1855), говорилось: «В ответ на это Император надеется встретить и с их (иностранных держав. — А. О.) стороны то же расположение поддерживать эти отношения тесной дружбы и взаимного доверия, которые, установленные и поддерживаемые при императоре Александре I, доставили Европе десять лет спокойствия»²⁷. То же самое Николай I повторил и в речи на общей частной аудиенции, данной дипломатическому корпусу по случаю празднования нового года по григорианскому календарю (20 декабря 1825 г. / 1 января 1826 г.)²⁸. Стрэнгфорд немедленно известил министра иностранных дел Дж. Каннинга (1770–1827) о том, что император в разговоре с ним «более всего... выражал искреннее и горячее желание заслужить и поддерживать дружбу с его величеством (то есть с королем Георгом IV. — А. О.), о личной любезности которого к нему во время своего пребывания в Англии Император вспомнил с чувством глубокой признательности. Он неоднократно выражал мне желание и уверения, что он не забыл и никогда не забудет внимания, оказанного ему королем»²⁹.

Убедившись в невозможности реализовать на практике идею Александра I о мирном вовлечении соседних с Россией нехристианских стран в общую систему коллективной безопасности, Николай I по отношению к азиатским деспотиям сделал ставку на силовое давление, не отказавшись, однако, ни от цивилизаторских устремлений, ни от попыток экономического проникновения³⁰. В правящих кругах Великобритании это вызвало

возкою шалей”, “весело” проезжающего путь от Индии до Таганрога...». Сопленков С.В. Указ. соч., с. 42.

²⁵ Сопленков С.В. Указ. соч., с. 44.

²⁶ ВПР. Серия 2. Т. VI (XIV). М., 1985, с. 310, № 104 (рус. пер.).

²⁷ Цит. по: *Александренко В.[Н.]* Россия и Англия в начале царствования императора Николая I. (По донесениям английского посла лорда Странгфорда) // Русская старина, 1907. Т. 131, № 9, с. 531.

²⁸ Там же, с. 531–534.

²⁹ Там же, с. 532. Депеша Стрэнгфорда Каннингу от 23 декабря 1825 г. / 4 января 1826 г.

³⁰ Сопленков С.В. Указ. соч., с. 177–178, 181.

серьезные опасения по поводу того, что главными объектами российской агрессии могут стать Османская империя и Индия. Нарастающее недоверие в итоге приведет к Крымской войне. Но российские власти всеми силами старались доказать своему главному партнеру: ни мирное, ни вооруженное продвижение России на Восток не несет угрозы позициям Британии в мире. В Азии достаточно территорий, «замирение» которых будет выгодно не только для Петербурга и Лондона, но и для международных связей в целом.

Во время переговоров Николая I с прибывшим в феврале 1826 г. в Петербург фельдмаршалом А.К. Уэлсли герцогом Веллингтоном³¹ (1769–1852) герцог заявил, что он «облечен особым поручением со стороны своего правительства — предложить.. России и Англии покончить с греческим вопросом». Император в ответ, по его собственным словам, «притворился изумленным и дал ему свободу высказаться», после чего заявил о намерении продолжать политику брата, не допускающую вмешательства других держав в отношения России с Турцией³². После того, как между Веллингтоном и российскими представителями состоялся ряд встреч с обменом мнениями, стороны пришли к соглашению, известному как «Петербургский протокол» (подписан 23 марта / 4 апреля 1826 г. Веллингтоном, Нессельроде и Ливеном)³³. Документ определял условия примирения Турции с восставшими греками, а также предусматривал совместные меры воздействия России и Британии на участников конфликта.

России удалось добиться включения в протокол пункта (§3) о том, что в случае отказа Турции от посредничества Лондона в переговорах с греками об условиях примирения каждая из стран, подписавших протокол, будет действовать на основе достигнутого соглашения «при их участии, общем или единичном». Таким образом, Россия получала определенную свободу действий в Турции и могла при этом требовать поддержки Британии. «Петербургский протокол был первым дипломатическим

---

³¹ Веллингтон приехал в Петербург 18 февраля / 2 марта 1826 г. (находился там до 21 февраля / 5 марта) как чрезвычайный посол Великобритании для участия в траурных мероприятиях по случаю кончины императора Александра I. Он имел также поручение от Каннинга договориться с российским правительством по греческому вопросу.

³² Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1903, с. 413–414. Цитируется письмо Николая I вел. кн. Константину Павловичу от 20 февраля / 4 марта 1826 г. Шильдер пишет: «Любопытно, что в дальнейших переговорах императора Николая с герцогом Веллингтоном, государь коснулся известных сторон восточного вопроса, напоминающих собою несколько содержание известных бесед с лордом Сеймуром в 1853 году, а именно слабости государственного организма Турции, которая грозит скорым ее разрушением, и что поэтому следовало бы предусмотреть возможность подобной случайности (с. 538. Прим. 481).

³³ Текст протокола см.: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XI. Трактаты с Англиею. 1801–1831. СПб., 1895, с. 341–342, №432; ВПР. Серия 2. Т. VI (XIV), с. 450, №153 (рус. пер.).

актом, совершенным в царствование императора Николая Павловича; он приобрел значение всемирной важности, потому что соглашение, подписанное 23-го марта, послужило краеугольным камнем освобождения Греции из-под мусульманского ига»³⁴, — писал дореволюционный историк Н.К. Шильдер.

Английский автор Х. Темперли подходил к данному вопросу несколько по-другому. Он утверждал: «В [тот] момент мы не нуждались в чем-либо содействии, но факт, что протокол был подписан. Некоторым казалось, что Веллингтон не осознавал важности того, что он подписал, и что он, вероятно, был лестью склонён к этому Ливеном. Позже он потратил много времени в попытках оправдаться [тем, что он] действительно не понимал его (документа. — А. О.) важности. Подписание подразумевало совершившееся отделение России от Нового Священного союза и [вступление в] сотрудничество с Англией, что само по себе было дипломатической революцией»³⁵.

Отметим выражение Темперли «дипломатическая революция» как оценку важности петербургской конвенции. Российские и британские историки приписывают главную заслугу в ее появлении на свет государственным деятелям своих стран. «Сама британская инициатива была вызвана ясным осознанием того, что русская дипломатия сбросила с себя оковы “европейского концерта”. Надежд на то, что удастся добиться договоренности, не уступив ни в чем, и царизм предоставит действовать одной Великобритании, не существовало никаких. <...> У Каннинга хватило благоразумия не бросать упреков коллеге. Официально он выразил свое удовлетворение: ближайшие цели британской дипломатии были достигнуты; русско-турецкий конфликт если не предотвращен, то, по крайней мере, отсрочен, правда, тяжелой, с точки зрения британских политических традиций, ценой»³⁶, — пишет В.Н. Виноградов.

За сближением позиций России и Британии в греческом вопросе с тревогой следили в Вене. Из-под пера ближайшего сотрудника австрийского канцлера К. Меттерниха Ф. фон Генца (1764–1832) вышла записка «Исторический обзор левантийского»³⁷ дела со времени его возникновения

---

34 Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. I, с. 415. Переписка Веллингтона, веденная во время его пребывания в Петербурге в 1826 г., помещена в следующем издании: *Despatches, Correspondence and Memoranda of Field Marshal Arthur Duke of Wellington, in Continuation of the Former Series (1819–1832). New Series. Vol. III. L., 1868.*

35 *Temperley H. [W.V.] The Foreign Policy of Canning, 1822–1827. England, The Neo-Holy Alliance, and the New World. 1st ed. L., 1925, с. 355.*

36 Виноградов В.Н. Джордж Каннинг, Россия и освобождение Греции // Новая и новейшая история, 1981, №6, с. 125.

37 Левант (*итал.*) — название прибрежных стран Малой Азии, Сирии и Египта, а также Востока вообще.

до кончины императора Александра I»³⁸. Она, видимо, была составлена по инициативе Меттерниха еще до заключения Петербургской конвенции и предназначалась только что вступившему на престол русскому императору. Отдавая должное «неизменной преданности» Александра I делу Священного союза, «его умеренным и миролюбивым воззрениям», автор обвинял Россию в том, что она сначала колебалась между желанием поддержать греков и нежеланием нарушить принцип легитимизма, а потом устранилась от решения проблемы. Англию (при Каннинге) он упрекал в измене общему курсу союза и в уклонении от совместных действий с другими державами. «Отсутствие Англии (на предлагаемом Австрией общем конгрессе. — А. О.) должно было дать о себе знать даже на самой конференции в виде сомнений и затруднений всякого рода, и каким бы ни был ее итог, любая попытка вмешательства неизменно становилась при этом гораздо менее значимой для Константинополя, укрепляя Порту в давно питаемых ею подозрениях относительно того, что главные державы Европы более не связаны единством взглядов и не представляют единой системы». В этой ситуации только Австрия, проявившая «неустранимое и неисчерпаемое терпение», может примирить и возглавить союзные дворы на пути к урегулированию конфликта.

Генц отговаривал Николая I от начала войны с Турцией. Александр I уклонялся от этого, желая сохранить единство союзников, убеждал он. Грекам помогать нельзя, их движение может заразить Европу опасной бациллой мятежа и революции. Александр I обязательно бы вернулся к своей прежней политике сотрудничества с великими державами (читай: с Австрией) и примирился с Турцией, если бы смерть не настигла его вдали от Петербурга. Николаю I следует придерживаться такого же образа действий, что вернет ему и доверие Англии. «Мы убеждены (и те, кто хорошо знал императора Александра, разделяют наше убеждение) в том, что этот монарх не отринул бы проект, преисполненный тем, что он сам считал первейшими условиями успеха любых переговоров с Портой. Этого убеждения нам достаточно для обретения надежды на то, что его преемник не преминет им заняться», — завершал свою записку Генц.

Но надежды Генца и Меттерниха не оправдались. Николай I сумел достичь соглашения с Англией по греческому вопросу без посредников. Однако усиление позиций последней на Балканах и в Архипелаге породило среди части российской политической и военной элиты серьезные опасения. В течение всего периода правления императора ему и другим представителям высшей власти подавали множество проектов уничтожения владычества англичан в зонах, находившихся рядом с зонами влия-

---

³⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1717 (Собственная канцелярия шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа). Оп. 1. Д. 3. Л. 1–6 (франц. яз.).

ния России. Большая часть таких проектов была посвящена организации похода на Индию или даже ее завоеванию. Все они неизменно отвергались правительством.

Востоковед Т.Н. Загородникова, изучавшая документы, отложившиеся в фонде Военно-ученого архива РГВИА, пришла к следующему заключению: существовало две тенденции «в политике военных и гражданских властей России по отношению к Индии: по мере появления очередного плана похода на Индию тут же находились его критики, трезво оценивающие последствия такого шага»³⁹. Аналогичная судьба ожидала проекты, призванные уменьшить британское влияние в других регионах мира. Н.А. Ерофеев, проанализировав записки русских мануфактуристов И.Ф. Баранова, П.С. Зубова, а также купца П.В. Голубкова (1786–1854) (планы последнего были особенно грандиозными)⁴⁰, делает вывод: «Правительство никак не отреагировало на проект Голубкова, как и на предыдущую инициативу Баранова и Зубова. Видимо, оно не верило в реальность подобных предприятий. Кроме того, реализация замысла Голубкова, даже в скромных масштабах, могла быть расценена как путь к завоеванию Средней Азии, а это грозило конфликтом с Англией, которая чрезвычайно остро и болезненно воспринимала каждый шаг России в юго-восточном направлении. И, конечно, кроме всего прочего, сказалась традиционная инертность правительства»⁴¹.

---

³⁹ Загородникова Т.Н. Документы об Индии и российско-индийских отношениях в коллекциях Военно-ученого архива // Документальные реликвии Российской истории. 200-летие Военно-ученого архива / Сост. М.Р. Рыженков // Труды РГВИА. Вып. II. М., 1998, с. 206. Описание архивных дел с такими проектами, составленными в первой половине XIX в., см. на с. 203–206.

⁴⁰ Голубков, разбогатевший на винных откупах и добыче золота в Сибири, в 1848 г. подал «на высочайшее имя» прошение, в котором выдвигал проект создания «Российско-Азиатской компании» по образцу британской Ост-Индской. Задуманная им компания должна была носить не чисто торговый, а торгово-политический характер. Автор предлагал основать ряд факторий на Востоке, призванных выполнять роль опорных пунктов торговли и центров русского влияния. Главный «офис», как бы мы сейчас сказали, следовало открыть в специально построенном городе Индиянаполисе, защищаемом батальоном солдат. В непосредственной близости (в Саратове) расположить «обсервационный корпус» в 50 тыс. чел. Капитал компании Голубков определял в 5 млн. руб. (в другом проекте он говорил о 10 млн. руб.). Казна должна была дать 200 тыс., сам купец собирался внести 100 тыс. руб. Для получения остальной суммы предстояло выпустить акции. То, что он вдохновлялся британским примером, доказывает издание им на собственные деньги подборки документов Ост-Индской компании: Собрание актов о привилегиях, дарованных английским правительством Ост-Индской компании и Лондонскому банку. М., 1843. Булгарин в «Северной Пчеле» кратко пересказывал проект Голубкова и восхищался «светлыми его мыслями и пожеланиями» (1847, № 236).

⁴¹ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982, с. 268–270 (цит. с. 270). О проектах Голубкова и компаньонов «Товарищества» И.Ф. Баранова, П.С. Зубова и Ф.Д. Пичугина см.: Семенов Л.С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX века. Л., 1975, с. 104–105; Кушева Е.Н.

Иностранные авторы также предлагали на рассмотрение российских властей проекты, посвященные завоеванию Китая и Индии и изгнанию оттуда англичан. В 1841 г. бывший капитан гвардии короля Людовика XVIII Г. Капель прислал в Петербург записку «Об уничтожении влияния Англии на Китай и об открытии сношений с Индией»⁴². Капитан испрашивал позволения «повергнуть лично к стопам Его Величества (Николая I. — А. О.) тайные бумаги, относящиеся к уничтожению влияния Англии на Китай и до открытия сношений с Индией»⁴³. Более подробные сведения нам удалось обнаружить о предложениях, сделанных жившим в Лондоне французским легитимистом⁴⁴ В. Дозе (Virgile Doze) в августе 1835 г. (Кстати говоря, среди его знакомых, перечисленных в конце записки, назван барон Капель.) В письме на имя императора, переданном в Петербург через генерал-майора барона Тизенгаузена, говорилось: Дозе уже обращался к российскому послу в Париже гр. К.О. Поццоди Борго (1768–1842), но тот не ответил ему. Поэтому он решил написать лично Николаю I, полагая, что монарха заинтересует проект, позволяющий «быстро вырвать из-под ее (Англии. — А. О.) пагубного влияния государства мира, которые она столь долгое время гнетет и давит своей свинцовой рукой!». В доказательство искренности намерений и реальности разработанного плана француз предлагал «дать знать любой особе, на которую ему будет указано по особому повелению В.И. В-ва, об уважаемых людях, которые могут и хотят поддержать, если понадобится, намерения и усилия императорского кабинета в этом важном деле»⁴⁵.

Проект Дозе, озаглавленный «Записка об Англии, указывающая на средства лишить ее Индии и всех государств мира, которые вынужденно живут по ее законам...»⁴⁶, начинался с важного идейного посыла. «Англия, далеко не будучи классической страной современной цивилизации, коей

Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-х годах XIX в. // Исторический сборник, № 3. Л., 1934, с. 148.

⁴² РГВИА. Ф. 846 (Военно-ученый архив). Оп. 16. Д. 18261.

⁴³ Цит. по: Загородникова Т.Н. Указ. соч., с. 203 (правда, здесь он назван не Капель, а Канель, но это, видимо, опечатка).

⁴⁴ Легитимисты — сторонники старшей ветви династии Бурбонов, свергнутой во Франции Июльской революцией 1830 г. Дозе утверждал, что он написал немало легитимистских заметок в газетах и опубликовал брошюру под названием «Беседы о нынешних делах между двумя первыми Жонглерами Европы» (Causeries sur les affaires du tems entre les deux premiers Jonglers de l'Europe).

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии. Секретный архив). Оп. 4а. Д. 39, л. 6–8 (франц. яз.). Дата письма не указана. В конце своей записки Дозе писал о том, что он известен, кроме барона Капеля, следующим господам: гр. О. де Ларошжаклену, племянник которого Анри (Генрих) служил в русской армии, герцогу Фиц-Джеймсу (Fitz James), маркизу и графу де Брю (Brue), барону д'Оссе, бывшему министру короля Карла X, герцогу де Брольи (Broglie) и т. д. и т. п. (л. 10 об.).

⁴⁶ Там же, л. 9–10 об (франц. яз.).

ее почитают некоторые авторы, является, собственного говоря, всего лишь нацией пиратов и контрабандистов (smogleurs), управляемой посредством законов и институтов, которые подходят только для нее и которые было бы трудно и опасно насаждать где бы то ни было еще», — писал Дозе. «Немыслимо, чтобы эта нация, надменная по характеру, амбициозная по необходимости, вероломная по привычке, лукавая из корысти — нация, черпающая силу только из своего географического положения, которое оказывает огромное влияние на утверждение скорее искусственного, нежели подлинного всеобщего доверия к ней; разбогатевшая, как ей пристало, на поте народов, имевших несчастье попросить ее о протекторате или примириться с ним, — немыслимо, чтобы она могла стать искренним союзником какого-либо государства». Автор старался убедить Николая I в том, что после победы над Наполеоном Англия видит в России, а не во Франции своего главного врага. По его словам, пытаясь (не без успеха) разжигать пожар междоусобной вражды по всему миру, британцы исподволь готовят средства для борьбы с Россией. «Несомненно, что британский кабинет скрытно и всяческими способами старается вернуть себе в Турции и Персии то влияние, в утрате коего он винит Россию, — влияние, которым он, по своему обыкновению, распорядился бы самым дурным образом, но которое ему, вероятно, необходимо для сохранения своих богатых владений в Индии... Гневные вопли газет по поводу мнимых посягательств России достаточно ясно свидетельствуют о том, что Англия ожидает подобного и готовится вступить с ней в жестокую схватку».

Чтобы этого не произошло, Дозе предлагал план низвержения английского господства из 12 пунктов. Начать следовало с тайного призыва ко всем государствам Земли (?!) возродить во всемирном масштабе политику континентальной блокады, то есть «побудить их решиться поразить посредством запретительных пошлин все произведения английских мануфактур, которые они имеют обыкновение ежегодно потреблять». Одновременно «внезапно закупить или обязать кого-либо закупить строевой лес и снасти, поставляемые в главные порты Англии, а также все ее свободные пароходы; побудить Америку, Норвегию и другие государства не поставлять ей в течение некоторого времени ни строевого леса, ни снастей». Затем заключить антибританские договоры с Турцией и Персией, причем первой, чтобы скомпрометировать ее в глазах Англии и отрезать пути отступления, помочь восстановить флот⁴⁷ и заставить его действовать в нужном для заговорщиков русле. «Направить в Индию двенадцать сотен миссионеров в тюрбанах, поучающих своих единоверцев и призывающих их именем Магомета и Корана с позором изгнать со своей земли этих пре-

⁴⁷ Турецкий флот понес тяжелые потери в Наваринской битве 8/20 октября 1827 г. (из 66 кораблей 60 были уничтожены, остальные захвачены) и в борьбе с флотом египетского паши Мухаммеда Али.

зренных англичан, которые так долго их угнетали». В остальных районах мира должны были действовать подкупленные коммивояжеры, сеющие семена вражды «против Англии как на борту пароходов, так и в прочем общественном транспорте, в кафе, забегаловках и табльдотах». Следовало возродить все былые распри Британии и Франции, пользуясь возникшим между этими странами охлаждением из-за Египта, причем в самом Египте действовать так же, как и в Индии «для координации и упрочения всех этих разнообразных комбинаций».

Наконец, следовало разжечь внутреннюю борьбу в самой Британии с помощью ангажированных журналистов, повернув, таким образом, против Лондона его мощное пропагандистское оружие⁴⁸. Дозе предлагал учредить в британской столице две, по видимости, враждебные газеты, тайно координирующие свои действия, которые будут в равной степени опровергать «все направленные против императорского кабинета статьи, ежедневно появляющиеся в некоторых листках». При этом он рассчитывал, что информационная «отрава» во много раз увеличится перепечаткой заказных статей в других газетах вплоть до самых авторитетных и популярных, таких как «Таймс», «Морнинг Геральд» и «Морнинг Пост». Постепенно к этой игре подключатся континентальные издания и официозы (Moniteurs) Турции и Египта. В Дублине на русские деньги можно издавать ежедневную газету, затрагивающую только религиозные вопросы для разжигания вражды между протестантами и католиками. Главное — это « повсеместно настроить в свою пользу общественное мнение — щит довольно большой ценности в текущий момент и единственный доспех, которым в подобных обстоятельствах может прикрыть свою царственную грудь монарх, все действия коего нацелены на обеспечение общественного блага». Манипуляция общественным мнением, по мысли автора записки, приведет к тому, что большинство населения Британии откажет в доверии собственному (составленному из тори или вигов, безразлично) правительству, если оно решит начать войну с Россией.

Не забыл Дозе и о «пятой колонне». Понимая, что его вывод о возможности серьезно подорвать доверие британцев к их правительству выглядит неубедительно, он предлагал организовать из числа иностранцев, живущих в Англии, боевые группы, которые послы соответствующих государств будут под видом филантропических и благотворительных

⁴⁸ Что касается создания за границей, в частности во Франции и Германии, газет, существующих на российские деньги и обязанных защищать российскую политику, или подкупа известных журналистов и редакторов, то III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии само не без успеха занималось этим делом. См.: *Мильчина В.А.* Шарль Дюран — французский журналист в немецком городе на службе у России: материалы к биографии // *Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2006, с. 182–218; *Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008, с. 206–215 («Агент влияния»).

обществ «собирать... раз в неделю... в клубах, руководимых и направляемых честными, но преданными людьми». Смертельный удар властительнице мира можно нанести, пригласив все страны к разделу британских владений и назвав «этот раздел великим актом всеобщего воздаяния».

В заключение автор писал: он не претендует на привилегию главного исполнителя замысла, передавая на усмотрение Николая I право корректировки его плана. Но далее следовал прозрачный намек: императорскому кабинету «совсем не следует забывать о том, что он (автор. — А. О.) тесно связан с людьми, все могущими в Турции и Персии, людьми, независимыми по своему характеру и положению, являющимися непримиримыми врагами Англии». Если же план будет принят к исполнению, то результаты окажутся губельными для британского могущества. Англичане потеряют всякое влияние на Испанию и Португалию. У них отберут Мальту и Гибралтар, острова Маврикий, Цейлон и т. д. Их изгонят из Средиземного моря и из Индии. Они лишатся Канады. Перо Дозе торопливо набрасывало апокалиптическую картину гибели Англии. «Все рынки сбыта для произведений их мануфактур закрываются, мастерские простаивают, рабочие ропщут, матросы жалуются; торговля — главный источник того гигантского международного авторитета, на коем покоится их могущество, — приостанавливается и сводится на нет».

Записка Дозе была прочитана Нессельроде⁴⁹ и, вероятно, попала в руки Николая I. Но, конечно, ни император, ни его вице-канцлер не могли согласиться ни с принципами, изложенными в ней, ни с теми мерами борьбы, которые предлагал экзальтированный автор. Надо было совсем не знать характера императора, чтобы советовать ему, в отличие от Александра I эпохи 1812–1814 гг., поднимать на борьбу какие бы то ни было народные массы. Дозе, конечно, не дождался ответа из Петербурга. Мало того, что существовала опасность провокации. Большинство предложенных французом мер было повторением обанкротившейся (в конечном итоге) наполеоновской политики. Однако, как нам представляется, план Дозе принципиально не мог быть принят российскими властями. Несмотря на конкуренцию Петербурга и Лондона, обе страны от сохранения союза получали гораздо больше, нежели теряли. Не говоря уже о выгодах двусторонней торговли и о том, что Россия использовала новейшие британские технологии, исчезновение с мировой политической сцены одного из ключевых игроков сломало бы всю систему равновесия сил. Допустить этого не мог и не хотел никто из ответственных политиков.

И после возникновения острого соперничества между Россией и Британией в 1870–1880-х гг., во время «Большой игры» в Центральной Азии, дело не дошло до столкновения армий двух стран. «По мере

---

⁴⁹ Там же, л. 3. Записка Нессельроде (*франц. яз.*).

накопления [в России] знаний об Индии планы походов становились все более разработанными, опирающимися на реальные условия. Многие из них рассматривались на самом высоком уровне, но всегда в правительстве или в окружении царя находились трезвые головы, оценивавшие эти планы как невыполнимые и отвергавшие их»⁵⁰, — пишет Загородникова на основании изучения материалов российских и индийских архивов. Проследив историю «Индийского похода» русской армии, она оценивает его как военно-политическую демонстрацию, предпринятую весной — летом 1878 г. силами Туркестанского военного округа (не более 12,5 тыс. человек) для давления на Лондон с целью предотвратить возможное оказание Британией помощи побежденной Турции. «Собранные документы... показали, что даже в критический для Российской империи момент, когда настоящий поход на Индию казался многим достойным выходом из конфликта в Европе, когда существовало несколько планов походов на Индию и их сторонники были многочисленны в среде армейских генералов, в высшем командовании империи нашлись трезвые головы, сумевшие отклонить эти планы как авантюрные»⁵¹.

Политическая и идейная борьба, переводимая в конце концов (хоть и не без эксцессов и срывов) в русло дипломатических переговоров — это нормальное явление для стран европейской цивилизации, накопивших огромный опыт мирного решения проблем. Мы же делаем акцент на принципиальном соображении. Изученные эпизоды из истории сложных и противоречивых отношений Великобритании и России на Востоке, в частности в Центральной Азии, в 1820–1830-х гг. доказывают: правящие элиты двух стран при всех существовавших проблемах, во-первых, осознавали выгоды сохранения контактов, а во-вторых, вполне четко понимали, что только сохранение мирового порядка, установленного в рамках венской системы, гарантирует им получение этих выгод.

---

⁵⁰ Загородникова Т.Н. Предисловие // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии. — Сб. архивных документов / Сост., автор предисл. и примеч. Т.Н. Загородникова. М., 2005, с. 29.

⁵¹ Там же, с. 39–40.

РУССКИЙ ПЛЕН ТУРЕЦКОГО ГЕНЕРАЛА

Переломным событием на Кавказском фронте Первой мировой войны стала Сарыкамышская операция. Зимой 1914–1915 гг. российская армия разгромила турок, которые пытались завладеть Сарыкамышем (ныне Турция, вилайет Карс) — конечной железнодорожной станцией в тылу основной группировки Кавказской армии. В начале января 1915 г. в результате контрнаступления русских был окружен и уничтожен турецкий 9-й армейский корпус. В плен попали более ста османских офицеров во главе с командиром корпуса генералом Ихсан-пашой и более двух тысяч аскеров.

В российских газетах того времени сохранилось довольно много информации о пленении столь крупного чина турецкой армии, о его перемещении по России и высылке в Сибирь. В официальной телеграмме сообщались имена других офицеров, которые были рядом с генералом: «Во время Сарыкамышской операции нашими войсками взяты в плен: командир 9-го турецкого корпуса генерал-майор Ихсан-паша¹, начальник штаба 9-го корпуса генерального штаба подполковник Сейд бей Гусейн-паша, начальник штаба 10-го корпуса генерального штаба майор Лютфи бей, начальники всех трех дивизий 9-го корпуса, 170-й дивизии генерального штаба полковник Тахир бей, 28-й дивизии генерального штаба полковник Эджем бей, 29-й дивизии генерального штаба полковник Ариф бей — все трое вместе со своими штабами. Кроме того, взяты в плен офицеры штаба третьей турецкой армии генерального штаба майоры: Нусух бей, Измаил Хакки-бей, капитаны Ахмет Хильми бей, Юсуф-бей и несколько десятков штабных офицеров, занимавших должности не ниже командира полка»².

Все эти пленные были доставлены в Тифлис. Пребывание там турецких офицеров 9-го корпуса продолжалось в течение всего января

---

¹ В русских источниках имя генерал-майора Ихсана Латиф-паши писалось в такой форме.

² Листок войны. 1915, 15 января.

1915 г.: «Доставлены в Тифлис раненые турки (около 600 ч-к), из которых 15 офицеров и 1 мулла. Все они — участники боев под Сарыкамышем и принадлежат к составу захваченного 9-го корпуса. Среди пленных офицеров 3 капитана, 1 майор, 2 подполковника, остальные поручики. Обращает на себя внимание раненый сын арабского принца из Триполи — Гелипп Эфенди, поручик. Отца зовут Исмаиль. Все почти офицеры владеют французским языком. Кроме полковника Шевки бея Салих оглы и двух капитанов, все офицеры — молодые люди»³.

Со ссылкой на Петербургское телеграфное агентство (ПТА) газета «Отклики Кавказа» писала: «При взятии в плен под Сарыкамышем командира 9-го корпуса Исхан-паши при нем была найдена ведомость с перечислением полков и батальонов, уцелевших из состава 5 корпусов к концу Сарыкамышских боев и с указанием численного их состава. Эта ведомость устанавливает, что к концу Сарыкамышской операции 9-й корпус фактически перестал существовать, т. к. во всех трех дивизиях осталось 900 боевых способных нижних чинов»⁴.

Сообщения в прессе о самой личности генерала Исхан-паши были довольно лестные: «На новый год, вместе с партией пленных турок, взятых нашими войсками в плен в бою под Сарыкамышем, через Ростов-на-Дону был провезен командир 9-го турецкого корпуса генерал Исхан-паша. В вагоне вместе с генералом находились некоторые из чинов его штаба, разделивших участь своего командира. Всего в партии пленных, провезенных с Исханом-пашой, насчитывается 107 офицеров и 1200 нижних чинов. Пленные турецкие солдаты представляют собой крайне печальное зрелище. Худые, истомленные лица, грязные лохмотья вместо одежды, тупое равнодушное выражение почти у всех свидетельствуют о печальном состоянии турецкой армии. Немногим более выгодное впечатление производят турецкие офицеры... И среди них тем более резко выделяется полная достоинства фигура Исхан-паши. *Пленный турецкий генерал производит впечатление прежде всего высоко интеллигентного человека* (здесь и далее курсив наш. — А. О.). По словам администрации поезда, генерал прекрасно владеет французским языком. *Носит генеральскую тужурку, сверх которой одета простая походная шинель, не имеющая на себе никаких признаков, отличающих генерала от любого солдата*»⁵.

Казанская газета сообщала о перемещении Исхан-паши и его товарищей в направлении Сибири: «14 января через Екатеринбург были препровождены две большие партии пленных турок, арабов, австрийцев и германцев. Первая партия состояла из 890 человек, другая из 800. В одном из

³ Отклики Кавказа (Армавир). 1915, 31 января.

⁴ Там же. 1915, 24 января.

⁵ Листок войны. 1915, 24 января.

поездов оказался и весь генеральный штаб 9-го турецкого корпуса во главе с самим командиром корпуса Исхан-пашой, его адъютантом и 100 офицерами других частей турецкой армии.

Все офицерство размещено в вагонах второго класса, Исхан-паша, на вид весьма скромный старик, все время находится в кругу своих ближайших соратников, подполковника Шериф бея и капитанов Мемет бея и Зыя бея. Пленники, видимо, чувствуют себя довольно спокойно, и вступают в разговор, выражая свое сожаление, что не могут свободно объясняться по-русски»⁶.

Имеются сведения об Ихсан-паше и в татарских газетах, которые выходили в это время на арабской графике⁷.

Пленил турецких пашей командир 14-й роты 154-го Дербентского полка капитан Вашакидзе. В его рапорте говорилось следующее: «В полку 1 час 5 мин. дня с вверенной мне 14-й ротой, по получении от ближайшего своего начальника приказание, перешел без промедления в атаку на передовой опорный пункт турок — скалистую высоту с тремя соснами, где у них стояло 2 пулемета с прикрытием. Я их сбил и проследовал до тех пор, пока мы не захватили позицию на опушке леса. Не ожидая подхода соседних рот, я переменял направление под прямым углом, быстро-стремительно двинулся туда, где у неприятеля находился бивак, что было мною лично выяснено на разведке в ночь с 21-го на 22-е декабря. Бивак находился на седловине и скате высоты Турнагель, покрытых лесом. Атаковал эту высоту, рота строем захватила 4 орудия и 4 пулемета. При дальнейшем движении мне удалось прорвать линию обороны и выхватить из глубины расположения неприятеля весь высший командный состав; удачными действиями своей роты я захватил в плен командира 9 корпуса Ихсана-пашу со штабом, трех начальников дивизий 19-й, 28-й и 29-й — тоже со штабами, 107 штаб и обер-офицеров, более 2000 аскеров, медицинский персонал, лагерь, еще 4 орудия, кроме вышеуказанных, снаряды и патроны.

Прождав на биваке противника полтора-два часа времени, не дождавшись подхода соседних частей и рот и находя небезопасным далее оставлять пленных мною пашей и др. воинских чинов, я решил с гор спуститься и представить их в штаб Сарыкамьшского отряда лично генералу от инфантерии Берхману, при этом 3 взвода с двумя офицерами я оставил на позиции»⁸.

---

⁶ Исхан Паша в Екатеринбурге // Город Казань. 1915, 23 января.

⁷ Например, газета «Вақыт», которая выходила в Оренбурге и редактором которой был Фатих Карими, уделяла внимание проблемам турецких военнопленных. О пленении Исхан-паши см.: Вақыт. 1915, 16 января.

⁸ *Никольский В.П.* Сарыкамьшская операция. 12–24 декабря ст. ст. 1914 года. София, 1933,

Данный факт, изложенный самим Вашакидзе, дальше в прессе отразился в довольно искаженной форме, на что очень болезненно реагировал в своих воспоминаниях Ихсан-паша⁹.

Далее события можно восстановить по воспоминаниям самого Ихсан-паши. После разговора с главнокомандующим русской Кавказской армией турецкий генерал и его соратники были заточены в одну из грязных и темных комнат казармы. Во-первых, неожиданное пленение, во-вторых, усталость за 14 дней непрерывных боев сказались, и турецкий генерал себя чувствовал очень плохо. К тому же он обморозил пальцы обеих ног: в то время морозы стояли жесточайшие, термометр опускался ниже минус 30–35 градусов; генерала мучил бронхит.

После распределительного пункта в Тифлисе маршрут Ихсан-паши пролегал через Баку до Ростова, оттуда — Пенза — Уфа — Челябинск. Через 25 суток они прибыли в Камышлов. Далее на санях в течение 3 дней пленные добирались до Ирбита — ярмарочного городка Пермской области, по дороге ночевали в разных русских деревнях. В Ирбите их устроили в гостинице, где они смогли привести себя в порядок и отдохнуть. Там им начали выдавать жалованье, полагающее высшим чинам — 170 рублей в месяц. У генерала была возможность свободно выходить в город. Он купил гражданскую одежду, пальто и шапку, общался с местными мусульманами. В феврале месяце каждого года в Ирбите проходила ярмарка, куда съезжались купцы и торговцы со всей России. Потому в любом уголке города можно было встретить мусульманского купца. Паша знакомился с ними, ходил к ним в гости, расспрашивал о возможностях побега, но везде получал неутешительные ответы.

Однажды Ихсан-паша вошел в магазин молодого мусульманина по фамилии Султанов, который познакомил его с нужным человеком, обещавшим достать деньги для побега. Но через 5 дней свободный выход в город генералу запретили. Ему сообщили, что турецкие пленные офицеры будут отправлены в Сибирь, в город Иркутск, а немецкие и австрийские пленные останутся в европейской части России. В день отправки в Сибирь генерал был тяжело болен и не мог подняться с постели, в результате чего он был помещен в госпиталь и отстал от своих спутников. Это был вин-

---

с. 84.

Далее капитан Вашакидзе описал перипетии доставления пленных к генералу Берхману. Все начальствующие лица, по его словам, пытались отобрать завидную добычу и доставить ее лично дальше, но капитан Вашакидзе показал большую изворотливость. Пленные паши и офицеры были им привезены к генералу Пржевальскому, принявшему их у своего домика. Расспросив пашей, он препроводил их дальше к генералу Берхману, куда их и привел капитан Вашакидзе, лично доложивший генералу обстоятельства пленения.

⁹ Как известно, генерал впоследствии убежал из плена и потом, после возвращения на родину, в 1919 г. написал свои воспоминания о плене: *Ihsan Latif. Bir serencem-i harp. Sadeleşiren Burhan Göksel. Ankara, 1988.*

ный склад, переделанный в госпиталь специально для военнопленных. Там он встретил 5 турецких пленников, заболевших тифом. Их посещали богатые татарские купцы. Один из них подарил генералу золотую табакерку с алмазом, где была надпись «На память Ихсану-паше, оказавшему честь России»¹⁰.

Госпиталь охранялся солдатами, и пленным не разрешалось выходить в город. В госпитале генерал пробыл 25 дней. В один из вечеров ему удалось скрытно выйти из госпиталя и найти магазин татарина Шахвели, с которым его познакомил Султанов. Но, к огорчению Ихсана-паши, тот еще не успел собрать обещанную сумму. Разочарованный генерал вернулся обратно в госпиталь. Когда он почти полностью выздоровел, то улучил момент, еще раз сходил к Шахвели и взял у него 600 рублей, собранных у богатых мусульман города. Эти деньги ему очень сильно понадобились впоследствии. Татарин также подарил генералу толстый плед, чтобы уберечь его от сибирских морозов, и дал адрес уважаемого человека, к которому он мог обратиться за помощью в Сибири.

В конце февраля генерала и еще двоих выздоровевших от тифа турок отправили в Томск. Там их поместили в тюрьму, где уже находились немецкие и австрийские пленники. Ихсан-паша случайно узнал, что турецкие пленники в количестве 20 человек, в основном больные, находятся в другом конце длинного барака. Паша, навестив их, был расстроен. Состояние соотечественников было удручающим. Генерал подарил им 100 рублей из тех денег, которые ему дали татары, вместе с немецким бароном раздал им чистое белье.

Паша и там нашел возможность выходить в город и искать того человека, чей адрес ему дали в Ирбите. Он также знакомится с татарами, бывает у них в гостях.

Но путешествие по Сибири продолжается. Пленных на поезде привозят сначала в Иркутск, а затем в Читу. Это произошло уже в начале марта 1915 г. Сперва помещают генерала вместе со спутниками в лагерь для военнопленных. Через два дня его отпускают на квартиру, где офицеры живут под постоянным конвоем. Даже дают ему прислугу из турецких пленников солдат. Там у генерала полностью созревает план побега. Он изучает местность, достает карту Сибири и Манчжурии, ищет проводника, который смог бы ему и его товарищу Фетхи-бею помочь перейти границу России. В Чите проживало около трехсот татарских семей, существовала соборная мечеть. Турки ходили по пятницам в мечеть, паша близко общался с имамом этой мечети. Наконец, в середине мая пришла весть, что нашелся человек, который согласился провести их через границу Манчжурии. День побега назначили на 23 мая 1915 г., который

---

¹⁰ *Ihsan Latif*. Op. cit. P. 25.

совпал с христианским праздником, и в этот день русские гуляли. Ихсан-паша и Фетхи-бей получили иранские паспорта на имя Табризли Джафер и Али Экбер, поменяли внешний вид. Проводник, которого паша называет «Баба» (отец), дорогу знал хорошо. 12 часов они ехали на поезде, потом пешком пошли параллельно железной дороге.

Путь до Манчжурии был долг и опасен. Беглецы попали и в руки бурят, которые приняли незнакомцев за тех, кто ворует их скотину, и в руки русского патруля, который заподозрил в них немецких шпионов. Только благодаря опытному и хитрому проводнику-татарину они благополучно вышли из самых сложных ситуаций. Даже после того, как проводник выполнил все условия договора, то есть доставил турок до указанного места, он не оставил их одних и сопровождал до тех пор, пока сам не убедился, что турецкие офицеры в безопасности¹¹.

Вечером 4 июня Ихсан-паша и Фетхи-бей прибыли в Харбин. Оттуда они добрались до Пекина, но при изучении дальнейшего маршрута выяснили, что в период обострения военных действий и сильного контроля английских войск за всеми судами в Индийском океане небезопасно плыть в Турцию. Поэтому беглецы составили очень сложный маршрут: из Шанхая через Японию доплыть до Америки, там доехать до Нью-Йорка, после чего через Швецию, Норвегию, Данию и Германию добраться до Стамбула.

В своих воспоминаниях Ихсан-паша, видимо, в целях безопасности не приводит фамилий организаторов своего побега¹². Но профессор Акдес Нимет Курат писал, что после этого российская жандармерия арестовала купца Шафигуллина и его близких¹³.

По данным Департамента полиции, в Иркутске в 1912 г. организовался «кружок мусульман-татар, сочувствующих Турции»¹⁴. Возглавлял его Шайхулла Шафигуллович Шафигуллин, купец 2-й гильдии, выходец из крестьян дер. Акзигитова Цивильского уезда Казанской губернии. Ближайшим помощником был его племянник Зиннур Загидуллович Шафигуллин. В составе кружка были состоятельные мусульмане Иркутска. Они собирались приблизительно раз в месяц и обсуждали, в частности, проблемы национального образования в губернии, устраивали

---

¹¹ Ibid., с. 98.

¹² Главнокомандующий турецкими войсками Энвер-паша свалил всю вину за крах Сарыкамьшской операции на офицеров нижних рангов и 29 января 1915 г. отправил в отставку Ихсан-пашу, который находился в плену. После приезда на родину его попытки вернуться на действительную военную службу успехом не увенчались.

¹³ *Akdes Nimet Kurat. Türkiye ve Rusya. XVIII Yüzyıl Sonundan Kurtuluş Savaşına Kadar Türk-Rus İlişkileri 1798–1919.* Ankara, 1970, с. 444–445.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации, Департамент полиции. Особый отдел. (ГАРФ, ДП ОО). Ф. 102, 1916 г., оп. 246, ед. хр. 74, ч. 27 л. 9.

в кинематографе вечера, сбор с которых поступал на развитие татарских школ. Во время войны члены кружка оказывали помощь военнопленным-единоверцам.

В последующие годы такие же «татаро-турецкие комитеты» образовались в Томске и Чите. Эти организации имели связи с подобными организациями в Одессе, Уфе, Казани. Координационным центром являлся бакинский комитет во главе с миллионером Г.З. Тагиевым (1823–1924), куда стекалась собранная российскими мусульманами денежная помощь для Турции. Ближайшими помощниками Тагиева были Бабаев, владелец нефтепромыслов, и Муса Нагаев, имевший в Черном городке нефтеочистительный завод. Спецслужбы фиксировали, что Тагиев в начале мировой войны отправил в Турцию 2 миллиона рублей комитетских денег¹⁵.

Аресты членов «татаро-турецких комитетов» начались после провала организации побега турецкого офицера Мустафы Закария через Одессу в Турцию в начале 1916 г. Офицер, находясь в госпитале Иркутска, обратился с целью побега к Зиннуру и Шайхулле Шафигуллиным. Те, в свою очередь, познакомили его с членами комитета, которые предложили разные варианты организации побега. Первоначально планировали послать Мустафу-бея «в Уфу с письмом к богатому татарину Каримову для отправления его оттуда далее»¹⁶. Но потом было решено направить его непосредственно в Одессу.

Во время допроса Мустафа-бей рассказал, что, проживая в квартире служащего у Мухамадиева — члена комитета татарина Фарахетдина Фарахутдинова в ожидании русского паспорта, познакомился с братьями Муфтиевыми, которые сообщили ему, что именно они помогли убежать полковнику Тахир-бею из Иркутска и командиру 9-го турецкого корпуса Ихсан-паше из Читы. Через неделю Мухамадиев снабдил Мустафу-бея паспортом на имя бакинского мещанина и дал ему на расходы 300 рублей. Он поручил Фарахутдинову сопровождать турецкого офицера до Одессы и там добыть для него загранпаспорт. В Одессе Мустафа Закария посетил испанское и румынское консульства. Испанский консул оформил для него паспорт для выезда за границу. Закария встретился также с местным муллой Сабирзяном Сафаровым, которому сообщил всю правду о себе. Тот, в свою очередь, рассказал, что в Баку и Оренбурге имеются специальные комитеты, которые занимаются организацией побегов из России военнопленных офицеров, причем бакинскому комитету в этом отношении оказывает содействие персидский консул. Беглецы направлялись в Турцию не только через Персию, но и через Румынию и другие страны¹⁷.

---

¹⁵ Там же, л. 20–21.

¹⁶ Там же, л. 11.

¹⁷ Там же.

После провала операции в Одессе 10–12 января 1916 г. были арестованы ахунд Сабирзян Сафаров и его муэдзин. Вследствие поступившего требования Жандармского управления Одессы об обыске и аресте главнейших членов организации 17 января 1916 г. арестованы в Петрограде Лутфулла Исхаков, в Уфе — Хасан Каримов, в Томске — руководитель местной организации Мифтахетдин Бухараев и его близкие, военный имам Губайдулла Абдурашитов, который находился на фронте. Одесским судом ахунд Сафаров и муэдзин Хасан Абдурашитов были высланы на поселение и до окончания войны должны были жить в отдаленных губерниях под особым надзором. Департамент полиции циркулярно сообщил на пограничные пункты о необходимости «особенно тщательной проверки всех национальных паспортов, которые окажутся выданными испанскими, румынскими и персидскими консулами в Одессе и Баку»¹⁸.

В Иркутске полиция сумела внедрить своих агентов в татарско-турецкий комитет. Там было арестовано всего 16 человек, в том числе братья Шафигуллины. Как сообщали агенты, «сидящие в тюрьме татары» предполагали, что их выдали старый мулла Баймуратов и его сын, которые были известны своими верноподданническими взглядами¹⁹. В ходе следствия было выяснено, что побег из Читы «героя Сарыкамыш» генерала Ихсан-паши был организован Шайхуллой Шафигуллиным, муллой Абдурашитовым и читинским муллой²⁰.

Таким образом, Ихсан-паша совершил побег из Сибири благодаря помощи казанских татар²¹. О побеге турецкого генерала в российской печати не сообщалось. По крайней мере, мы не увидели никакой информации об этом в изданиях 1915 г.

После возвращения на родину Ихсан-паша находился на различных гражданских постах в Стамбуле. Во время оккупации Стамбула силами Антанты организовывал поставку в Анатолию оружия и боеприпасов. Позже он был избран депутатом от Стамбула в Национальное Собрание Турции, а в 1925 г. был назначен губернатором г. Измира.

---

¹⁸ ГАРФ, ДП ОО, ф. 102, 1916 г., оп. 246, ед. хр.74, л. 12.

¹⁹ Там же, л. 15.

²⁰ При этом агент «Фридман» сообщал, что «Исхан-паша был увезен наемными людьми на тройках в Монголию, причем тройки были заблаговременно заготовлены по пути до границы Монголии», что не совпадает с воспоминаниями самого паша. Там же, ед. хр. 74, ч. 27, л. Б., л. 20.

²¹ О татарах тепло писали в своих воспоминаниях и другие турецкие военнопленные Первой мировой войны. См: *Elfine Sibgatullina*. I. Dünya Savaşı Türk Esirlerinin Hatıratlarında Tatarlar // Prof. Dr. Taciser Onuk'a Armağan. Ankara, 2007, с. 311–313.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ В КРИТСКОМ ВОПРОСЕ В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ В ТЕРИССО В 1905 г.

Критский вопрос оказался в эпицентре ближневосточного кризиса конца XIX — начала XX в., затронув интересы многих стран Европы и Азии. Он породил миротворческую операцию великих европейских держав-покровительниц Крита — Великобритании, Италии, России и Франции, длившуюся с 1897 г. по 1909 г. Основной задачей данной операции было «умиротворение» острова путем вывода с него турецких войск и предоставление его жителям автономии. Население Крита рассматривало оккупационный режим великих держав-покровительниц и автономию острова как переходный этап на пути к полному освобождению от турецкого владычества. Однако «переходный период» к 1905 г. затянулся и превратился, по мнению критян, в тормоз экономического и политического развития острова. Восставшие в очередной раз критяне¹ потребовали прекращения режима верховного комиссара четырех великих держав-покровительниц принца Георга (с 1899 г.), обвинявшегося в развале экономики, бесцветности управления и т. д., и призывали к немедленному присоединению Крита к Греции. Постепенно восстание, которое возглавил талантливый политик Э. Венизелос², охватило многие регионы Крита, и великие державы приступили к его подавлению. Власть верховного комиссара подверглась серьезному испытанию, и Георг обратился за военной помощью к державам. В марте 1905 г. в Риме открылось совещание послов великих

¹ Восстания на Крите происходили весь XIX в. и в начале XX в.: в 1841, 1856, 1858, 1866–1869, 1878, 1887, 1895–1897 гг.

² Элефтериос Венизелос (1864–1936) выдающийся государственный деятель Греции, критянин по происхождению. Прославился своей революционной деятельностью на Крите и был приглашен в 1910 г. в Афины в качестве премьер-министра, которым становился несколько раз до 1933 г., превратив Грецию в более современное государство. Под его руководством Греция участвовала в Балканских войнах 1912–1913 гг., в результате которых по Бухарестскому мирному договору 1913 г. территория и население Греции увеличились вдвое. В том числе был присоединен и Крит.

держав, где было принято решение удовлетворить просьбу принца Георга и командировать иностранные войска на помощь критской жандармерии — единственной местной военной силе — с целью усмирения восставших. Большую роль в умиротворении Крита великие державы отводили своим военно-морским силам.

Начавшаяся в 1904 г. русско-японская война внесла существенные коррективы в позицию России по критскому вопросу: необходимость договариваться с султаном о проходе военных кораблей, идущих на Дальний Восток, через Проливы, диктовала политику сдерживания на Крите любых «смут». Однако критяне, в свою очередь, почувствовали изменение ситуации, связанное с неудачами России в войне с Японией, и сочли момент благоприятным для начала новой кампании за присоединение острова к Греции. Национальные чаяния об осуществлении хотя бы частично Мегалии (великодержавной идеи) вновь оживились.

Россия, все силы которой в этот период были сосредоточены на войне с Японией, а также на решении внутривосточных проблем в связи с ростом революционного движения, теперь подумывала вообще об отозвании своих войск с Крита. Большой интерес представляет в этой связи переписка министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа с послом в Константинополе И.А. Зиновьевым. Одним из аргументов Ламздорфа в пользу отозвания с Крита русского военного отряда было то, что «дарованный автономный режим за семь лет пустил глубокие корни в стране и нельзя ожидать ни при каких обстоятельствах возврата к порядку до 1897 г.». Однако опытный дипломат и знаток Востока И.А. Зиновьев считал, что в Константинополе известие об удалении русского отряда «будет истолковано в смысле уступки нашей греческим притязаниям»³. В результате поднятый был вопрос об отозвании русского отряда с Крита под предлогом русско-японской войны посчитали несвоевременным. Генштаб России не только приостановил отправку в Россию части русского отряда, но вскоре, как и другие державы, увеличил число своих войск.

Данная статья посвящена малоизученному в российской⁴ и зарубежной исторической литературе вопросу об отношении российской

---

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Миссия в Афинах. Д. 1268, л. 60–63.

⁴ Советский историк И.С. Галкин — автор многочисленных работ по внешней политике и международным отношениям, в труде о национально-освободительной борьбе балканских народов в начале XX в. одну из глав посвятил восстанию в Териссо на Крите в 1905 г. Но рассматривая вопрос об оккупации острова империалистическими державами в военно-стратегических целях, автор полностью обошел сюжеты о пребывании русского экспедиционного отряда на Крите. Во многих англоязычных и греческих исторических трудах, посвященных истории Крита данного периода, голословно утверждается, что Россия действовала на Балканах и на Ближнем Востоке лишь в корыстных интересах, при этом замалчиваются истинные политические цели европейских держав. Греческие исто-

дипломатии к восстанию на острове (вошедшему в историю под названием «Восстание в Териссо»), а также участием России в его подавлении в 1905 г.

Восстание, начавшееся весной 1905 г. в местечке Териссо, очень быстро распространилось почти на все районы Крита и грозило перерасти во всеобщее под лозунгом присоединения к Греции. Очень опасным стало положение в русском секторе острова с центром в г. Ретимно. Начальник экспедиционного отряда русских императорских войск на Крите полковник К.И. Урбанович имел в своем распоряжении всего 800 человек и занимал, кроме Ретимно, небольшими отрядами в 15–20 человек еще и главные окрестные пункты русской зоны. Его подчиненные контролировали и береговые таможни, которые приносили главный денежный доход Криту, в том числе и самую доходную из них, в Кастели. Инсургенты все более и более теснили русские отряды, иногда даже стреляя по ним. На запрос Урбановича, нужно ли оказывать сопротивление, глава российского генерального консульства в Канее А.Н. Броневский отвечал, что остается предоставить всю провинцию на произвол судьбы до прихода подкреплений. Вскоре несколько сот человек были по указанию Броневского отправлены на помощь русскому отряду на пароходе РОПиТа «Император Николай II» из Севастополя. Однако вспыхнувшие революционные волнения заставили вернуть войска обратно.

Урбанович, не считая более возможным держать отряды на опасных постах, стянул их в Ретимно, а инсургенты заняли оставленные пункты, в том числе и Кастели, где стали получать регулярный доход от ввоза и вывоза продуктов и употреблять его главным образом на покупку оружия. Для воспрепятствования доставке оружия по просьбе консула капи-

---

рики оценивают шаги российского правительства исключительно с точки зрения их ответственности национальным интересам самих греков. Можно с сожалением констатировать отсутствие работ зарубежных историков на указанную тему, хотя бы частично основанных на документах российских архивов, в чем мы видим главную причину столь поверхностного освещения политики России в критском вопросе. См.: *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960, с. 95–100; *Sumner B.H.* Tsardom and Imperialism in the Far and Middle East, 1880–1914. L. 1970; *Jelavich B.* A Century of Russian Foreign Policy 1814–1914. N.-Y. 1964; *Idem.* The Ottoman Empire. The Great Powers and the Straits Question, 1870–1887. Bloomington. L. 1973. *Idem.* Russia's Balkan entanglements, 1806–1914. Cambridge, 1991, etc. *Σβολόπουλος Κ.* Ο Ελευθέριος Βενιζέλος και η πολιτική κρίσις εις την αυτονόμου Κρήτης 1901–1906. Αθήνα, 1974; *Σβολόπουλος Κ.* Η Κρητική Πολιτεία απο το 1899. ΙΕΕ ΙΔ', ΕΤ. 13. 1977, σελ. 199–215 και 280–282; *Σβολόπουλος Κ.* Η περίοδος της Αθινονομίας // Κρήτη. Ιστορία και πολιτισμός. Ηράκλειο, 1988; *Λετοράκης Μαν.* Ιστορία της Κρήτης. Αθήνα, 1986; *Παπαμανουσόκης Σ.* Η ξενοκρατία στην Κρήτη, Αντι, τ.104; *Dutkowski J.S.* L'occupation de la Crete. Une experience d'administration internationale d'un territoire (1897–1909). Paris, 1953; *Bordeaux P.E.* L'occupation internationale de la Crete, La participation francaise, Paris, 1946; *Καφάλης Γ.* Η επανάσταση του Θερίσου. Αθήνα, 1987; *Αλιγιάκη Σ.* Η επαναστατική προκήρυξη της 22 Σεπτεμβρίου 1908. Αθήνα, 1989; *Ζαμπετάκης Εμμ.* Οι Ρώσοι στην Κρήτη. Κρητικά Χρονικά. Τ. 18, 1964. etc.

тан 2-го ранга Н.А. Петров ежедневно посылал миноносцы, которые днем и ночью обходили все бухты в русской зоне, в которых могла происходить выгрузка оружия. Командиры миноносцев были снабжены необходимыми для осмотра судов документами, подписанными консулами держав-покровительниц. Военные суда постоянно заходили в Ретимно, где командиры судов по просьбе консула встречались с полковником Урбановичем, готовые исполнить его поручения. В это же время в итальянской зоне в провинции Киссамо оружие провозилось беспрепятственно⁵. Англичане несколько раз также пытались навести порядок в Кастели, но в основном безуспешно. Они несколько раз применили огнестрельное оружие, но их рвение ослабло после того, как в одной из стычек два их солдата были ранены, причем одному пришлось ампутировать ногу.

После получения присланных все-таки подкреплений Урбанович решил восстановить порядок в Кастели. Он писал: «Необходимо проучить этих негодяев и жителей деревни, сплошь венизелитов». Понимая опасность и деликатность происходящего, консул Броневский решил сам ознакомиться с ситуацией и вышел на канонерской лодке «Храбрый» в Ретимно 23 мая. По сведениям Броневского, в Кастели находилось приблизительно 200 инсургентов и 30 русских солдат, поэтому консул считал, что лучше Кастели оставить, так как никто русских не поддержит. Урбанович, наоборот, полагал, что сведения консула об инсургентах преувеличены, и настоял на операции⁶.

Английский отряд в то же время занял местность Каливес с таможенной, куда могли заходить парусные суда с грузом оружия. Франция и Италия были вынуждены последовать примеру России и Англии: их отряды выступили для занятия прибрежных пунктов на Западе от Кандии и внутри острова. Однако ни в какие действия против инсургентов они не вступали, считаясь с мнением своих парламентов и оберегая жизни солдат. Таким образом, державы действовали сообща, как и в предыдущие годы. Вместе с тем постепенно проявлялось стремление западных держав использовать именно русские сухопутные и военно-морские силы для наведения порядка. Эта позиция подтверждается обнаруженными в российских архивах документами.

9 июня⁷ командир «Храброго» Н.А. Петров в рапорте в Главный морской штаб сообщал, что французы нередко обращаются к русским морякам за помощью, и приводил примеры. Так, во французской зоне в местечке Тойлу были арестованы беглые жандармы, и по просьбе фран-

---

⁵ Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352, л. 78–80.

⁶ Γενικό Αρχείο Κρήτης (ΓΑΚ). Д. 16. № 182, № 183.

⁷ Все даты даются по старому стилю.

цузского консула Петров послал за ними миноносец «Резвый», который доставил арестованных в крепость «Фирка». Случай этот был не единичным. Вскоре командир французского крейсера «Клебер» попросил Петрова отправиться с вверенной ему канонерской лодкой в Палео-Кастро, для запугивания инсургентов. Русский капитан отклонил просьбу, объяснив, что «Клебер», как большой крейсер, произведет гораздо большее давление на инсургентов, чем канонерская лодка «Храбрый», тем более что эта часть острова находится в ведении французов⁸.

По просьбе А.Н. Броневского капитан Петров держал также миноносец № 212 в состоянии полной готовности, чтобы оказать содействие английскому отряду по условному сигналу из крепости Изеддин. Правда, и англичане порой приходили на помощь. Так, в местечке Вамос в провинции Апокорона инсургенты окружили критских жандармов, решив морить их голодом. На выручку жандармам был послан в Каливес (русскую зону) небольшой английский отряд и крейсер «Минерва»⁹.

Консул Броневский, по согласованию с принцем Георгом, вскоре решил дать бой повстанцам в деревне Платания, где не справились французы¹⁰. 14 июня он сообщил Урбановичу о своем намерении послать «Храбрый» против инсургентов, и «если на предложение очистить эту деревню они не согласятся, то открыть огонь против них и выстрелами заставить очистить занятую позицию». Урбанович посчитал это опасным. Он также отказался от предложения консула объявить военное положение в Ретимно, поскольку не имел достаточного количества людей для патрулирования. «Да и что может помочь, если в четырех верстах от города останавливают и обыскивают солдат?» Из всего этого Урбанович заключал: «Необходимо уничтожить банды инсургентов; выступить в один день против них всем отрядом, а не только русским и не для прогулки только, — тогда, пожалуй, остановите движение в горы, и то, кажется, уже поздно»¹¹.

15 июня 1905 г., несмотря на сомнения, высказанные Урбановичем консулу, последний все-таки сделал распоряжения о формировании в Канее смешанного отряда в составе 58 человек 16-й роты Таганского полка под командованием поручика Зимина и 33 матросов при одном оружии, свезенном с «Храброго», под общим начальством мичмана Н. Драти-

---

⁸ Соколовская О.В. Россия на Крите, с. 109.

⁹ 14 июня Н.А. Петров телеграфировал в Морское министерство: «Инсургенты теснят французов у Платания; по заявлению консула, быть может, на днях придется открыть огонь с лодки по инсургентам, если присутствие “Храброго” и угрозы окажутся недостаточными. Консул считает, что только энергичное действие против восставших может остановить поголовное восстание». Французы и итальянцы же отказались от стычек с инсургентами в Платания и Киссамо и вернулись в город. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2016, л. 694–696.

¹⁰ См. тел. Н.А. Петрова от 9 июня 1905 г. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2016, л. 694–696.

¹¹ ГАК. Д. 16. № 187, № 185.

щева. Отряду предписывалось выступить 17 июня в деревню Колимбари через прибрежные деревни Платания и Пирго-Паслонеро¹².

В тот же день Броневский в письме к командиру «Храброго» Петрову сообщал о необходимости участия лодки в активном подавлении восстания: «Для обуздания все растущей в канейской провинции, — ввиду бездействия международных отрядов, — дерзости инсургентов, а также в расчете остановить имеющее произойти не сегодня-завтра присоединение к восстанию других партий, я считаю необходимым, не стесняясь присутствием в окрестностях Канеи инсургентских банд, послать 17-го сего июня в пятницу из столицы через Платания к деревне Колимбари отряд наших войск»¹³. Далее Броневский подробно инструктировал Петрова: «Отряду следует выйти из Канеи в 5 утра; а Вас прошу поддержать оный своим присутствием между Платания и Колимбари; в случае, если бы где-либо по дороге инсургенты воспротивились проходу нашего отряда и открыли бы по нему огонь, прошу Вас открыть огонь с лодки по инсургентам (подчеркнуто нами. — О. С.), дабы заставить их замолчать и пропустить наш отряд, которому во что бы то ни стало следует перейти мост на речке Платанос, от которого французский отряд во главе с подполковником Любанским вынужден был отступить 6-го июня. Еще раз повторяю, что маневр этот считаю, по обстоятельствам настоящего времени, необходимым, а стало быть, и Ваше участие, как на берегу, так и с моря, неизбежным. Что касается подробностей предстоящего дела, то я не премину сообщить их Вам при нашем свидании завтра на “Храбром”»¹⁴.

В пятницу 16 июня Петров отправил мичмана Дратищева, который оказался в экспедиции старшим и начальником всего смешанного отряда, с орудием Барановского¹⁵ и прикрытием 33 нижних чинов, из Суды по шоссе в Канею, где команда заночевала в русских казармах.

Следует отметить, что перед отправкой отряда из Канеи на задание Дратищев получил лично от консула последние указания. По его приказу отряду следовало идти в Колимбари, а оттуда в Аликиано, о чем еще не было известно командиру всего отряда капитану Н.А. Петрову.

Но вместо предполагавшейся прогулки десанту 17 июня пришлось вступить в настоящий бой с повстанцами. Русский отряд действовал под прикрытием «Храброго» и французского миноносца. Его обстоятельства

---

¹² Соколовская О.В. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006, с. 110.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352. Л. 61.

¹⁴ Там же. Л. 61–62.

¹⁵ Орудие Барановского — это десантная скорострельная пушка известного русского изобретателя В.С. Барановского, работавшего на заводе Нобеля в Петербурге. Использовалась широко на флоте, особенно в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.

были подробно изложены в рапортах Н.А. Петрова и Н. Дратищева, которые дополняют друг друга¹⁶.

После прихода лодки «Храбрый» в Канею, куда были доставлены отряды Дратищева и Богдасарова с орудием, Н.А. Петров поехал к консулу, чтобы сообщить о происшедшем. Броневский, являвшийся сторонником решительных действий, остался очень доволен экспедицией, особенно учитывая, что вместе с русскими моряками по инсургентам стреляли французы. «Можно надеяться, что остратка подействует», — с удовлетворением докладывал генеральный консул в МИД России¹⁷.

Этот бой вызвал бурное осуждение в политических кругах Крита и в Греции. В РГА ВМФ имеется перевод публикации одной из вечерних греческих газет за 17 июня 1905 г., где описывалась стычка русского десанта с инсургентами в Платании. На переводе имеются многочисленные замечания на полях самого капитана Н.А. Петрова, в которых он объяснял для морского министерства каждый выстрел, произведенный из орудий с лодки:

«1. Стрельба производилась только по стрелявшим инсургентам. Вооруженные инсургенты видны были повсюду, но по ним не стреляли, пока они не открывали огонь.

2. Частого огня не открывали, а по несколько выстрелов одновременно из мелких орудий давали, когда инсургенты усиливали огонь, и линия их засады была велика.

3. По последним сведениям консула, оказывается, что эта старуха — чесоточная и лежала при смерти больная. Страх от выстрелов ускорил ее смерть. Ранена другая женщина, стоявшая за стрелявшими инсургентами, она получила увечье деревянным осколком. Ей сделана перевязка и она жива и, как говорят, вне опасности»¹⁸.

В Канею после событий 17 июня усилились антирусские настроения, грозившие семьям военных. Войска были приведены в боевую готовность в казармах. «Так как до сего времени только мы одни оказывали инсургентам некоторое сопротивление, все же остальные войска на Крите держали себя таким образом, чтобы инсургенты считали эти войска к себе расположенными, — записывал в дневнике К. Урбанович, — что и высказывали нам с удивлением при всяком удобном случае, поэтому я просил российского генерального консула разъяснить, как нам держаться по отношению инсургентов — не уступать им и действовать против них оружием или избегать с ними встречи?» «Что это за ответ держав, которому так

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352, л. 59–62об.

¹⁷ Там же. Л. 56об; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502, л. 311.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352, л. 63об.–64; *Соколовская О.В.* Россия на Крите, с. 111–115.

рады венизелиты?» — спрашивал Урбанович Броневского. На что консул отвечал: «Не было никакого ответа держав. Вчера греки меня и всех русских грозились уничтожить, но сегодня успокоились». Консул советовал действовать по обстоятельствам, не подвергая отряд опасности, и сообщал, что подкрепления уже вышли из Одессы, а французы открыли огонь с миноносца у Платании в поддержку русского отряда. Эти сведения консул просил распространить широко в Ретимно¹⁹.

Европейские державы провели необходимую дипломатическую подготовку своего очередного шага и 2 июля 1905 г. консулами четырех держав-покровительниц был подписан ультиматум инсургентам. Им предлагалось добровольно в течение нескольких дней очистить таможду в Кастели-Милопотамо. В противном случае предполагалось освободить ее силой российского морского (канонерской лодки и двух миноносцев) и сухопутного (в несколько сот человек) отрядов.

Командир «Храброго», не понаслышке знакомый с обстановкой на острове, отнесся к ультиматуму скептически. «Весьма трудно представить, чтобы он привел к желаемому результату, — писал капитан Н.А. Петров, — так как Кастели-Мелипотамо своими таможенными сборами дает инсургентам значительный доход, в котором они сильно нуждаются, и поэтому вряд ли очистят место без сопротивления». По его мнению, «о согласии действия всех четырех наций в данное время не может быть и речи, так как восстание на Крите растет, а французы и итальянцы стеснены в действиях своими парламентами, симпатизирующими инсургентам»²⁰.

3 июля 1905 г. в Суду прибыл русский батальон в 330 человек и тотчас же был отправлен в Ретимно. После присылки очередного подкрепления консул Броневский посчитал возможным отбить Кастели у инсургентов. 10 июля командир «Храброго» отправил шифрованную телеграмму управляющему морским министерством, в которой писал: «Державами предписан инсургентам ультиматум срок 18 июля, после чего предполагается очистить занятую ими таможду русской зоны Кастели-Мелипотамо. Возможна необходимость открыть огонь для поддержки сухопутного отряда». Телеграмме предшествовала встреча Петрова с консулом Броневским, на которой обсуждался план занятия Кастели. Броневский сообщил, что Урбанович может выставить только 400–500 человек и что с ними пройти все расстояние до Кастели невозможно, так как двигаться можно только под прикрытием канонерской лодки или миноносцев, а 1/3 часть дороги уходит от берега в горы. Тогда появился проект доставить десант и, высадив его, взять Кастели. На это Петров заявил, что считает эту задачу невыполнимой, так как десант, особенно сухопутный, можно было

¹⁹ ГАК. Д. 16. № 185.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352, л. 71–71об.

высадить, только очистив место от инсургентов, а это в гористой местности невыполнимо без содействия сухопутных войск на берегу, так как «все инсургенты скроются по склонам гор, которые с лодки не могут быть обстреляны». Кроме того, лодка не имела достаточного количества десантных ботов, а на судовых шлюпках десант мог быть высажен только по частям не более 80–100 человек сразу. Поэтому Петров был уверен, что их перестреляют из-за прикрытия раньше, чем шлюпки дойдут до берега, даже при условии уничтожения всего поселка в 64 дома, так как инсургенты будут стрелять из-за больших камней и с вершин окружающих Кастели гор. Командир считал, что если предпринимать совместные действия сухопутных войск и лодки, то ему необходимо было заблаговременно в Ретимно посоветоваться с Урбановичем для всестороннего обсуждения операции, принимая в расчет самые худшие обстоятельства. В результате намечаемый поход был отложен на неопределенное время, и консул запросил в России дополнительные подкрепления, которые вскоре были присланы²¹.

Н.А. Петров торопился доложить об этом плане действий в Главный морской штаб, так как понимал, что сложившаяся ситуация «вызовет необходимость открыть огонь по инсургентам», и хотел получить письменное одобрение этого и соответствующие инструкции. До сих пор у Петрова было только словесное приказание Главного морского штаба открывать огонь по просьбе консула. Как работал бюрократический аппарат в России, хорошо видно по датам прохождения рапорта Петрова. На документе (рапорте) имеется пометка от 30 июля 1905 г. В.А. Безобразова: «Доложить министру для получения общих указаний». Доложено было 4 августа. И только в середине августа «министр приказал телеграфировать, чтобы капитан руководствовался указаниями консула в отношении открытия огня»²². И это в то время, когда на Крите ситуация осложнялась с каждым днем!

Петров с беспокойством докладывал в Морское министерство: «Инсургенты стекаются со всех сторон к Кастели-Мелипотамо, что доказывает, что они намерены оказать сопротивление, и дело может быть серьезным и не обойдется без жертв на сухом пути с обеих сторон. Я открываю огонь только для защиты русских войск, когда по ним стреляют инсургенты и когда о том меня просит наш генеральный консул»²³.

24 июля Броневский получил секретное уведомление от Урбановича, что в настоящее время Кастели мало защищено, инсургентов там почти нет и взять его очень легко. Для этого необходимо на «Храбром»

---

²¹ Там же, л. 80, 82–83об.

²² Там же, л. 69–71об.

²³ Там же, л. 72.

доставить туда две роты из Ретимно и содействовать их высадке. Вечером того же дня генеральный консул в письме к Н.А. Петрову поставил задачу: как можно скорее изгнать инсургентов из Кастели²⁴.

При этом Броневский неоднократно, устно и письменно, подчеркивал, что «было бы желательно произвести эту операцию путем мирным, дав инсургентам краткий срок для очищения города». Однако если инсургенты не уйдут, то консул предлагал осуществить высадку морского десанта под прикрытием огня. Петров считал операцию трудновыполнимой, но Броневский настаивал, считая ее «чрезвычайно важной для дальнейшего успеха наших действий в ретимском секторе»²⁵. Петров просил Броневского, чтобы на «Храбром» в операции принял участие и сам начальник русского отряда Урбанович, так как он лично не верил в возможность занятия Кастели. 25 июля командир «Храброго» дал телеграмму в Морское министерство: «Завтра по просьбе консула иду в Кастели. Предполагается поддержка огнем русского отряда».

25 июля в 8 часов утра лодка снялась с якоря и направилась в Ретимно. Там капитан получил телеграмму от Урбановича, который сообщал, что сам не сможет прибыть и принять участие в операции, так как у него вновь воспалились раны на ноге. Тогда капитан Петров немедленно поехал к нему домой, безуспешно уговаривая прибыть на лодку. Другой штаб-офицер также отказался идти, и командир «Храброго» остался начальником экспедиции, причем ему были поручены 2 роты (184 человека) сухопутных войск при офицерах и 10 критских жандармов, при начальнике — итальянском капитане Каросини. Урбанович подтвердил, что инсургентов в Кастели почти нет, что оставшиеся разбегутся при первых же выстрелах с лодки и что с гор пули до Кастели не достают. Кроме того, и Урбанович, и генеральный консул просили, чтобы «на этот раз огонь был действительный, так как... предводители восстания уверили инсургентов, что европейцы по ним стрелять не будут». «Хотя я не считаю себя вправе предпринимать агрессивные действия и открывать огонь по просьбе консула в смысле прикрытия или защиты атакованных русских войск, — писал Петров, — но в данном случае не считаю возможным отказаться от экспедиции, понимая, что внезапность ее вызвана исключительно случаем, который может более не представиться (отсутствие инсургентов)».

После визита «Храброго» в Кастели было повреждено много домов; были раненые и убитые инсургенты. Таким образом, капитан «Храброго» оказался начальником экспедиции, в которой вынужден был самостоятельно действовать наступательно против инсургентов. Не считая

---

²⁴ Там же, л. 65–66.

²⁵ Там же, л. 83–85 об.

себя уполномоченным на такие действия (он был назначен нести «стационарную службу»), получив приказание только в крайнем случае открывать огонь по просьбе консула для поддержания русских отрядов, он отказался впредь, без особого на то приказания своего петербургского начальства, исполнять подобные поручения, о чем Петров немедленно сообщил консулу Броневскому²⁶.

Постепенно европейские войска занимали один за другим все важнейшие центры Крита, после чего генеральные консулы решили вновь провести переговоры с повстанцами. Большинство разделяло мнение французского консула Моруа, что в сложившейся на Крите обстановке державам-покровительницам лучше пойти на мирное урегулирование вопроса. Моруа полагал, что гораздо полезнее согласиться на некоторые уступки восставшим, чем еще больше обострять борьбу и втягивать оккупационные войска в длительные военные действия с повстанцами²⁷.

В конце июля 1905 г. в монастыре близ Мурниеса состоялась встреча представителей четырех держав — генеральных консулов — с вождями повстанцев — Э. Венизелосом, К. Маносом и К. Фумисом. Английский консул обратился к повстанческим вождям с речью, в которой указал на всю безрассудность мятежа, ведущего к разорению острова. Консулы заявили, что не имеют намерения и не считают возможным менять политический статус острова в настоящее время, что они готовы выслушать и обсудить мнение восставших о необходимости проведения различных внутренних реформ на острове. При этом повстанцам была обещана амнистия, как только они сложат оружие. Державами были предложены различные пути политического урегулирования конфликта, а также заявлено, что в случае отказа они готовы применить репрессивные меры. В свою очередь, предводители восставших сообщили консулам, что прекратить восстание уже невозможно, но все силы инсургентов будут направлены на борьбу с существующим административно-политическим режимом принца Георга²⁸. Их требование: созыв Национальной ассамблеи, избранной совместно палатой депутатов и повстанческим центральным революционным комитетом в Териссо, которая призвана решить критскую проблему. Сдавать оружие повстанцы категорически отказались.

Из донесения Броневского мы узнаем, что вскоре Венизелос обратился к своим единомышленникам в Кандии с письмом, в котором заявлял, что «ввиду невозможности изменить международное положение Крита, усилия инсургентов должны быть направлены на радикальную борьбу с существующим внутри острова режимом». В письме содержалось откры-

---

²⁶ Там же, л. 80–81.

²⁷ *Chester S. Life of Venizelos*. London, 1921, с. 117; *Галкин И.С.* Указ. соч., с. 30.

²⁸ *Галкин И.С.* Указ. соч., с. 128.

тое обвинение в адрес верховного комиссара, призвавшего иностранные войска для борьбы против критян и создавшего невозможные политические условия на острове²⁹. Венизелос лукавил, так как греческая королевская семья делала все, чтобы решить вопрос о присоединении Крита к Греции.

Переговоры держав с инсургентами вызвали обиду принца и привели «в бешенство» правительственную партию. Возникшие разногласия на время парализовали действия держав, и восстание продолжалось³⁰.

В связи с тем, что переговоры с повстанцами зашли в тупик, российский генеральный консул Броневский поднял перед своим петербургским начальством вопрос о присылке на остров греческого отряда взамен международных войск. По его мнению, при одном только появлении на Крите греческих солдат «все само собой разрешится». Однако министр В.Н. Ламздорф полагал, что «все это отнюдь не устраняет надобности в неотложной, строгой и энергичной репрессии против восстания»³¹.

Предложение Броневского полностью согласовывалось с желанием Греции. В одном из перехваченных в это время писем Венизелоса на имя кандийского адвоката Хадзидакиса говорилось, в том числе, о позиции греческого премьер-министра Д. Раллиса, который весьма благосклонно отзывался о восстании и осуждал действия критского Народного собрания. Раллис был уверен, что критский вопрос будет в скором времени решен в национальном духе, т. е. что на Крит будут высланы греческие войска и что будет назначен в качестве администратора кто-то из видных греческих политиков. Об этом якобы будет объявлено после возвращения короля Георга I из заграничной поездки, чтобы показать грекам, что его действия способствовали успеху дела³².

Греческий король Георг I, выражая готовность послать на Крит греческие войска, пытался выяснить отношение к этому Европы, однако Франция, Англия и особенно Италия посчитали, что это было бы равносильно присоединению острова к Греции, и вопрос сам собой отпал³³.

В конце июля, несмотря на возражения Италии, которая после провала переговоров с повстанцами предпочла блокаду острова, консулы объявили о введении военного положения в самых беспокойных районах, которое не будет снято вплоть до полного разоружения инсургентов. Державами были выработаны правила военного положения для каждого из

²⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502, л. 333об.

³⁰ *Holland R.* The Prince, The Powers and «The unfortunate regime»: The high commissionership of Prince George of Greece in Crete, 1898–1906. Κρήτη // Η τελευταία φάση του κρητικού ζητήματος. Ηράκλειο, 2002, с. 38.

³¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502, л. 337об.; Там же. Д. 2542, л. 48.

³² ГАК. Д. 16. № 190.

³³ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502, л. 330; Там же, л. 199–200.

секторов. Наиболее строгими они были в английском секторе, где вводилась предварительная цензура всех газет и брошюр политического содержания, писем и телеграмм, за исключением официальных. В Кане было учреждено цензурное бюро во главе с адъютантом французского батальона капитаном Бубалем. Однако уже 8 августа консул сообщал о досадной ошибке цензуры: в газете «Элефтерон вима» было пропущено сообщение об уходе итальянских войск, о несогласиях между державами, о решении России предпринять поход против Крита. Эти сведения были ложными и поэтому все экземпляры газеты были арестованы³⁴.

В середине августа 1905 г. командир «Храброго» Н.А. Петров получил приказание из Петербурга отправиться вместе с Броневским в Ретимно для обсуждения с Урбановичем плана совместных действий для новой атаки и взятия Кастели, у которого скопилось уже около двух тысяч вооруженных инсургентов во главе с Биракисом. Петров в тревоге писал в морское ведомство: «Таким образом, в то время, когда иностранные державы—покровительницы все меньше и меньше действуют оружием даже и с сухого пути, мы переходим в наступательные действия, чем вызываем усиливающуюся ненависть к себе как на Крите, так и особенно в Греции, где каждое дело “Храброго” вызывает большое возбуждение, так как “Храбрый” единственное военное судно, действующее на Крите огнем из орудий против инсургентов». Командир «Храброго» был серьезно обеспокоен реакцией на выстрелы с вверенного ему судна и запросил дальнейших инструкций в Морском министерстве. 6 августа на его запросы адмирал Вирениус телеграфировал: «Министр приказал руководствоваться указаниями консула по вопросу об открытии огня». Таким образом, Петербург фактически давал добро на применение огня. В российских верхах все более опасались народных волнений, тем более носящих, как на Крите, демократический характер.

Прибывший для устрашения восставших в Кастели стационар «Храбрый» выполнил задачу: Биракис покинул селение по просьбе напуганных жителей. Затем Кастели был занят только что сформированной правительственной стражей. Постепенно, несмотря на крайне недоброжелательное отношение восставших к русским войскам и, особенно, к жандармам, в условиях военного положения, объявленного державами, восстанавливалась «законная власть» верховного комиссара принца Георга.

Однако военное положение, введенное державами в самых неспокойных районах Крита, не только не остановило восставших, но, напротив, еще больше их ожесточило. Инсургенты отреагировали немедленно: была перекрыта дорога, ведущая в Канею, поставлен пост у источника, где русские брали воду. Броневский беспокоился, что восстание перерастет во

---

³⁴ ГАК. D. 16. № 191.

всеобщее. Хотя была установлена стража у канейских ворот для наблюдения за вывозом припасов, мера не действовала, и вскоре стало известно о присылке в Териссо 300 мешков муки и огромного количества провизанта из Каней³⁵.

В Ретимно производились обыски в домах сторонников Венизелоса, и в числе писем инсургентов были доказательства того, что итальянский генеральный консул и итальянский отряд поддерживали тесные отношения с повстанцами³⁶. Были вскрыты два письма Венизелоса; одно из них — к начальнику отряда Какурису. В нем он просил его «помочь образованию правительственной стражи» в провинции Апокорона с тем, чтобы поставить ее фактически под контроль инсургентов. Найдены были письма Биракиса и Маноса к Венизелосу, в которых описывалось положение инсургентов в ретимском округе как «отчаянное, так как после создания стражи люди стали покидать отряды инсургентов». Биракис боялся, что «если русские объявят амнистию, то и последние 17 человек его покинут». Биракис «проклинал тот день, когда Манос прибыл в Аджипопуло», последствием чего было кровавое столкновение с русскими войсками, столь неудачное для инсургентов. Напротив, в найденных письмах Венизелоса высказывалась твердая уверенность в успехе их предприятия, указывалось на то, что в конце концов «опасения за ненадежность трона заставит и короля, и королевскую семью открыто и серьезно хлопотать о присоединении острова к Греции». В письме также сообщалось, что Манос выступает с 150 повстанцами в ретимский округ «для воодушевления восстания, так как вследствие дикого отношения русских к повстанцам последние напуганы»³⁷.

Прочитав эти письма, 14 августа Урбанович немедленно напечатал прокламацию, предлагая населению сдать оружие в обмен на амнистию инсургентам. Он был уверен, что желающих сложить оружие будет вскоре очень много, так как появилось ощущение, что восстание агонизирует. В связи с этим Броневский отказал Урбановичу в присыле новых подкреплений из России³⁸.

В середине августа Урбанович сообщил консулу, что Манос, Биракис, Пападерос и Скуляс все еще в Рустике, но ночью собираются уйти в Апокорону. Останется человек 40 в Рустике и 20 в деревне Амари, а остальные сдадутся. «Со временем сделаю то же (как в Пиги. — О. С.) и в Рустике, только строже, и в Амари и с восстанием в секторе покончим». 16 августа 1905 г., однако, в Апокорону ушел только Манос, а осталь-

---

³⁵ Там же. № 191.

³⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545, л. 157.

³⁷ ГАК. № 191.

³⁸ Там же. Д. 16.

ные решили оказать сопротивление русским войскам. «Ввиду угрозы моей, объявленной жителям Аджиопоуло, что я сожгу деревню в случае покушения на жизнь кого-либо из отряда, занимающего эту деревню, — писал Урбанович, — инсургенты прислали объявить жителям дер. Аджиопоуло, что если они не отстроят разрушенные русскими дома, то они, инсургенты, нападут на русские посты для того, чтобы русские сожгли деревню». Руководитель «банды» Ляндрис потребовал от жителей заплатить ему лично 200 наполеондоров за его разрушенный дом в деревне³⁹.

Во французском секторе в конце августа, в провинции Сития и Лясити, было еще несколько вспышек восстания, возникавших по призыву местного духовенства (действовал отряд в 100 человек), но прекращавшихся, стоило отряду жандармов войти в деревни. Затем были попытки к образованию отрядов в провинциях Милопотамо и Амари в связи со слухом, что через две недели придут войска из Греции⁴⁰.

Чтобы помешать Маносу «прогуливаться по русскому сектору», Урбанович просил разрешения консула занять Георгиуполис, расположенный в канейском секторе, что «позволит задерживать любые идущие к нам банды». Броневский свое согласие дал. О дальнейших передвижениях Биракиса и Маноса неоднократно сообщал Урбановичу начальник английского отряда в Кандии подполковник Пантон, получивший впоследствии благодарность от русского начальника «за оказанную товарищескую помощь»⁴¹.

Подводя итог операции, Урбанович с нескрываемой гордостью записал в дневнике: «Таким образом, поход наш увенчался большим успехом: сопротивление инсургентов в русском секторе сломлено, и по всему вероятно, на все время нашего пребывания на Крите». Это не означало окончания деятельности революционного комитета в Териссо и прекращения стычек, но восстание действительно пошло на спад⁴². По подсчетам Урбановича, в экспедиции по занятию деревень принимали участие две роты Виленского полка и полурота Таганского полка, полурота критской жандармерии под командованием капитана Каросини. Той благоприятной ситуации для восставших, какая была в начале года, теперь уже не было, особенно среди самого критского населения.

24 августа в новой прокламации начальника русского отряда разъяснялось, что все преступления, за исключением уголовных и дезертирства жандармов, подлежат амнистии. «Кто пожелает вернуться к своим очагам и приняться за свои мирные занятия, может это сделать без вся-

---

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. № 193.

⁴¹ Там же. № 190.

⁴² Там же. № 192.

кого опасения», — подчеркивалось в прокламации. Для этого нужно было лишь явиться к русскому офицеру в ближайшую деревню, в которой находится русский отряд, сдать ему свое оружие и дать подписку о том, что впредь в революционном движении никакого участия принимать не станет⁴³. По словам одного греческого негоцианта, беседовавшего с российским консулом на Мальте Г.А. Саксом, «русское имя и русский отряд навлекли на себя нисколько не скрываемую ненависть жителей, которые решили даже произвести неожиданное нападение на русский отряд». Он говорил также, что «отряды других держав, в особенности англичан, такой ненависти к себе не возбуждают»⁴⁴. Однако правительство России держало ответ лишь перед царским двором, у которого была своя собственная позиция по отношению к революционным действиям и восстаниям. Позиция остальных держав, особенно Англии, была весьма похожей, но четко следовала ей лишь Россия.

Осенью 1905 г. во французском и в английском секторах были также предприняты активные действия, в результате которых большинство инсургентов ушли в итальянский сектор (в западную часть острова). В это время итальянский крейсер «Ломбардия» ушел в Италию, и из итальянских судов в критских водах оставались лишь два минных крейсера и один миноносец. Восстание продолжалось теперь именно в итальянском секторе, в который вскоре вошли русские и английские войска с целью усмирения восставших. В связи с тем, что английский генеральный консул Эсме Ховард ушел в отпуск, Броневский был теперь старшим среди европейских консулов в Канее. В полном согласии с принцем Георгом он дал указание о преследовании инсургентов даже в итальянском секторе.

28 сентября 1905 г. русский сухопутный отряд выступил из Ретимно в Георгиуполис, находящийся в итальянском секторе, где был встречен огнем инсургентов. Отряд открыл ответный огонь, и инсургенты, потеряв троих ранеными, отступили. После этого русский отряд занял Георгиуполис (Приморское), однако вскоре был окружен значительными силами инсургентов, открывших огонь с гор⁴⁵.

Россия оправдывала вхождение в чужой сектор тем, что ее позиции постоянно находились под прицелом инсургентов на границе. «Само соседство не усмиренного сектора нас очень стесняло, — писал Урбанович, — постоянные набеги, беспокойство для отрядов Рустика и Епископи и т. д. — все это заставило войти в Апокорону и предпринять прогулку туда с целью остаться на несколько дней». Консул считал, что нужно воспользоваться первым же предлогом и пойти дальше в Вамос, если

---

43 Там же. Д. 16. № 193.

44 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502, л. 220.

45 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3352, л. 721–722об.

туда и также в Каливес еще не войдут итальянцы. Он требовал подготовиться к операции в Вамосе, на что Урбанович возражал, считая дальнейшее наступление «рискованным», а отряд в 240 человек очень маленьким для операции в чужом секторе за 30 с лишним верст от базы. Он указывал на то, что отряд устал от походных условий при холодном дожде, но консул торопил, желая опередить итальянцев, выступивших в Вамос. Русские войска готовы были перейти далее в международный сектор (в Канею), но Броневский, спохватившись, остановил дальнейшее продвижение отрядов. Генеральный консул сообщил Урбановичу, что «наше занятие Георгиуполиса возымело, как и ожидалось, удручающее действие на инсургентов». Поэтому «дальше идти отсюда не следует, и дело правительств решить на будущее время вопрос о действиях наших войск в чужом секторе»⁴⁶.

Западные державы не высказывали своего несогласия с действиями русских, а англичане, согласно традиции «загреть жар чужими руками», даже не возражали против расширения зоны действий русских войск на часть их сектора. Однако в результате вышеизложенных событий чуть было не разразился дипломатический скандал между Россией и Италией. 3 октября итальянский консул граф Фатиотти попросил Броневского, чтобы русские войска не трогали инсургентов, если они сами не будут нападать на русский отряд, и в этом случае итальянцы начнут оккупацию Каливеса и Вамоса. Броневский ответил, что «такие атаки уже имеют место, и что он развязал руки Урбановичу и не может более сдерживать войска и не наступать. Инсургенты... сами не сдержали слово — не нападать на русские силы». На это итальянский консул заявил, что тогда итальянцы воздержатся от наступления⁴⁷, но в то же время потребовал, чтобы русский отряд прекратил продвижение в глубь их сектора и не двигался далее Георгиуполиса. На соответствующей секретной телеграмме Броневского Николай II написал: «Вот народ, сами ничего не делают, а другим мешают!» В октябре 1905 г. император, внимательно ознакомившись с донесениями Броневского, дал указание не сокращать русские силы на Крите⁴⁸.

После встречи с итальянским консулом Фатиотти его российский коллега просил Урбановича дать указание своим отрядам остаться в Георгиуполисе, а в Вамосе вызвать вождей повстанцев на переговоры. На переговорах следовало предложить им сдать оружие, пообещав, что «никаких репрессий не будет» и что «все равно, кому его сдать — нам или итальянцам», то есть постараться «прекратить напрасную борьбу и вызвать их на откровенный разговор, спросив, на что же они надеются все еще?»⁴⁹.

---

⁴⁶ ГАК. Там же. № 197.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. № 198; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544, л. 35.

⁴⁹ ГАК. Д. 16. № 197.

В письме Фумиса от 5 октября к российскому консулу сообщалось, что начальники инсургентов почти не в состоянии разоружить своих подчиненных и хотели бы просто покинуть остров. От имени руководителей повстанцев Фумис просил также, чтобы критская палата издала закон, разрешающий критянам носить оружие. Эта мера, по его убеждению, способствовала бы умиротворению острова. Повстанцы выразили сожаление, что события привели к кровопролитию. Один из их руководителей, Какурис, добавил, что он приказал по русским не стрелять, когда те занимали Георгиуполис, но некоторые инсургенты его не послушались — открыли огонь. Он обещал очистить любую деревню в Апокороне, лишь бы русские его заранее предупредили о своем приходе. Какурис заявил также, что инсургенты ждут окончательного решения Европы относительно участи Крита. Если будет объявлено о необходимости разоружить инсургентов — они покорятся. Если же решение Европы не будет единогласным, то они сдадут свое оружие только греческому королю⁵⁰.

Броневский оценил все это как слабость повстанцев: «Становится очевидным, что восстание решило сдаться и... переговорами старается лишь выговорить себе как можно больше льгот»⁵¹.

Через несколько дней итальянский консул вновь встретился с Броневским. Он заявил, ссылаясь на сведения, полученные через своего секретаря Мангузо, что инсургенты не нападали на русских, никаких столкновений не было, а поэтому он, барон Фатиотти, уже отправил итальянские войска для оккупации сектора. Сегодня же будут заняты Каливес и Вамос⁵². Именно об этом говорилось в одном из перехваченных писем повстанцев: «Назло русским мы пригласили итальянцев, и они заняли Каливес и Вамос».

Итальянцы объявили военное положение в этих пунктах, но лишь в пределах 1 км вокруг городов⁵³. Инсургенты в Вамосе устроили торжественную встречу итальянским войскам, о которой рассказал российскому генеральному консулу житель деревни, преданный принцу. Венизелос, Фумис и Манос вышли навстречу со стрельбой и криками приветствия, а потом был устроен настоящий пир. После занятия Вамоса и Каливеса итальянцами инсургенты решили очистить провинцию Апокорона и перейти в Кидонию⁵⁴.

Несмотря на суровые меры, предпринятые по подавлению восстания, Россия активно участвовала в переговорах великих держав с повстанцами и первая распустила гражданскую стражу в своем секторе, что

---

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. № 198.

⁵⁴ Там же.

произвело самое благоприятное впечатление на жителей. Броневский подчеркивал, что «русские отнюдь не имеют в виду какие-либо репрессии за участие в восстании»⁵⁵.

17 октября 1905 г. генеральные консулы четырех держав послали в Териссо ноту, в которой объявляли, что решение инсургентов о прекращении борьбы может быть принято на следующих условиях: восставшие должны сложить в каком-нибудь условном месте 800–1000 ружей новейших систем и в хорошем состоянии, а также соответствующее количество патронов к этим ружьям. Им будет даровано прощение за все их действия во время восстания. Наконец, правительства великих держав обещали назначить временную специальную комиссию по наблюдению за реформами, какие будут признаны необходимыми для благоденствия острова, и четкого исполнения конституции и всех существующих законов, а также заявляли о своей готовности обеспечить полную свободу выборов в Народное собрание Крита.

На следующий день был получен ответ: восставшие сожалеют, что правительства европейских держав не посчитали возможным присоединение острова к Греции. Все же они не могут не признать значительного участия и доброжелательства держав, которые старались уменьшить страдания критского народа, происходящие из-за существующего ныне порядка. Повстанцы надеются, что жандармы, перешедшие на их сторону, будут прощены, учитывая мотивы их поступка. Далее в ответном письме говорилось, что трудно или почти невозможно заставить повстанцев сдать оружие, и предлагалось его вывезти в Грецию. В конце вожди восстания заявляли уже в форме угрозы, что если консулы будут настаивать на сдаче оружия, то этим они лишат их полноты власти, и порядок будет опять нарушен. Насколько тон письма от 5 октября (то есть вслед за занятием Георгиуполиса) был покорный, настолько это письмо отличалось заносчивостью. «Очевидно влияние на инсургентов со стороны наших соседей», то есть итальянцев, отмечал российский консул. Однако отсутствие денежных средств и наступившие холода скоро вынудили инсургентов сложить оружие⁵⁶.

Вожди восстания довели до сведения великих держав, что они готовы доверить им решение критского вопроса⁵⁷. 3 ноября состоялась встреча Венизелоса с консулами, на которой было решено прекратить военные действия на основе сдачи повстанцами оружия правительству в количестве 750–800 ружей. Инсургентам предложено было сложить до 1 тыс. винтовок⁵⁸. Державы еще раз подчеркнули, что свободными будут

---

⁵⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544, л. 123.

⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2016, л. 724об.

⁵⁷ *Chester S.* Op. cit., с. 117.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544, л. 45.

считаться все, кроме жандармов-дезертиров и уголовных преступников, осужденных уже полевыми судами.

Началось постепенное сокращение международных сухопутных и морских сил (доходивших в последний год до 12 военных судов держав). 16 ноября 1905 г. Бронеvский телеграфировал своему начальству в Петербург: «Счастлив донести Вашему сиятельству, что с восстанием покончено. В воскресенье было сдано инсургентами от 700 до 750 ружей, после чего предводители с некоторым числом приверженцев временно покинули остров»⁵⁹.

Постепенно были отпущены все повстанцы, арестованные за сопротивление русским войскам; решено было не требовать выдачи дезертировавших жандармов и дать им возможность покинуть остров. «9 ноября, — писал капитан Петров в рапорте, — с острова Акротирй отправились в Грецию беглые критские жандармы. Восстание с этого момента можно считать прекратившимся, хотя в городах еще есть вооруженные критяне, которых разоружить было невозможно, так как они не повинуются своим вождям, которые, сдав около 750 ружей, покорились правительству»⁶⁰. Большая часть ретимских граждан (особенно мусульман) не сочувствовала восставшим. Многие после учреждения правительственной стражи уже открыто выступали против Венизелоса.

22 ноября 1905 г. командир крейсера «Храбрый» Петров телеграфировал морскому министру, что предполагает, с разрешения генерального консула, идти в Пирей. Миссия по подавлению восстания, которую Петров всячески хотел свести лишь к «крейсированию», что не удалось, теперь заканчивалась. Он тяжело переживал происшедшее — что ему пришлось открывать огонь, но Николай II остался вполне доволен таким образом действий русских военно-морских сил на Крите.

25 ноября 1905 г., после сдачи оружия инсургентами, была официально объявлена амнистия всем участникам восстания. Державы не допустили своими достаточно жесткими согласованными действиями решения критского вопроса силовым методом.

---

⁵⁹ *Chester S.* Op. cit., с. 116; ГАК. Д. 16. № 198.

⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2016, л. 732–732об; АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2544, л. 48об.

Ю.Н. Тихонов

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ МИССИЯ»
ДЖЕМАЛЬ-ПАШИ
В АФГАНИСТАНЕ
(1920–1922 гг.)

Успех первых дипломатических шагов Советской России в Афганистане был во многом результатом тесного сотрудничества большевиков с одним из лидеров младотурок Ахметом Джемаль-пашой. Его деятельность в Москве и Кабуле в 1920–1922 гг. продолжает оставаться объектом пристального интереса отечественных и зарубежных исследователей¹. Автор данной публикации уже рассматривал в ряде своих работ «пуштунское направление» в деятельности этого турецкого политика в Афганистане². При этом каждый раз приходилось сожалеть о том, что большое количество ценной информации о военно-политических акциях Джемалья оказывалось за рамками изучения вопроса о подготовке антибританского восстания патанов Британской Индии. Данная статья призвана восполнить неизбежные «издержки» концентрации историка на исследовании одной темы и более полно, на базе новых архивных документов, осветить участие младотурецкого лидера не только в «Большой игре», но и во внутривосточных событиях в странах Центральной Азии в начале 1920-х гг.

---

¹ К примеру: *Гилсен В.М.* Сотрудничество Красной Москвы с Энвер-пашой и Джемаль-пашой // *Восток*. 1996, №3, с. 45–63; *Казанджан Р.* Большевики и младотурки. Новые документы о российско-турецких отношениях (1920–1922). М., 1996; *Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. Москва—Иркутск, 1998.

² *Тихонов Ю.Н.* «Ключ к мировой революции находится в Индии». Меморандум А. Джемаль-паши советскому правительству. 1921. // *Исторический архив*. 2002, №5, с. 73–92; *Он же.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена. 1919–1945. М.—Липецк, 2007.

Создание «Союза мусульманских революционных обществ»

После победы Младотурецкой революции 1908–1909 гг. в Османской империи вскоре была установлена диктатура младотурок во главе с «триумвиратом» из лидеров партии «Единение и прогресс» Энвер-пашой, Таалат-пашой и Джемаль-пашой. В годы Первой мировой войны Джемаль-паша был военно-морским министром и командующим 4-й турецкой армией в Сирии. В 1915 г. он являлся одним из организаторов геноцида армян в Османской империи. В 1918 г., после капитуляции Турции, бежал в Германию. В 1919 г. командованием английских оккупационных войск в Турции был заочно приговорен к смертной казни.

В период Ноябрьской революции 1918–1919 гг. в Германии руководство партии «Единение и прогресс» установило при активном содействии немецкого командования первые контакты с советским правительством. Энвер и Таалат в феврале 1919 г. неоднократно встречались с К. Радеком, с которым, по словам Энвера, достигли «основы соглашения с Советской властью и Российской коммунистической партией в целях борьбы с империализмом»³.

В сентябре 1919 г. младотурки окончательно взяли курс на сотрудничество с Советской Россией, создав в Берлине «Союз мусульманских революционных обществ» (СМРО). Его целью было объявлено объединение в борьбе против империализма революционных организаций во всех мусульманских странах. Одновременно устав «Союза» допускал сотрудничество и с «немусульманскими революционными элементами» Ирландии, Индии, а также с христианами Египта, Сирии и Албании. Комитеты СМРО были организованы, кроме Берлина, в Риме и Берне. А Центральное исполнительное бюро «Союза» планировалось открыть в столице Советской России, которую члены этой организации рассматривали как «нашу естественную союзницу в борьбе против европейского империализма»⁴.

Как свидетельствуют документы младотурок, в 1919 г. на съездах СМРО в Берлине и Риме было принято решение просить помощи у советского правительства и Коминтерна деньгами и оружием для поддержки «индусским организациям». Про Афганистан, который Джемаль-паша выбрал для проведения антибританских акций против Британской Индии, в этих материалах говорилось: «Помочь всеми средствами Афганистану и поддержать перед русским правительством

---

³ Центральный архив ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 376, л. 594.

⁴ Там же, л. 594.

проекты подготовки революции в Индии, основанные на изучении местных условий»⁵.

План нанести удар по могуществу Британской империи в Индии был давней мечтой Энвера-паши, который не хотел расставаться со своей авантюрной затеей даже после краха Османской и Германской империй. Младотурки продолжали рассчитывать на мощное антибританское восстание пуштунских племен на индо-афганской границе. В документах СМРО указывалось: «Отношения, установленные с вождями приграничных племен, вылились в очень практичную и очень определенную форму, так что можно использовать эти племена в целях Союза. <...> В общем, перспективы революционной деятельности Индии представляются весьма многообещающими»⁶.

Организация крупного вооруженного мятежа в северо-западных районах Индии требовала титанического труда, а на это Энвер был не способен, и «практическая работа» в Афганистане СМРО была перепоручена Джемалю, что подразумевало сохранение некоторого превосходства Энвера над своим старым соратником. Судя по тому, как дальше развивались отношения между ними, Джемалю не понравилось такое разделение обязанностей, и он после прибытия в РСФСР постарался дистанцироваться от Энвера.

Таким образом, приезд Энвера и Джемалья в Советскую Россию был достаточно хорошо подготовлен и являлся логическим продолжением их активной деятельности против «европейского империализма». Авантюрный план младотурок предусматривал тесное сотрудничество с большевиками в Центральной Азии, чтобы организовать «революцию» в Британской Индии.

Неожиданная рокировка

Весной 1920 г. Джемаль прибыл в РСФСР. Момент для его появления в Москве был выбран крайне удачно: только что было принято окончательное решение оказать помощь правительству Кемаль-паши в Турции и осуществить при поддержке гилянских революционеров экспорт революции в Иран. Одновременно с этими шагами Москва планировала для ослабления британских позиций на Востоке подтолкнуть Афганистан к новой войне с Англией. Так, 23 мая 1920 г. заместитель народного комиссара по иностранным делам РСФСР Л. Карахан телеграфировал полпреду Я. Сурицу в Кабул: «Подчеркните (эмиру. — Ю. Т.), что взятие нами Энзели и кооперация с персидскими революционерами, равно как

---

⁵ Там же, л. 598.

⁶ Там же, л. 596.

и начинающееся движение в Западной Персии и установление с Турцией в ближайшем будущем общей границы, кардинально изменяет положение в Передней и Средней Азии. Мы надеемся, что все это повлияет на позицию Афганистана в отношении Англии и приблизит момент освобождения Индии»⁷. Одним словом, планы младотурок и большевиков в отношении Афганистана и Индии во многом совпадали.

В Москве группа турецких офицеров во главе с Джемалем получила официальное признание советского правительства в качестве «Революционной миссии Джемаль-паши в Афганистане», штаб-квартира которой временно находилась по адресу: Филипповский переулок, д. 18. Это так называемое московское бюро Миссии возглавил бывший начальник полиции Стамбула Бедри-бей.

Руководство СМРО отводило Джемаль-паше подчиненную роль «практического» работника под общим энверовским руководством, поэтому он и прибыл первым в Советскую Россию и взял на себя решение конкретных проблем по получению для себя и своих офицеров документов, средств, обмундирования и оружия, чтобы как можно быстрее уехать в Афганистан. При этом он общался исключительно с официальными представителями государственных ведомств, но не с представителями Коминтерна. Выбранная им роль опытного, скромного «военспеца», рвущегося в бой с англичанами, импонировала советскому руководству. В результате летом 1920 г. Джемаль и сопровождавшие его турецкие офицеры выехали в Афганистан. В начале августа паша был уже в Ташкенте, где получил от Отдела внешних сношений НКВД первую крупную сумму денег (50 тыс. рублей золотом) для начала своей работы в Афганистане⁸. В октябре 1920 г. Джемаль-паша прибыл в Кабул, где радушно был принят эмиром Амануллоем, сделавшим его главным инспектором афганской армии.

С этого момента Джемаль-паша, обеспечив себе роль посредника между Москвой и Кабулом, а также сосредоточив в своих руках значительную часть средств, выделенных Советской Россией для обеспечения «афганского коридора» к Индии, стал фактическим лидером младотурок, находившихся в России и странах Центральной Азии, оттеснив на второй план Энвера, который довольно быстро понял свой просчет. Уже в конце сентября 1920 г. Энвер попросил Джемаль встретиться с ним, но тот отказался.

---

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 071. 1920. Оп. 1. П. 101. Д. 5, л. 17.

⁸ Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М., 1999, с. 72.

Реформатор

Находясь в российском Туркестане, Джемаль-паша еще раз продемонстрировал советскому правительству свою лояльность, заявив о необходимости ликвидации Бухарского эмирата, который он рассматривал как часть плацдарма, необходимого для подготовки антибританских акций в Индии. Будучи опытным военным, он понимал, что, только обезопасив коммуникации к Афганистану и Памиру, можно было надеяться на успех транспортировки вооружения, средств и инструкторов в Индию⁹. Но не только военная необходимость побуждала Джемаль-пашу желать падения «англофильской Бухары». Будучи в душе национальным революционером, он желал ликвидации средневековых пережитков в среднеазиатских ханствах и в Афганистане.

План борьбы против Англии, разработанный Джемалем, предусматривал создание армии туркестанских «тюрок-повстанцев» для похода на Индию¹⁰. В связи с этим он попытался склонить руководство Туркестанской Автономной Социалистической Республики к проведению целого ряда реформ и уступок местному населению, чтобы обеспечить «спокойствие» в Фергане и на Памире. Положение советских властей в Туркестане в конце 1920 г. из-за подъема басмаческого движения было настолько критическим, что рекомендации Джемаль-пашы были приняты к сведению Турккомиссией.

14 января 1921 г. заведующий Представительством НКВД в Ташкенте Д. Гопнер в своем письме турецкому политику писал: «Ваш взгляд, заключающийся в том, что Фергана должна быть успокоена не только оружием, но и реформами, разделяется здесь всеми, и Турккомиссия приняла уже целый ряд весьма успешных мер. Почти что вся намеченная Вами программа реформ осуществляется в настоящее время соответствующими органами Туркестанской республики»¹¹. Редчайший случай, когда в условиях ожесточенной Гражданской войны большевики, хотя и частично, все же прислушались к советам турецкого националиста.

Программа реформ для российского Туркестана, предложенная Джемаль-пашой, состояла из следующих пунктов:

1. Предоставление автономии Фергане.
2. Политическая амнистия для участников басмаческого движения.
3. Свободное отправление религиозных обрядов мусульманским духовенством.

⁹ О деятельности Джемаль-пашы по подготовке вооруженного восстания пуштунских племен см. подробнее: *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистан и пуштунские племена.

¹⁰ *Заки Валиди Тоган* (Ахмет-Заки Валидов). Воспоминания. М., 1997, с. 298.

¹¹ АВПРФ. Ф. 090. 1920. Оп. 4. П. 2. Д. 1, л. 2.

4. Возвращение национализированных земель мелким и средним собственникам.

5. Введение свободы торговли.

6. Отмена трудовой повинности для местного населения.

7. Прекращение «реквизиций».

8. Допуск на государственные посты «некоммунистов».

9. Чистка советского аппарата от лиц, скомпрометировавших себя различными злоупотреблениями и «колонизаторскими наклонностями»¹².

Автономия Фергане так и не была предоставлена. С большой неохотой советские власти шли и на объявление амнистии басмачам, но остальные пункты «программы Джемалю» были выполнены достаточно быстро. Лидер младотурок прекрасно понимал, что надеяться на реализацию большевиками всей его программы в Туркестане нельзя. Однако, активно используя довод, что ради революции в Индии большевикам надо идти на значительные жертвы, он смог ускорить принятием Турккомиссией мер по налаживанию нормальной жизни в Средней Азии.

В Афганистане Джемаль со всей своей энергией включился в модернизацию государственной системы страны, проводимой Амануллой. Между афганским монархом и им установились близкие деловые отношения. Полпред Я. Суриц в одном из своих донесений в НКВД писал: «Эмир, впервые на своем пути столкнувшийся с мусульманским деятелем подобного размаха, был подавлен широтой его взглядов, а умелая лесть [паши] окончательно завоевала его симпатии, придала их отношениям характер личной дружбы и доверия»¹³. В лице Джемаль-паши и прибывшего с ним Бедри-бея афганский монарх нашел деятельных советников, которые на базе значительного опыта проведения реформ в Османской империи подсказывали наиболее эффективные меры по преодолению средневековой отсталости Афганистана.

Весь период пребывания младотурецкого лидера в Кабуле шла активная законодательная работа с целью реформировать практически весь государственный механизм Афганистана: была начата разработка первой в истории страны конституции и многочисленных проектов новых законов. Уже в марте 1921 г. Суриц отправил в Москву следующую телеграмму: «Одобрен проект основных законов, выработанный Джемалем. Задача проекта упорядочить управление, введение принципа ответственности глав ведомств перед законом. <...> Намечена коренная реформа судов, вырабатывается кодекс законов на основе модернизации шариата. Законодательный совет расширяется, но на том же принципе... Как ничтожны реформы, они в Совете встретили сильную оппозицию мулл

---

¹² Там же.

¹³ Центральный архив ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 377, л. 365.

и сардаров»¹⁴. Далее в телеграмме полпреда приводился длинный список намеченных преобразований: начиная от отмены рабства, выпуска первых ассигнаций и заканчивая военной реформой.

Первая афганская конституция 1923 г. и ряд кодексов, работа над которыми была начата при участии Джемалы, были приняты уже после его смерти, поэтому изучению его роли при разработке этих законодательных актов отечественные историки уделяли мало внимания, отмечая все же прогрессивность реформ Амануллы. Российский востоковед В.Г. Коргун, на наш взгляд, наиболее точно оценил сам факт появления этих документов и их содержание как «революционные политические изменения» в Афганистане.

Крупный вклад внесли турецкие офицеры, прибывшие с Джемаль-пашой, в реорганизацию афганских вооруженных сил. Создание боеспособной современной армии было мечтой Амануллы и одной из главных целей турецкого лидера, стремившегося подготовить Афганистан к новой войне с Англией. Несмотря на сопротивление военного министра Надир-хана, который защищал интересы пуштунских племен, Джемалю удалось настоять на своем плане военной реформы¹⁵. В итоге афганская армия получила более современную систему управления, комплектования и снабжения. Однако из-за сопротивления афганской племенной знати многое из задуманного Джемалем выполнить не удалось. В первую очередь это относится к введению всеобщей воинской повинности и созданию корпуса военных инженеров.

Разногласия между Надир-ханом и Джемаль-пашой были одной из причин, по которой турецкий лидер добился от эмира разрешения создать в Кабуле «образцовую бригаду». С советской помощью он планировал преобразовать ее позднее в дивизию. Эта часть должна была стать кузницей офицерских кадров не только для афганской армии, но и для приграничных пуштунских племен, которым в его «индийских» планах отводилась главная роль.

Имея достаточно большой штаб из турецких офицеров, знакомых с местными языками, и деньги, Джемаль смог сразу же начать обучение трех батальонов пехоты и одного эскадрона. В эти части охотно принимались воины приграничных племен. К февралю 1921 г. численность «ударных» частей Джемалы достигла 3 тыс. человек. Офицерский состав, большей частью, состоял из турок, жалование которым выплачивалось из личного фонда турецкого лидера. На содержание новых воинских подразделений ежемесячно расходовалось 20 тыс. рупий советских средств¹⁶.

---

¹⁴ АВПРФ. Ф. 071. 1920–1921. Оп. 3. П. 103. Д. 1, л. 8.

¹⁵ Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М., 2004, с. 102–103.

¹⁶ Телеграмма полпреда Я.З. Сурица в НКВД от 28.02. 1921 г. // Российский государствен-

13 октября 1921 г., когда Джемаль-паша был в Советской России, прошли первые учения «образцовой бригады». Возможно, Надир-хан специально назначил эти учения в момент, когда паша был в отъезде. Но даже этот влиятельный противник турецкого лидера был вынужден признать по окончании учений высокую боевую подготовку солдат и офицеров этой части¹⁷.

Подводя итоги деятельности Джемала в российском Туркестане и Афганистане, следует признать, что к весне 1921 г. она оказала положительное влияние на политическую ситуацию в Центрально-Азиатском регионе и значительно способствовала началу реформ эмира Амануллы.

Враг Британской империи

Сотрудничество младотурецкого лидера с большевиками базировалось на их общем желании нанести Великобритании сокрушительный удар в Индии. В своем меморандуме В.И. Ленину и Л.Б. Троцкому Джемаль следующим образом сформулировал цель своей деятельности в Кабуле: «Отсечь Индию от тела Британской империи означало бы переломить ей хребет, и Англия, похожая на паралитика, была бы лишена возможности наносить вред другим народам»¹⁸. При этом паша прекрасно понимал, что главным плацдармом для возможного вторжения в Индию может быть только Афганистан, а сама операция потребует гигантских материальных затрат от Советской России. Поэтому он активно и успешно содействовал укреплению отношений между Москвой и Кабулом.

Прибыв в Кабул в момент значительного ухудшения отношений между Советской Россией и Афганистаном, вызванного главным образом осуществленной с помощью Красной Армии «революцией» в Бухаре, Джемаль-паша смог правильно сориентироваться в сложной обстановке и убедить Амануллу в необходимости дальнейшего сближения с северным соседом¹⁹. Полпред Суриц, который к тому времени имел горький опыт взаимодействия с «посредниками» из восточных националистов, вынужден был признать значительные успехи своего нового турецкого «помощника».

Следует признать, что руководство НКВД изначально пошло на оправданный риск, предоставив Джемалю значительные финансовые

ный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2179, л. 35.

17 Письмо Зия-бея (?) Джемаль-паше. 17.10.1921 г. // Центральный архив ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 433, л. 122.

18 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 577, л. 25.

19 О трудностях с ратификацией первого советско-афганского договора и соперничестве между Советской Россией и Афганистаном в Бухаре см. подробнее: *Панин С.Б.* Указ. соч.

средства, оружие и достаточную независимость от советского посольства. Суриц получил из Москвы лишь лаконичную телеграмму, что на турецкого лидера возложена задача «способствования дружбе между Россией и Афганистаном», после чего кабульское полпредство в течение трех месяцев не получало никаких директив, касающихся деятельности Джемалю²⁰. В этой ситуации Сурицу хватило благоразумия не мешать ему, максимально используя его успехи в «дворцовой дипломатии».

При обсуждении военных вопросов с афганской стороны лидер младотурок, «выступая в качестве лица, пользующегося полным доверием Москвы», в конце 1920 г. играл в Кабуле даже более активную роль, чем официальный представитель РСФСР. Ему удалось убедить Аманулла, что от большевиков можно получить золота и вооружения сверх количества, оговоренного в советско-афганском договоре. Кроме этого, он, как указывалось в одном из донесений Гопнера наркому иностранных дел Г.В. Чичерину, «возбудил в нем (эмире. — Ю. Т.) чаяния в нашем активном содействии его завоевательным планам» против Британской Индии. В том же документе глава Представительства НКВД в Средней Азии в качестве заслуги Джемалю констатировал, что Аманулла-хан пересмотрел свою программу завоеваний, отказавшись от «ферганско-бухарских перспектив» ради выхода к морю через Белуджистан²¹. Реализация предложенного пашой плана неизбежно бы привела не только к новой англо-афганской войне, но и к крупномасштабному столкновению Советской России с Великобританией. Однако статус неофициального эмиссара Москвы позволил Джемалю сделать столь рискованные предложения афганскому эмиру.

Разумеется, военная операция по захвату Белуджистана требовала хорошей военной подготовки со стороны Афганистана, поэтому паша считал, что момент для активных действий в южном направлении наступит только после завершения реформы афганской армии и постройки новых фортификационных укреплений вокруг Кабула. Реформа вооруженных сил Афганистана должна была, по мнению Джемалю, быть проведена при содействии миссии турецких военных специалистов, присланной Мустафой Кемаль-пашой. «Обязанность» предоставить оружие и денежные средства Афганистану целиком возлагалась лидером младотурок на советское правительство.

В ответ на упрек советских дипломатов в том, что его план является планом усиления Афганистана, а не подготовки революции в Индии, паша писал: «Если мы убеждены, что Афганистан для нас полезен, тогда на нас падает обязанность найти средства, чтобы им овладеть. Я полагаю,

---

²⁰ Центральный архив ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 377, л. 365 об.

²¹ АВПРФ. Ф. 04. 1920. Оп. 51. П. 328. Д. 55040, л. 2–4.

что нашел единственное средство забрать его в свои руки: с одной стороны, доказать ему материальную выгоду, как результат дружбы с большевиками, а с другой — показать, что вне этой дружбы нет для него никакой возможности сохранить независимость. Я Вас спрашиваю: “Находите ли Вы гораздо более ценным несколько миллионов рублей, сотню пушек и пулеметов, чем дружбу Афганистана?” Будьте уверены, что нейтральный Афганистан во время нашей борьбы с Англией будет для нас огромной потерей. Что же касается Афганистана враждебного нам, то он никогда не явится ничтожной величиной в силу своего географического положения и храбрости его народа»²². Одним словом, по мнению Джемала, Советская Россия должна была обеспечить подготовку «революции» в Индии ценой многократного увеличения военной и финансовой помощи Кабулу, предусмотренной договором, ранее заключенным Сурицем: не один миллион рублей в 1921 г., а несколько миллионов, не 8 орудий, как в договоре, а «сотня пушек». Он считал, что затянувшийся торг между Москвой и Кабулом о размерах советской помощи в конце концов завершится достижением нового компромиссного соглашения, более выгодного Аманулле.

Уверовав в неизбежность подобного шага со стороны большевиков, Джемаль-паша щедро раздавал обещания афганскому эмиру и его приближенным. Разумеется, в этом была значительная доля авантюризма младотурецкого лидера, но не следует забывать, что перед поездкой в Афганистан он провел переговоры в Москве, в ходе которых получил от ЦК ВКП(б) (!) не только ответственное задание, но и полную свободу рук в Кабуле. В советском правительстве были влиятельные лица, на поддержку которых он надеялся. Так, в декабре 1920 г. его соратник Халил-паша (в рамках подготовки задуманного Джемалем похода на Индию) с согласия советской стороны начал формирование отрядов из дунган для вторжения в Кашгарию, чтобы «стать на пути в Индию»²³. В 1921 г. в документах ВЧК по Туркестану указывалось, что партия «Единение и прогресс» имела на советской территории вооруженные отряды общей численностью 10 тыс. человек. Значительная часть этих сил приходилась на формирование Халил-паши. Авантюризм большевиков и большие ресурсы России предавали уверенности Джемалу в том, что рано или поздно ему удастся подготовить мощный удар по Индии.

В начале 1921 г. многое для этого было уже сделано: установлены связи с пуштунскими племенами, подготовлен план диверсий в Северо-Западной Пограничной провинции Британской Индии, была создана

²² Письмо Джемаль-паши Д.Ю. Гопнеру от 8.03.1921 г. // АВПРФ. Ф. 090. 1920. Оп. 4. П. 2. Д. 1, л. 6–7.

²³ Докладная записка Д.Ю. Гопнера в НКВД от 21.12.1920 г. // АВПРФ. Ф. 04. 1920. Оп. 51. П. 327. Д. 55032, л. 39–39 об.

«образцовая бригада». На очереди стояли создание единого «индийского центра» в Кабуле и «военно-революционной базы» на Памире. Однако накануне подписания в Москве советско-афганского договора 12 февраля в кабульское полпредство из НКВД пришла телеграмма, в которой говорилось, что Джемаль «не имел специальных оснований пойти так далеко»²⁴. Одним словом, в Москве готовы были свернуть отношения с лидером младотурок. Но Суриц, неоднократно жаловавшийся на Джемалья Чичерину, предостерег НКВД от попыток поставить пашу «на место», учитывая его большое влияние на эмира и большую известность на Востоке.

В этой ситуации в Кремле, взвесив положительные и отрицательные стороны продолжения сотрудничества с младотурками в Афганистане, отказались от разрыва с Джемаль-пашой, но стали медленно свертывать материальную поддержку его широкомасштабных планов. 3 марта 1921 г. Джемаль-паша направил Чичерину телеграмму, в которой выразил свое удивление молчанием Москвы. Паша указывал, что за последние два месяца он создал ударные части и развернул работу среди приграничных племен. В связи с этим он требовал от советского правительства значительных денежных сумм и «минимум 2 тыс. винтовок»²⁵. Впервые Джемаль-паша пригрозил советской стороне покинуть Кабул, если в течение 15 дней он не получит из Кремля одобрения его планов.

Угроза паши осталась не выполненной даже после нормализации англо-советских отношений в марте 1921 г., означавшей отказ большевиков от наиболее крупных «революционных» авантюр на Востоке. Однако турок прекрасно понимал, что до окончательной ратификации Афганистаном договора с Советской Россией он не может поехать в Россию. 3 августа 1921 г. этот долгожданный момент при активном содействии Джемалья советскому посольству наступил.

Новый полпред Ф. Раскольников, сразу же не пожелавший мириться с существованием, по точному определению Сурица, «параллельного дипломатического органа» в виде миссии Джемаль-паши, вынужден был признать большую роль паши в ратификации советско-афганского договора 1921 г. В одном из своих докладов в НКВД он писал: «Огромная помощь, оказанная им в деле ратификации нашего договора, вне всяких сомнений. Колоссальное личное влияние на эмира облегчало работу полномочного представительства, когда он под личиной беспристрастного и незаинтересованного посредника содействовал осуществлению наших интересов. Но сейчас, после ратификации нашего договора, когда нам предстоит его осуществление, он как сторонник скорейшей реализа-

24 Центральный архив ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 377, л. 365 об.

25 АВПРФ. Ф. 071. 1920–1921. Оп. 3. П. 103. Д. 1, л. 17. Эта партия винтовок была доставлена в Кушку, а затем передана Аманулле в виде первой партии вооружения, обещанного советской стороной Афганистану по договору 1921 г.

ции будет давить уже не столько на афганское правительство, сколько на нас. Привыкший к работе с широким размахом Джемаль не может выступать здесь иначе, как сторонник активизации, подготовки наступательного похода на Индию, что идет вразрез с нашим теперешним курсом»²⁶. Таким образом, Раскольников был категорически против продолжения деятельности младотурецкого лидера в Кабуле. Одновременно он понимал, что сотрудничество с Джемаль-пашой продолжает оставаться выгодным для Москвы, поэтому просил, если не на совсем, то хотя бы на несколько месяцев удалить его из Кабула.

Следует отметить, что Я. Суриц был против отъезда турецкого политика из Кабула, так как считал, что младотурки способны эффективно противодействовать британским интригам при дворе эмира. Советский дипломат резонно полагал, что дальнейшее пребывание Джемаль-паши в Афганистане, «несомненно, укрепит наши отношения с Кабульским двором»²⁷. При этом полпред рекомендовал советскому правительству воздержаться от чрезмерных трат технических и денежных средств.

Последний успех в Москве

Видимо, почувствовав, что решается его судьба, лидер младотурок в октябре 1921 г. приехал в Москву. Чичерин взялся помочь одному «из виднейших представителей мусульманского мира». 14 октября глава НКВД написал Ленину письмо, в котором просил его «любезно» принять турецкого политика. Чичерин указал: «Он (Джемаль. — Ю. Т.) просит оружия и 400.000 р. зол. для своей “образцовой дивизии” в Афганистане и 700.000 р. зол. для агитации среди пограничных племен Индии. Не надо его резко разочаровывать»²⁸. 16 октября Ленин ответил: «Т. Чичерин! Я против свидания. Я полуобещаю — это будет вредно. Отклоню — тоже вредно. Лучше найти повод и форму, но не устраивать свидания со мной»²⁹.

Первая неудача в российской столице заставила Джемаль-пашу действовать еще более активно. 18 октября 1921 г. он направил Чичерину обширный меморандум, в котором убедительно доказывал необходимость дальнейшей советской поддержки его начинаний в Афганистане. Важное место в этом документе уделялось вопросу использования повстанческого движения пуштунов против Великобритании. Джемаль-паша считал, что помощь племенам на индо-афганской границе была бы самым ценным

---

²⁶ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49, л. 68.

²⁷ Докладная записка Я. Сурица в НКВД от 6.4.1921. // Там же, л. 15.

²⁸ Секретное письмо Г.В. Чичерина В.И. Ленину от 14.10.1921 // *Казанджян Р. Указ. соч.*, с. 15–16.

²⁹ Там же, с. 16.

средством для организации «вооруженного революционного движения» в Индии.

В приложении «А» к своему меморандуму Джемаль-паша просил советское правительство выделить вождю восставших племен Вазиристана Абдул Разаку 2 млн. рупий (около 700 тыс. рублей золотом), 5 тыс. гранат британского производства и 20 млн. патронов к английским винтовкам. Для других пуштунских племен и индийских националистов турок дополнительно хотел получить 5 тыс. английских револьверов и 500 тыс. патронов к ним. Кроме этого, он полагал необходимым, чтобы Советская Россия ежемесячно выделяла на его работу среди племен не менее 10 тыс. рублей золотом. Джемаль-паша настаивал на том, чтобы вооружение и деньги были доставлены в Афганистан лично ему для их последующего распределения «по договоренности с [советским] послом»³⁰.

20 октября 1920 г. Чичерин отослал копии меморандума Джемаль-паши Ленину и Троцкому. Вскоре с этим документом ознакомились и другие члены большевистского руководства. Видимо, Троцкому и другим членам ЦК ВКП(б) доводы паши показались убедительными. Так, сторонником частичной реализации планов Джемалья в Афганистане и Индии был Сталин³¹. Он писал Троцкому: «Для меня ясно, что в лице мусульманских племен, составляющих большинство в долине Инда и в районе Пенджаба, среди которых ДЖЕМАЛЬ пользуется большим влиянием, мы имеем некую базу, откуда можно нанести серьезный ущерб Англии, если последняя ударит весной или летом 1922 года»³². Сталин полагал возможным предоставить в распоряжение турецкого политика 100 тыс. рублей золотом для передачи «вождям повстанцев». Кроме этого, он соглашался на отправку в Афганистан 6 тыс. винтовок, несколько миллионов патронов к ним, 12 пулеметов Максим, 8 или 12 орудий, а также типографии.

3 ноября 1921 г. состоялось заседание Политбюро РКП(б), на котором было принято решение дополнительно выделить Джемаль-паше 200 тыс. рублей золотом и откомандировать в его распоряжение «двух вполне надежных товарищей, владеющих иностранными языками и до пяти помощников»³³. Как видим, Джемаль-паше все же удалось добиться от большевиков дальнейшей помощи его деятельности в Афганистане и увеличения военных поставок, фактически, эмиру Аманулле-хану сверх того, что предусматривал советско-афганский договор 1921 г. Отпущенных турецкому деятелю средств должно было хватить на первое время для

---

³⁰ Там же, с. 38.

³¹ И.В. Сталин — Л.Д. Троцкому. 2.11.1921 // Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996, с. 214.

³² Там же.

³³ Там же, с. 215.

завершения формирования его «образцовой бригады», поддержки приграничных пуштунских племен и ведения разведки в Индии.

Сокрушительный удар по планам Джемалья в Центральной Азии нанесла авантюра Энвера-паши, перешедшего на сторону басмачей. В декабре 1921 г. он «пропал» из Бухары. Как показали дальнейшие события, своим поступком Энвер не только погубил себя, но и провалил реализацию антибританских планов младотурок в Афганистане³⁴.

Осознавая гибельность энверовской авантюры, Джемаль-паша постарался любой ценой сохранить хорошие деловые отношения с советским правительством. Джемаль выступил в прессе против «безумного шага» своего недавнего соратника и тайно обещал руководству НКВД свою помощь в ликвидации этой авантюры. Благодаря его деятельности большинство энверистов в Германии и Советской России сохранило лояльность советскому правительству³⁵.

В мае 1922 г. Джемаль-паша прибыл из Европы в Москву, где сразу же натолкнулся на нежелание его «русских друзей» продолжать переговоры об увеличении военной помощи Афганистану. Решение большевистского руководства о выделении конкретного количества вооружения и средств Джемалю уже было принято, и дальнейшее обсуждение данного вопроса для советских дипломатов и военных было нежелательно. Советское правительство было заинтересовано лишь в одном: чтобы лидер младотурок как можно скорее возобновил свою антибританскую деятельность в Афганистане. И Джемаль-паша дал слово заместителю наркома иностранных дел Л. Карахану, что вскоре вернется в Кабул.

Перед этим Джемаль-паша планировал посетить Турцию, чтобы встретиться с Кемаль-пашой, с которым у него сохранились хорошие отношения. Видимо, Джемаль рассчитывал, что ему удастся, как минимум, возглавить кемалистскую военную миссию в Афганистане. Однако этим планам не суждено было сбыться, так как 21 июля 1922 г. он был убит дашнаками в Тифлисе.

Как свидетельствуют документы Восточного отдела ВЧК, к подготовке ликвидации Джемаль-паши турецкие армяне приступили в декабре 1921 г.³⁶ После его убийства в ходе расследования ВЧК выяснилось, что тифлисская организация дашнаков приняла решение о подготовке покушения на лидера младотурок после приезда из Парижа представителя парижского бюро этой партии Азаряна. Видимо, «охота» на Джемалья нача-

³⁴ О сотрудничестве Энвера-паши с большевиками и его гибели см. подробнее: *Гилсен В.* Энвер-паша и его «бросок на юг» // Служба безопасности — новости разведки и контрразведки. 1996, № 1–2, с. 68–75.

³⁵ Письмо наркома Г. Чичерина Я. Сурицу. 28.12.1921 г. // АВПРФ. Ф. 04. 1921. Оп. 51. П. 328. Д. 55041, л. 94.

³⁶ Центральный архив ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 376, л. 657.

лась еще во время его пребывания в Европе в конце 1921 г. Неосторожно задержавшись в грузинской столице, турецкий лидер допустил ошибку, которая стоила ему жизни.

Подводя итоги сотрудничества советского правительства с Джемалем-пашой, следует признать, что этот человек сделал очень многое для укрепления позиций Советской России в Центральной Азии. Трагедия Джемаль-паши заключалась в том, что он попытался осуществить в Афганистане и Индии планы, для реализации которых у Москвы не было средств, а он сам был обречен на гибель от рук либо британских агентов, либо армянских мстителей. Скорее всего, Джемаль прекрасно понимал степень опасности, нависшей над ним, поэтому он столь энергично действовал в последние годы своей жизни. Ему удалось внести большой вклад в модернизацию Афганистана, начатую эмиром Амануллоем, и ослабить позиции Великобритании в этой стране. Особенно весома была его помощь в укреплении советско-афганских отношений в 1920–1922 гг.

СОЛДАТ «ВОСХОДА СОЛНЦА»

Участвовать в юбилейном сборнике Виталия Ивановича Шеремета — дело, бесспорно, и почетное, и ответственное. Подобной публикацией хочется порадовать «виновника торжества», высказать признательность за возможность быть его коллегой и другом. Поскольку юбиляр пребывает в замечательном возрасте учителя и наставника, то позволю себе отчитаться перед ним реализацией (впрочем, частичной) одного его совета, данного мне несколько лет назад на благословенном Южном берегу Крыма, в местечке со знаковым названием Форос. Там осенью 2005 г. проходила международная конференция на тему: «Восток и Запад: образ иного, чужого, врага», на коей Виталий Иванович потрясал слушателей (но особенно — слушательниц) своими познаниями по части нюансов восточного менталитета, обучая конкретным исследовательским навыкам дешифровки смыслов межцивилизационных контактов. Выслушав мой сбивчивый рассказ о том, что меня заинтересовала задача сравнения образов «врага с Запада» и «врага с Востока» в российской сатирической печати начала XX в., он настойчиво посоветовал дифференцировать образы по принципу специфики «языка вражды» в каждом конкретном случае. Поскольку сама «риторика враждебности» способна очень точно отражать внешние и внутренние проблемы того, кто, собственно, создает и тиражирует этот образ.

Пусть и с запозданием, но мне все-таки удалось приступить к осуществлению программы, намеченной для меня учителем. В качестве фрагмента ее — «case-study» на тему образа японца как врага в журнальной и плакатной сатире эпохи Русско-японской войны.

«Страшен враг, но милостив Бог!»

В переходные, кризисные эпохи — а именно таким было вступление России и мира в XX в. — в обществе неизбежно драматизируются поиски себя, зачастую срываясь в упрощенческое разделение мира на «своих», «иных» и «чужих». То, что исследователи называют «риторикой врага»,

непосредственно и актуально связано в каждой конкретной исторической ситуации с самоопределением «от противного». За обретаемой подобным образом «негативной идентичностью» стоит не «изобретение» факторов угрозы, а лишь актуализация находящихся в культурном «депо» традиционных клише, стереотипов и мифологических структур массовой идентичности. История свидетельствует: мобилизационный потенциал образов врага столь значителен, что давление низовых представлений на мировоззрение и проектирование элиты способно привести к ситуативной инверсии. И тогда уже идейно и стилистически освоенная идеологема врага (с заранее заданными свойствами) будет транслироваться «сверху» в массы, нагнетая стихийную фобийность и повышая градус негативной идентичности.

По мере продвижения России на восток и ее приближения к естественным границам евразийского пространства внешнеполитическая задача обретения и защиты «четкой» имперской границы все масштабней перерастала во внутреннюю проблему освоения общественным сознанием новых геополитических реалий и внешних вызовов. При этом «высшим целям» экспансии всегда лучше удавалось поладить с императивом силы, чем с осознанными и рациональными целями национальной безопасности. Неудивительно поэтому и нарастание болезненной амбициозности и непродуманности внешнеполитических акций самодержавия по мере продвижения на восток, продвижения, катастрофически захлебнувшегося русско-японской войной. Сокрушительное для России поражение на Дальнем Востоке и Первая русская революция небывало разнообразили репертуар, топику, семантику и стилистику образов врага. Историческая контекстуальность дизайна создаваемых в подобном формате стереотипов и клише становится здесь особенно показательной. Образ японца как врага, создававшийся в отечественной печати (наспех, в чрезвычайных обстоятельствах войны), — тому наглядный пример.

«Если бы не было такого мнения о японцах, как о нации антипатичной, ничтожной, бессильной... то не втюрились бы мы в эту войну», — писал С.Ю. Витте в своих «Воспоминаниях»¹, задним числом признаваясь во всеобщем российском невежестве в отношении дальневосточного соседа. Невежестве, обернувшимся трагедией военного, геополитического и морального поражения России в войне 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке. Характерный пример: престарелый петербургский сановник, — по воспоминаниям графа Алексея Игнатьева, — узнав о начавшейся войне между двумя империями — Российской и Японской, осведомился, не будучи силен в географии, где находится эта самая Япония. А получив

---

¹ Витте С.Ю. Воспоминания в 3-х томах. Таллин-Москва, 1994. Т. 3, с. 89.

ответ, что, мол, на островах, — возмутился: «Врешь ты все, Батюшка! Разве может быть империя на островах?!»².

Параллельно бытовавший модный идеологический триллер под названием «в ожидании желтой угрозы», освоив и Россию, и Европу, был настолько банален³, что подменил собой реальный анализ степени внешней опасности для России со стороны наиболее динамично развивающейся страны Азии. Одним из знаковых свидетельств недооценки такой угрозы стали слова наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева, обращенные в начале января 1904 г. к главному инженеру Порт-Артура Дубицкому: «Поезжайте в отпуск... здесь у нас не предвидится никакой тревоги!»⁴.

Шок от внезапного начала боевых действий на Дальнем Востоке закономерно травмировал общественное сознание и потребовал быстрой психологической сублимации. Одним из востребованных лекарств в этих условиях стала сатирическая печать, нацеленная на преодоление инерции страха и недоумения в пользу настроенности на скорую победу над «коварным врагом». Этим очевидным целям и были подчинены основные приемы тогдашней агитационно-пропагандистской сатиры — занижение военно-стратегических возможностей противника, лихое бодрчество, простоватое (под «мужичка») «шапкозакидательство», стремление создать карикатурно-приниженный образ врага. Однако вскоре очевидная тривиальность этих общеупотребимых (по законам жанра) приемов начала преодолеваться разнообразием новых форм и сюжетов сатирической подачи образов войны.

В качестве основного источника по теме нам представилось интересным рассмотреть комплекс публикаций на тему Русско-японской войны в популярном юмористическом умеренно-либеральном журнале «Осколки», издававшемся еженедельно в Петербурге (1881–1916 гг.)⁵. Не претендуя ни на роль «властителя дум», ни на культурное лидерство в столичном обществе, журнал был рассчитан главным образом на городского обывателя. Этим своим мещанским адресатом он и представляет интерес, поскольку позволяет проникнуть в тематику, стилистику и общий эмоцио-

---

² Цит. по: *Экитут С.* Ударим плакатом... // Родина. 2005, № 10, с. 67–68.

³ Подробнее об этом см., к примеру: *Молодяков В.* Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX века. М.-Токио, 1996; *Schimmelpenninck van der Oye D.* Towards the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War With Japan. Northern Illinois Univ. Press, 2001; *Кашин В.* «Русский Мольтке» смотрит на Восток // Родина. 2004, № 1, с. 38–44.

⁴ *Грулев М.В.* В штабах и на полях Дальнего Востока. Ч.1. СПб., 1908, с. 96.

⁵ С 1882 г. по 1905 г. редактором-издателем «Осколков» был Н.А. Лейкин. На страницах издания в разные годы печатались стихи и проза таких известных авторов, как А.П. Чехов, Н.С. Лесков, В.А. Гиляровский.

нальный настрой сатиры для массового потребления. «Осколки» уверенно заявляли себя как факт культуры повседневной, отражая и до некоторой степени формируя общественное настроение в эпоху Русско-японской войны.

Важным вспомогательным источником для данной работы стали плакаты на военную тему, частично уже попадавшие в поле зрения исследователей, но требующие, на наш взгляд, некоторого переосмысления. В ряде работ их называют «лубками», имея в виду, очевидно, художественные приемы стилизации под народный лубок, присущие изображениям на части подобных плакатов⁶. По сути же сатирические изображения эпохи Русско-японской войны были произведениями нарождавшегося в России жанра политического плаката, не слишком быстро пробивавшего себе дорогу в условиях строгой государственной цензуры. (На всех известных мне плакатах той поры имеется упоминание о цензурном дозволении к печати.)⁷ Преследуя цели наглядной пропаганды, патриотические плакаты часто эксплуатировали узнаваемые для масс приемы лубка, оставаясь при этом профессиональными работами как по авторству рисунка и текста, так и по характеру производства. Тексты подписей под плакатами также иногда стилизовались под «народное», раешное балагурство⁸. Сопоставление журнальной сатиры, рассчитанной на мещанскую среду города, и сатиры плакатной, имевшей более широкий, народный адресат, позволяет объемнее увидеть характерные приемы создания образов врага в годы военного конфликта на Дальнем Востоке.

Сатира журнала для обывателя поневоле опиралась на клише и стереотипы, бытовавшие в массовом, профанном восприятии Японии и японцев. Высокие достижения русской культуры в этой области — стиль модерн с его интересом к японской изобразительной традиции, восточные мотивы эстетики «серебряного века», популярный в политической и творческой элите историко-философский дискурс панмонголизма, достижения российской школы японистики — были бесконечно далеки от повседневности рядового читателя «Осколков», а тем более от житейских реалий массового потребителя плакатной продукции. Образ Японии для них ассоциировался разве что с привычным набором экзотических слов — «гейша», «харакири», «банзай» и «микадо». Сконструированная из этих стереотипов псевдореальность страны-противника являла собой довольно

---

⁶ См., к примеру: *Mikhailova Yu.* Images of Enemy and Self: Russian “Popular Prints” of the Russo-Japanese War. *Acta Slavica Iaponica*. V. 16. 1998; *Norris S.* Russian Images of War. The Lubok and Wartime Culture, 1812–1917 (PhD Thesis: Univ. of Virginia, 2002).

⁷ Используемые в данной работе плакаты находятся в коллекции плакатов РГАДА.

⁸ Отметим, что плакаты (и в крупноформатном, и в малоформатном виде) были в те годы ходким товаром, издаваясь массовыми тиражами ведущими типографиями — Сытина, Пороховщиковой, «Русского товарищества печатных и издательских дел».

фантастическую, но убогую декорацию, на фоне которой формировался образ японца как врага для «массового потребления».

Две особенности — недооценка сил противника и расовый характер трактовки образа врага — называются рядом исследователей в качестве определяющих свойств русской сатиры на тему войны с Японией⁹. Первое свойство не вызывает особых сомнений, но требует уточнения. Внешне легкомысленное, «бодряческое» отношение к событиям на Дальнем Востоке было не столько отражением настроений в обществе, сколько непродуманной и неталантливой попыткой компенсировать непопулярность войны в России, амортизировать тяжелые для национального чувства удары от поражений, нанесенных «желтолицыми макаками». Так, потопление нескольких японских транспортов в результате весьма неоднозначной (с позиций стратегического успеха) атаки русской эскадры в начале июня 1904 г. находит немедленный отклик у поэта, печатавшегося в «Осколках» под жутковатым псевдонимом «Люцифер»: «Участь горькую транспорты // Разделили все одну: // Курс держать хотели в порты, // А пошли, увы, ко дну» (№24, с. 2.)¹⁰.

Июльский номер журнала открывает обложка, на которой изображена кокетливо-привлекательная (в стилистике Альфонса Мухи) Фортуна, покидающая упавшего у разбитого орудия японца. В уста богини удачи вложены слова, несколько контрастирующие с ее изысканным обликом:

«Японец. Фортуночка, милая! Куда же ты? Не оставляй меня!
Фортуна. Отстань ты, желторылый! Надоел!» (№28, с. 1).

Еще очевидней настроенность на скорую и легкую победу над врагом демонстрируют сатирические плакаты первых месяцев войны. На одном из них («К войне России с Японией») лихой русский моряк в виде носового украшения своего крейсера сворачивает скулу японцу, так же «украшающему» нос своего боевого (уже тонущего) корабля, и при этом приговаривает: «Воевать с нами, Микадо, // Тебе братья бы не надо — // Шутка не легка!..». На другом плакате («Русско-японская война 1904 г.») русский моряк Вася Флотский в компании с казаком раскуривает трубку от снарядов, которые в него выпускает злобно оскалившийся адмирал Того. Моряк поучает: «Эх, Японишка, чудак! // Ты воюешь, враг, не так: // Много выстрелов теряешь, // В Порт-Артур не попадаешь».

Время, увы, покажет, кому уместнее было давать уроки по части ведения боевых действий на Дальнем Востоке...

---

⁹ См., к примеру, указанные выше работы Ю. Михайловой и С. Норриса, однозначно подчеркивающие расовый аспект формирования образа японца как врага.

¹⁰ Здесь и далее внутритекстовые сноски означают номер журнала «Осколки» и страницу публикации материала.

Апофеозом изображения величия России и ничтожности Японии может служить плакат «Страшен враг, но милостив Бог!», на котором русский мужик-гигант (заметим, не солдат и не матрос, а крестьянин!), одним прыжком оставив позади себя Маньчжурию и Корею, уже готовится вступить в Японию. За поясом у него, а также в рукавах, в карманах и за голенищами сапог — японские воины, они маленькие, растерянные, несчастные... Мало кто из исследователей заметил, что в названии плаката — не констатация того, что враг «страшен», а ирония над самой ситуацией: *такой* враг не может быть страшен не только воину, но и простому мужику, его десятками можно рассовывать по одежде как добычу, причем добычу не военную, а охотничью.

Типичным примером грубоватой сатиры на врага — пополам с гордостью за собственного воина — может служить одно из стихотворений, во множестве появившихся на страницах «Осколков» на протяжении почти всей войны и воплощавших в маршевом ритме стойкий миф о непременной победе русского оружия: «К Порт-Артуру // Лезут с дуру // Желтые враги. // Эх, напрасно, // Ведь опасно! // Шкуру береги! // На фугасы, // Как саврасы, // Валит желтых рать // И взлетает — // Сила тает... // Где ей крепость брать!» (№28, с. 5).

Даже в сентябрьские дни 1904 г., когда японские снаряды уже пробивали насквозь бетонные стены фортов Порт-Артура, поэты-сатирики продолжали заниматься агитационно-пропагандистской терапией, описывая положение японцев, а не русских, как весьма «незавидное». Приводится типичный набор пропагандистских клише о внутреннем состоянии противника: призыв детей в армию; рост налогов в стране; бедняки, от отчаяния делающие себе в массовом порядке «*харакири*» (!), но вынужденные кричать «*банзай!*» по приказу властей... (№36, с. 5).

Интересной попыткой развести два образа японца — хвастливого, чванливого полководца и уставшего от войны, голодного солдата — звучат незатейливые сатирические куплеты:

«Встал эффектно на ходули генерал японский Ноги...

С них слетит быстрее он пули и сломает обе ноги» (№29, с. 5).

И по контрасту с этим — о «японских недугах» в армии противника:

«Холера и малярия измучили японца,

И угнетен как пария солдат “Восхода солнца”» (№29, с. 5).

Большинство журнальных острот по поводу состояния японской армии сосредоточено на теме голода: русские солдаты захватывают в плен японского офицера, а тот в первую очередь интересуется, скоро ли у них обед; пьяные японские солдаты целым полком сдаются в плен, чтобы

закусить у русских; японский офицер сетует на то, что высшее начальство отдало приказ об атаке как раз в тот час, когда у русских был ужин, и теперь его солдаты «в плену у русских... Ужинают, поди, счастливыц!» (№ 33, с. 5).

Занятой пародией на своих японских коллег-журналистов (а косвенно — и на самих себя) выглядит фельетон, в котором приводятся отрывки из вымышленных японских оппозиционных изданий, в которых якобы на все лады критикуется курс японских властей на продолжение затянувшейся кровопролитной войны с Россией: «Правительство подрывает доверие к себе народа: так воевать нельзя! Великая держава, каковою является Япония, такую войну смело могла бы окончить *taximum* в два месяца, взять Артур с флотом и отвоевать всю Манчжурию, а не тянуть полгода! Япония так богата гениальными людьми, что терпеть у кормила власти правление бездарностей — непростительная ошибка» (№ 34, с. 4.).

Подобные тексты позднее уже не появлялись, в том числе и по причине их обоюдоострого характера — касательно качеств тех, кто и в России находился «у кормила власти».

Апофеозом развенчания Японии как противника звучит в «Осколках» памфлет на тему подметных японских прокламаций в адрес русских солдат с призывами сдаваться в плен и переходить на сторону японцев. Аргументы «правительства Микадо», придуманные сатириком, очень показательны для восприятия, прежде всего, ситуации в самой Японии: вместо гречневой каши солдатам обещается рисовая, по вечерам — развлечения с гейшами при свете китайских фонариков. К тому же в плену можно ничего не делать, потому что «правительство доброго Микадо обязало жителей Японии содержать всех русских, которые перейдут на сторону японцев». Но главное заключается в последнем аргументе: «Когда Япония объявит войну всему миру, всей Европе, тогда русским милым солдатам будет еще лучше», поскольку «добрый Микадо» сделает каждого солдата полковником и даст ему командовать полком, причем полков этих будет очень много, «потому что Япония возьмет в солдаты всех китайцев» (№ 34, с. 5).

Вот такой кошмарный «свет с Востока» виделся сатирическому журналу в качестве антиутопии на тему возможных итогов войны..

Перечисленный репертуар пропагандистских средств, сюжетов и стратегий создания образа врага представляется сколь показательным, столь и типичным для отображения противника вообще — в нем мало, собственно, «японскости», особой специфики в изображении виновника дальневосточного конфликта. Меж тем в анализе именно этих сторон сатирического восприятия противника заключено раскрытие основной проблематики темы.

«Петр Полувеликий» и маршал-людоед

Мысли о расовом характере русской сатиры на японца как врага не раз высказывались рядом исследователей. В подтверждение чему упоминались часто встречавшиеся в сатире того времени оскорбительные эпитеты «желторылые» и «косоглазые», а также гротесковые изображения с подчеркиванием специфических внешних признаков желтой расы. Безусловно, оттенок расового восприятия во всем этом существовал, но был ли он определяющим в создании образа врага?

То, что прежде всего обыгрывается в журнальной сатире на Японию и японцев, точнее всего было бы назвать инаковостью, чуждостью страны и народа, от которых по этой самой причине можно ожидать чего угодно — вплоть до коварного нападения.

Излюбленной темой острот в связи с этим становится семейный быт и общественный уклад японцев. Как бы «позабыв» о баталиях на Дальнем Востоке, фельетонисты упорно иронизировали над японским браком: каждый четвертый, мол, кончается разводом, что приветствуется властями, поскольку пошлины за развод идут на военные нужды (№25, с. 6). Намекалось и на то, что браки в Японии — замаскированная форма проституции, поскольку за деньги можно «на время» пожениться и за деньги же можно легко развестись (и не раз!) опять-таки на пользу казне (№30, с. 5; №36, с. 5). Подтрунивали и над эмансипированностью японок, которые-де начали ускоренно европеизироваться вместе со своей страной и потому якобы носят под кимоно мужские брюки, изучают фортификацию и саперное искусство и остро сожалеют о повышении пошлин на табак... (№39, с. 4) Чужой бытовой и социальный уклад — как предмет осмеяния — становится в сатирических выдумках журналистов забавно нелеп и довольно порочен.

История Японии — особенно эпохи ее контактов с Западом и европеизации — также оказывается объектом едкой насмешки. Вот отрывок из фельетона, характерным образом пародирующего трактат по японской истории: «У японцев был Петр Великий, но так как японцы очень малы ростом, то их Петр Великий в сущности может называться только “Петром Полувеликим”. При нем загорелась заря новой Японии, притом загорелась так сильно, что в настоящее время Япония легко может прогореть. Первые признаки европеизма в Японии появились около 1550 года, с приездом первых европейцев. Эти “первые европейцы”... были иезуиты. Японцы больше всего этот-то “европеизм” и усвоили» (№37, с. 5).

Иронизирование над историей (в сочетании с критикой направленности ее европеизации) должно было, очевидно, стать сильным инструментом критики Японии как противника. Социопсихология и эстетика японских традиций и ритуалов также становятся предметом осмея-

ния. Высокий трагизм рыцарского обычая «сепокку» («харакири») издавательно трактуется как параноидальное извращение — готовность умереть по любому ничтожному поводу (№25, с. 6.). А насмешка над камерностью и лиризмом многочисленных японских праздников неожиданно переходит в сатиру на японскую шпиономанию и болезненное состояние милитаризованного общества: «“Праздник шпионов” самый торжественный из новейших праздников Японии. В этот день каждый японец считает своим долгом объявить какой-нибудь донос на своего родственника или соседа, то-есть вывести на свежую воду все то, что ему удалось “вышпионить” в течение года относительно своего ближнего. И чем более этот донос носит предательский характер, тем большей похвалы заслуживает шпион» (№29, с. 5).

Странный и чужеродный образ японца, увиденный глазами сатирика средней руки, пугающе конкретизируется при переходе на личности. Больше всего здесь достается, пожалуй, одному из наиболее ярких персонажей войны с Россией — благородному принцу маршалу Ояме, в июне 1904 г. назначенному главнокомандующим сухопутными силами Японии. Набор нелепых выдумок и плоских шуток в отношении него превышает обычную «норму» — очевидно, по причине стратегического масштаба самого объекта сатиры: «Среди мелкорослых японцев Ояма также выделяется и ростом, и физическим сложением. Рассказывают, что Ояма вовсе даже не японец, а попал в Японию в качестве “странствующего атлета”, и японцы, обуреваемые шовинизмом, сразу предложили ему сделаться из акробата — японским полковником. Ояма отличается еще большей жестокостью, чем пресловутый Того. По-японски Ояма — значит людоед¹¹. Его жестокость вошла в Японию в поговорку: он, во время восстания в Сатсуме, некоторым из главных инсургентов, самолично, живым отгрызал головы» (№29, с. 4).

Естественно, сатирик из «Осколков» не рассчитывал на то, что даже простодушный читатель поверит всем этим нелепостям, но сам выбор сюжетов для высмеивания вражеского военачальника показателен для механизма построения сатирически-негативного образа противника. «Парфянской стелой», пущенной в японцев и их западных «доброжелателей», выглядит концовка фельетона о биографии маршала Оямы: «При всем том маркиз Ояма принадлежит к ярым поклонникам европеизма» (№29, с. 4).

Сводом клишированных представлений на тему негативной инаковости противника служит в «Осколках» набор «японских» пословиц, естественно выдуманных самим сатириком:

¹¹ Благодарю д.ф.н., проф. Университета Такусэки (Япония) В. Молодякова за четкое разъяснение того, что звучание имени «Ояма» в японском языке не имеет даже близкого сходства со словом «людоед»!

«На то японец в Азии, чтобы европеец дома не дремал.
Японец правды не скажет, зато хорошо соврет.
Японец для китайца страшный враг.
Гейша создана, чтобы плясать, а японец — чтобы воевать.
У каждого японца хитрости на двоих.
Японец в шпионстве — Александр Македонский в войне.
Японцем и акула подавится.
Японец обезьяну выдумал, а не немец» (№32, с. 6.).

Вот таким — агрессивным воякой, хитрым и лживым соседом, по любому поводу норовящим нашпионить или вспороть себе живот, — предстает японец на страницах сатирического издания. Но были в этом образе и другие краски, столь же характерные для отношения русской сатиры к японцу как к врагу. Это — возрастные характеристики японца как социальной личности и представителя своей цивилизации. Древность японской государственности, глубина культурной и религиозной традиции остаются в этом контексте вне поля зрения журналистов. На первый план выступает представление даже не о молодости, а о детскости легкомысленных проявлений воинственности, хвастовства, чванства и агрессивности, свойственных японцам, переживавшим в начале XX столетия бурный период империалистической экспансии.

Серия карикатур и анекдотов под общим заголовком «Японское дворянство» высмеивает не столько обычаи японского правительства награждать дворянскими званиями участников войны, сколько полудетское, наивное хвастовство новоиспеченных дворян своими титулами перед не воевавшими соотечественниками. Так, один «свежий» дворянин отказывает в руке своей дочери жениху-недворянину, другой отказывает в дружбе старому приятелю по той же причине, третий сетует на войну с Россией, мол, теперь-то уж слишком много дворян появится в стране и он не будет выглядеть особо знатным... (№26, с. 7).

То же инфантильное хвастовство пополам с трусостью подчеркивается в поведении японцев во время боевых действий. Подборка сатирических рассказиков и карикатур на эту тему так и называется — «Японские лгуны». Японский солдат по-ребячьи хвастается тем, что «один побил пятнадцать русских», а сам, как оказалось, и из лагеря-то никуда не выходил; другой уверяет, что в кромешной тьме застрелил казака, потому что у него-де «глаза как у кошки»; начальник отряда лжет, что разбил три русских полка, а другой начальник (старший по званию) доносит своему начальству, что разбито-де четыре русских полка; японец-дезертир сообщает своей даме сердца, что его отпустили из армии, дабы он один всех русских не перебил... (№34, с. 7.).

На более высокий — государственный — уровень поднимает сатиру на японскую инфантильность обложечная карикатура июльского (1904 г.) номера журнала, на которой миловидная боярышня в национальном костюме (образ России) за ухо выводит из комнаты орущего, сопливого японца-подростка в военном мундирчике. В комнате за накрытым столом в облике строгих пожилых дам и господ изображены представители европейских наций. На столе — русский самовар с надписью: «Международное право». Под карикатурой — подпись от имени России: «Пошел, пошел прочь отсюда, дрянной мальчишка! Тебя еще слишком рано, как оказывается, посадили за один стол с большими... Ты еще не умеешь вести себя как следует» (№ 29, с. 1).

Тему детскости в восприятии и продвижении сатирического образа врага прекрасно иллюстрируют и плакаты военного времени. Один из первых в серии, посвященной войне с Японией (28 февраля 1904 г.), изображает мужика, который порет японца на фоне стен Порт-Артура, приговаривая при этом: «На Россию рваться брось-ка // Ведь выходит — словно моська // Лает на слона!». Сюжет с поркой подхватывает и другой плакат (15 марта 1904 г.) — здесь уже казак учиняет экзекуцию над юным японцем со словами: «Не лезь к Порт-Артуру // Береги свою желтую шкуру». В обоих случаях сама поза порки весьма определено подчеркивает, что наказывают именно ребенка, а не провинившегося взрослого — солдата или холопа.

Характерен в этом смысле и плакат «Завтрак казака». Огромный бородатый казачина готовится проглотить маленького японца-подростка: «Раз пришел ко мне ты в гости // — Милости прошу — // Я тобой, совсем без злости, // Малость закушу...» Изображение на плакате нарочито архетипично, подразумевая бродячий сюжет европейских сказок о великанах-людоедах, пожирающих детей. Разница лишь в том, что образ людоеда, пережив сатирическую инверсию, дается сугубо положительным, подчеркивая зрелость и мощь русского воина (в отличие от японского).

Впрочем, сущностную инверсию восприятия японца как существа иной породы (и по биологической, и по человеческой, и по цивилизационной природе) гениально отразил И.А. Куприн в образе штабс-капитана Рыбникова, удивительного персонажа, который, в свою очередь, «разыгрывал злую и верную карикатуру на русского забубенного армейца». Набор всех банальностей массового восприятия японца как врага («звериность», «инаковость», «существо другой породы» и даже «с другой планеты», а главное — «политическая молодость») парадоксальным образом отличается у писателя в качестве иного порядка: в свойственную японскому шпиону «очаровательную, безумную, и в то же время холодную отвагу», «высший из всех видов патриотического героизма». И тут же (очень по-русски) — внезапно, но характерно меняется «оптика» писательского

взгляда: «Штабс-капитан вдруг показался ему маленьким, загнанным, трогательно-жалким...»¹²

«Лукавые доброжелатели» и «бумажный дракон»

Основной подтекст всех самых хлестких и злых журнальных и плакатных публикаций того времени состоит в подчеркивании подстрекательской роли западных держав — Великобритании и США — в эскалации конфликта на Дальнем Востоке. Образ японца — неразумного подростка, чью инфантильную агрессивность корыстно используют более зрелые державы, проявляется здесь с особой наглядностью. При этом внешности символических персонажей — Джона Буля и Дяди Сэма (Англии и США) — наделяются деградантскими чертами возрастных изменений (и если первый неизменно страдает от ожирения, то второй — от дистрофии).

Стихи, фельетоны, анекдоты и карикатуры на протяжении всего военного времени несут отчетливую мысль: растрата сил Японии в дальневосточной войне есть часть «большой политики» этих западных держав в евроазиатском «концерте», полноправно участвовать в котором молодому и агрессивному империалисту никогда не разрешат.

Типична в этом смысле карикатура, на которой японский дипломат в униженном поклоне пытается вручить надменной Европе (в образе полноватой старушки, чрезвычайно напоминающей королеву Викторию) оливковую ветвь мира. Всем своим видом он намекает на то, что остро нуждается в содействии по скорейшему заключению мира, ибо «блага мира — блага Европы, а блага Европы — наши блага» (№ 25, с. 2).

Плакатная пропаганда подкрепляет и усугубляет критическое изображение роли западных держав в военном конфликте России и Японии. На плакате «Посидим у моря, подождем погоды!..» англичанин держит на руках японца-подростка, науськивая его на здорового русского мужика, вольготно и уверенно расположившегося на земле Маньчжурии. А Дядя Сэм со злорадным любопытством наблюдает за происходящим.

Своего апогея тема достигает в плакате «Японский Император и его лукавые доброжелатели». Здесь примечательно все: и тщательность проработки фигур, и приближающийся к реализму характер изображения персонажей, и композиция, весьма отличающаяся по сути и форме от других плакатов на военную злобу дня. Джон Буль и Дядя Сэм как бы ненароком подталкивают к краю пропасти всадника. Это японский император, он величественно восседает на коне и отрешенно смотрит вдаль, в руке —

¹² Куприн И.А. Штабс-капитан Рыбников. Собр. соч. Т.4. М., 1958, с. 12–25.

обнаженный меч. Под копытами коня уже осыпаются камни, еще мгновение — и державный всадник, представитель древнейшей в мире императорской династии, рухнет в пропасть, которой он не замечает, как не видит и тех политических персонажей, что вероломно приближают его гибель.

Примечательно, что император воюющей с Россией державы изображен без тени карикатурности; к тому же в чертах его лица полностью отсутствуют расовые признаки японца. Скорее, микадо похож на европейца-южанина. Чем руководствовался художник, создавая подобный образ? На поверхности лежит слишком простое объяснение: в императорской России изображение царствующей особы даже враждебного государства не должно было носить карикатурно-глумливого оттенка. (Косвенно эту особенность русской сатиры подтверждает журнальная карикатура эпохи Первой мировой войны — даже в разгар всеобщей германофобии и немецких погромов в столицах империи изображения кайзера были грозно-устрашающими, но неизменно величественными.)¹³

В случае же с японским императором придание его лицу европейских черт было, на наш взгляд, наивной, но показательной попыткой уйти от высмеивания расовой, азиатской самобытности образа противника. Гораздо важнее здесь, по замыслу автора, было показать зло, заключенное не во внешних признаках чуждости и инаковости, а в самом факте вероломства и подстрекательства, воплощенных в фигурах западных персонажей. Так намечалось постепенное размывание темы «желтой угрозы» как основного фактора конфликта на Дальнем Востоке и начиналось углубление образа войны как таковой.

Не менее важную роль в этом процессе сыграла — как в журнале, так и в плакатах — «азиатская» тема. Чаще всего она трактовалась как игнорируемый японцами, но очевидный для России клубок нарастающих противоречий внутри всего региона. Изображенные в фельетонах и на карикатурах лукавая сервильность осторожной Кореи, а также хитрость и двурушничество умудренного опытом Китая резко контрастируют с сатирическим показом агрессивной инфантильности поведения Японии. Впрочем, что касается отношения упомянутых государств к России, то у журналистов сомнения нет — пусть и в разных формах, но все они к ней недоброжелательны, однако готовы использовать все материальные выгоды, которые сулит им соседство с империей «Белого царя».

В качестве наиболее полного свода стереотипов, внушаемых обывателю о народах этого региона Азии, позволим себе полностью привести примечательное стихотворение «Силуэты» (№ 29, с. 5):

---

13 Филиппова Т. «Аспиды и готтентоты». Немцы в русской сатирической журналистике // Родина. 2002, № 10, с. 31.

I.

Беден, слаб и неуклюж,
С видом рабским и умильным
Поневоле он, как уж,
Извивается пред сильным;
Для него различья нет —
Варвар то иль европеец..
Кто он? — дайте мне ответ. —
Разумеется, кореец..

II.

И воды не замутит,
Но, хитрец с душой корыстной,
Нож под кофтою таит
Пред культурой ненавистной,
Плох его нейтралитет;
Впрочем, он труслив как заяц..
Кто он? — дайте мне ответ, —
Разумеется, китаец.

III.

Мал, но храбр, натурой дик,
Хоть культурой фанфаронит;
В бой не вступит напрямик,
А хитрит он и шпионит;
Весь в долгу, мечтой согрет
Признанья хотя червонец..
Кто он? — дайте мне ответ, —
Разумеется, японец!

Характернейший герой «азиатской» темы — китаец, торгующий с русскими продовольствием, а с японцами — сведениями о русских (подчеркивается: и тот и другой товар — не первой свежести) (№ 32, с. 5; № 33, с. 5; № 38, с. 5, 8). Очень типичен для восприятия «китайского фактора» в русско-японской войне комикс в сентябрьском номере «Осколков» — целая журнальная полоса карикатур с подписями-диалогами. В ходе одного из них английский корреспондент пытается выяснить у китайского офицера, сколько платят японскому инструктору за подготовку китайских солдат, и с удивлением получает ответ, что, мол, нисколько, но с условием оказать им (японцам. — *Т. Ф.*) помощь, которую китайцы не только не собираются оказывать, но и сами при случае готовы «поколотить» японских учителей...

Стремясь компенсировать горечь разочарования по поводу отступления русских войск на маньчжурском театре боевых действий, журналисты развивают тему «Японцы в Ляояне», подчеркивая, как тяжело живется отныне местным жителям под властью японских оккупантов. Подпись под одной из карикатур весьма показательна. На вопрос ляоянских обывателей: «Зачем вы грабите нас, местных жителей?» — японцы отвечают: «Мы считаем себя победителями, а потому должны же чем-нибудь озаглавить это! Раз русские от вас ушли, то должны же мы хоть с вас, жителей, взять контрибуцию» (№ 38, с. 4).

Возможно, главное в этом диалоге — употребление слова «ушли», а не какого-то более сильного глагола, означавшего поражение русских. Такое словоупотребление, как представляется, не случайно: по мнению многих наблюдателей, приказ об отступлении был отдан тогда генералом А.Н. Куропаткиным под влиянием пессимистических донесений командиров корпусов, хотя обстановка вовсе этого не требовала. Не случайно и японские офицеры признавались, что «нашей удаче пока как-то даже трудно поверить»¹⁴.

Ощущение горечи и позора поражений не высказывалось напрямую на страницах сатирического издания, но все же подчас прорывалось в этих с точки зрения цензуры невинных «ушли», «покинули» и т.п. Лишь однажды проскользнула злая шутка, обыгрывавшая внешне курьезное, а по сути трагическое происшествие, когда в ходе Ляоянской операции резервисты 54-й дивизии генерал-майора Н.А. Орлова заблудились в гаоляне, попали под сильный фланговый огонь с Четырехголовой сопки и в беспорядке отступили. В одном из упомянутых уже фельетонов «Китайское письмо» эта ситуация обыгрывается прозрачно и зло. По поводу веских причин вернуть Маньчжурию Китаю китайская сторона-де заявляет следующее: «Принимая во внимание, что в Манчжурии растет гаолян, препятствующий правильной войне и не предусмотренный международным правом, Манчжурия должна быть исключена из территорий, на коих можно вести войну; ясно, что она должна быть возвращена Китаю» (№ 37, с. 5).

Знаковой карикатурой, ключом к раскрытию «азиатской» темы на страницах журнала служит рисунок, «философски» осмысливающий сугубое отличие мира Запада от мира Востока, несопоставимость их ценностных и цивилизационных векторов. Крепыш-китаец с невозмутимым выражением лица поглядывает на растрепанное огородное пугало с надписью «Международное право»; и при этом приговаривает, почесывая, мягко говоря, спину: «А ведь мой бумажный дракон выглядит как будто страшнее...» (№ 37, с. 2).

---

¹⁴ Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. Т. 2. СПб., 1907. С. 108.

К началу 1905 г. волна сатирических публикаций на тему войны с Японией иссякает: внутренние революционные потрясения не только меняют общий настрой печати, но и сказываются на регулярности выхода издания в свет. Непопулярность войны, позор поражений на море и на суше, шок от роковой недооценки сил противника причудливо сублимируются в странный образ врага, в котором старые клише переплелись с новыми выдумками, реальными опасениями и горькими разочарованиями.

Иссякает само собой и плакатное творчество на военную тему. Почти одновременно с великим князем Владимиром Александровичем, сказавшим весной 1905 г.: «Не зная бродя, мы сунулись в воду; мы должны остановиться», некто неизвестный написал на обороте плаката, посвященного военным подвигам «казака Ивана», горькие слова: «Увы, второй год война. Теперь уж не до карикатур и не до смеха. Страстная неделя. 1905».

После революции объектом журнальной и плакатной сатиры станут новые образы новых врагов. Образ же японца как противника запомнится причудливой смесью наивной воинственности, ребячливого хвастовства и подростковой агрессивности. При этом важно отметить, что в изображении японца как дурно воспитанного ребенка присутствовали лишь внешние признаки расовой сатиры, тогда как сущностные свойства были возрастными. Расовый оттенок проанализированных публикаций так же отличался от тогдашних европейских расистских теорий, как различаются в русском языке своей семантикой прилагательные «имперский» и «империалистический». Желтолицый японец иногда виделся «недочеловеком», но не по природной неполноценности, а по цивилизационно-возрастному признаку. Представляется, что расистские настроения в принципе были чужды базовым основаниям духовной культуры русского Православия. Даже в эпоху национальной «озабоченности», свойственной правлению двух последних Романовых. Даже тогда, когда православный генерал Ноги на сопках Маньчжурии задавал перцу русским воинам...

По мере углубления военного конфликта на Дальнем Востоке «коварный враг» начал осознаваться не только как противник России, но и как жертва Великобритании и Америки, как незрелый продукт ускоренной европеизации, инструмент в руках более опытных и взрослых политических игроков.

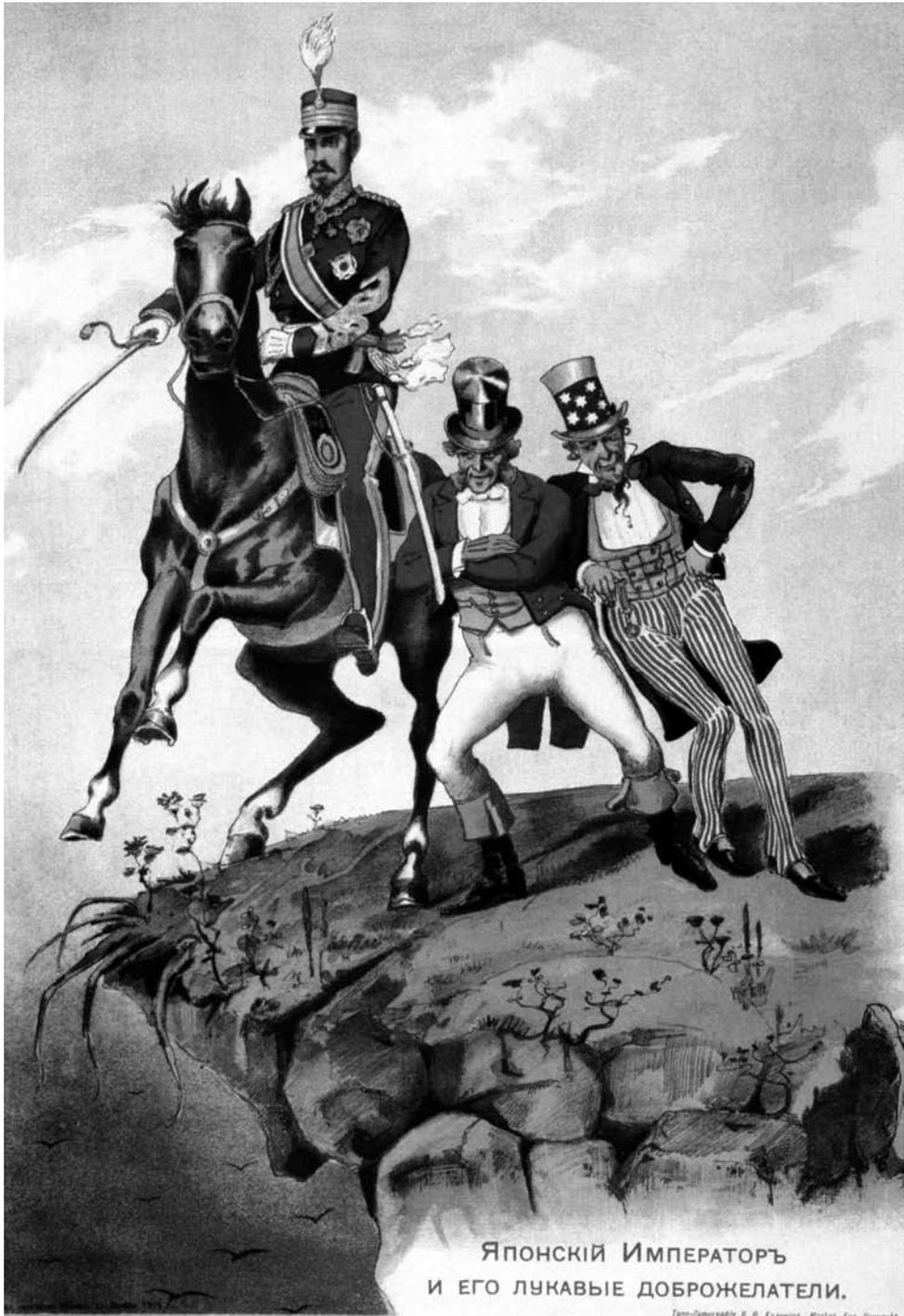
Но насколько зрелым и продуманным было продвижение самой Российской империи к Востоку, к тому самому, с которого, как и было сказано, «идет свет»? Дизайн, цели и ориентиры державного расширения, столкнувшись с чужими имперскими амбициями, оказались недостаточно отрефлексированными и проработанными. Противоречия, стилистические сдвиги и пропагандистское «провисание» сконструированного образа японца как врага — тому наглядное подтверждение.

Идея политического поучения противника-«подростка», которого не удалось проучить на полях сражений, была достаточно парадоксальной для журнальной сатиры в стране, проигравшей войну. Но в купе с темой осознания собственных ошибок она свидетельствовала о начавшемся (но прерванном революцией) процессе осмысления причин того исторического испытания, каковым для России стали война с Японией и знакомство с ее жителями, что называется, «в ближнем бою».

ЯПОНЕЦЪ И ФОРТУНА.

ПРИЕМЪ ПОДПИ
въ Москвѣ:
въ КОНТОР
Н. Н. Печковс
Петровскія лн

Японский Императоръ
и его лукавые доброжелатели.

Тит-панорама В. В. Кузнецова. Москва, Изд. Русская.

ЗАВТРАКЪ КАЗАКА.

Изданіе Типо-Литографіи «РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА Почты и Издател. Дѣл.» Москва, Мильниковъ переулокъ, собственный домъ.

Двадцатый номер. Москва, 21 апреля 1904 г.

Врешь, японская натура,
Не вертись въ рукахъ!
Посмотрю, какъ ваша шкура

Будеть помнить родъ твой хитрый
Вѣчно казака
И сражаться съ низъ, мой младый,

Разъ пришелъ ко мнѣ ты въ гости
— Милости прошу —
Я тобой, совѣзъ безъ злости.

СТОГЛАВАЯ ГИДРА ПИРАТСТВА

«Чума» Индийского океана XVII — XVIII вв.

В наши дни Сомалийские пираты стали неперенными «героями» сводок новостей всех мировых информационных агентств. Однако пиратство не является изобретением XX или XXI веков. Оно имеет долгую историю и известно с древнейших времен. Пираты-варвары античного мира и европейские пираты, действовавшие в Вест-Индии, отличались особой жестокостью.

Пиратский берег

В XVIII в. регион так называемого Договорного Омана был известен как Пиратский берег. Пиратство там процветало вплоть до 1819 г., и понадобились три британские военные экспедиции, чтобы навсегда изгнать оттуда пиратов и сделать безопасным судоходство в Персидском заливе.

Пираты Омана в конце XVII — начале XVIII в. держали в страхе все восточное побережье Африки. Султан Сейф бин Султан (1680–1711) построил сильный флот, с помощью которого изгнал португальцев из многих поселений на восточноафриканском побережье. В результате к 1698 г. практически все побережье от Могадишо до мыса Делгадо контролировалось Оманом¹.

Сейф бин Султан разграбил также город Салсетте в Индии, завоевал и в течение некоторого времени оккупировал Бахрейн. По словам современника, «Оман был сильным и процветающим под его привлечением»².

Активность оманских пиратов не ограничивалась только восточноафриканским побережьем. Они начали войну против Персии, у которой

¹ *Skeet Ian*. Muskat and Oman. The end of an era. L., 1974, с. 38–39

² An Anonymous History of Oman probably written in about 1728 // Journal of the Asiatic Society of Bengal. Vol. XLIII.

сумели отвоевать острова Персидского залива, кроме Ормуза, откуда они были выбиты. В то же время пираты успешно атаковали и грабили португальские суда, шедшие в Гоа или из Гоа.

Захватив Бахрейн, оманские войска овладели также крепостями Кишма и Ларака. Тем самым они получили сильный плацдарм на подступах к главным портам южной Персии и заблокировали этот район для всех судов, кроме английских и голландских³.

Объектом следующей атаки оманских пиратов стал Ормуз. Оманские войска высадились на острове и вошли в город, где они освободили из плена одного важного перса, поднявшего некогда восстание против Сефевидов. Но персидский гарнизон в крепости Ормуз отказался сдаться, и началась длительная осада. В Ормузе не было достаточного запаса воды, продовольственные припасы были на исходе, а сама крепость нуждалась в починке. Поэтому оманцы были уверены, что крепость долго не продержится. Персы попытались получить в Ормузе помощь от голландцев, но тщетно.

Единственной уступкой голландцев персам были письма комендантам крепостей Ормуза и Кишма, которые рекомендовали им не чинить препятствий торговле Бандер-Аббаса. Эти коменданты иногда отправляли голландцам дружеские послания и приглашения торговать с Маскатом. Однако голландцы не ждали никаких выгод от торговли с Оманом, как, впрочем, и от помощи персам⁴.

Между тем персы собрали армию в 8000 солдат для того, чтобы отвоевать Бахрейн. Известия об отплытии этой армии заставили оманских военачальников в Ормузе снять осаду крепости и срочно отправиться с войском в Бахрейн, чтобы помочь ему в обороне. В результате персы получили возможность перебросить подкрепления в Ормуз и починить крепость. Однако главная цель персидской контратаки не была достигнута. Персы потерпели тяжелое поражение в Бахрейне, где они потеряли три четверти своих солдат. Но Ормуз снова был прочно в их руках, и оманцы больше не предпринимали попыток овладеть им⁵.

«В 1715 году, — писал современник-англичанин Гамильтон, — арабский флот состоял из одного корабля с семьюдесятью четырьмя пушками, двух с шестьюдесятью пушками и один с пятидесятью, а также восемнадцать маленьких судов от двенадцати до тридцати двух пушек каждый. Благодаря этому флоту они держали под контролем все морские побережья от мыса Коморин до Красного моря»⁶.

---

³ *Slot B.J.* The Arabs of the Gulf. 1602–1784. Leidschendam, 1993, с. 237.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Ididem.*

⁶ *Hamilton A.* A New Account of the East Indies. Edinburgh, 1727, I, с. 74.

Чтобы дать отпор оманским пиратам, персы предприняли совместную операцию с португальцами. В 1719 г. португальские и персидские войска нанесли серьезное поражение флоту Маската. Сам Маскат не был атакован, поскольку персидское войско не было достаточно большим. По той же причине португальцы не пытались восстановить свою власть на побережье Африки к северу от Мозамбика, они не имели войск, достаточно многочисленных, чтобы изгнать значительное арабское население, поселившееся в этом регионе.

Однако в 1728 г. португальцы сумели снова захватить Момбасу и удерживали ее некоторое время. Собравшись с силами, оманские пираты возобновили атаки против Персии. Надиршах, правивший в этой стране, купил у торговавших в Заливе европейцев несколько кораблей и, добавив их к тем, что он построил в Сурате, отправил в 1742 г. экспедицию против Маската, который вынужден был признать его своим сувереном.

Пираты Мадагаскара

Около 1685 г. в северном Мадагаскаре, в Диего-Суарез, возникла необычная пиратская «республика», просуществовавшая приблизительно до 1730 г.

Широкомасштабное пиратство выросло в Индийском океане из флибустьерства в Вест-Индии, которое достигло пика между 1550 г. и 1685 г. В это время пираты из своего поселения в Вест-Индии вынуждены были переселиться на западное побережье Африки и нашли временное убежище в Сьерра-Леоне. Но поскольку Индийский океан предлагал лучшие возможности, они в конце концов раз и навсегда обосновались на Мадагаскаре. После резни в Форт Дофине (1674 г.) французы покинули этот остров, и, следовательно, это место не контролировала ни одна держава. Там пираты основали своеобразную «коммунистическую республику», которой дали многозначительное название «Либерталия» («Свободная»).

Как и всякое уважающее себя государство, Либерталия имела кодекс законов, которые строго исполнялись, различные административные учреждения и даже свой язык, который был своеобразным эсперанто, составленным из нескольких европейских языков. Подавляющее большинство пиратов Либерталии составляли лица европейского происхождения. Многие из них финансировались и снабжались из Америки. Существует легенда, что в числе вождей пиратов Мадагаскара была женщина-англичанка⁷.

---

⁷ *Belgrave Ch. The Pirate Coast. L., 1966, c. 28.*

«Отцами-основателями» республики Либерталии были француз-авантюрист Миссон и итальянский монах-расстрига Караччиоли. Автор лучшей книги о пиратах Мадагаскара француз Дешамп называет их «пиратами-философами»⁸. Кроме этих двух самыми знаменитыми флибустьерами Либерталии были англичане Рид, Тит, Вильямс, Эвери, Кидд, американцы Тью, Баргесс и Хелси, ирландец Корнелиус, ямайкаец Плантейн и француз Ле Вассер. Как видим, пиратское братство на Мадагаскаре включало в себя людей самой различной этнической принадлежности, но с преобладанием английского элемента⁹.

Операции пиратов Либерталии не ограничивались районами Мадагаскара и Маскаренских островов, но покрывали практически весь Индийский океан. Они атаковали арабские, индийские и европейские суда, не делая между ними никакого различия, и их, видимо, абсолютно не пугало господство оманских арабов в западных регионах Индийского океана. Любопытно, что мадагаскарцы имели сообщников во всех портах. Дешамп пишет, что некоторые торговцы Малабарского побережья информировали их о передвижениях судов, а затем покупали у них награбленную добычу¹⁰.

В 1696 г. пиратам помог даже английский губернатор Бомбея, сообщив важные для них сведения. Добыча была столь значительной, что на Мадагаскаре возник «рынок веселого Роджерса», где около 1700 г. купцы из Северной Америки регулярно запасались припасами, обозначив, таким образом, свое первое появление в Индийском океане. Еще важнее, что в Нью-Йорке, Бостоне и Филадельфии были организованы пиратские экспедиции в Индийский океан.

Дешамп выделяет три главных периода в развитии пиратства на Мадагаскаре:

1. Период Эвери, Миссона и Кидда (1685–1701 гг.).
2. Период малозначительных пиратов (достиг пика около 1705 г.).
3. Период последних флибустьеров (1718–1726 гг.)¹¹.

Два события привели к гибели Либерталии во второй декаде XVIII в. Первым было появление пушек на кораблях торговых компаний, что сделало их захват более трудным делом. Второе событие — колонизация французами Маскаренских островов, начавшаяся в 1674 г., но вступившая в особенно активную фазу в 1721–1725 гг., и оккупация Маврикия, переименованного в Иль-Де-Франс в 1721 г.¹²

---

8 *Deschamps H.* Les Pirates a Madagascar aux XVII et XVIII sciels. Paris, 1949.

9 *Gosse P.* The Pirates Who's Who. L., 1924.

10 *Deschamps H.* Op. cit.

11 *Ibidem.*

12 *Lougnon.* L'île Bourbon sous la Regence. Paris, 1956.

Десфорж-Бушер сумел привлечь большое число пиратов с Мадагаскара на остров Бурбон и заставить их платить дань поселению на этом острове; тех, кто отказывался это делать, жестоко наказывали. Один из последних сопротивлявшихся француз Ла Бус был схвачен и повешен на Бурбоне в 1730 г.¹³

Дети, которых пираты Либерталии имели от мальгашек, главным образом из племени бетсимисарака, и дети этих детей продолжали заниматься пиратством на протяжении XVIII в. и даже в начале XIX в. Они провели много мелких операций, хотя иногда в них участвовало до 500 лодок и 18 000 воинов. Как правило, они нападали на Коморские острова, но иногда и на африканское побережье¹⁴.

Пираты Малабарского побережья

В XVII–XVIII вв. «грозой» Индийского океана были пираты-маратхи Малабарского побережья Индии. Битвы, в которых они сражались с 1655 г. по 1758 г. сначала с войсками Великого Могола, а затем с европейскими войсками, вошли в число самых памятных сражений, которые имели место в водах Индийского океана, хотя еще император Акбар (1556–1605) создал сильный флот. При Аурангзебе (1658–1707) флот базировался не на западном, а на восточном побережье Индии. Воспользовавшись этой ошибкой, вождь маратхов Шиванджи в 1657 г. восстал против Аурангзеба. Построив на Малабарском побережье многочисленный флот, он «вел жизнь разбойника, нападая на биджапурские города и гарнизоны. Он захватил несколько важных крепостей и дважды нанес поражения большим биджапурским армиям. Его слава росла»¹⁵.

Главной базой маратхов был Колаба, а позже Герия, которая долгое время считалась неприступной крепостью. Что касается войск Великого Могола, то они базировались в Джанджира, куда Аурангзев перевел свой флот, поручив ему защиту торговли Сурата¹⁶.

В 1660 г. Аурангзев послал против Шиванджи огромную армию, но она была разгромлена. Более того, маратхи совершили дерзкий налет на порт Сураат и разграбили его. Новый поход против Шиванджи в 1665 г. оказался более удачным. Маратхи были вынуждены заключить мир, по которому они отдали моголам 23 крепости, сохранив за собой только 12. В 1666 г. Аурангзев потребовал, чтобы Шиванджи лично явился к нему в Агру. Вождю маратхов были предоставлены слоны, серебряные палан-

¹³ Ibidem.

¹⁴ Toussant A. History of the Indian Ocean. L., 1966, с. 146.

¹⁵ Алаев Л.Б. Средневековая Индия. СПб., 2003, с. 190.

¹⁶ Toussant A. Op. cit., с. 142.

кины и свита, но по прибытии в Агру он был заключен под домашний арест. Шиванджи умер в 1680 г.¹⁷

До 1683 г. Великим Моголам удавалось противостоять маратхам, но когда во главе их встал знаменитый Каноджи Ангре, ситуация изменилась¹⁸. То, что вначале было национально-освободительным анти-могольским движением, превратилось в широкомасштабное пиратское предприятие. Во флоте Ангре служили не только маратхи, но и огромное количество европейских, арабских и африканских моряков. Ангре напал на Джанджиру, а вскоре завладел всем побережьем к югу от Бомбея и направил свои атаки не только против судов Могола, но и также против судов Ост-Индской компании. Чтобы защититься от этой угрозы, компания была вынуждена организовать специальное войско в Бомбее. В 1717–1722 гг. это войско вело боевые действия против маратхов, но не сумело выбить Ангре из его убежищ. В 1724 г. и 1728 г. Ост-Индская компания пыталась завладеть Герия, но безуспешно. Лишь в 1756 г. сильная британская эскадра под командованием адмирала Уотсона и полковника Клайва сумела рассеять пиратов и оккупировать Герия¹⁹.

Даже Индонезия, где обосновались голландцы, постоянно сталкивалась с «чумой» XVII–XVIII вв. — пиратством, этой гидрой с сотней голов, всегда отраставших вновь.

Пираты племени джоасми

С середины XVIII в. наиболее активными пиратами Персидского залива были представители племени джоасми, главным городом которых был Рас-аль-Хайма (севернее Маската). Они прочно обосновались в своих укрепленных городах на Пиратском берегу и владели островами Кишм и Линга у побережья Персии, контролируя, таким образом, оба берега узкого Ормузского пролива. Единственным местом на Пиратском берегу, над которым им не удалось установить контроль, был Маскат, правители которого упорно сопротивлялись джоасми — сначала самостоятельно, а потом с помощью англичан.

Даже когда пиратство было в зените своего могущества, те, кто страдал от него, знали, что у пиратов есть свой «кодекс чести», что они имели «некоторые благородные черты» и, несмотря на свою дикую жестокость, уважали «достоинство и честь женщин»²⁰.

---

¹⁷ *Keay John*. A History of India. L., s. d., c. 353.

¹⁸ *Алаев Л.Б.* Указ. соч., с. 191.

¹⁹ *Toussant A.* Op. cit., c. 143.

²⁰ *Belgrave Ch.* Op. cit., c. 28.

Пираты были бесстрашными людьми и проявляли безжалостность лишь в тех случаях, когда месть казалась им компенсацией за жизнь убитых товарищей. Эти «морские волки» Пиратского берега нападали не только на суда арабских соседей, но и захватывали суда британской Ост-Индской компании, смело атаковывали британские военные корабли и угрожали судоходству на западном побережье Индии вплоть до Бомбея.

В 1743 г. в Оман вторглись персы. Но пришедший к власти в 1749 г. Ахмед бин Саид пригласил персидских военачальников для подписания договора и праздничного пира в форт Бирка. Когда персы увлеклись обильной трапезой, на них внезапно напали прятавшиеся до этого оманские воины и перерезали их всех до одного²¹.

После разгрома персов началась долгая борьба между правителем Омана и пиратами джоасми.

В 1683 г. судно «Президент», принадлежавшее Ост-Индской компании, подверглось нападению джоасми, но пираты были разбиты.

В 1696 г судно Ост-Индской компании под командованием капитана Собриджа, перевозившее лошадей в Сурат, было захвачено пиратами. Собридж пытался наставлять пиратов на правильный путь жизни, но они приказали ему «попридержаться свой язык». Однако он не внял этому совету и продолжал увещевать пиратов. Капитан, вероятно, говорил по-английски или на хиндустани, и пираты-джоасми вряд ли много поняли из того, что он говорил. Возмущенные его поучениями, они матросской иглой и бечевкой сшили ему губы и, связав за спиной руки, бросили его и его людей в пиратскую лодку (*дхоу*), в то время как судно с лошадьми было предано огню. Собридж и его команда были затем высажены на берег, где он вскоре умер²².

В 1698 г. Ост-Индская компания обратилась к местному правительству в Бомбее с просьбой о помощи против пиратов. Через несколько лет англичане, французы и голландцы, хотя и были торговыми соперниками, договорились объединиться для борьбы с пиратством в Красном море, Индийском океане и Персидском заливе.

В 1797 г. крейсер Ост-Индской компании «Випер» бросил якорь на рейде в Бушире (Иран). Капитан сошел на берег, команда завтракала на палубе, а офицеры были внизу. В гавани находилось несколько дхоу джоасми. Их капитаны попросили агента компании продать им немного пороха и пушечное ядро. Англичане исполнили их просьбу, так как им показалось, что у них нет дурных намерений. Внезапно две дхоу открыли огонь по «Виперу» и приготовились взять его на abordаж. Лейтенант Каррутерс приказал морякам занять свои посты, якорный канат был переру-

---

²¹ *Skeet I*. Op. cit., с. 39.

²² *Belgrave Ch*. Op. cit., с. 28.

блен, и судно двинулось в открытое море, преследуемое четырьмя дхоу, наполненными вооруженными пиратами. «Випер» подвергся обстрелу, пуля попала Каррутерсу в пах. Он перевязал рану и продолжал командовать, пока не был убит выстрелом в голову. Командование взял на себя молодой офицер. В результате сражения, в котором было много убитых, пираты были отбиты. Многие ожидали, что компания отомстит за это вероломное нападение, но инцидент был проигнорирован Бомбеем, который не предпринял никаких шагов, чтобы наказать пиратов²³.

Поняв, что они могут безнаказанно нападать на британские суда, пираты стали еще более дерзкими. В 1804 г. крейсер Ост-Индской компании «Флай», везущий депеши и сокровища в Бомбей, проходя около острова Кенн, сел на мель. Офицеры и матросы сумели добраться до Бушира, где они наняли дхоу, которая должна была доставить их в Бомбей. По пути в Бомбей они были схвачены пиратами джоасми и привезены в Рас-аль-Хайма, где были показаны жителям как диковинные существа.

Современник событий Букингом свидетельствует: «Женщины-джоасми были столь дотошны в своем расследовании, что не успокоились, пока не выяснили, чем именно необрезанный неверный отличается от истинно верующего»²⁴.

Спустя некоторое время, поскольку выкуп не последовал, пираты решили убить своих пленников. Но англичане спасли свои жизни, предложив показать им место, где затонул корабль с сокровищами.

Пираты доставили пленников к мелководью, где находился корабль. Когда пираты нырнули в море, оставив лишь малочисленную охрану, пленники попытались сбежать, но были схвачены. Пираты обнаружили сокровища и депеши. Последние они отдали англичанам, не видя в них никакой пользы.

Пираты отплыли, оставив пленников на острове, предварительно перебив жителей единственной деревни. А экипаж «Флай» нашел две лодки на берегу и вышел на них в открытое море. Одна из этих лодок погибла, но другая достигла персидского берега. Оставшиеся в живых отправились пешком через Персию в Бушир. Большинство из них умерло во время этого долгого и утомительно путешествия. Только два англичанина, офицер и матрос, прибыли в Бушир. Оттуда они добрались до Бомбея с пакетом депеш, за сохранение которого были вознаграждены всегонавсего благодарственным письмом от правительства, несмотря на свои беспримерные страдания²⁵.

---

²³ Ibid., с. 29.

²⁴ *Buchingham J.S. Travels in Syria. Media and Persia. 1830.*

²⁵ Ibidem.

Бомбейское правительство не предпринимало никаких действий против пиратов. Больше того, капитанам судов было приказано ни в коем случае не атаковать «этих невинных туземцев Залива». Такая политика была обусловлена тем, что правительство опасалось быть вовлеченным в конфликт с ваххабитами, так как было известно, что ваххабиты поддерживали и поощряли пиратов и получали долю их добычи.

Пираты, поняв, что репрессий не будет, стали еще более наглými. В 1805 г. они захватили два брига, принадлежавшие Мэнести — английскому резиденту в Басре. Многие члены их экипажей были убиты, а капитану одного из брига отрубили руку, так как увидели, что он стрелял из мушкета. Он спас свою жизнь тем, что сунул обрубок руки в кипящее масло. Два брига были добавлены к флоту пиратов²⁶.

Вскоре после этого было атаковано судно Ост-Индской компании «Фьюри», но атаку отбили. По возвращении в Бомбей капитан получил строгий выговор за то, что открыл огонь по пиратам и тем самым нарушил приказ. Еще два судна, «Морнингтон» с 24 пушками и «Тейнмаут» с 18 пушками, были атакованы, но сумели уйти. Среди офицеров и матросов росло чувство беспомощности.

В начале 1806 г. бомбейское правительство отправило флот для совместных действий с войсками Маската против пиратов джоасми. Остров Кишм был заблокирован, и вождь джоасми султан бин Сеггар согласился принять предложение о мире.

В феврале 1806 г. был подписан мирный договор, который предусматривал, что вождь джоасми и его люди «будут уважать британский флаг и собственность достопочтенной Ост-Индской компании». Договор также предусматривал, что пираты вернут собственность, которую они отняли, и будут помогать каждому британскому судну, которое может быть отнесено к Пиратскому берегу²⁷.

В течение некоторого времени британские корабли патрулировали залив, и в этот период пираты не давали о себе знать, но как только эскадра вернулась в Бомбей, договор стал пустой бумажкой.

В 1808 г. судно «Мэнести» было захвачено пиратами после морского боя, продолжавшегося несколько дней. Большинство членов экипажа были зарезаны, а капитан изрублен на куски и выброшен за борт²⁸.

В том же году крейсер «Силф» Ост-Индской компании был захвачен пиратами. Капитан Грэхем подчинился приказу и не открывал огонь. Его корабль был взят на абордаж, и большая часть экипажа была убита. Грэхем, тяжело раненный, упал в люк. Матросы спрятали его в каюте

---

²⁶ *Belgrave Ch.* Op. cit., с. 30.

²⁷ *Ibidem.*

²⁸ *Buckingham J.S.* Op. cit.

и забаррикадировали дверь. Между тем пираты направили судно в Рас-аль-Хайма.

К счастью, это заметил другой английский корабль, который начал его преследовать «Силф». Тогда пираты уплыли на лодках, и Грэхэм и другие оставшиеся в живых моряки были спасены²⁹.

Другое судно, «Наутилус», было атаковано у острова Кишм, но капитан проигнорировал приказ и открыл огонь. В результате кровопролитного сражения, в котором было много убитых, атака пиратов была отбита.

В конце концов бомбейское правительство поняло, что если оно не предпримет серьезную акцию, то лишится возможности торговать в заливе. Пиратский флот в то время насчитывал свыше 60 больших судов и несколько сотен более мелких с общей численностью экипажей около 20 тыс. человек. Многие из этих судов были вооружены пушками, снятыми с захваченных кораблей, но пираты не умели ими как следует пользоваться. Правительство, хотя и стремилось избежать конфликта с ваххабитами, решило послать экспедицию против Пиратского берега, чтобы оказать поддержку султану Маската. Приказы командующему экспедицией были составлены в осторожных выражениях в том смысле, что следовало атаковать только джоасми, хотя те действовали вместе с ваххабитами.

Экспедиция отплыла из Бомбея в сентябре 1809 г. под командованием полковника Лионеля Смита, отец которого был директором Ост-Индской компании. Смит был умелым военачальником. Позже он стал генерал-губернатором Ямайки, где сыграл выдающуюся роль в освобождении рабов, а закончил карьеру на посту губернатора Маврикия.

Войско Смита состояло из тысячи английских солдат, отряда бомбейской артиллерии и тысячи индийских солдат. В его распоряжении были 8 кораблей компании, 4 транспортных судна и 2 фрегата королевских ВМС.

Когда после долгого плавания эскадра достигла Маската, «город был наполнен радостью». Рассчитывая на поддержку англичан, султан объявил войну ваххабитам и изгнал их представителя из Маската.

После некоторой задержки в Маскате, которая дала пиратам время укрепить свою оборону, эскадра Смита отплыла вместе с кораблем султана Маската «Салли». Вскоре в Барка к ним присоединилось большое султанское войско. Первым городом, который атаковала эскадра, был Рас-аль-Хайма. Войска высадились на берег под прикрытием орудийного огня, и после нескольких штыковых атак город был взят. Около 60 пиратских лодок были сожжены. На следующее утро войска отступили и погрузи-

---

²⁹ Ibidem.

лись на корабли, так как стало известно, что на помощь к джоасми идет большое войско ваххабитов.

Эскадра пересекла залив и подошла к Линга на персидском берегу, который был взят без сопротивления. Из Линга часть экспедиции двинулась к Луфт на острове Кишм, а другая часть вернулась в Маскат. Джоасми, осажденные в Луфте, отказались сдаться и оказали ожесточенное сопротивление: из своих укреплений они обстреливали атакующих из мушкетов. В своих красных мундирах и ярких униформах британские солдаты оказались отличными мишенями. Британские войска были вынуждены отступить под огнем противника. Джоасми был предъявлен ультиматум о сдаче в определенный срок, но рано утром еще до истечения этого срока, к удивлению всей эскадры, на стене крепости появился человек, размахивающий британским флагом. Это был лейтенант Холл, который подошел к крепости и обнаружил, что гарнизон ее покинул.

Город был затем взят и возвращен султану, у которого его отняли джоасми. После этого эскадра посетила еще несколько портов, всюду уничтожая лодки пиратов.

В январе 1810 г. объединенные силы англичан и султана Маската атаковали порт, который участник сражения Мауризи называет «отвратительным городом Шинас». Переговоры о сдаче кончились безрезультатно. Пираты сознательно затягивали их, чтобы выиграть время. Город был взят после бомбардировки, а жителям, за исключением тех, кто были взяты в плен, после сдачи оружия было позволено бежать. Чтобы британские и индийские войска могли отличить людей султана Маската, последним было рекомендовано обвязать голову белыми платками, но, поскольку большинство арабов носят куфии, этот метод идентификации оказался непригодным и привел к ужасной путанице³⁰.

После взятия «отвратительного города Шинас» были получены сведения о том, что к Рас-аль-Хайма движется большое войско ваххабитов. Полковник Смит разместил войска на берегу, а на флангах поставил людей султана. В это время кавалерия султана, преследовавшая пиратов, вернулась в беспорядочном бегстве, преследуемая противником. В наступившей неразберихе многие воины султана были убиты британской артиллерией, принявшей их за пиратов. Полковник Смит отказался двигаться в глубинку, когда султан просил его это сделать, ссылаясь на присланный ему приказ ограничиться атаками на пиратские города³¹. Затем британские и индийские войска погрузились на свои корабли и отплыли от города.

Вскоре на берегу появились ваххабиты во главе с Мутлак аль-Мутайри, который обрушился на маскатцев. Битва продолжалась около

---

³⁰ *Maurizi V. History of Seyd Said. L., 1819.*

³¹ *Ibidem.*

двух часов, после чего султан Маската увидел свою армию разгромленной наголову. Участник этой битвы Мауризи свидетельствует, что «море было наполнено людьми, пытавшимися бежать от ваххабитов»³².

Вероятно, многие из людей султана были арабами из глубинки и, в отличие от прибрежных жителей, не умели плавать. Англичане видели этот разгром войск султана со своих кораблей и выражали возмущение «трусостью союзников»³³.

На следующее утро Мутлак верхом на коне с белым флагом в руках появился на берегу. По свидетельству Мауризи, Мутлак предложил прекратить нападать на британские суда, если англичане прекратят поддерживать султана. Мауризи был «очень удивлен вежливостью, с которой Мутлак говорил» и «его благородными манерами». Он был «красивым мужчиной, имел воинственный вид, неустранимую отвагу и был способным политиком и искусным генералом»³⁴. Мутлак был убит в 1813 г. в битве против войска Маската.

Договорившись о перемирии с Мутлаком, британская эскадра вернулась в Бомбей.

Пираты не давали о себе знать до тех пор, пока не построили новый флот. Тогда они, несмотря на все попытки султана уничтожить их, стали так же сильны, как были до британской экспедиции.

С 1814 г. джоасми при поддержке ваххабитов снова развернули активные пиратские действия, грабя корабли, истребляя их экипажи и нападая на суда, плававшие под британским флагом. В это время могущество их союзников — ваххабитов — пошло на убыль. Это было связано с приходом египетских войск в Аравию и смертью ваххабитского эмира Сауда бин Сауда, чьим преемником стал сын Абдалла, «которому общественное мнение приписывало самые низкопробные пороки».

В 1816 г. корабль Ост-Индской компании «Дериа Доулат» подвергся нападению пиратов, убивших большую часть экипажа. За этим последовали плохо организованные «демонстрации силы» четырех британских судов у Рас-аль-Хайма. Сопровождавший эту эскадру британский резидент в Бушире Брус потребовал от вождя джоасми возвращения награбленного и передачу ему нескольких своих родственников в качестве заложников. Инструкции из Бомбея гласили, что если пираты примут эти требования, то не следует предпринимать каких-либо дальнейших действий. Но если они откажутся это сделать, «эскадра должна дать понять вождю, что он может вызвать недовольство британского правительства».

---

³² Ibidem.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibidem.

Встречу командующего эскадрой с вождем пиратов описал позднее переводчик Бакингом. Беседа проходила на открытом воздухе, и вождь, и англичане сидели на земле. Вождь джоасми «был маленьким человеком, вероятно, около сорока лет, с хитрой и саркастической улыбкой»³⁵. За ним стояла охрана из 50 человек, вооруженных мушкетами, шпагами и сунтами. Для принятия британского ультиматума вождю дали срок до полудня. Однако он отверг британские требования и заявил, что пошлет своего представителя вести переговоры с правительством в Бомбее. Тогда корабли открыли огонь по пиратским доу, стоявшим на якоре у берега.

«По крайней мере 300 выстрелов было сделано с кораблей эскадры, но ни один из них не причинил никакого вреда», так как дхоу стояли слишком далеко. «После этого корабли подняли паруса, оставив пиратов исполнять победные военные танцы на берегу и положив, таким образом, конец пустым переговорам»³⁶.

Вдохновленные этим успехом, джоасми предались пиратству с еще большей энергией. У них появились основания считать, что англичане, несмотря на превосходство их флота и оружия, неспособны им сопротивляться. Такова была ситуация в Персидском заливе, когда летом 1818 г. из Плимута вышел корабль «Эден» под командованием капитана Френсиса Лоча, чтобы навсегда положить конец пиратству. На корабле было 26 пушек и 125 солдат. По дороге к «Эдену» присоединилось еще несколько кораблей с большим числом солдат на борту. Это была самая сильная экспедиция, когда-либо появлявшаяся в Персидском заливе. Войска состояли из почти 3000 солдат, в том числе 1300 европейцев. В экспедиции участвовали 12 британских военных и несколько транспортных судов, а также флот султана Маската³⁷. Экспедицией командовал Вильям Грант Киер — опытный военачальник, служивший в Европе и Индии.

В начале ноября 1818 г. началась осада Рас-аль-Хайма. Это была самая сильная крепость на Пиратском берегу. Она стояла на узком перешейке, протянувшемся на 3–4 мили в длину и 1 милю в ширину и имевшем бухту, дававшую безопасную стоянку для доу. Со стороны моря крепость была защищена длинным песчаным валом. Стены города имели башни и были сделаны из кораллов и глины и имели пятнадцать футов ширины в основании, сужаясь кверху. В центре стены были городские ворота, защищенные двумя квадратными башнями. Позади ворот находилась цитадель — высокое массивное строение из камня. В центре города

---

³⁵ *Buckingham J.S.* Op. cit.

³⁶ *Ibidem.*

³⁷ *Belgrave Ch.* Op. cit., с. 135.

была другая большая круглая башня, окруженная высокой стеной. В городе было много каменных зданий³⁸.

9 ноября 1818 г. Рас-аль-Хайма была взята штурмом. Жители покинули город. По оценке Лоча, их было 7–8 тысяч³⁹.

22 декабря сдалась последняя крепость пиратов, Зайя. Позже англичане уничтожили много пиратских судов и несколько крепостей в других городах на Пиратском берегу. Вожь джоасми шейх Хассан бин Рахма, чье имя еще недавно наводило ужас повсюду в заливе, теперь униженно просил у Гранта Киера мира и милосердия.

Стоглавая гидра пиратства в Индийском океане лишилась одной из своих главных голов.

---

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid., с. 143.

РУССКИЕ ВРАЧИ В СЕРДЦЕ ЧЕРНОЙ АФРИКИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Проблема гуманитарной помощи со стороны россиян жителям стран Азии и Африки, часто подвергавшимся тяжким испытаниям во время военных действий и стихийных бедствий в конце XIX — начале XX в., до сих пор не была предметом монографического исследования в отечественной историографии. Между тем ее плодотворное изучение, как показывают первые публикации, невозможно без широкого использования архивных материалов. При разработке данной проблемы особенно интересна роль врачей России в борьбе с чумой, холерой и другими эпидемиями, нередко посещавшими эти страны, в том числе сопредельные с Российской империей. Именно эти заболевания требовали от местных властей принятия самых энергичных, порой весьма жестких мер по ликвидации их серьезных последствий для огромных масс населения. Как правило, это достигалось путем установления в государственном порядке карантина в той или иной стране или отдельно взятом географическом пункте с последующей организацией стационарных «обсервационных» пунктов для обследования заболевших и их лечения, а также активизацией профилактической работы среди населения, ставшего объектом стихийных бедствий, порою сопровождавших военные действия.

Первый удачный опыт оказания русскими врачами организованной помощи жителям стран Востока был связан с их долговременной деятельностью в Абиссинии, куда впервые в 1896 г. прибыл из России санитарный отряд Красного Креста под руководством генерал-майора Н.К. Шведова¹.

---

¹ Шведов Николай Константинович — видный российский общественный деятель, получивший военное образование в Александровском и Михайловском (артиллерийском) училищах. На военной службе он состоял с 1866 г. и чин генерал-майора получил 28 марта 1893 г. В этом звании в 1896 г. ему было предложено возглавить экспедицию российского Красного Креста по оказанию помощи населению Абиссинии, пострадавшему от эпидемии. Благодаря энергичным действиям российских врачей и студентов-медиков более 26

О результатах медицинской помощи абиссинцам позволяют судить такие данные: при движении санитарного отряда из порта Джибути было принято 48 больных, в Хараре — 1196 человек, а в дальнейшем его следовании до Энтото — 300 человек. В самом столичном центре, где была открыта амбулатория, до 11 сентября прошли лечение 5188 человек, а в ее отделении, оставленном в Хараре до 25 августа, — 7216, то есть всего 13 988 человек. Из 460 сложных операций, сделанных врачами-россиянами, лишь одна закончилась летальным исходом (для женщины, получившей ранение в руку и грудь из огнестрельного оружия)².

Помощь российских врачей была высоко оценена местной администрацией, о чем свидетельствуют личное письмо Менелика II к Н.К. Шведову и его специальное послание Николаю II с выражением благодарности.

Разумеется, вышеприведенными фактами, касающимися только одной африканской страны (Эфиопии), не исчерпывается огромная гуманитарная помощь российских врачей народам Зарубежного Востока на рубеже XIX–XX вв. Для признания их исключительно важной гуманитарной деятельности достаточно обратиться к оценкам современников, которые можно найти в архивных документах. В этой связи нельзя не упомянуть о нижеследующем отзыве М.П. Кауфмана (председателя Российского Общества Красного Креста) в его письме к одному из руководителей внешнеполитического ведомства России Н.П. Шишкину в декабре 1896 г.: *«Доблестный и трудный подвиг, совершенный ныне [санитарным] отрядом [Абиссинии], потребовавший с его стороны высшей степени самоот-*

тыс. местных жителей получили необходимую медицинскую и иную гуманитарную помощь. За это Н.К. Шведов по возвращении в Петербург 16 декабря 1896 г. был удостоен царем ордена Св. Станислава 1-й степени. См.: С.-Петербургские ведомости, № 6 (7/19 января 1897 г.).

В 1900 г. Шведов Н.К. был избран (а в 1909 г. переизбран) председателем Общества востоковедения, которое наряду с разработкой капитальных проблем истории и культуры стран Востока активно занималось подготовкой востоковедов — на своих курсах и в созданной при его участии Практической Восточной академии, учрежденной в 1909 г.

Среди видных зарубежных государственных деятелей, положительно оценивших учреждение Общества востоковедения (его устав утвержден 29 февраля 1900 г.), был и император Эфиопии Менелик II, который 7 июня 1901 г. писал Н.К. Шведову: *«Письмо Ваше от 4 марта я получил. Из объяснений г-на Орлова [драгомана российской дипломатической миссии в Аддис-Абебе] я узнал, в чем заключаются задачи Общества, коего Вы состоите Председателем. Все то, что служит сближению между Россией и Абиссинией, мне особенно дорого, а потому, если бы Общество востоковедения распространило свою деятельность и на Абиссинию, оно встретило бы с моей стороны самое благожелательное отношение и настоящую поддержку»* (здесь и далее курсив наш. — А.Х.). См.: Состоящее под августейшим покровительством Его Имп. Высочества великого князя Михаила Николаевича Общество востоковедения. Обзор деятельности Общества с 1900 г. по 1907 г. Справочные и руководящие сведения. Отчеты. Курсы востоковедения. СПб., 1907, с. 14.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 2015, л. 7.

вержения, несомненно, будет полезен и с общей гуманитарной, и с русской точки зрения»³.

Инициативные действия российских врачей, организовавших при содействии Н.К. Шведова не только постоянную амбулаторию, но и санитарные курсы для обучения местных жителей, были продолжены Н.П. Бровцыном и М.И. Лебединским, находившимся при П.М. Власове, руководителе российской чрезвычайной миссии в Абиссинии. При движении из Джибути до Аддис-Абебы эти врачи с 9 ноября 1897 г. по 5 февраля 1898 г. оказали помощь 774 больным, а в амбулатории дипломатического представительства с 5 февраля по 1 марта 1898 г. — 462 больным (не считая больных, принятых ими на дому по их просьбе). Сообщая в Петербург министру иностранных дел М.Н. Муравьеву о важном значении российской врачебной помощи населению Абиссинии, П.М. Власов 27 февраля 1898 г. доносил: «В интересах России было бы весьма желательно и необходимо помочь императору Менелику II осуществить его благое намерение устроить в Аддис-Абебе постоянную амбулаторию для оказания бесплатной врачебной помощи всем нуждающимся в таковой его подданным, ибо только этим путем, по моему мнению, мы могли бы рассчитывать на признательность к нам не одного населения столицы, но и населения всей провинции Шоа и соседних ей округов, а с признательностью этой могли бы заручиться доверием и дружбою и всего эфиопского народа»⁴.

Об огромной работе российских врачей красноречиво свидетельствует факт ежегодных посещений туземцами госпиталя в Аддис-Абебе в количестве 45 тыс. человек, сообщал и секретарь Российской дипломатической миссии А.А. Орлов⁵ в частном письме к К.Н. Лишину до его при-

³ АВПРИ, ф. Турецкий стол, оп. 502-б, д. 5086, л. 1.

⁴ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 2027, л. 12–13.

⁵ Орлов Аркадий Александрович — российский дипломат, родом из мещан. После окончания С.-Петербургского университета он поступил 1 сентября 1894 г. на курсы восточных языков МИД. 20 марта 1896 г. его для совершенствования в восточных языках направили студентом российского посольства в Константинополе, где 15 декабря 1897 г. назначили первым драгоманом Генерального консульства России. С 20 марта 1902 г. он выполнял обязанности секретаря российского дипломатического представительства в Аддис-Абебе, а после отъезда д.ст.сов. Власова до приезда К.Н. Лишина выполнял обязанности временного Поверенного в делах. После возвращения на родину его назначили вице-консулом в Сербии. О его приезде в Одессу и последующем следовании на новое место службы 31 января/13 февраля 1904 г. сообщил «Одесский листок» такой информацией: «Вчера прибыл в Одессу из Петербурга и остановился в гостинице “Петербургской” бывший русский Поверенный в делах в Абиссинии А.А. Орлов. В июле прошлого года А.А. Орлов прибыл из Абиссинии в Россию с подарками от Негуса Менелика для [нашего] Государя Императора. Ныне А.А. Орлов назначен имп. консулом в Митровицу (Турция). Завтра А.А. Орлов пароходом Р.О.П. и Т. (Российского общества пароходства и торговли) выезжает в Константинополь, а оттуда к месту назначения». 23 мая 1911 г. его назначили генеральным консулом в Багдаде.

бытия в качестве посланника в Аддис-Абебу. Он указывал на затруднительное положение оставшегося в госпитале только одного российского доктора Кориандера, когда число посещений больных доходило до 3 тыс. человек (при 10–15 операциях) в месяц. Орлов, в частности, отмечал: «Результатом его деятельности ныне является то, что практика госпиталя состоит лишь из обслуживаний [представителей] низшего класса населения; сановники же являются исключением, предпочитая обращаться к итальянскому врачу, а Менелик и [императрица] Таиту лечатся сами, обращаясь к нам лишь за лекарствами. Такое положение дела нельзя не признать нежелательным и следовало бы постараться изменить его... [Врач] Бровкин, имеющий звание лейб-хирурга императора Менелика, помимо достоинств как специалист по хирургии, еще обладает и тем достоинством, что пользуется большим доверием Негуса и императрицы... Если же Вы придете сюда лишь с одним врачом, то смею Вас уверить, Вы сильно огорчите Менелика, и это ведь было бы нежелательно»⁶.

Развивая ту же мысль о нехватке русских врачей в столице Эфиопии, Орлов в своем донесении от 24 июля 1902 г. писал в Петербург: «Негус Менелик продолжает высказывать желание, чтобы вместе с вновь назначенным российским министром-резидентом Лишиным в Абиссинию были также командированы Бровцын и [терапевт] Лебединский, оставившие по себе в Эфиопии самую лучшую память. Просьбу эту Негус изложил в письме на Высочайшее имя Государя-Императора»⁷.

Высокую оценку деятельности русских врачей в Эфиопии давал на основе личных впечатлений, вынесенных от двукратного посещения этой страны, К.Н. Арнольди⁸ в корреспонденции, отправленной из Джи-

---

А.А. Орлов — автор работы «Торговля Абиссинии», вышедшей в «Сборнике консульских донесений» за 1899 г., издаваемом МИД России. См.: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 118, оп. 1, ед. хр. 630, л. 64. Им же был составлен словарь амхарского языка.

⁶ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, 1902, д. 2078, л. 23.

⁷ Там же, л. 37.

⁸ Арнольди Константин Николаевич — военный журналист и писатель, родился в 1871 г. По окончании учебы в Пажеском Его величества корпусе в 1891 г. его сначала отправили офицером в 145-й пехотный Новочеркасский полк, а затем в 1892 г. — прикомандировали к лейб-гвардии Измайловскому полку, где оставили для прохождения дальнейшей службы. В 1897 г. он в числе других офицеров был направлен в Абиссинию, где состоял при российской дипломатической миссии в распоряжении д.ст.сов. П.М. Власова. По возвращении из Абиссинии в 1898 г. его по указу царя вновь командировали в эту страну для поиска полковника Артамонова, ушедшего с местным отрядом к Белому Нилу и потерявшего связь с российской дипломатической миссией. Восстановив эту связь 1 декабря 1898 г., он вернулся в Россию в марте 1898 г. В связи с восстанием ихэтуаней (1898–1900 гг.) в Китае его направили в распоряжение командующего российскими войсками Квантунской области в Южной Маньчжурии, где его причислили к II Восточно-Сибирскому полку и где он принял участие в боях с хунхузами (в качестве начальника охотничьей команды). В 1902 г. его в третий раз направили в Абиссинию, куда он отправился с женой (медиком) в составе

бути 6 января 1903 г. в газету «Русский инвалид». После прибытия в этот порт во время третьей поездки в Аддис-Абебу он сообщал: «Русские врачи снискали себе уважение недоверчивых туземцев, занимаясь безвозмездно лечением всех приходивших к ним больных и раненых. Повсюду здесь следы пребывания русских»⁹.

Самоотверженно и успешно трудились и русские врачи, отправившиеся из Петербурга в Аддис-Абебу в конце 1902 г. с новым составом российской дипломатической миссии во главе с министром-резидентом К.Н. Лишиным, служившим ранее, в 1894 г., генеральным консулом в Андрианополе¹⁰.

Чтобы лучше представить характер политики России в отношении Абиссинии в этот момент, достаточно обратиться к секретной инструкции МИД, данной в июле 1902 г. К.Н. Лишину, вызванному из Бейрута и удостоенному, по его просьбе, личной аудиенции у царя. В этой инструкции, приводимой ниже в сокращенном виде, говорилось: «Задача Ваша на вновь учрежденной должности постоянного представителя Имп. правительства при Негусе Менелике в значительной степени облегчается результатами, кои были достигнуты дипломатической миссией, снаряженной в Абиссинию в 1897 г. Чрезвычайному посланцу д.с.с. Власову удалось не только подробно ознакомить МИД с внутренним строем Эфиопии и значением ее в качестве одной из политических единиц африканского материка, но и внушить Негусу Менелику убеждение в том, что Россия — единственная держава, отношения с коей Абиссинии отмечены печатью полного и искреннего бескорыстия. Таким образом, обнаружившееся первоначально в довольно неясной и как бы бессознательной форме *тяготение абиссинского народа к родственной по вере России в настоящее время уже в достаточной мере закреплено*, несмотря на его свойственную подозрительность и недоверие ко всем иностранцам вообще.

От Вашего такта и умения будет, конечно, зависеть [сделать так], чтобы побудить Негуса и его приближенных еще более проникнуться преданностью России и привести их к заключению о необходимости в их же

группы офицеров и врачей, сопровождавших в Аддис-Абебу нового российского посланника в ранге министра-резидента К.Н. Лишина.

В ноябре 1903 г. он предпринял путешествие в западную часть Абиссинии, а затем в Судан. Следуя по течению рек Барро и Собат, он дошел до Фашоды, а затем спустился по Белому Нилу до Хартума. Оттуда с началом русско-японской войны в январе 1904 г. ему пришлось через Каир и Константинополь вернуться в Петербург в апреле 1904 г. В 1906 г. после упразднения Комитета по образованию войск его перевели в Главное управление Генерального Штаба. Занимаясь ответственной работой, он находил время для журналистики, позволившей ему подготовить и издать в Петербурге в 1908 г. книгу «Военные очерки Абиссинии». См.: Военная энциклопедия. СПб., Тов-во И.Д. Сытина, 1911. Полутом VI, с. 61–62.

⁹ Русский инвалид.

¹⁰ АВПРИ, ф. Славянский стол, оп. 495, 1894–1895, д. 3035, л. 7.

собственных интересах следовать преподаваемым чрез Ваше посредство доброжелательным советам.

[Наше] Императорское правительство в настоящее время не имеет непосредственных интересов на африканском материке, и происходящие там события представляют для него значение лишь постольку, поскольку они отражаются на осуществлении целей прочих великих держав, с коими Россия приходит в столкновение при разрешении политических задач первостепенной важности в иных частях света. Таким образом, для [нашего] Императорского правительства Абиссиния служит главным образом средством воздействия, которое может дать ему возможность побуждать последние к уступчивости в политических вопросах, касающихся прямых интересов России. Но для успешного достижения этой цели совершенно необходимо, чтобы правительство Негуса сохранило за собою полную свободу действий, а посему ограждение независимости и территориальной неприкосновенности Абиссинии составляет основное начало нашей политики по отношению к этой стране»¹¹.

Весьма симптоматично, что еще 9/21 сентября 1897 г. в газете «С.-Петербургские ведомости» появилась статья «Наша роль в Африке», в которой будущая позиция российского правительства предсказывалась следующим образом: «Колонизуемая и раздираемая на части Африка — тот мир, ради которого с жадностью и ожесточением в непродолжительном времени готовы будут придти западноевропейские народы. *Явиться верховным нелицеприятным решением их спора может только государство, не ищущее там ни пяди земли... Это же положение самую судьбой предначертано ныне России*».

Что касается политики Менелика в отношении России, то она характеризовалась высказыванием одной местной газеты в Джибути, которое появилось в газете «С.-Петербургские ведомости» 4/17 января 1901 г. в следующем виде: «*Особая дружба Негуса с Россией основана на том верном соображении, что косвенное содействие великой северной державы окажет его войскам громадные услуги в борьбе с завоевательными устремлениями таких заинтересованных в Абиссинии держав, как Италия, Англия и Франция*».

На фоне наставлений, полученных К.Н. Лишиным от МИД России, любопытной характеристикой внешней политики Менелика II выглядит ниже цитируемое суждение газеты «Русские ведомости» от 3 октября 1903 г.: «*Политика Абиссинии по отношению к Европе заключается в том, чтобы, вступая в сношения, торговые и политические, с мировыми государствами, насколько это может принести пользу Эфиопии, отнюдь*

---

11 АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, 1902, д. 2078, л. 20–21.

не допускать господствующего влияния какого-либо из них и тем более не поступаться в чью-либо пользу свою самостоятельностью».

О подготовке новой экспедиции, отправляемой в Абиссинию, в Петербурге и ее отъезде из российской столицы писали многие русские газеты. Так, газета «С.-Петербургские новости» 10/23 декабря 1902 г., сообщая об отъезде членов новой дипломатической миссии в Эфиопии — министра-резидента К.Н. Лишина, секретаря миссии [Б.Н.] Евреинова (вызванного из Белграда) и других лиц, называла среди последних доктора М.И. Лебединского, фармацевта Лукьянова, фельдшера С. Сасона, а также офицеров штабс-капитана барона де Паленберга (начальника конвоя из 8 казаков), штабс-капитана К.Н. Арнольди, поручика Драгомирова, подпоручика фон-Кубе, корнета Велепольского, графа Стенбок-Фермора и хорунжего [Д.] Потоцкого. В этот же день в Казанском соборе прозвучало напутственное молебствие по случаю отъезда в Абиссинию д.ст.сов. К.Н. Лишина и врачей, упомянутых выше. Об этом сообщила 11 декабря газета «Русский инвалид», поместившая 13 декабря заметку К. Арнольди «К отъезду посольства в Абиссинию». Она открывалась следующей информацией: *«В текущем году наши отношения с Абиссинией вступают в новый фазис. Волею Государя Императора при дворе Негуса Менелика II учреждается постоянное дипломатическое представительство в лице особого министра-резидента. Назначенный на этот пост д.ст.сов. Лишин в непродолжительном времени покинет Россию».* 22 декабря 1902 г. эта же газета опубликовала следующий текст телеграммы Российского телеграфного агентства из Одессы от 20 декабря: «На пароходе Добровольного флота “Саратов” отбыли в Севастополь, а оттуда в Джибути члены абиссинского посольства во главе с министром-резидентом Лишиным». Более подробно о пассажирах, следовавших вместе с посланником, сообщил «Одесский листок» 22 декабря/4 января 1903 г., в котором было сказано: «Вчера из Одессы на Дальний Восток ушел пароход Добровольного флота “Саратов”. В числе пассажиров отправилась русская миссия в Абиссинию, состоящая из конвоя в 9 казаков под команду штабс-капитана лейб-гвардии Павловского полка барона Паленберга (в тексте — Пелленберг. — А.Х.), медицинского чиновника С.Э. Сасона, секретаря посольства Евреинова, докторов М.И. Лебединского и Н.П. Бровцына, фармацевта Лукьянова и офицеров: Драгомирова, фон-Кубе, Арнольди (в тексте — Арнольд. — А.Х.), Потоцкого, гр. Стенбок-Фермора и Велипольского (в тексте — Великопольский. — А.Х) под начальством министра-резидента К.П. Лишина. Пароход отошел в Севастополь, где примет 1500 новобранцев для Владивостока».

Из Севастополя на пароходе «Саратов» К.Н. Лишин со своей свитой, офицерами, врачами и казаками конвоя отправился в Порт-Саид,

откуда отбыл 27 декабря 1902 г. в Джибути, где начинался обычный путь по суше до Харара и далее до Аддис-Абебы¹².

Среди прибывших в Эфиопию находились ранее бывавшие здесь хирург Н.П. Бровцын и фельдшер Сергей Сасон, о присылке которых настойчиво просил Менелик II. На этот раз их сопровождали жены. Интересные подробности о пребывании первых русских женщин в Эфиопии, в том числе медиков, приводит Елена Арнольди (приехавшая сюда с мужем К.Н. Арнольди) в своих письмах, адресованных матери. Особенно ярко, эмоционально и точно описаны ею детали приема, устроенного правителем страны в честь российского дипломата — К.Н. Лишина, прибывшего 24 марта 1903 г. в Аддис-Абебу с верительной грамотой¹³.

В качестве дополнения к описанию Еленой Арнольди первой торжественной встречи россиян с Менеликом частично приведем донесение К.Н. Лишина от 27 марта 1903 г., которое при всей своей краткости и соблюдении официального стиля содержит ряд новых подробностей, что видно из цитируемого ниже текста: «Торжественная аудиенция моя у Негуса Менелика для вручения Высочайшей верительной грамоты состоялась при следующих обстоятельствах: 24 марта я остановился в пяти верстах от столицы, в урочище, называемом Тола, куда прибыл для приветствия меня от имени Негуса его советник швейцарец Ильг... На следующее утро, в день Благовещения, празднуемого и абиссинцами, ко мне приехал его Рас Вальде Георгес в сопровождении г-на Ильга и нескольких тысяч воинов. Около 10 ½ часов мы двинулись ко дворцу... Вслед за [нашими] конвойными казаками и телохранителями (ашкерами) Рас ехал рядом со мною, а за нами следовали: г-н Ильг, секретарь миссии надв. советник Евреинов, офицеры и врачи миссии, а затем огромная толпа солдат... При выезде нашем из лагеря их с нами было около 5 тыс., тогда как час спустя, когда мы приближались ко дворцу, численность нашего эскорта можно было определить в 15 тыс. чел. ...

Проследовав через второй двор, где стояла артиллерия, мы в 11 час. 50 мин. прибыли во дворец, где нас встретили церемониймейстеры, усердно разгонявшие палками любопытных. Мы спешились пред дверьми большого, похожего на ж/д вокзал здания, в глубине которого на возвышенном помосте сидел на широкой мягкой кровати, изображающей трон, царь царей Эфиопии Негус Менелик II, окруженный сановниками и блестящей [царской] свитой в роскошных одеждах, отчасти напоминающих византийские костюмы. Пройдя длинную залу, наполненную придворными, мы поднялись на помост, где я, взяв из рук секретаря миссии пакет с Высочайшей грамотой и подойдя к трону, произнес по-русски слова

---

¹² Одесский листок, №335 (29 декабря 1902 / 11 января 1903 г.), с. 5.

¹³ См.: Приложение.

приветствия. Эта речь была переведена по частям на абиссинский язык присутствовавшим на аудиенции кол. сов. [А.А.] Орловым, основательно изучившим этот язык. *При вручении мною Негусу верительной грамоты был произведен салют в 21 выстрел.*

Внимательно выслушав мою речь, *Негус сказал, что он ... выражает благодарность российскому императору за учреждение постоянной [дипломатической] миссии, что он ждал моего прибытия с нетерпением и что он надеется на упрочение дружественной связи между Россией и Эфиопией.*

Осведомившись о благополучном здравии Государя Императора и всего августейшего дома, Негус поблагодарил за переданное ему приветствие и, подав мне руку, представил мне окружавших его сановников. Вслед за тем я представил Негусу секретаря миссии и сопровождавших меня офицеров и врачей... Рас и г-н Ильг с многочисленной свитой проводили меня до дома [нашей] миссии, что возбудило величайшее удивление присутствовавших, не привыкших к такой любезности абиссинских властей. Эти сановники вошли со мною в дом, где были провозглашены тосты за [нашего] государя императора и Негуса Менелика»¹⁴.

Предлагая ниже в приложении к нашей статье письма Елены Арнольди к матери, касающиеся ее пребывания в Эритрее с декабря 1902 г. по январь 1904 г., хотелось бы дополнить их сюжетом о посещении Менеликом русского госпиталя 9 июля 1903 г., не нашедшем отражения в ее дневниковых записях, но связанном с ее работой в качестве медицинского работника. Вот что сообщалось в донесении К.Н. Лишина об этом важном событии: «Сегодня император Менелик посетил русский госпиталь в Аддис-Абебе. Прибыв в 11 час. утра в сопровождении многочисленной свиты в помещение госпиталя, где он был встречен мною и всеми членами вверенной мне миссии, император подробно осмотрел все здание, обратив особое внимание на операционную комнату, где как он, так и его приближенные очень интересовались хирургическими инструментами, с многими из которых Менелик умеет ловко обращаться. Затем он посетил больных и разговаривал с некоторыми из них. Император остался доволен найденным везде порядком и чистотою. Несколько раз высказывал благодарность издавна знакомым ему докторам.

По окончании осмотра госпиталя император принял предложенное ему угощение, состоявшее из чая, вина и сладостей. Во время угощения император пригласил меня сесть около него и долго разговаривал со мною. Он просил передать Его искреннюю благодарность [нашему] Государю Императору за присылку докторов и медикаментов; говорил о том, насколько Абиссиния нуждается в сведущих людях во всех отраслях знаний и как [высоко] абиссинцы ценят оказываемую им Россией беско-

---

¹⁴ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, 1902, д. 2078, л. 58–61.

рыстную помощь. *“Мы — братья по вере, — говорил Менелик, — и русские поступают относительно нас как истинные братья”*.

Пробыв в госпитале около двух часов, император уехал, обещая снова приехать по возвращении из Аддис-Алема (расположенного в 60 верстах от Аддис-Абебы), куда он должен отправиться завтра утром¹⁵.

Касааясь медицинской помощи россиян местному населению, К.Н. Арнольди приводит любопытное свидетельство о мужественном поведении абиссинцев при операциях, выполняемых русскими врачами: «Из многочисленных операций, на которых мне приходилось присутствовать в русском госпитале в Аддис-Абебе, некоторые производились без хлороформа, и могу засвидетельствовать, что пациенты переносили боль с необычайным терпением. А сколько раненых, не получив никакой медицинской помощи, безмолвно и терпеливо переживало недели и месяцы мучений, перевязав грязной тряпкой свои гниющие раны»¹⁶.

Любопытен и другой эпизод, связанный с приглашением россиян, в том числе женщин, на прием, устроенный императрицей Эфиопии 16 апреля 1903 г., о чем не упоминается в сохранившихся письмах Елены Арнольди. Об этом приеме сказано в цитируемом ниже донесении К.Н. Лишина от 21 апреля 1903 г. из Аддис-Абебы: «15-го сего апреля Негус прислал мне [чиновника] сказать, что его супруга приглашает меня со всем составом вверенной мне миссии и с русскими дамами в среду 16-го числа к завтраку, имеющему состояться в 11 час. утра.

Прибыв к назначенному часу во дворец, мы некоторое время прождали в павильоне, являющемся обыкновенно приемною комнатою для иностранных представителей, и потом были проведены в небольшое двухэтажное здание, носящее название “Эльфийна” и построенное до некоторой степени по европейскому образцу. В глубине комнаты нижнего этажа под шелковым балдахином сидела на мягкой кровати супруга Негуса. Лицо ее было прикрыто довольно густым лиловым тюлем. Справа от трона тянулся стол, сервированный так же, как у Негуса по-европейски. Комната, где нас принимала Таиту, является личным помещением Менелика II и носит более европейский характер, нежели прочие дворцовые помещения. Она снабжена камином, и стены ее местами раскрашены довольно, впрочем, плохую живописью — работою пленных иностранцев.

После представления Ея Величеству дам и членов миссии, я передал ей золотые, усыпанные бриллиантами часы с минутною репетицією, отложив передачу прочих подарков до окончания завтрака...

---

¹⁵ Там же, л. 28.

¹⁶ Арнольди К. Военные очерки Абиссинии. СПб., Типография Главного управления делов, 1907, с. 124.

После завтрака я имел честь поднести Ея Величеству Высочайшие [царские] подарки, состоящие из серебряного рукомоиника со складною подставкою, золотого графинчика для тэджа, двух красных с золотом покрывал для кровати, кусков парчи, бархата и шелковой материи.

Ея Величество была в высшей степени довольна подарками и поручила мне передать Его Императорскому Величеству свою искреннюю признательность»¹⁷.

Не пишет Елена Арнольди и об обучении россиянами местных воинов европейскому строю, между тем как ее мужу пришлось в начале 1898 г. в течение трех месяцев лично обучать абиссинцев русскому пехотному строю. Вот что он писал по этому поводу: «Все, что так или иначе стесняет, лишает свободы, ограничивает индивидуальность, ненавистно эфиопскому воину почти так же, как господство иноземцев [европейцев]. Свободолюбивый, уверенный в своих достоинствах, непривычный к упорному [длительному] труду абиссинец прямо считает позором стать в ряды правильного [европейского] строя и проделывать смешные, по его мнению, и ни к чему не нужные эволюции. Только за большие деньги позволит он проделывать над собою опыты европейского обучения, и тогда вы удивитесь, с каким трудом дается ему несложная наука солдата»¹⁸.

Некоторые важные сведения о пребывании офицеров при российской дипломатической миссии в Аддис-Абебе в 1903–1904 гг. сообщает К. Арнольди в приводимой ниже корреспонденции от 1 сентября, появившейся в газете «Русский инвалид» 4 ноября 1903 г.: «В начале мая прибыли в Аддис-Абебу граф Стенбок-Фермор и корнет граф Велепольский... Эти два офицера... выехали [из Джибути] несколько ранее остальной миссии... За две недели до их появления Менелик, по просьбе г. Лишина, послал на розыски их своих людей... Ими были доставлены сведения о пройденном ими в высшей степени интересном пути [в районе почти неизвестной реки Уэби].

Через несколько дней после прибытия упомянутых офицеров миссия [временно] лишилась двух других своих членов и на продолжительное время. Поручик Драгомиров и подпоручик фон-Кубе 8-го мая выехали в далекое путешествие по направлению к реке Содату, в крайне западной области Абиссинии».

В дневниковых записях Елены, постоянно занятой тяжелой работой по обслуживанию больных, практически отсутствуют описания быта населения Эритреи и ее природы, хотя этот недостаток вполне покрывается следующим высказыванием ее мужа: «Всякий, кто бывал в Абиссинии, не мог не испытать прелести ее примитивной близкой к природе жизни;

---

¹⁷ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, 1902, д. 2078, л. 64.

¹⁸ Арнольди К. Указ. соч., с. 137.

... не мог не любоваться с чувством глубокого удовлетворения простыми, полными неизъясненной прелести картинами библейского быта на фоне роскошной девственной природы»¹⁹.

Важным дополнительным материалом к публикуемым ниже письмам Елены Арнольди могут служить репортажи ее мужа, опубликованные в газете «Русский инвалид». В этих публикациях, помимо любопытных сведений по этнографии Эфиопии, есть также факты, характеризующие ее правителя, и в частности его роль в деле строительства дворцов. В статье под заголовком «Наша жизнь в Аддис-Абебе», опубликованной 20 сентября 1903 г., автор сообщал: «Замечено, что перед каждым своим решительным шагом в политике — внешней или внутренней — Негус проявляет усиленную строительную деятельность... Замечательны, между прочим, способы, к которым Негус прибегает, чтобы ускорить постройку [того или иного объекта]. Один из них состоит в том, что каждый участник строительных работ вместо платы получает право на бесплатный царский обед». Как пишет К. Арнольди, «всякий желающий получить царское угощение должен взять на каменоломне большой камень, принести [его] во дворец и сложить в указанном месте». Описание другого способа в строительстве дворцовых зданий находим в следующем пассаже упомянутой выше корреспонденции К. Арнольди: «Менелик в сопровождении своих приближенных и множества ашкеров идет к тому месту, где добывается камень для строящегося дома или дороги, как бы для того, чтобы осмотреть это место. Затем в ходе осмотра и разговоров, он вдруг наклоняется, берет камень, кладет его к себе на плечо и несет к постройке. Тогда вся его свита [сановников]... взваливает на себя по камню и бредет за Негусом, а все сопровождающие их люди следуют ее примеру».

Несмотря на все вышесказанное, публикуемые ниже в приложении письма Елены Арнольди содержат интересные сведения о жизни русских медиков и других россиян в далекой африканской стране и их весомом вкладе в историю дружеских отношений между народами России и Эфиопии в конце XIX — начале XX в., до русско-японской войны. Как видно из архивных материалов, активная медицинская помощь россиянам абиссинцам продолжалась вплоть до приезда в Аддис-Абебу в августе 1909 г. врача А.И. Коханского, оставившего интересные записки об Эфиопии и его видном деятеле Менелике II²⁰.

---

¹⁹ Там же, с. 146.

²⁰ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, 1906, д. 2050, л. 9.

Приложение. Письма к матери русской медсестры Елены Арнольди из Эфиопии

1. Елена Арнольди — матери (3 ноября 1902 г., С.-Петербург):

Дорогая мама! Я получила твое письмо и очень благодарна за отправку мне [дорожных] вещей и за то, что их застраховали... Я совершила свой переезд [из г. Козлова] не без приключений: в Москве, когда я брала [железнодорожный] билет в Петербург, произошла ошибка: при посадке в поезд оказалось, что другой даме выдали плацкарту (спальное место) того же номера, что и мне. В результате на одно место претендовали две дамы: она и я. Поэтому мне пришлось переходить из одного вагона в другой и я едва не осталась без спального места, пока, наконец, оно не нашлось, причем наверху, а не внизу, как я предполагала раньше.

Потом у меня испортились часы, и я отдала их в починку [по прибытии в Петербург]... Здесь мы разместились очень хорошо: как раз напротив дома Ник[олая] Конст[антиновича Шведова]; только надо перейти улицу. [Две] комнаты были очень мило и уютно обставлены; в них имелись ковры, хороший диван, зеркала, шкаф [для белья] с зеркалом и т.д. Но квартира сдавалась дорого: за 60 руб., да еще надо было платить горничной и швейцару. Зато обедать, завтракать и пить чай я хожу к Ник[олаю] Конст[антиновичу]. Поэтому если бы мы поселились далеко, то прибавился бы расход на извозчиков и вышло бы еще дороже.

Ник[олай] Конст[антинович] встретил меня очень хорошо и был так любезен со мной, что я даже не ожидала (сажал меня на хозяйское место и т.п.). Олимп[иада] Ал. на некоторое время уехала, так что я ее не видала.

Вчера столкнулась на улице с П.Г. Дукмасовым и не узнала его (он растолстел). Но он меня окликнул. Я представила ему [своего мужа] Костю, и мы получили приглашение бывать у него.

Скажи папе, чтобы он написал письма, как ты говорила, и Марье Ивановне и Хилкову.

Дорогая моя! Насчет сундука ты перепутала: мой сундук стоит в кабинете, а другой Костя увез с собою в Петербург. Отправить нужно мне только клеенчатый и то, что в нем лежит, а также то, что я написала [тебе]... Больше ничего не надо отправлять.

Я здесь купила Вере [игрушечных] зайчиков, но все они — маленькие... На днях вышлю их вам. Купи дочке ко дню рождения альбом, куда она могла бы вставлять *poste-carte* [почтовые открытки], которые я ей посылаю [и буду присылать].

*Российская Государственная библиотека (РГБ),
Научно-исследовательский Отдел рукописей
(НИОР), ф. 17, ед. хр. 1559, л. 1–2.*

2. Елена Арнольди — матери (2 января 1903 г., Джибути):

Дорогая мамочка! Сегодня мы благополучно прибыли в Джибути, и я तोплюсь написать тебе, т. к. почта уходит сегодня же, и если не послать [письмо], то придется ждать 5 дней [до] следующего парохода...

Как Вы встретили Новый год? Я его совсем не встречала, т. к. чувствовала себя не совсем хорошо: [на пароходе] чуть-чуть укачало и не хотелось дожидаться 12-ти часов... Все [мои спутники] были здоровы, а я чувствовала какое-то недомогание. Даже думала, не инфлюэнца ли [это]? Но как только пароход стал на якорь, так все прошло. Оказывается, что я еще хуже стала переносить [качку] в море, чем прежде.

Здесь мы устроились очень удобно: [у нас] хорошая комната (два окна) и кругом веранда, из которой я и пишу тебе. Жары совсем нет и даже дует с моря прохладный ветерок. Вообще [все] очень хорошо. Джибути — это несколько хороших домов, двухэтажных, построенных среди каменистой и песчанной местности. Представь: сейчас пошел дождь, что, как говорят, бывает здесь редко!

Выедем мы отсюда в первый понедельник, 6-го января. До Харара 12 часов езды, а в Хараре мы пробудем недели две, собирая [наш] караван. Здесь же [кругом] одни черные фигуры [негров], и это так странно. Только мы — белые...

Дорогая Веруша! Мы приехали в Джибути, где все люди — черные, почти не одетые. Здесь я видела маленькую лань с длинными ушами и рожками. Когда буду возвращаться [домой], то привезу тебе такую же...» (Здесь и далее курсив наш. — А. Х.)

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1560, л. 1–2.

3. Елена Арнольди — матери (18 января 1903 г., Дера-Дау):

Дорогая моя мамочка! Сегодня нам объявили: в понедельник в пустыню уйдет с [нашим] багажем караван, который поведет поручик Драгомиров, а во вторник двинется наш другой караван, который поведет Костя, так что с завтрашнего дня нужно будет готовиться [к переезду]: проверить и уложить вещи, сообщить, что потребуется в дороге и т. д. Вообще опять начнется суета. Мы пройдем путь до Харара (50 км) в 4 дня, делая переходы в течении не более трех часов. По-видимому, мне придется ехать одетой по-мужски [в мужском костюме]: все говорят, что так удобнее. *М-те* Моллериус²¹ (bell-soeur — К.Н. Лишина) дала мне свои шаровары, и мы сегодня для пробы [верхом на лошадях] проехали в окрестности. Мне достали английское седло (очень плохое), и мы ездили около часа. Я не устала, но для переходов нужно будет купить абиссинское седло и на него положить поду-

---

²¹ Лидия Ивановна Моллериус — жена генерал-майора, родственница — свояченица К.Н. Лишина, получила заграничный паспорт для поездки в Абиссинию в качестве лица, сопровождающего министра-резидента (согласно просьбе I-го департамента МИД от 20 сентября 1902 г., направленной на имя градоначальника С.-Петербурга). См.: АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, 1902, д. 2078, л. 41.

шку, чтобы вышло как казацкое седло. Так будет спокойнее, хотя я еще не решила. Сегодня поеду на дамском [сидении] и увижу, как будет удобнее [ехать]...

Третьего дня был ровно месяц, как я уехала из дома... Эти дни стоит жара. Солнце так немилосердно печет. Оказывается, что наша палатка всех лучше, хотя и старая. Она состоит из двух частей: 1) собственно палатки, сшитой из двойной материи, и 2) **большого навеса над палаткой (тоже двойного) с ванным отделением**. Когда очень жарко, то мы поднимаем занавески в ванном отделении, [отчего] кругом и везде продувает. Если у других [наших спутников] нельзя сидеть в палатке от ужасной духоты и жары, то у нас даже прохладно, т. к. нагревается только верхний навес.

Ну, допишу, дорогая, письмо завтра, т. к. сегодня все же устала после катания [на лошади].

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1561, л. 1–2.

4. Елена Арнольди — матери (19 января 1903 г.):

Сегодня целый день просушивали [свои и казенные] вещи, т. к. все более или менее отсырело (ночью иногда идут дожди).

Представь, мама, что [у нас] произошел такой случай: один слуга украл 85 талеров и с ними скрылся... И все из-за Кости: взял он этого ашкера без всякой рекомендации (его никто не знал). Вид у него был ужасный, делать [же] он ничего не умел, да и не хотел. Еще вчера я просила Костю рассчитать его, т. к. он просил денег вперед, но Костя пожалел слугу, и вот что вышло из-за его гуманности...

Там же, л. 2.

5. Елена Арнольди — матери (письмо без даты, конец января — начало февраля 1903 г.):

Буду продолжать описывать тебе наше общество. Итак, m-me Сассон — это очень красивая женщина, темная шатенка, чисто серые, миндалевидные глаза с густыми черными бровями и такими же ресницами, красивый овал лица, хорошенькие губы, чудесные зубы и роскошные волосы: две золотые длинные косы, высокий рост и стройная фигура. Вообще очень и весьма красивая женщина, но выглядит она на 22–23 года, тогда как ей только 17. Ее [имидж] портят большие руки и ноги, но личико такое красивое, что какую бы вещь ни надень на нее, ей все хорошо и красиво. Держит она себя очень бойко и фамильярно с мужчинами: громко хохочет, хватается за руки, мужа своего третирует самым нещадным образом: и бранит его, и [в разговоре] при всех обрывает [его]. Вся молодежь за ней ухаживает, и она всех поощряет [в этом]... Я сама видела, как она с графом Стенбоком (который сильно ухаживает за ней) боролась: он держал ее за плечи, а она вырывалась и т. п. Между тем от графа Стенбока принимала всякие подарки — духи, консервы, сладости и т. д. За обедом она обыкновенно пьет *теджу* (напиток вроде пива, но слаще и крепче) и [затем] начинается хохот, визг и т. п. Однажды, во время обеда, она несколько раз [по ошибке] пожимала мои ноги, думая, что это Костя

(так как я была в высоких сапогах). Кончилось все это тем, что после одного обеда, когда она Бог знает что проделывала с Евреиновым, не обращая внимания на угоры своего мужа, супруги перестали столоваться со всеми, а стали обедать [одни] у себя. [Но] это продолжалось недели две, а теперь они опять [обедают] со всеми, после того, как вся молодежь разъехалась.

Одевается [она] очень шикарно: шелковые юбки и кофточки, изящные белые ботинки, белые костюмы и т. д. Массу [вещей] везет с собой — до голубого атласного одеяла и маслобойки включительно. Покупает [она], где только можно, всякую всячину: ковры, шелка, драпировки и т. д.

М-р Сассон, по-видимому, очень интеллигентный человек, тихий, скромный, но всегда и везде умеющий приспособиться: [если] генерал [К.Н. Лишин] предлагает всем выбрать себе казенных мулов, Сассон является прежде всех и выбирает лучших... И [ведет себя он] всегда и во всем так. Он, например, из Джибути взял несколько палаток [прежнего посланника] Власова, а мы едва добились нижней части палатки. Влюблен [он] в свою жену по уши и ни в чем ей не может перечить...

Сам [К.Н.] Лишин... человек лет 55, был несколько лет торговым консулом в Бейруте и потому считает себя знатоком Востока, к которому причисляет и Абиссинию... [Как глава дипломатической миссии] он совершенно не распорядителен и не представительен: все что-то суетится, меняет свои мнения по несколько раз в день, [потому что] находится под большим влиянием некоего г-на Бамбаки, турка, который состоит при нем и изображает не то *maitre-d'hotel*'я, не то секретаря. Лишин [как видно] воображает себя тонким дипломатом, влюблен в свои слова и действия, а между тем делает на каждом шагу [как говорят некоторые сослуживцы] дипломатические оплошности. Беспорядок у него в доме невозможный, даже слуг он не умеет как следует поставить [на место]... очень любит делать съемки местности и этим одолевает всех офицеров миссии.

Лидия Ивановна Моллериус — сестра жены брата Лишина. Даме под 40 лет. Когда-то она была недурна [собой]: красивые глаза и роскошные волосы. Что она из себя представляет сейчас даже трудно сказать... Муж у нее — генерал, есть дети, обо всех [своих] она обычно молчит, но любит говорить: “Вот у меня в имении все хорошо и благоустроено”. В то же время ездит (за границу) за счет генерала и к [нынешнему] путешествию он сам ей все заказывал: платье, белье, часы и т. д. Ничего себе барыня (!). Но любит похвастать своей выносливостью и терпением. Любимая же ее фраза: “А мне все равно”. Если, например, [она] больна, у нее плеврит и не спит [несколько] ночей, то на все это она дает [один] ответ: “А мне все равно”, хотя и нередко обращается к докторам. Во время отсутствия Кости она меня каждый день приглашала [к себе] завтракать и вообще [была] очень мила со мной, хотя с нею надо уметь ладить. Лид[ия] Ив[ановна] даже взялась шить мне длинные панталоны для верховой езды, за что я ей очень благодарна.

Бамбаки — турок по происхождению, хотя хорошо говорит по-французски, находится в звании личного секретаря [К.Н.] Лишина... Вообще [как кажется]

личность — темная. [То] он подлизывается к генералу, то почти невежлив [с ним] (когда он нужен). Он не брезгует ничем, и от магазинов, где он забирает все для Лишина, получает [от последнего] известный процент. Между тем генерал в нем души не чаёт и сажает его с собой за стол. Кроме того, у генерала масса челяди ... все это недисциплинированный народ. После [идут] казаки, из которых четверо ушли в пустыню и с Евреиновым. Вот и все. На днях ждут д-ра Бровцына с молодой женой (он женился 7 января 1903 г.). Когда приедут, напишу о них.

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1561, л. 3–5.

6. Елена Арнольди — матери (10 февраля 1903 г.):

Вчера приехал Костя, когда мы еще были у Ато-уонди. Мы ездили туда на мулах (1,5 час. езды). Там был приготовлен для нас большой шалаш. Сбиты [наспех] какие-то лавки и столы, покрытые громадными банановыми листьями.

подавали [всевозможные] абиссинские кушанья, приготовленные только из перца и масла, и больше ничего! Правда, иногда добавляют к этому лук.

Потом был подан жареный баран, густо усыпанный перцем. Ато-уонди сидел рядом со мной и “кормил” меня: брал кусок инджира (это — большой, тонкий, кислый блин, без соли, только вода и мука), обмакивал в кушанье и руками клал мне в рот. Это считается величайшей любезностью [со стороны хозяина] и отказываться (от подобной формы угощения) было нельзя.

Баранину и печенку еще можно было есть, но остальные блюда представляли собой сплошной перец. Поэтому после трех кусков [мяса] я отказалась от дальнейшей еды, так как чувствовала, что мне станет нехорошо.

В общем же все было интересно, и хозяин все время оставался гостеприимен, [причем] тут же находилась его маленькая дочка трех лет (очень забавный ребенок).

Вернулись мы в свой лагерь в 6 час. вечера при чудной погоде и застали там Костю, который вернулся с охоты, никого не убив.

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1561, л. 5–6.

7. Елена Арнольди — матери (11 февраля 1903 г.):

Приехал д-р Бровцын с женой. Оба, кажется, симпатичные. Женщина — лет 26, поляка. Она напоминает кого-то [из известных людей], только не помню, кого именно. Они привезли с собой массу вещей.

Лидия Ивановна каждое утро присылает мне очень хорошее кофе. Я так довольна и благодарна ей за это. Сейчас она пришла ко мне и сидит, так что я должна кончать письмо.

До свиданья, дорогая моя мамочка. Скоро мы уже двинемся из Харара. Это через неделю, а теперь начинаются всякие хлопоты перед [очередным] отъездом: нужно купить седло и мула, т. к. мой [для дальнейшего путешествия] не годится.

Целую тебя и папу, родные мои; Верушу, мою милую девочку, горячо обнимаю и прижимаю к сердцу. Да хранит ее Бог.

PS. Когда будешь посылать мне вещи (шляпы и платья), то положи туда шесть маленьких чайных платочков (твоих). Посылаю эфиопские [почтовые] карточки. Это все же редкость, пусть папа вставит в альбом. Господь с Вами.

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1561, л. 6.

8. Елена Арнольди — матери (11–15 марта 1903 г., Качин-ухта, в переводе [значит] Тонкая вода):

Дорогая моя, по-видимому, теперь с дороги не придется посылать письма, т. к. курьер не поедет, и потому у Вас произойдет довольно долгий перерыв в получении моих писем... Теперь и я едва ли могу рассчитывать получить от тебя письмо раньше прибытия в Аддис-Абебу.

Сегодня мы станем около самой речки, и завтра с утра я устрою капитальную стирку и даже придется кое-что погладить, т. к. у меня есть грязные шемизетки и верховые шаровары. Теперь уже поздно, дорогая, [поэтому] завтра припишу несколько строк.

12-е [марта 1903 г.]:

Сегодня целый день была в хлопотах с бельем и так устала, что страшно разболелась голова, просто до обморока, и потому, даже не обедая, ложусь спать.

15-е [марта 1903 г.]:

Дорогая мамочка! Представь, что в Качинцах, когда я гладила белье, со мной случился, должно быть, легкий тепловой удар. Видимо, [сильно] припекло, т. к. все эти дни у меня страшно болела голова, и я, приходя на место [нашей] стоянки, обкладывала голову и плечи мокрыми полотенцами. Жара стояла очень сильная (до 50°). Особенно жарко было вчера при переходе пустыни Фонтоне.

Сегодня мы остановились на берегу довольно большой реки Кассама с красивыми зелеными берегами, и жалко, что генерал не захотел устроить здесь дневку. У него в палатке поймали двух больших фаланг, и он боится, что они его искусают.

Пока до свиданья, дорогая моя, целую и обнимаю мою милую любимую Верушу.

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1562, л. 1–2.

9. Елена Арнольди — матери (18 марта 1903 г., Минабелла):

Вчера совсем неожиданно прибыл курьер из Харара (по пути в Аддис-Абебу) и привез письма. Я получила твое письмо от 15-го февраля. Так как мы находимся на расстоянии недели до Аддис-Абебы (даже меньше для быстрого хода), то значит письма от [г.] Козлова до Адис-Абебы идут пять недель.

Целую и благодарю мою дорогую девчонку за приписку [к письму]. По-видимому, она сама это написала. Вот уж какая она молодчина. Что же она

не похудела от свинки, дорогая моя? Как хотелось бы увидеть ее танцующей *Ras d'Espagne*.

Как мила должна быть она!

Что [делает] папочка, дорогой? Как его служба? Каковы отношения к Дек. [?]. Ужели он ничего не писал М. [Марии] П. и не говорил Хилкову при проезде? Ужасно досадно, если он ничего не предпринял.

Вчера окончилась пустыня (и жара), по которой мы шли с 11-го марта. Сегодня мы стоим на высоком плоскогорье (Менджарском), сделал вчера очень крутой подъем по каменным уступам. Сегодня ночью было уже холодновато.

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1562-а, л. 1-2.

10. Елена Арнольди — матери (22-е марта 1903 г., Чофе-Денса):

Вчера мы пришли сюда и сегодня у нас дневка. 25-го мы будем в Аддис-Абебе, до нее непрерывного хода 8–9 час. Вчера сюда навстречу генералу выехали секретарь и офицеры, уехавшие раньше в Аддис-Абебу, а с ними также и секретарь русской [дипломатической] миссии Орлов, оставшийся на все это время в Абиссинии (после Власова).

Завтра именины Лидии Ивановны, и нужно будет идти к ней поздравлять. Я ничего не писала тебе о том, как почти с самого Харара (Харамайи) доктора поспорились с генералом и всю дорогу были на ножах. Дело в том, что генерал уехал из Харара, не дождавшись окончательной погрузки. Вещи, как я писала, не пришли, и большинство [наших людей] осталось без палаток. Доктора (немного выпившие с досады) отправились с претензиями к генералу, а тот [на них] накричал. Последствием стало то, что всю дорогу никто из докторов не подходил к генералу и лишь раскланивались изредка и издалека. Так как мы не участвовали во всем этом [инциденте] и по-прежнему бывали у Лидии Ивановны, то одно время доктора [даже] стали дуться на нас, но потом все сгладилось, так как они ко дню приезда, конечно, желали примирения и скоро стали посылать генералу то козу, то цесарок, убитых ашкерами. А сегодня решили, что завтра пойдут поздравлять Лидию Ивановну. Уж чего только не говорили они про генерала и Лидию Ивановну, как их не порицали, а ныне доктора сами сделали первый шаг к примирению.

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1562-б, л. 1-2.

11. Елена Арнольди — матери (26–27 марта 1903 г.):

Наконец-то мы в Аддис-Абебе... Третьего дня мы остановились совсем на виду Аддис-Абебы (в часу хода) и стали готовиться к вступлению [в столицу]: мужчины должны были надеть парадную форму. Предполагалось, что дамы проедут прямо в миссию, но Менелик передал через Орлова предложение дамам тоже приехать во дворец немного раньше генерала, чтобы посмотреть церемонию приема [российского посланника]. Конечно, это было интересно, так как никогда еще дамы не присутствовали на официальных торжествах. Я достала свое кисейное, кремовое платье, т. к. другого у меня не было.

25-го утром к 9-ти часам все были готовы и сошлись у палатки генерала [К.Н. Лишина]. Тут оказалось, что Лид[ия] Ив[ановна] была совсем в сером платье, *т-те* Бровцына и я тоже [оделись] скромно (у *т-те* Бровцыной было только чесунчовое платье), а *т-те* Сассон разрядилась в пух и прах: желтое шелковое платье с шитьем, на ней была громадная белая шляпа с серебром и со страусиными перьями, а сверху — шикарное полупальто — сак песочного сукна, — все ажурное, вырезное на тюле и шелку, отделанное плиссировкой из муслан де-суа — вещь, по-видимому, заграничная и стоившая не менее, как 150–200 руб.; при этом на груди золотая цепочка *sautoige* (длинная) со всякими украшениями, зеркало, брелок и т. д. Одним словом, [она была] так расфуфырена, что генерал даже сказал ей, что зачем она так нарядилась и что это неудобно для езды на муле. Она же ответила, что [так ей] очень удобно.

После этого генерал посадил нас всех в свою палатку. Сам он сел вместе с нами, а остальные кругом него, и все стали ждать встречи.

Скоро показалась многочисленная толпа людей, идущих из города. Нам издали казалось, что все поле под городом усеяно бесчисленным множеством муравьев, которые, приближаясь быстро, вырастали, увеличивались в числе и затем превращались в конных и пеших людей. Минут через 20 прямо все кругом перед нами справа и слева — было занято массой народа (тысяч в семь), и вся эта громада неслась на нас, сверкая на солнце яркими шелковыми одеждами и вооружением. Шагах в 10 от палатки все остановилось и ехавшие впереди нас рас Ольде Георгис и *т-р* Ильг сошли с мулов. Генерал [К.Н. Лишин] пошел к ним на встречу и они поздоровались (в этот момент Костя снял их фотоаппаратом). Рас вошел в палатку, где поздоровался с дамами и передал каждой из нас по букетику цветов от Таиту (императрицы).

Что [было] особенно интересным, так это одяние и головные уборы всего этого конвоя: все [сопровождавшие нас] были одеты в яркие шелковые кафтаны, более или менее богатые, самой разнообразной расцветки. Среди них встречались кафтаны с красными и зелеными цветами, или белые с синими, красные с черными и т. д. Поверх этих кафтанов, или длинных до колен рубашек, были еще накинуты пестрые накидки, коротенькие, доходящие до пояса, сверху их покрой напоминал ризы наших священников с широким отстающим воротом, а внизу висели длинные широкие полосы вроде каких-то звериных лап. Разнообразие головных уборов было громадным: одни повязаны красным шелк[овым] платком. Это означало, что этот человек убил врага. Зеленая с желтым повязка давалась за убийство слона. Очень многие воины имели на голове повязки из торчащей сверху гривы льва с львиной шкурой на плечах (поверх пестрой одежды); так одевался смельчак, убивший льва. Наконец, на некоторых воинах был самый оригинальный головной убор, какой я когда-либо видела: поверх красной или зеленой с желтым повязки (смотря по тому, кого он убил) на голове находился металлический обруч. Спереди, немного надо лбом и параллельно ему, была приделана металлическая пластинка. С ее концов свешивались длинные цепочки различной длины, из кото-

рых некоторые доходили до ушей, некоторые — до плеч. На концах цепочки находились кольца, кружки и тому подобные украшения. Почти закрывая глаза, все это висело перед лицом воина и при каждом его движении издавало шум и звон. При всей своей замечательной оригинальности такое устройство на голове воина напоминало какой-то древнеегипетский убор.

Пока генерал разговаривал с расом, мы, дамы, вышли из палатки, сели на мулов и под водительством Орлова (прежнего секретаря), сопровождаемые абиссинским конвоем человек в 100 и личными ашкерами, отправились ближней дорогой во дворец. Проехав поле и поднявшись на самую вершину пригорка, где находится дворец, мы въехали в ворота, сделанные в плетне, которым обнесены дворцовые помещения. Проехав несколько дворов, отделенных друг от друга плетнями, а иногда стенами, сложенными из грубых неровных камней, мы въехали в главный двор, где расположен сам дворец. Подъехав к боковому входу, мы сошли с мулов и стали поправлять свои волосы и платья, причем наши ашкеры стали кругом нас и, раскинув свои шамы (большие четырехугольные куски материи, белые с красной каймой, тканые целиком, в которые они драпируются, как в тоги), закрыли нас от посторонних взглядов. Оправившись, мы вошли [во дворец]. Перед нами была громадная длинная зала, саженой в 30 длины и в четверть длины шириной; по бокам шли деревянные столбы вроде колонн, выкрашенные в различные [цвета]. За этими колоннами открывалось нечто вроде широкого коридора (то, что мы называем места за колоннами в дворянских клубах), где стояли войска, опять в таких [же] разукрашенных одеждах. В боковые стены вделаны окна с цветными стеклами. В том конце дворца, куда мы вошли, находилось возвышение, на котором под балдахином на троне, к которому ведут еще две ступени, сидел Менелик, окруженный целой толпой важных сановников-абиссинцев. На Менелике была темно-красная бархатная накидка, шитая золотом, а грудь его была увешена массой каких-то бриллиантов. Везде на каждой голове виднелась повязка (вроде нашей бабьей) двух цветов: голубая и розовато-желтая. Мы, предшествуемые Орловым, стали подходить к Менелику, сначала Лид[ия] Ив[ановна], потом за мной мадам Бровцына, а за ней мадам Сассон. Менелик подавал нам руку, а мы делали реверанс. [Одновременно] Орлов называл ему наши фамилии. После этого мы сели на приготовленные для нас золоченые стулья с правой стороны трона и стали ждать нашего генерала [К.Н. Лишина], который должен был войти с главного входа через большую дверь, находящуюся на противоположном конце дворца. В ожидании [этого момента] мы рассматривали зал и присутствовавших [в нем]. Зал [был] весь [и] сплошь устлан коврами, причем те, что [находились] на возвышении, где мы сидели, были удивительно хороши. Стены, отделанные резьбой, были выкрашены в разноцветные тона. Потолок (куполом) — плетеный, абиссинский, тоже разноцветный. Воздух, прохладный и свежий, весь был наполнен запахом каких-то странных духов, [представляющих собою] смесь ладана лимонного и розового масла, в общем [аромат] — очень приятный и освежающий.

Стоявшие около Менелика абиссинцы представляли высшую знать, которая только есть при [его] дворе. Они были одеты еще роскошнее, чем те, которых мы ранее видели. Поясы и рукоятки сабель были позолочены и отделаны цветными камнями. У многих на головах были какие-то золотые короны, отделанные бриллиантами и драгоценными камнями, на каждом лбу были подвески... В общем все выглядело очень пестро и оригинально.

По бокам залы стояли воины. У них в руках были круглые, выпуклые черные щиты. У важных персон они были золочены, ажурной работы. Помимо длинных копьев, за плечами у всех торчали ружья. По залу бегали роскошно одетые люди с львиными гривами на головах и палками в руках. Это были церемониймейстеры.

Многие солдаты имели на лбу металлические цепочки, которые давались им за убийство людей Данакиля, когда последние еще не были покорены. [Эти украшения] весьма эффектно оттеняли черные лица воинов. Вообще вся картина была какая-то сказочная, как будто мы попали на представление «Аиды» (только без пения): так много было в костюмах типично древнеегипетских форм одежды.

Так мы сидели минут десять, когда послышались звуки абиссинской музыки: что-то вроде звуков флейты, нестройно и жалобно повторяющей несколько однотонных нот. Потом раздалась и европейская военная музыка в плохом исполнении. Звуки [постепенно] усиливались. В залу стали вбегать местные солдаты, составлявшие конвой генерала. Вбегая, они все падали на колени и кланялись до земли [в сторону] Негуса. Потом церемониймейстеры разогнали их направо и налево за колонны, причем пускали в ход и длинные палки.

Наконец, в широко раскрытую громадную дверь мы увидели, как подъехал наш генерал, сошел с мула и сопровождаемый офицерами и конвоем казаков вошел в залу. Он медленно направился на ее другой конец, где ждал его Негус. Думаю, что во время этого шествия под пристально устремленными на него взглядами (Менелика и других лиц) генерал чувствовал себя не особенно ловко. Казаки остановились в середине зала, а остальные спутники генерала поднялись на возвышение. Генерал подошел к Менелику, пожал ему руку, передав свои верительные грамоты.

Когда наш посланник произнес приветственную речь, Менелику стали представлять офицеров, причем доктора и даже фельдшер Сассон двинулись вперед. Затем всем [гостям] поставили перед троном стулья и все в один ряд с генералом посредине уселись. Менелик задал несколько вопросов Лишину, [спросив], где он раньше служил, как [все] доехали сюда и т. д. Минут через десять аудиенция закончилась, и все [гости] откланялись. Мы опять подошли [к Негусу], и Менелик каждому подал руку.

Из дворца мы поехали в миссию, которая [находится] на другом конце города, за речкой, на горке, и не доезжая реки, ближе к городу, мы смогли увидеть госпиталь и отдельное помещение [для] докторов. В миссии Орлов угостил нас вкусным завтраком.

Пока мы живем в палатке, поскольку никакого помещения [у нас] нет и придется строить домик. Так как в нашей палатке очень тесно, то мы взяли у казаков их палатку (для них есть помещение), где устроим что-нибудь вроде комнаты для чтения газет, приема гостей и т. д.

Здесь такая масса термитов, что если на земле что-нибудь часа два стоит, то под этой вещью уже появляются термиты, а они страшно скоро все перегрызают. В два дня они прогрызли толстый холст на полу. Поэтому мне пришлось нанять рабочих, чтобы они вырыли в земле яму, засыпали мелким, битым известняком. Из-за того, что рабочие работают медленно, я никак не рассчитываю скоро устроиться [с жильем].

Ну, до свидания, родная моя. Горячо [тебя] целую. Верушку дорогую, мою ненаглядную девочку, обнимаю и всю-всю целую.

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1563, л. 1–4.

12. Елена Арнольди — матери (29 июня 1903 г., Адис-Абеба):

Как у вас теперь хорошо: должно быть, тепло и все — зеленое. А у нас здесь льют беспросветные дожди, целые дни не переставая. Даже и по утрам не бывает солнца. Как просыпаешься, так и уже льет дождь. А среди дня около часу дня налетает ветер и начинается настоящий тропический ливень, как занавесой окутывающий все кругом. Непрерывно гремит гром, раскатываясь кругом какими-то металлическими грозными аккордами. Дождь льет в соединении с крупным градом (величиной с обыкновенный орех). Когда завывает ветер, палатки надуваются и ходят ходуном. В этом случае немедленно бросаешься укреплять столы, лампы, ставить свечи, прибирать хрупкую посуду... И так каждый день до трех-четырех часов, после чего ливень уменьшается, но продолжается, т. к. его сменяет частый, мелкий и упорный дождь. Палатки стоят в грязи и мелкие калоши... нисколько не защищают нас от жидкой и липкой грязи.

Да, в палатках теперь жить трудно, а наш генерал почти ни о ком не заботится и даже имеет смелость говорить, что дожди еще небольшие и погода сносная. Он, конечно, может так говорить, живя в хорошем доме с возможным комфортом. Но и он жалуется на неудобства, так как у него нет отдельной комнаты для черчения карт. Поэтому он строит себе целый дом-канцелярию (в три раза больше нашего дома), который стоит ему 1 тыс. талеров. Тем временем находящиеся в его распоряжении офицеры бедствуют. Ну, да Бог с ним! Все и так против него настроены. Он всех настолько вывел из терпения, что в Петербурге ему и Евреинову (главному двигателю [всех дел], забравшему генерала в свои руки), подчиненные составят не очень приятную протекцию.

Несмотря на дожди, я не унываю и думаю, что через три дня [мы], наконец, перейдем в дом, где осталось сделать две двери и окно. Понемножку занимаюсь фотографией, а больше работаю — делаю занавески на окна из здешней кисеи по цене 1,5 талера за 20 аршин (дешево и сердито). Вообще же я решила почти ничего не тратить на обстановку, [поскольку] еще в Хараре купила за 15 талеров кусок

очень красивой белой материи с розовыми, голубыми, фиштакковыми полосами и золотыми нитями, да несколько (пять) небольших, тонких ковриков...

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1564, л. 1–2.

(письмо без окончания).

13. Елена Арнольди — матери (18 октября 1903 г., Адис-Абеба):

Сегодня утром мы были на базаре и купили кое-какие вещицы для коллекции. Кроме того, я приобрела шкуру маленькой зебры (совсем маленькой, меньше нашего теленка, должно быть новорожденной). Это будет коврик для Веры (очень мягкая шерсть). Ей [пойдет] под ножки около постели.

Сегодня мы завтракали у докторов, а обедали у генерала. Сегодня же я купила маленький слоновый клык (10 вершков длины) за 2,5 талера. Из него выйдет отличный нож для разрезывания книг.

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1565, л. 1.

14. Елена Арнольди — матери (20–22 октября 1903 г.):

Сейчас 5 час., а мы только что пришли от Кларка, где завтракали, а после мужчины занимались стрельбой в цель. Это было так интересно, что я тоже начала стрелять. [В итоге] наши выиграли, и мы были в восторге, а англичане [остались] недовольны. [Поэтому] Кларк опять позвал [нас] к себе в четверг, чтобы пострелять.

21 [октября]:

Лидия Ивановна попросила меня сделать ей 50 штук фотографий... Так как Л.И. всегда очень хорошо относилась ко мне и во многом помогала мне, я, конечно, не могла ей отказать, хотя у меня масса времени уходит на это, так как... фиксаж, который дал мне Драгомиров, работает медленно. А тут еще нужно шить палатку, что [делать] очень трудно и [столь же] кропотливо.

22-е [октября]:

Вчера я отнесла Лидии Ивановне 10 шт. фотографий, а она преподнесла мне два кружевных кончика на шарф ее работы... Она занималась этим два месяца, и я была очень тронута [ее вниманием]...

Там же, л. 2.

15. Елена Арнольди — матери (25 октября 1903 г., Аддис-Абеба):

Сегодня опять были на базаре и снова купили кое-что. Между прочими покупками кожу большой зебры за 3 талера — очень хорошую, с головой и мордой, но представь — без ушей. Думаю, что в России ее как-нибудь доделают. Еще купила кожу леопарда, тоже очень хорошую, большую, прямо по середине живота обрешанную (а то здесь [чаще] режут как-то сбоку и портят всю кожу). [Леопард] — с когтями на всех лапах, с ушами, глазами, с усами и даже с зубами (это первый

экземпляр, ни у кого с зубами нет). Заплатила 5 талеров, [что] очень, очень дешево. В России из такой шкуры можно сделать ковер с головой, которую [если] набить как чучело, будет [выглядеть] очень красиво.

Купила также слоновый клык, очень маленький (менее пол-аршина), но нож из него выйдет. Заплатила же [за него] пол-талера. Больше покупать ничего не буду, [так как] сувениров уже довольно [много], а хорошие слоновые бивни купим в земле раса Тассама, через которую мы пойдём, направляясь к Нилу.

Сегодня Костя официально сообщил генералу о том, что нам нужно ехать [домой], и тот, поломавшись, отпустил его. Сначала он сказал, что пошлет телеграмму в Петербург об откомандировании Кости и что [на нее] нужно ждать ответа. Но потом он смиростивился и взял на себя все [оформление], разрешив ехать, не дожидаясь ответа [из столицы]. Это очень приятно... Теперь я начинаю готовиться и усиленно шью палатки. В первый день [была готова палатка] для ашкеров. Наша большая — тоже подвигается в шитье. Кажется странным, что собираюсь в окончательный отъезд [из Абиссинии]. Я, конечно, страшно рада, что вернусь [домой] и вновь увижу всех вас, но в то же время мне как-то жаль уезжать [отсюда]. Жаль этой [внешне] безмятежной жизни: почти все время работаю на воздухе (тем более, что теперь до марта будет безоблачное, сверкающее теплом солнце). Жаль моего домика, который я с такими хлопотами обустраивала и который так скоро через четыре месяца придется покидать, а вещи все распродавать. Вообще, несмотря на радость [предстоящего] отъезда, мне почему-то жаль эту жизнь, жаль и эту [необычную] страну, а почему — не знаю. Думаю, что в человеке есть, должно быть, потребность жить ближе к природе. Теперь моя главная забота, как можно лучше снарядиться в обратный путь, чтобы это путешествие было удовольствием, а не в тягость. Так как мы едем самостоятельно, то, конечно, будем свободно останавливаться [в пути], когда и где пожелаем...

Сегодня получила приглашение (на печатной карточке) от Кларка на завтрак, в понедельник, для празднования дня рождения английского короля Эдуарда.

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1566, л. 1.

16. Елена Арнольди — матери (27 октября 1903 г.):

Вчера у меня почему-то весь день болела голова, особенно к вечеру, но так как мы были приглашены на обед к генералу, а дома ничего не было поесть, то, кое-как одевшись, пошла на обед. Там я узнала, что завтрак у Кларка не состоится, поскольку он внезапно заболел. Я была почти рада, так как из-за головной боли это мне совсем не улыбалось.

Новость в [нашей] миссии: начальника конвоя барона Паленберга смещают [с этой должности] и вызывают в Петербург, а на его место пришлют другого. Пока же командование конвоем поручено Драгомирову... Для барона это ужасный стыд, и все думают, что в Петербурге ему предложат оставить полк.

Еще другая новость: приехал некто Поляков, художник, чтобы по Высочайшему повелению нарисовать картину “Джигитовка казаков перед Менеликом”.

Эскиз этой картины он сделал еще при Власове, а вот теперь, представив Государю свои этюды, он выклянчил [новую командировку], чтобы его вновь послали в Абиссинию для рисования с натуры Менелика и абиссинцев.. Он уже привез эскизы той картины, которую будет рисовать, и фотографию той картины, которая им написана — “Вступление Власова в Аддис-Абебу”. На последней картине есть Константин [Арнольди]: какой-то толстый, напыжившийся господин с короткой шеей, с вытаращенными глазами, с громадными усами, топорщащимися вверх. Это было после [изнурительной] работы, когда Костя вернулся страшно худым, с провалившимися глазами, но и не в таком же виде.

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1566, л. 1–2.

17. Елена Арнольди — матери (7 января 1904 г.):

Дорогая моя. Наконец-то могу написать весточку о себе.. Это письмо ты получишь не раньше, как через два месяца, а когда придет ответ — неизвестно!

Мы встретили и Рождество, и Новый год в дороге и ничем их не ознаменовали. Еще в Рождество к обеду открыли консервы из ананаса и выпили содовой воды (у нас есть «Спарлет» — такая отменная бутылка с патронами углекислоты) с маленькой прибавкою рома, и это было все [угощение]. Новый же год встречать, конечно, не пришлось, так как в дороге утомляешься, а вставать утром надо в 6,5–7 час., но чаще в 6,5 час., почему мы ложимся [спать] очень рано — в 9 час. веч.

Пока я переносу путешествие довольно хорошо, хотя настолько устаю, что после прихода на место почти весь день лежу. Поэтому я даже ничего не могла писать тебе с дороги.

День проходил так: просыпались в 6,5 час., быстро пили кофе или ели яйца, укладывали постели, потом завертывали палатки и в 7.³/₄–8 час. выступали. В 12 час., иногда в 1 час дня останавливались и, разбив палатки, закусывали холодным в ожидании завтрака. После завтрака я ложилась отдыхать (часов около трех) и засыпала. *Вставали в шестом часу, и тут обыкновенно являлись ашкеры за лекарством: у некоторых была лихорадка, а большинство страдало от ран на ногах. Несмотря на серьезную усталость, мне приходилось промывать им раны, засыпать их иодоформом и перевязывать*, так как иначе они не согласились бы идти дальше и мы остались бы без слуг. С перевязкой ашкеров я едва успевала покончить к обеду, к 6,5–7 час. дня, а после обеда укладывали вещи, [после всего] всегда ужасно хотелось спать, поэтому приходилось тотчас ложиться.

Дорога местами была очень интересная. Последнюю неделю мы ехали сплошным парком, проезжали какие-то удивительные речки, лежащие в глубоких ущельях, поросших громадными лесами. Речки текут не в пологих берегах, а среди громадных, черных как уголь камней, сваленных по ложу реки. Но должна сказать, что эта красивая часть дороги была и самая трудная для езды. Мы должны были идти скоро, чтобы встретиться с Гаррингтоном²². Теперь мы находимся в городе

---

²² Джон Гаррингтон — британский представитель при дворе Менелика. В конце 1903 г.

Геннет, или Горе, у раса Тассал, который принял нас очень хорошо. Он-то и посылает сегодня человека в Аддис-Абебу с письмом, и я пользуюсь этой возможностью отослать и свое, т.к. теперь до Хартума нельзя будет посылать письма, а это еще месяц езды.

На счет продовольствия мы были очень хорошо снабжены им, так что ели очень вкусно. То, что у нас были две палатки, очень облегчило [наш] путь: одна палатка (нагруженная на одного мула), один стол и два погребца (погруженные на другого мула) и два стула, на место перевозимые на осле. Возчики раньше нас отправлялись в путь, приходили в одно с нами время, так что на остановках сейчас же ставили палатку, стулья и стол, и мы могли немного отдохнуть и закусить. Другие же наши вещи приходили на наше место на час-два позже нас. Вообще, если бы не [общая] усталость, все шло хорошо. Ну, а теперь после [вероятной] встречи с Гаррингтоном мы пойдем медленнее, т.к. о нем пришло известие, что он в трех днях езды от нас, и рас уже отправил навстречу к нему своих людей...

Горячо целую мою ненаглядную дорогую девочку. Когда-то я увижу ее, мое сокровище. Все меня почему-то беспокоит: здорова ли она, моя родная. Хоть бы ты мне прислала ее карточку в Каир. Обнимаю тебя, родная моя, а папочку дорогого крепко, крепко целую. Да хранит вас Бог, родные мои.

Твоя Лена.

РГБ, НИОР, ф. 17, ед. хр. 1567, л. 1.

(в левом углу письма, на уровне его даты, приписка: «Костя всех целует и обнимает»).

он организовал экспедицию на пароходе «Собат», которая, поднявшись вверх по Белому Нилу, Собату и Баро, дошла до впадения Адуры. Из-за мелководья пароход дальше не мог плыть, и участникам экспедиции (в том числе К. Арнольди) пришлось пешком добираться до Аддис-Абебы. См.: *Арнольди К. Указ. соч.*, с. 141.

АВТОРЫ СБОРНИКА

Аверьянов Юрий Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Беляков Владимир Владимирович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Васильев Александр Дмитриевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Васильев Дмитрий Дмитриевич — кандидат исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН.

Горячкин Геннадий Васильевич — доктор исторических наук, профессор Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Грезнева Анна Анатольевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

Жерлицына Наталья Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Африки РАН.

Зайцев Илья Владимирович — кандидат исторических наук, заведующий Научно-издательским отделом Института востоковедения РАН.

Зеленина Людмила Владимировна — кандидат исторических наук.

Кадырбаев Александр Шайдатович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Лисицына Наталья Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

Лисовой Николай Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Лотменцев Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Медведко Леонид Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН и Института военной истории МО РФ.

Орлов Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

Сибгатуллина Альфина Тагировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Соколовская Ольга Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Тихонов Юрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета.

Филиппова Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Родина».

Хазанов Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Хохлов Александр Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗОВ ПРЕДКОВ. К 70-летию доктора исторических наук, академика РАН, профессора В.И. Шеремета, главного научного сотрудника Института востоковедения РАН.....	3
<i>Ю.А. Аверьянов</i> ОБРАЗ СВЯТОГО-ВЕЛИ В ОСМАНСКО-ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЖАНРА МЕНАКЫБ-НАМЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИЙ	12
<i>В.В. Беляков</i> РОССИЯ И ЕГИПЕТ: МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДО ХРУЩЕВА И НАСЕРА.....	52
<i>А.Д. Васильев</i> ОСМАНСКАЯ РАЗВЕДКА И НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИНДИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	65
<i>Д.Д. Васильев</i> ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС К ТУРЦИИ В РОССИИ. По материалам журнала «Нива» за 1914 г.	76
<i>Г.В. Горячкин</i> РУССКАЯ КУЛЬТУРА, АЛЕКСАНДРИЯ И ЭМИГРАЦИЯ.....	96
<i>А.А. Грезнева</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ 1860-х — НАЧАЛА 1880-х гг. В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ	133
<i>Н.А. Жерлицына</i> РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В КОЛОНИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ФРАНЦИИ В ТУНИССКОМ ПРОТЕКТОРАТЕ (1881–1914 гг.)	144
<i>И.В. Зайцев</i> МОСКОВСКИЙ ИМАМ В ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ Новый документ о Хайретдине Агееве	154
<i>Л.В. Зеленина</i> ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ДВА ИМПЕРАТОРА ВОСТОК И ЗАПАД ДЕЛИЛИ.....	161
<i>А.Ш. Кадырбаев</i> РУССКИЙ ОТРЯД В ГРЕЧЕСКИХ ВОДАХ (1830–1835 гг.)	177

<i>Н.Н. Лисицына</i> АНГЛИЙСКАЯ ПРЕССА И РУССКИЕ ВОЕННЫЕ АГЕНТЫ В ЛОНДОНЕ О ПОДГОТОВКЕ ПЕНДИНСКОГО КРИЗИСА 1885 г.....	192
<i>Н.Н. Лисовой</i> ПРАВОСЛАВНОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РУССКОЕ ПРИСУТВИЕ НА ВОСТОКЕ: ОПЫТ ИМПЕРАТОРСКОГОПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА	215
<i>А.М. Лотменцев</i> ЦЕХОВЫЕ СТРУКТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	232
<i>Л.И. Медведко</i> ТОМЛЕНИЕ ДУХА И УТОМЛЕНИЕ ВОЙНОЙ.....	238
<i>А.А. Орлов</i> СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1820-х — 1830-х гг.	244
<i>А.Т. Сибгатуллина</i> РУССКИЙ ПЛЕН ТУРЕЦКОГО ГЕНЕРАЛА	260
<i>О.В. Соколовская</i> ПОЗИЦИЯ РОССИИ В КРИТСКОМ ВОПРОСЕ В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ В ТЕРИССО В 1905 г.	268
<i>Ю.Н. Тихонов</i> «РЕВОЛЮЦИОННАЯ МИССИЯ» ДЖЕМАЛЬ-ПАШИ В АФГАНИСТАНЕ (1920–1922 гг.)	288
<i>Т.А. Филиппова</i> СОЛДАТ «ВОСХОДА СОЛНЦА»	303
<i>А.М. Хазанов</i> СТОГЛАВАЯ ГИДРА ПИРАТСТВА. «Чума» Индийского океана XVII — XVIII вв.....	324
<i>А.Н. Хохлов</i> РУССКИЕ ВРАЧИ В СЕРДЦЕ ЧЕРНОЙ АФРИКИ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА	338
АВТОРЫ СБОРНИКА	365

Научное издание

VITALEUS

Сборник статей

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Корректор *М. Я. Колесник*
Верстка *А. В. Ельцевой*

Изд. лиц. ИД №04697 от 28.04.2001 г.
Подписано в печать 23.11.2010. Формат 70x100/16
Усл. п. л. 15. Уч.-изд. л. 19,2. Тираж 150 экз. Заказ №

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев

Издательский дом Марджани
117997, г. Москва, ул. Вавилова, д. 69